

Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО

ECONOMICS
LAW
SOCIETY

Scientific Journal

Том 10, № 3 (43), 2025

**ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО**

**ECONOMICS
LAW
SOCIETY**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Лобанов Иван Васильевич – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Алиев Назим Талат оглы – майор полиции, доктор юридических наук

Аликперов Ханлар Джабарович – директор Центра правовых исследований (Азербайджан), доктор юридических наук, профессор

Бодак Алла Николаевна – судья Конституционного суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Брандштеттер Вольфганг – руководитель Института австрийского и европейского экономического уголовного права Венского университета экономики и бизнеса, доктор права, профессор

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Василькова Светлана Витальевна – декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», директор Научно-исследовательского центра (НИЦ) «Сравнительного правоведения и стратегических инициатив развития национального топливно-энергетического комплекса», кандидат юридических наук

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларусь, руководитель аппарата НАН Беларусь, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Георг Става – член Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент Национальной академии наук Азербайджана, академик НАНА, доктор геологоминералогических наук, профессор

Гарагурбанлы Рамин Афад оглы – член Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья апелляционного суда Азербайджанской Республики, доктор юридических наук

Джафаров Азер Мамед оглы – член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Lobanov Ivan Vasilievich – Chairman of the Editorial Board, Rector of Plekhanov Russian University of Economics, PhD of Law, Associate Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Aliev Nazim Talat ogly – Police Major General, Doctor of Law

Alikperov Khanlar Jafarovich – Director of the Center for Legal Studies (Azerbaijan), Doctor of Law, Professor

Bodak Alla Nikolaevna – Judge of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, PhD of Law, Associate Professor

Brandstetter Wolfgang – Head of the Institute for Austrian and European Economic Criminal Law at the Vienna University of Economics and Business, Doctor of Law, Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Vasilikova Svetlana Vital'evna – the Dean of the Faculty of Law of Saint Petersburg State Budget Educational Institution of Higher Education "Saint-Petersburg State Economic University, Director of the Research Center (SIC) «Comparative Law and Strategic Initiatives for the Development of the National Fuel and Energy Complex», PhD in Law

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Georg Stawa – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor

Garagurbanly Ramin Afad oglu – Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe, Judge of the Court of Appeal of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Law

Jafarov Azer Mammad ogly – Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Довнар Таисия Ивановна – профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – заместитель председателя Постоянной комиссии по законодательству Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, ректор Белорусского государственного экономического университета, доктор юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – и. о. директора Высшей школы права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванов Вилен Николаевич – вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Кнечевич Златко – судья Конституционного суда Боснии и Герцеговины

Крюкова Нина Ивановна – доктор юридических наук, профессор

Лисицyn-Светланов Андрей Геннадьевич – главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Минашкин Виталий Григорьевич – проректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Мирмхаммади Мостафа – руководитель группы международного права и прав человека Университета Мофид (Иран), доктор юридических наук, профессор

Мустафазаде Айтен Инглаб кызы – доктор юридических наук, профессор

Плигин Владимир Николаевич – заведующий сектором административного права и административного процесса Института государства и права РАН, доктор юридических наук

Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, иностранный член Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой Республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истиние, доктор политических наук

Свечникова Наталья Викторовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент

Dovnar Taisiya Ivanovna - Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Deputy Chairman of the Standing Committee on Legislation of the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Rector of the Belarusian State University of Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Vice-rector, Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Acting Director of the Higher School of Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Head of the International Law Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Knežević Zlatko – Judge of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina

Kryukova Nina Ivanovna – Doctor of Law, Professor

Lisitsin-Svetlanov Andrey Gennadievich – Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Minashkin Vitaly Grigorievich – Vice-Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mirmohammadi Mostafa – Director for International Law and Human Rights Group, Mofid University (Iran), Doctor of Law, Professor

Mustafazade Ayten Inqlab qizi – Doctor of Law, Professor

Pligin Vladimir Nikolaevich – Head of the Administrative Law and Administrative Process Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the International Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region Countries, Foreign member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of law, Professor

Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istanbile, Doctor of Political Science

Svechnikova Natalya Viktorovna – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, PhD in Law, Associate Professor

Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российской экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Экимов Анисим Иванович – доктор юридических наук, профессор
Яблочкина Ирина Валерьевна – директор Высшей школы социально-гуманитарных наук, профессор кафедры истории и философии Российской экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Fatyaynov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Ekimov Anisim Ivanovich – Doctor of Law, Professor

Yablochkin Irina Valerievna – Director of the Higher School of Social Sciences and Humanities, Professor of the Department of History and Philosophy of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в систему
Российского индекса научного цитирования

Подписка по каталогу Агентства «Урал-Пресс».
Подписной индекс 71162

Адрес редакции:
109992, Москва, Стремянный пер., 36.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru
www.rea.ru

Главный редактор Р. А. Курбанов
Заместители главного редактора: А. М. Белялова,
К. И. Налетов, Н. В. Свечникова

Ответственный секретарь М. О. Румянцева
Редактор А. Э. Максаева

Оформление обложки Ю. С. Жигалова
Подписано в печать 30.09.2025. Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 23,72. Уч.-изд. л. 23,87.
Тираж 500 экз. Заказ .
Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
109992, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication, informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

The journal was included in the List of leading scientific journals and publications of the Higher Attestation Board, publication in which is mandatory for defending PhD and Doctorate dissertations

The journal is included in the Russian index of scientific citing

Subscription by 'Ural-Press' catalogue.
Index 71162

Editorial office address:
36 Stremyann Lane, 109992, Moscow.
Tel.: 8 (499) 237-85-02, e-mail: grapravo.kaf@mail.ru,
www.rea.ru

Chief editor R. A. Kurbanov
Deputy chief editors: A. M. Belyalova, K. I. Naletov,
N. V. Svechnikova

Executive Secretary M. O. Rumyantseva
Editor A. E. Maksayeva

Cover design Yu. S. Zhigalova
Signed in print 30.09.2025. Format 60 x 84 1/8.
Printed sheets 25,5. Conv. sheets 23,72. Publ. sheets 23,87.
Circulation 500. Order .
Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyann Lane, 109992, Moscow.

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история государства и права

Ситников К. А.

Формы осуществления функций права

9

Жданов С. П., Скрячев А. М.

Формирование правосознания личности: пролегомены идеологии

17

Ермолович В. И., Серегин А. В.

Государство и право зарубежных стран в трудах белорусских ученых
(эпохи Древнего мира и Средних веков)

22

Желдыбина Т. А.

Русский юридический язык (постановка проблемы)

32

Капустина М. А.

Воздействие права на социальные отношения: предмет и методы

37

Конституционное право

Макеева И. В., Грудинин Н. С.

Конституционно-правовое содержание и актуальные проблемы института гражданства

44

Вахтин М. М., Василенко Г. Н.

Конституционный принцип разделения властей: риск дисбаланса
при институциональном преобладании

52

Капитанов К. И.

Виды планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации
и их классификация

58

Гражданское и предпринимательское право

Лалетина А. С.

Судебная практика – современный инструмент регулирования отношений в сфере разведки,
добычи и оборота энергетических ресурсов. Соотношение норм различных отраслей
законодательства

70

Рябзин Р. А.

Категория исключительных прав в правовой доктрине зарубежных стран

81

Лыу Ань Тхинь

Принцип добросовестности при исполнении и прекращении договорных обязательств
в гражданском праве России и Вьетнама

91

Капырин С. И., Ромашкова И. И.

Корпоративный договор в системе мер по снижению санкционных рисков

100

Корнакова С. В.

К вопросу о содержании договора о суррогатном материнстве

108

Свечникова Н. В., Свечникова С. А.

Развитие предпринимательства и инновационной деятельности в Москве:
правовое регулирование, меры поддержки и перспективы

115

Владимиров И. А., Токолов А. В., Иксанов Р. А.

Стратегические политico-правовые задачи устойчивого развития сельского хозяйства
и сельских территорий

121

Тюрин И. В.

Отказ от правового режима зон территориального развития в Российской Федерации
с точки зрения фактического признания несовершенства их организационно-правовой
модели (часть I)

127

Цифровое право	
Зульфугарзаде Т. Э.	
Универсализация концептуальных подходов к преподаванию коммерческого права в условиях цифровой оптимизации деловой среды	136
Щербаков В. А.	
Некоторые аспекты правового регулирования цифровизации государственных закупок в России	143
Ермаков А. Е.	
Правовой режим результатов, созданных при помощи искусственного интеллекта	149
Ляужев А. А.	
Правовые средства защиты в эпоху смарт-контрактов: адаптация традиционных механизмов	154
Инвестиционное право	
Петрик Ф. В.	
Система прав и обязанностей инвестора в российском законодательстве	161
Земельное право	
Румянцева М. О.	
Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: обзор практики последних лет	167
Транспортное право	
Антипов А. А.	
Анализ правового регулирования и правовой природы информирования пассажиров регулярных маршрутов автомобильного и городского наземного электрического транспорта общего пользования в Российской Федерации	175
Уголовное право и криминалистика	
Мельников В. Ю.	
Проблемы противодействия преступлениям, совершенным организованными группами (на примере телефонного мошенничества)	183
Алиева Г. А.	
Коррупционные преступления и сфера жилищно-коммунального хозяйства: криминалистический аспект в свете цифровизации	192
Рецензии	
Иванников И. А.	
Методологические проблемы юриспруденции в исследованиях первой четверти XXI века (Читая монографию С. А. Калинина «Концептуально-методологические проблемы современной юриспруденции»)	197
Требования к публикациям	203

CONTENTS

Theory and History of State and Law

Sitnikov K. A.	9
Forms of Exercising the Functions of Law	
Zhdanov S. P., Skryachev A. M.	
Formation of the Legal Consciousness of the Individual: Prolegomena of Ideology	17
Yermolovich V. I., Seregin A. V.	
State and Law of Foreign Countries in the Works of Belarusian Scientists (Ancient World and Middle Ages)	22
Zheldybina T. A.	
Russian Legal Language (Problem Statement)	32
Kapustina M. A.	
Impact of Law on Social Relations: Subject and Methods	37

Constitutional Law

Makeeva I. V., Grudinin N. S.	
Constitutional and Legal Content and Current Issues of the Citizenship Institute	44
Vakhtin M. M., Vasilenko G. N.	
The Constitutional Principle of Separation of Powers: the Risk of Imbalance with Institutional Dominance	52
Kapitanov K. I.	
Types of Planning of Law-Drafting Activities in the Subjects of the Russian Federation and Their Classification	58

Civil and Business Law

Laletina A. S.	
Case Law as a Modern Instrument for Regulating Relations in the Field of Exploration, Production and Turnover of Energy Resources. The Ratio of Norms of Various Branches of Legislation	70
Ryabzin R. A.	
The Category of Exclusive Rights in the Legal Doctrine of Foreign Countries	81
Luu Anh Thinh	
Problematic Issues of the Application of the Principle of Good Faith in the Civil Law of the Russian Federation and Vietnam	91
Kapyrin S. I., Romashkova И. И.	
Corporate Agreement in the System of Measures to Reduce Sanctions Risks	100
Kornakova S. V.	
On the Issue of the Content of the Surrogacy Agreement	108
Svechnikova N. V., Svechnikova S. A.	
Development of Entrepreneurship and Innovation in Moscow: Legal Regulation, Support Measures, and Prospects	115
Vladimirov I. A., Tokolov A. V., Iksanov R. A.	
Strategic Political and Legal Objectives of Sustainable Development of Agriculture and Rural Areas	121
Tyurin I. V.	
The Rejection of the Legal Regime of Territorial Development Zones in the Russian Federation in Terms of the Actual Recognition of the Imperfection of Their Organizational and Legal Model (Part 1)	127

Digital Law	
Zulfugarzade T. E.	
Universalization of Conceptual Approaches to Teaching Commercial Law in the Context of Digital Optimization of the Business Environment	136
Shcherbakov V. A.	
Some Aspects of the Legal Regulation of Digitalization of Public Procurement in Russia	143
Ermakov A. E.	
The Legal Regime of the Results Created with the Help of Artificial Intelligence	149
Lyauzhev A. A.	
Legal Remedies in the Era of Smart Contracts: Adapting Traditional Mechanisms	154
Investment Law	
Petrik F. V.	
The System of Investor's Rights and Obligations in Russian Legislation	161
Land Law	
Rumyantseva M. O.	
Seizure of Land Plots for State and Municipal Needs: an Overview of Recent Practice	167
Transport Law	
Antipov A. A.	
Analysis of Legal Regulation and Legal Nature of Informing Passengers of Regular Routes of Motor Vehicles and Urban Ground Electric Public Transport in the Russian Federation	175
Criminal Law and Science	
Melnikov V. Yu.	
Problems of countering crimes committed by organized groups (using the example of telephone fraud)	183
Alieva G. A.	
Corruption Crimes and Housing and Communal Services: a Criminalistic Aspect in the Light of Digitalization	192
Reviews	
Ivannikov I. A.	
Methodological Problems of Jurisprudence in Research of the First Quarter of the 21st Century (Reading the Monograph "Conceptual and Methodological Problems of Modern Jurisprudence" by S. A. Kalinin)	197
Requirements for publications	203

Формы осуществления функций права

К. А. Ситников

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя;

старший научный сотрудник Центра исследований права и культуры юридического факультета
Государственного академического университета гуманитарных наук.

Адрес: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. Я. Кикотя»,
117437, Москва, Академика Волгина ул., д. 12;
ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук»,
119049, Москва, Мароновский пер., 26.
E-mail: kirillsa@mail.ru

Forms of Exercising the Functions of Law

K. A. Sitnikov

PhD in Law, Associate Professor of the Department Theory of State and Law
of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
Senior Researcher of the Centre of Law and Culture Research of the Law Department
of the State Academic University for the Humanities.

Address: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
12 Academic Volgin Str., Moscow, 117437, Russian Federation;
State Academic University for the Humanities,
26 Maronovskiy Lane, Moscow, 119049, Russian Federation.
E-mail: kirillsa@mail.ru

Поступила 25.07.2025 Принята к печати 05.08.2025

Аннотация

Представленная работа посвящена проблеме форм осуществления функций права. Автор сосредотачивается на критическом анализе существующих концепций (Т. Н. Радько, В. А. Толстик, А. В. Константинова), выявлении их методологических и логических недостатков и разработке альтернативного подхода к определению и классификации данных форм. Методология исследования базируется на принципах материалистической диалектики. Широко применяется сравнительный метод для сопоставления подходов к формам функций права и государства, а также для выявления различий между отечественной и западной традициями. Используется историко-правовой метод при обращении к наследию советской юридической науки. Научная новизна исследования обусловливается тем, что в работе систематизированы и подвергнуты критике основные существующие концепции форм осуществления функций права; обоснована необходимость в принципиально новом основании классификации форм осуществления функций права, отличного от видов правового воздействия. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о целесообразности разграничения всех форм осуществления функций права на две группы: государственно-властные и негосударственные. К первой группе отнесены правотворческая, исполнительно-распорядительная, судебная, контрольно-надзорная и правоинтерпретационная формы. Ко второй группе можно отнести как юридические, так и неюридические формы осуществления функций права. При этом говорить о возможности составления полного и исчерпывающего перечня негосударственных форм осуществления функций права не представляется возможным. Обращается внимание на необходимость дальнейшей проработки представленной проблематики.

Ключевые слова: функции права, осуществление функций права, формы осуществления функций права, функции государства, осуществление функций государства, формы осуществления функций государства, правотворческая форма, исполнительно-распорядительная форма, судебная форма, контрольно-надзорная форма, правоинтерпретационная форма, мемориальная функция права.

Abstract

The presented work is devoted to the problem of forms of exercising the functions of law. The author focuses on a critical analysis of existing concepts (T. N. Radko, V. A. Tolstik, A. V. Konstantinova), identifying their methodological and logical shortcomings, and developing an alternative approach to defining and classifying these forms. The research methodology is based on the principles of materialistic dialectics. The comparative method is widely used to compare approaches to the forms of functions of law and the state, as well as to identify differences between domestic and Western traditions. The historical and legal method is used when referring to the legacy of Soviet legal science. The scientific novelty of the research is due to the fact that the work systematizes and criticizes the main existing concepts of forms of exercising the functions of law; the need for a fundamentally new basis for classifying forms of exercising the functions of law, different from the types of legal impact, is substantiated. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that it is advisable to distinguish all forms of exercising the functions of law into two groups: state-governmental, as well as non-governmental. The first group includes law-making, executive and administrative, judicial, supervisory and law-interpretation forms. The second group includes both legal and non-legal forms of exercising the functions of law; however, it is not possible to talk about the possibility of compiling a complete and exhaustive list of non-governmental forms of exercising the functions of law. Attention is drawn to the need for further elaboration of the presented issues.

Keywords: functions of law, exercise of functions of law, forms of exercise of functions of law, functions of the state, exercise of functions of the state, forms of exercise of functions of the state, law-making form, executive and administrative form, judicial form, control and supervisory form, legal interpretation form, memorial function of law.

Введение

Как отмечал выдающийся отечественный ученый-правовед С. С. Алексеев, «активная роль права выражается в его функциях»¹. Подобный подход, опирающийся на законы материалистической диалектики и исходящий из того, что изучение права невозможно без должного внимания со стороны исследователя к его проявлению в действии, получил широкое распространение в советской общеправовой теории. Этим же объясняется и значимая роль теории функций права в современной отечественной теории и философии права (что особенно заметно в сравнении с западной философией права).

При этом, поскольку право – продукт социальных отношений и явление интерсубъективного характера, оно как таковое неосозаемо для человека, а потому особую роль приобретают *формы* его выражения в объективной действительности и, как следствие, *формы*, в которых право воздействует на состояние общественных отношений. То есть функционирование права неразрывно связано с внешними формами его проявления в социуме.

Вместе с тем формы осуществления функций права не получили широкого освещения в отечественной теоретико-правовой науке (в особенностях это становится очевидным, если сравнивать практически полное отсутствие внимания к дан-

ной проблематике с тем интересом, который ученыe проявляют к вопросу о формах осуществления функций государства). Авторами наиболее авторитетных трудов в области теории функций права являются профессоры Т. Н. Радько и В. А. Толстик [9; 10], которые выработали получившую широкое признание концепцию форм осуществления функций права, нашедшую дальнейшее развитие в докторской диссертации А. В. Константиновой² [5]. Однако представленные в работах названных ученых идеи не лишены определенных недостатков, становящихся все более очевидными в свете постепенного развития и приращения научного юридического знания.

Подходы к определению форм осуществления функций права: особенности и проблемы

В своей работе «Теория функций права» Т. Н. Радько уделяет преимущественное внимание формам осуществления (или, иначе, реализации) отдельных функций права, в частности, регулятивной (например, определение правосубъектности граждан, закрепление и изменение их правового статуса, определение компетенции государственных органов и их должностных лиц и т. д. [9. – С. 164]) и охранный (например, меры защиты, юридическая ответственность, установление санкций за правонарушение и т. д. [9. – С. 184]). Безусловно, можно говорить о спе-

¹ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. – Т. 1. – М., 1981. – С. 191.

² При этом осмысление форм осуществления или реализации функций права находило свое отражение и в работах, посвященных отдельным функциям.

цифке объективации или формального выражения/оформления воздействия права на общественные отношения, когда речь идет о конкретном направлении такого воздействия. Однако, по справедливому замечанию, один из постулатов материалистической диалектики сводится к тому, что при наличии существенных различий между двумя объектами познания у них непременно есть и некоторые общие качества [3. – С. 328].

Как юридические, так и социальные (экономическая, политическая, идеологическая и мемориальная [13]) функции права необходимо исследовать с учетом диалектического положения о многочисленности взаимосвязей природных и социальных явлений. В связи с этим все указанные функции имеют некоторые общие черты, обусловленные, по меньшей мере, их отношением к такому феномену, как право. Отсюда же напрашивается и вывод о возможности выведения ряда универсальных для всех перечисленных функций права форм их осуществления. Вместе с тем сколько-нибудь системной концепции по данной проблематике Т. Н. Радько в указанной работе не предлагает, ограничиваясь указаниями на санкции, юридическую ответственность и правовые акты как формы осуществления права [9. – С. 128, 129]. Полагаем, что такой подход нельзя признать удовлетворительным не только в силу отсутствия в нем завершенности или отмеченной нами ранее системности, но также и ввиду того, что перечисленные автором формы – суть явления разного порядка: элемент «нормы права» / «мера воздействия или принуждения» / «форма изложения государственно-правовой воли» соответственно.

Гораздо большее внимание формам осуществления функций права уделяется в совместно подготовленной Т. Н. Радько и В. А. Толстиком монографии «Функции права» [10]. Именитые ученые выделяют три основных формы, в соответствии с формами правового воздействия:

- информационную (информационное воздействие);
- ориентационную (ориентационное воздействие);
- праворегулирующую (правовое регулирование) [10. – С. 59–96].

Первая из них обосновывается авторами тем, что необходимо информировать субъекта об установленных в обществе правилах поведения. Безусловно, стоит согласиться с тем, что любая норма (причем не только социальная, но и техни-

ческая) – это некий набор сведений о том или ином поведении. Государство (с учетом лежащего в основе методологии рассматриваемого исследования позитивистского подхода к праву)¹ [10. – С. 60] должно сообщать о своих требованиях обществу, в противном случае его правовая система будет не только неэффективной, но и недолговечной. Основу такой формы, как информационное воздействие, составляет качественная правовая информация, а также характеристика каналов ее передачи и процесса восприятия адресатом [10. – С. 62].

Оперируя категориями «правовая установка» и «правовые ориентации», авторы говорят о реализации функций права в форме ориентационного воздействия [10. – С. 72, 73]. Ее суть сводится к тому, что одного лишь знания о правовых предписаниях недостаточно для того, чтобы они оказали должное влияние на состояние общественных отношений. Не менее значимым видится формирование позитивных правовых установок, от которых, в свою очередь, зависит и правовая ориентация граждан. В данном случае, вне всякого сомнения, стоит согласиться с тем, что функциональность/дисфункциональность/нефункциональность права напрямую связаны с тем, какие правовые установки присущи общественному сознанию (как в целом, так и отдельных социальных групп и индивидов).

Третья форма осуществления функций права, занимающая центральное положение в концепции Т. Н. Радько и В. А. Толстикова, – правовое регулирование [10. – С. 83]. Объясняется это тем, что правовое регулирование – важнейший элемент системы правового воздействия. И если посылка авторов хотя и может вызывать некоторые дискуссии, но все же в целом имеет место в отечественной науке, то сделанный из нее вывод уже вызывает немало вопросов, поскольку далее речь неоднократно идет уже, собственно, о регулятивной функции права, а отдельной аналогичной формы для охранительной функции авторы не выделяют².

¹ Одновременно с этим Т. Н. Радько и В. А. Толстик указывают, что суть их позиции «состоит в отрицании универсальности, абсолютизации любого из подходов к пониманию права в аспекте всего процесса правового регулирования».

² Последняя также освещается в рассматриваемой работе, однако ее положение в общей системе при таком подходе кажется не до конца определенным.

С определенной долей условности дальнейшее развитие представленная концепция получила, как уже было сказано выше, в диссертационном исследовании А. В. Константиновой [5], которая предложила следующее определение формы осуществления функций права – «это специфика способов (путей) правового воздействия на сознание и волю конкретного человека с целью упорядочения (введения в законное русло) его поведения» [5. – С. 42]. Автор, солидаризуясь со многими исходными установками именитых ученых, обращает внимание на то, что выделение ориентационной формы не представляется целесообразным в связи с тем, что она «совпадает с воспитательным воздействием права» [5. – С. 43]. В связи с этим, полагает исследователь, правильнее бы было говорить о воздействии права на общественные отношения в форме внедрения в сознание человека определенной системы ценностей, убеждений и т. д. Всего А. В. Константинова выделяет также три формы осуществления функций права:

- информационную;
- воспитательную;
- коммуникативную.

Последняя из них связана со способностью права выступать в качестве средства коммуникации «между членами общества», а также инструмента для организации правоотношений между равными субъектами [5. – С. 45].

Вне всякого сомнения, представленные концепции внесли существенный вклад в отечественную теорию функций права (и общеправовую теорию в целом), позволили систематизировать имеющиеся знания в соответствующей сфере. Кроме того, внешне они представляют собой достаточно целостные логические конструкции, позволяющие глубже проникнуть в понимание права в его динамике. Одновременно с этим нельзя не обратить внимание на целый ряд факторов, обуславливающих необходимость пересмотра представленных подходов.

1. Наиболее очевидным нарушением логики построения теории функций права является прямое пересечение самих функций, выделяемых Т. Н. Радько, и предложенных авторами форм. В частности, обращает на себя внимание проблема соотношения праворегулирующей формы и регулятивной функции, воспитательной или ориентационной форм (особенно вкупе с информационной) и идеологической функции (иногда также именуемой воспитательной [15]). Сам Т. Н. Радько

в своей монографии отмечал, что при изучении функций права важно помнить о том, что «нельзя все виды и формы влияния права на поведение людей, всю его активную роль в жизни общества связывать только с регулированием им общественных отношений» [9. – С. 8] (курсив мой – К. С.). Ученый полагал, что внимание также должно уделяться и иным формам воздействия права, которые могут быть напрямую никак не связаны с механизмом правового регулирования. Кроме того, ни одна из функций права не существует изолированно от остальных. Каждая из основных функций в подавляющем большинстве случаев является воздействием, осуществляемым на общественные отношения одновременно со всеми остальными (как юридическими, так и социальными) функциями. В связи с этим, с одной стороны, странно говорить о праворегулирующей форме осуществления регулятивной функции права; а с другой, та же регулятивная функция осуществляется не в воспитательной форме, а вместе (наряду/одновременно/параллельно) с воспитательной функцией. Таким образом, уже первоначально при выборе в качестве классифицирующего основания видов правового воздействия авторами одновременно были созданы предпосылки для возникновения «логического порока» смешения понимания самой функции права и форм ее реализации.

2. Вызывает немало вопросов и сам подход к пониманию категории «форма». Вновь обратимся к позиции самого Т. Н. Радько, устоявшейся в теоретико-правовой науке, согласно которой реализация функций права – это достижение тех целей и задач, которые, собственно, стоят перед правом и обусловлены его сущностью, природой и социальным назначением [8. – С. 93]. Однако обращение авторов к видам правового воздействия как основанию для классификации уже противоречит представленному тезису. Описывая праворегулирующую форму, исследователи де-факто говорят о цели, поставленной перед правом и связанной с урегулированием общественных отношений (т. е., возвращаясь к нашим прошлым тезисам, о самих функциях либо процессе их реализации, но не формах), а описывая ориентационную форму – о цели, связанной с необходимостью сориентировать граждан, сформировать определенные правовые установки и т. д.

3. Нельзя согласиться и с определением форм осуществления функций права (из которого вытекают и многие другие проблемы концепту-

ального характера), представленным А. В. Константиновой. Автор закономерно обращается к краткому этимологическому анализу категории «форма», отмечая в том числе и то, что в философском смысле под ней можно понимать «внешнее очертание, фигуру, наружность, образ»¹ [5. – С. 41]. С определенной долей условности стоит согласиться и с разграничением понятий «функция права» и «форма реализации функции права» по принципу «что?» и «как?» соответственно. Однако содержание этого «как?» можно понимать по-разному. По какой-то причине исследователь под формами осуществления функций права, как отмечалось выше, понимает даже не «способы или пути воздействия...», а их «специфику». Таким образом, представленная работа в лучшем случае связана со спецификой или особенностями искомых форм, а не с ними как таковыми. В таком случае особенности осуществления правового воздействия действительно можно обозначить либо как информационную характеристику, либо как воспитательную (что проистекает из содержания самого воздействия). Кроме того, ориентирование, информирование, воспитание и прочее можно воспринимать как цель или же результат, которые преследует (стремится достичь) субъект правотворчества, что, по мнению М. ван Хука, является одной из двух смысловых компонент самой функции права, а не ее формы [14. – С. 88–89]. Форма и содержание любого явления, согласно законам материалистической диалектики, тесно связаны друг с другом и неразделимы: «форма всегда содержательна, а содержание оформлено» [11. – С. 73]. Под формой при этом принято понимать внешнюю сторону структуры [11. – С. 73]. Исходя из этого, полагаем, что форма осуществления функций права – это внешнее выражение функциональных характеристик права, т. е. направлений воздействия на общественные отношения, определенных его социальным назначением.

4. Еще один «порок» в представленные концепции форм осуществления функций права заложен в саму методологию исследования Т. Н. Радько, стоящего на позициях юридического позитивизма и в силу этого неразрывно связывающего функциональные характеристики права с государственной волей. Отсюда и недостаточ-

ное внимание к социально-содержательной стороне проблематики форм осуществления функций права. Стоит согласиться с высказыванием К. А. Ракова и В. И. Попова о серьезной методологической ограниченности позитивистского подхода, которая заключается, помимо прочего, в самой мировоззренческой основе такого типа социального мышления [12]. В данном случае из вида упускается все то, что находится за пределами так называемого юридического, или государственного, права (например, по классификации В. П. Малахова, право гражданского общества и индивидуальное право²), кроме того, совершенно игнорируется ценностная природа (или сущность) права. В частности, позитивистский подход предстает первопричиной и неверного, по нашему мнению, выделения А. В. Константиновой воспитательной формы осуществления функций, «которая характеризуется внедрением в сознание человека суммы убеждений, ценностей» [5. – С. 43]. Выходит, что право может воздействовать на поведение человека, не основываясь на некоторой системе ценностей или не апеллируя к ней. Полагаем, это невозможно ввиду не только указанного нами ранее одновременного осуществления правом нескольких функций (а значит, оказания воспитательного воздействия в рамках как регулирования общественных отношений, так и их охраны), но и сущностных характеристик самого права как явления. В соответствии с социо-аксиологическим подходом право рассматривается как «система конвенциональных ценностей, формируемых в контексте определенной политической среды на основе правового дискурса» [4]. Значит, не оказывать хотя бы косвенного воздействия на ценности человека, представляя собой некую упорядоченную совокупность синтетических ценностей, право не может вне зависимости от формы своего воздействия.

5. Нельзя обойти стороной и некоторые нарекания, которые может вызывать выделение коммуникативной формы осуществления функций права А. В. Константиновой [5]. В данном случае мы солидарны с позицией В. И. Попова, последовательно показавшего, что в реализации любой (как юридической, так и социальной функции) находит свое отражение коммуникативно-

¹ Философский энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2004. – С. 937.

² Малахов В. П. Общая теория права и государства. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. – С. 64.

обеспечительная роль права [7]. Выделение коммуникативной формы осуществления функций права (равно как и самой функции) хотя и возможно логически, но все же нецелесообразно [7. – С. 171]. В своем диссертационном исследовании А. В. Константинова указывает, что информационное воздействие права на личность состоит из восприятия, переработки и усвоения правовой информации (сведений) [5. – С. 73], а коммуникативное – из правовой регламентации, формирования ролевых правоотношений и реакции субъектов на воздействие [5. – С. 141–145]. Полагаем такое разграничение до некоторой степени искусственным, поскольку любое взаимодействие (коммуникация) социальных субъектов непременно сопровождается передачей информации в различных формах и видах. Так, В. И. Попов в качестве одного из элементов социальной коммуникации небезосновательно выделяет само сообщение, т. е. некий набор сведений, или информацию, в том числе правового характера [7. – С.35]. В связи с этим «правовая коммуникация» и «информационно-правовое взаимодействие» можно воспринимать как понятия одного порядка [7. – С. 39].

Принимая во внимание изложенное, полагаем нужным поставить вопрос о необходимости определения альтернативного основания для выделения форм осуществления функций права. Весомым подспорьем в его решении могут стать идеи и принципы сложившейся в советской юридической науке концепции функций государства.

Возможности использования методологического потенциала концепции функций советского государства в исследовании форм осуществления функций права

Как уже было отмечено, вопрос о формах осуществления (или реализации) функций государства¹ гораздо более проработан в отечественной юридической науке, что находит свое отражение и в содержании теории государства и права как учебной дисциплины².

Пожалуй, наибольшим признанием на протяжении вот уже более полувека пользуется концепция, сформированная во многом благодаря

деятельности выдающегося советского правоведа М. И. Байтина, который обосновал разделение всех форм осуществления функций социалистического государства на две группы – правовые и организационные [2. – С. 262, 263]. К первой из них автор относил правотворческую, оперативно-исполнительную и правоохранительную деятельность; ко второй – организационно-регламентирующую, организационно-идеологическую и организационно-экономическую деятельность [2].

С одной стороны, предложенный М. И. Байтиным подход базируется на принципах, следуя которым, можно решить задачу разграничения функций и форм их осуществления, и эти принципы универсальны в том смысле, что применимы вне зависимости от того, идет ли речь о деятельности государства или о правовом воздействии на общественные отношения. С другой стороны, в интересах настоящего исследования могут быть использованы именно принципы, лежащие в основе данного подхода; последний не может быть применен в точности в том виде, в каком он был обоснован и реализован в исследовании форм осуществления функций государства, ввиду как минимум двух соображений.

Во-первых, в основу предложенной М. И. Байтиным классификации были положены особенности обращения к праву со стороны социалистического государства при выполнении стоящих перед ним задач [2. – С. 262]. Для осмыслиения того, какими могут быть внешние выражения воздействия права на общественные отношения, такой подход неинформативен. Кроме того, для понимания особенностей таких внешних выражений определенную роль может играть вопрос не только о том, как осуществляются функции, но и о том, кто именно придает им ту или иную форму (когда речь идет о функционировании права, в действительности всегда подразумевается действие, осуществляющее тем или иным субъектом посредством права; в случае, когда ставится вопрос о функционировании государства, оно всегда остается функционированием государства вне зависимости от того, кто действует от его имени).

Во-вторых, в исследовании форм осуществления функций права сомнительна возможность реализации идеи о разграничении таких видов деятельности, как оперативно-исполнительная и правоохранительная. И та, и другая характеризуются М. И. Байтиным как «оперативные», а также связанные с применением норм права, но при этом подчеркивается, что вторая отличается

¹ В сравнении с формами осуществления функций права.

² См., например: Теория государства и права / А. И. Клименко, В. В. Оксамытный, Г. М. Лановая [и др.]. – М. : Юнити-Дана, 2024; Теория государства и права / под ред. д. ю. н., проф. А. А. Клишаса. – М. : Статут, 2019; Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – М. : Юристъ, 2001.

преимущественно связью с «охраной норм права от правонарушений» [2. – С. 265]. Праву свойственна охранительная функция; признавая ее существование и одновременно соглашаясь с тезисом о необходимости дифференциации оперативно-исполнительской и правоохранительной деятельности, мы неизбежно совершим ранее рассмотренную ошибку других исследователей, связанную со смешением функций права и форм их осуществления.

Изложенное дает основание утверждать, что еще большим методологическим потенциалом, чем предложенный М. И. Байтиным подход, обладает концепция, нашедшая отражение в работах таких ученых, как С. А. Голунский, М. С. Строгович, В. С. Петров, Д. А. Керимов и др., которые большее внимание уделяли видам государственной деятельности, а также ограничиваемым от нее видам деятельности негосударственных организаций¹. В этой связи указанные авторы выделили законодательную, административно-управленческую (исполнительно-распорядительную), судебную и надзорную формы осуществления функций государства. Опираясь на накопленный советскими учеными опыт дифференциации форм осуществления функций государства, а также учитывая те знания о праве и государстве, которые являются неотъемлемой частью современной юридической науки, считаем необходимым оговорить следующее:

- характеристика внешних выражений направлений правового воздействия может зависеть от того, используется ли инструментарий права для достижения правозначимой цели субъектами, аффилированными с государством, или частными лицами (в том числе и потому, что в основе права лежит система конвенциональных ценностей, обусловленных состоянием и предшествующим развитием общественных отношений);
- разнообразие общественных отношений обуславливает потребность в разнообразии форм реализации функций права, следствием чего оказывается многообразие видов правовой активности субъектов, действующих вне рамок процедурных ограничений, устанавливаемых в целях ограничения произвола государства;

– если при изучении функций государства авторами в качестве форм их осуществления закономерно мыслились виды «деятельности основных звеньев государственного механизма» [2. – С. 261], то в качестве форм осуществления функций права могут и должны рассматриваться виды правозначимой деятельности;

– при решении вопроса о том, каковы формы осуществления функций права, необходимо учитывать не только «пороки» позитивизма, коренившиеся во многих положениях советской общеправовой теории, но и современные достижения отечественной и зарубежной юридической науки.

Выводы и обобщения

Исходя из всего вышесказанного, считаем целесообразным разграничить все формы осуществления функций права на две группы: государственно-властные (т. е. те формы, которые связаны с деятельностью субъектов, наделенных государственно-властными полномочиями и действующих от имени государства и во исполнение свойственных ему функций) и негосударственные (т. е. формы, связанные с деятельностью субъектов, не наделенных государственно-властными полномочиями, чья активность определяется их собственными интересами – индивидуальными или коллективными/классовыми).

К первой группе следует отнести следующие формы:

- правотворческая;
- исполнительно-распорядительная;
- судебная;
- контрольно-надзорная;
- правоинтерпретационная.

Ко второй группе можно отнести как юридические (например, договорная, распорядительная, претензионно-исковая), так и неюридические (например, неофициальное толкование, юридическое образование и юридическая наука, правовое воспитание и т. д.) формы осуществления функций права. При этом говорить о возможности составления полного и исчерпывающего перечня негосударственных форм осуществления функций права не представляется возможным ввиду исключительного разнообразия правовой активности негосударственных субъектов, а также того, что ее регулирование не всегда осуществляется императивно – как минимум для частноправовой сферы характерно применение диспозитивного метода.

¹ Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. – М. : Юриздат, 1940. – С. 54; Общая теория государства и права / отв. ред. Д. А. Керимов, В. С. Петров. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – Т. 1. – С. 145–146.

Полагаем, что проблематика форм осуществления функций права требует дальнейшей проработки. В частности, отдельного внимания заслуживает исследование непосредственного осуществления в рамках правотворчества, в сфере судебной, исполнительно-распорядитель-

ной и правоинтерпретационной деятельности как юридических (регулятивной и охранительной), так и общесоциальных (например, экономической, политической, идеологической, мемориальной) функций права.

Список литературы

1. Абрамов А. И. Проблемы реализации регулятивной функции права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
2. Байтин М. И. О формах осуществления функции социалистического государства // Ученые записки. – 1969. – Вып. 18: Вопросы истории государства и права. – С. 261–269.
3. Диалектический материализм. Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин. – М. : Партийное издательство, 1933.
4. Клименко А. И. Социо-аксиологический подход к праву и его значение для современной юридической науки // Юристъ-Правоведъ. – 2018. – № 4 (87). – С. 102–107.
5. Константинова А. В. Формы осуществления функций права : дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2014.
6. Курцев И. А. Проблемы реализации охранительной функции права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008.
7. Попов В. И. Право в обеспечении коммуникации государства и гражданского общества : монография. – М. : Проспект, 2023.
8. Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. – Волгоград, 1974.
9. Радько Т. Н. Теория функций права : монография. – М. : Проспект, 2014.
10. Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права : монография. – Нижний Новгород : Нижегородская высшая школа Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1995.
11. Ракитов А. И. Марксистско-ленинская философия. – М. : Политиздат, 1986.
12. Раков К. А., Попов В. И. Правовой позитивизм: опыт критического анализа // История государства и права. – 2022. – № 11. – С. 39–43.
13. Ситников К. А. Мемориальная функция права: к постановке проблемы // История государства и права. – 2025. – № 1. – С. 32–40.
14. Хук М.-ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. – СПб. : ИД С.-Петербург. гос. ун-та ; ООО «Университетский издательский консорциум», 2012.
15. Швыркин А. А. Воспитательная функция права и роль органов внутренних дел в ее реализации : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.

Формирование правосознания личности: прологомены идеологии

С. П. Жданов

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г. С. Арефьевой ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ»;

доцент кафедры таможенного дела АНО ВО «РосНОУ»;

доцент кафедры гражданского права и процесса РГУНХ Минсельхоза России.

Адрес: ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ», 111250, Москва, Красноказарменная ул., д. 14;

АНО ВО «Российский новый университет», 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 22;

ФГБОУ ВО Министерства сельского хозяйства Российской Федерации «Российский государственный университет народного хозяйства имени В.И. Вернадского», 143907, Московская область, г. Балашиха, ул. Шоссе Энтузиастов, д. 50.

E-mail: zhdanov120009@yandex.ru

А. М. Скрячев

кандидат юридических наук, доцент,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского Министерства обороны Российской Федерации.

Адрес: ФГБОУ ВО «Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского»

Министерства обороны Российской Федерации,

197198, Санкт-Петербург, ул. Ждановская, д. 13.

E-mail: askrjachev@yandex.ru

Formation of the Legal Consciousness of the Individual: Prolegomena of Ideology

S. P. Zhdanov

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the G. S. Arefieva Department of Philosophy, Political Science, and Sociology of the National Research University MPEI;

Associate Professor of the Customs Department of ANO VO RosNOU;

Associate Professor of the Civil Law and Procedure Department of Russian State University of National Economy and Public Administration of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation.

Address: National Research University MPEI,

14 Krasnokazarmennaya Str., Moscow, 111250, Russian Federation;

ANO VO Russian New University, 22 Radio Str., Moscow, 105005, Russian Federation;

Vernadsky Russian State University of National Economy and Public Administration of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation,

50 Entuziastov Highway, Balashikha, 143907, Moscow Region, Russian Federation.

E-mail: zhdanov120009@yandex.ru

A. M. Skryachev

PhD in Law, Associate Professor,

Senior Lecturer in the Department of Humanities and Socioeconomic Disciplines

of A. F. Mozhaysky Military Space Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Address: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A. F. Mozhaysky Military Space Academy" of the Ministry of Defense of the Russian Federation,

13 Zhdanovskaya Str., St. Petersburg, 197198, Russian Federation

E-mail: askrjachev@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются прологомены идеологии в формировании правосознания личности. В ходе проведенного исследования авторы предлагают дефиниции идеологии и национальной идеи. Идеология – система целеполаганий, функций, задач государства, гражданского общества, господствующие в государстве и обществе единые, свойственные биологической природе человека гуманистические ценности, формализованные в гибридные глубоко внедренные нормы как комплекс правовых и морально-нравственных постулатов, а также методология их реализации (принципы, методы, способы, формы), ко-нечной целью которой является осознание личной и коллективной ответственности за судьбу Отечества и способность реализации установленных в государстве и обществе господствующих гуманистических цен-ностей. При этом национальная идея – комплекс системообразующих, глубоко внедренных гибридных норм, способных реализовать следующие функции государства и общества: доступное и высокоэффек-тивное образование; реальный государственный, национальный и народный суверенитет; достойная жизнь; приращение народонаселения; доступное и эффективное медицинское обслуживание.

Ключевые слова: военнослужащий, государство, идеология, компетенция, личность, метастабильность, моти-вация, политico-воспитательная работа, сознание, теория государства, теория права, эмерджентность.

Abstract

This article examines the prolegomena of ideology in the formation of individual legal consciousness. In the course of the study, the authors propose definitions of ideology and national idea. Ideology is a system of goals, functions, and objectives of the state and civil society, the prevailing humanistic values inherent in human biological nature, formalized in hybrid, deeply embedded norms as a set of legal and moral standards, as well as the methodology for their implementation - principles, methods, means, and forms - the ultimate goal of which is the awareness of personal and collective responsibility for the fate of the Fatherland and the ability to realize the prevailing humanistic values established in the state and society. At the same time, the national idea is a complex of system-forming, deeply embedded hybrid norms capable of realizing the following functions of the state and society: accessible and highly effective education; real state, national, and popular sovereignty; a dignified life; population growth; accessible and effective health care.

Keywords: military personnel, state, ideology, competence, personality, metastability, motivation, political and educational work, consciousness, theory of the state, theory of law, emergence.

В статье 13 Конституции Российской Федерации определен легальный подход к оценке должного состояния как государственной идеологии страны, так и других возможных видов идеологий (термин введен А. Л. К. Дестютом де Трасси в 1797 г.): юридически и политически равные фор-мы инвариантности и многообразия идеологии, запрет на установление государственной идеологии. Также провозглашен запрет на такие виды идеологий, «цели и действия которых направлены на насилиственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» (ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации).

Тем не менее современные мировые тенденции национальной государственности и безопасности, их практическая реализация, сопряженная зачастую с необходимостью собственного понимания (вопреки уже оправдавшим ранее на практике мировым подходам) способов, средств и форм, обеспечивающих национальную безопас-

ность, приводят нас к мысли о том, что без лега-лизации государственной идеологии – как ее де-финиции, так и наполнения ее определенным со-держанием – невозможно обеспечить поступа-тельное развитие и достойное место страны в ми-ровом сообществе на основе реального суверени-тета. Мы будем недалеки от истины, если призна-ем, что государственная идеология пронизывает все основополагающие институты государства и гражданского общества. Для этого достаточно проанализировать цели, функции, задачи, прин-ципы, заложенные в нормативных правовых актах или легальных документах международного ха-рактера. Среди них – Федеральный закон от 21 но-ября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здо-ровья граждан в Российской Федерации», особен-но его глава 6 «Охрана здоровья матери и ребен-ка, вопросы семьи и репродуктивного здоровья»; Семейный кодекс Российской Федерации, особен-но статья 1, часть 2 статьи 6, статья 12; Резолю-ция ООН от 15 декабря 2022 г. № 77/214 «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскала-ции современных форм расизма, расовой дискри-

минации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» (проголосовали 120 стран, воздержались – 10, против – 50), где в преамбуле и в половине статей прямо или косвенно говорится о таком явлении, как идеология или ее составляющих: обращается «...особое внимание на отсутствие единства среди существующих норм, касающихся защиты свободы слова и выражения мнений и запрета расовой дискриминации, а также пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, с обеспокоенностью отмечая в этой связи, что в силу различия национальных стандартов, запрещающих язык ненависти, некоторые страны могут служить убежищем для распространителей неонацистских, экстремистских, агрессивных националистических, ксенофобских или расистских идей, поскольку многие неонацистские и близкие к ним экстремистские группы расистского и ксенофобского толка действуют на транснациональном уровне, опираясь на поставщиков Интернет-услуг или платформы социальных сетей...» (преамбула), государствам рекомендуется «...принимать дальнейшие меры в поддержку подготовки сотрудников полиции и других правоохранительных органов по вопросам, касающимся идеологии экстремистских политических партий, движений и групп, апологетика которых представляет собой подстрекательство к насилию на почве расизма и ксенофобии...» (ст. 37), а также высказывается напоминание «...об обеспокоенности Специального докладчика по поводу возрождения неонацизма в современную эпоху и расширения поддержки и принятия неонацизма и связанной с ним идеологии во все большем числе стран...» (ст. 39). При этом в научной литературе идеология рассматривалась как правовая идеология [4], как роль и функция права в современном государстве [5] и в контексте ее роли и значения для государства и права [6].

В первом приближении конечной целью идеологии является формирование определенного типа сознания как продукта деятельности человеческого мозга – мышления. Достаточно сказать, что формирование сознания опирается на поступаты диалектического познания окружающего мира, истины. Напомним, что генезис развития мышления описывается следующей последовательностью: восприятие (простое созерцание) – ощущения – абстрактное мышление – практика – приобретение компетенций (знания, навыки, уме-

ния). На этой основе и формируется сознание. Другими, не менее важными составляющими формирования сознания являются мотивы. Более подробно их влияние и взаимосвязь описаны в работах Х. Хеккаузена (1926–1988), яркого представителя гештальтпсихологии – общепсихологического направления, связанного с попытками объяснения прежде всего восприятия, мышления и личности. Как системное явление и сложное проявление человеческого мышления, сознание характеризуется с помощью таких понятий, как метастабильность и эмерджентность.

И здесь наш научный и прикладной интерес обратился к более предметному изучению связи сознания такого индивидуума, как военнослужащий, с выполнением им своей функции – защиты Российской Федерации. Как связаны нормы воинских уставов с сознанием военнослужащего? В этом контексте авторы проанализировали монографические работы в области военного права [1; 2; 3].

Итак, статья 5 Устава Внутренней Службы Вооруженных сил Российской Федерации (далее – УВС ВС РФ) гласит, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации.

Согласно статье 7 УВС ВС РФ, военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями, установленными федеральными конституционными законами и федеральными законами.

На военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях... (в форме приказа. – Примеч. авторов).

Согласно статье 33 УВС ВС РФ, единонаучение является одним из основных принципов строительства Вооруженных сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими. Единонаучение заключается в наделении командира (начальника) всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и возложении на него персональной ответственности перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего.

Распорядительная деятельность в Вооруженных силах находит свое выражение через такую форму как приказы. Но достаточно ли одной фор-

мы приказа как волеизъявления начальника подчиненному, чтобы он выполнялся? Наверное, нет.

Выводы:

- существуют различные мотивы как у отдающего властное распоряжение (приказание), так и у того, к кому оно направлено;
- в приказах, имеющих место в Вооруженных силах, эти мотивы должны совпадать у обеих сторон в силу принципа – единого совпадающего целеполагания деятельности. Такое целеполагание изложено в статье УВС ВС РФ: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации»;
- такое совпадение возможно только на единой основе данного целеполагания – на осознании своего долга и личной ответственности за защиту своей Родины (это почти совпадает с положением ст. 2 Дисциплинарного устава Вооруженных сил Российской Федерации (далее – ДУ ВС РФ) и на этом основывается воинская дисциплина, а ключевым словом здесь является слово «осознание»);
- для эффективного влияния на сознание подчиненных начальнику необходимо владеть инструментарием мотивационной деятельности;
- для эффективного проведения политico-воспитательной работы (далее – ПВР) субъектам этого вида деятельности необходимо учитывать весь спектр факторов (положительных и отрицательных), а также мотивацию объекта воздействия, влияющих на формирование сознания.

Обратимся за подтверждением этого вывода к положениям Дисциплинарного Устава Вооруженных Сил Российской Федерации.

Согласно статье 1 ДУ ВС РФ, воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевоинскими уставами Вооруженных сил России (далее – общевоинские уставы), иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и приказами (приказаниями) командиров (начальников).

Согласно статье 2 ДУ ВС РФ, воинская дисциплина основывается на осознании каждым военнослужащим воинского долга и личной ответственности за защиту Российской Федерации. Она строится на правовой основе, уважении чести и достоинства военнослужащих.

Основным методом воспитания у военнослужащих дисциплинированности является убеждение.

Отсюда вывод: единой правовой основой воинской дисциплины является принцип единоначалия, а единым целеполаганием в деятельности военнослужащих – личный долг и ответственность за защиту Родины. Личный долг и ответственность в идеале, должны быть осознанными. Что это означает?

Прежде всего сознание – это продукт деятельности человеческого мозга, такой его функции как мышление. Чем сознание отличается от осознания? Каков их генезис и их соотношение?

Ответив на эти вопросы, мы сумеем, как ни парадоксально это кажется на первый взгляд, вплотную и на комплексной основе подойти к пониманию содержания политico-воспитательной работы в целом и, в частности, содержанию ее особенностей в Вооруженных силах.

Политico-воспитательная работа в Вооруженных силах есть производная от идеологии. На наш взгляд, идеология – это одновременно и целеполагание, и инструментарий достижения поставленных целей, т. е. феномен, обладающий системными свойствами.

Как известно, идеология как духовный продукт государства и общества на основе их воззрения на реальную действительность находится в нашей стране в двусмысленном правовом положении: с одной стороны, согласно статье 13 Конституции Российской Федерации в государстве признается вариативный режим – режим многопартийности и идеологического многообразия. Это означает, что идеология имеет право на существование, но этот режим все-таки предполагает участие в идеологии, кроме государства, всех российских субъектов политики и носит полиморфный партийный и социальный характер либо взгляды многочисленных социальных групп, сформировавшихся в России и относящихся, как правило, к среднему классу. С другой стороны, в стране воспрещено установление государственного или любого другого идеологического императивного режима. Практика же государственной политики и духовная жизнь общества показывают, что существует единое русло идеологического характера, в котором соединены ценности людей и стратегические целеполагания государства.

Отсюда можно сделать вывод, что идеология (ПВР) как явление, формирующее сознание, должна отвечать следующим требованиям:

- метастабильность идеологии должна быть на третьем (устойчивом) уровне стабильности;
- нематериальный продукт идеологии (ПВР) – сознание – может формироваться с применением всех трех форм эмерджентности – слабой, средней и сильной;
- средства и формы идеологии (ПВР) должны выбираться с учетом факторов метастабильности и эмерджентности.

Без этих пролегоменов сложно понять как содержание самой идеологии, так и авторскую дефиницию этого явления.

Пояснение. Пролегомены идеологии (др.-греч. *Пролеγόμενα* – «предисловие, введение») – рассуждения, формулирующие исходное понятие и дающие предварительные сведения о предмете обучения; разъясняющее введение в изучение той или иной науки, имеющее целью предварительное ознакомление с ее методами и задачами и обозначение статуса данной науки или дисциплины в системе рационального знания.

Предлагаем авторские дефиниции терминов «идеология» и «национальная идея».

Идеология – система целеполаганий, функций, задач государства, гражданского общества, господствующие в государстве и обществе единые, свойственные биологической природе человека гуманистические ценности, формализованные в гибридные, глубоко внедренные нормы как комплекс правовых и морально-нравственных норм, а также методология их реализации (принципы, методы, способы, формы), конечной целью которой

является осознание личной и коллективной ответственности за судьбу Отечества и способность реализации установленных в государстве и обществе господствующих гуманистических ценностей.

Идеология есть система, которую можно описать, взяв за основу теорию систем. На первом этапе мы предлагаем сделать это посредством аппарата теории вероятности, используя понятие «вероятность наступления события».

Назовем это «эффективностью идеологии», рассчитав ее следующим образом.

$$\begin{aligned}
 P_I(f) = & K \text{ внутренней положительной мотивации} \\
 & \times \\
 & K \text{ внешней отрицательной мотивации} \\
 & \times \\
 & K \text{ внешней положительной мотивации} \\
 & \times \\
 & K \text{ лабильности, носящей крайне отрицательный} \\
 & \text{выход в поведении, как то суицид, совершение} \\
 & \text{преступления, трусость и т. п.}
 \end{aligned}$$

Национальная идея – комплекс системообразующих, глубоко внедренных гибридных норм, способных реализовать следующие функции государства и общества: доступное и высокоэффективное образование; реальный государственный, национальный и народный суверенитет; достойная жизнь; прращение народонаселения; доступное и эффективное медицинское обслуживание.

Список литературы

1. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. – Т. 1: История и теория военного права (с предисловием). – М., 2021.
2. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. – Т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права). – М., 2021.
3. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. – Т. 3: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. – М., 2022.
4. Михайлов А. М. Юридическая доктрина и правовая идеология : монография / А. М. Михайлов. – М. : Юрайт, 2025.
5. Чернявский А. Г. Роль идеологии и идеологическая функция права в современном государстве : монография / А. Г. Чернявский, Ю. К. Погребная. – М. : Русайнс, 2021.
6. Чернявский А. Г. Роль и значение идеологии для государства и права : монография. – М. : Инфра-М, 2016.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-3-22-31>

Государство и право зарубежных стран в трудах белорусских ученых (эпохи Древнего мира и Средних веков)

В. И. Ермолович

кандидат юридических наук, профессор кафедры международного экономического права
Белорусского государственного экономического университета.
Адрес: УВО «Белорусский государственный экономический университет»,
Беларусь, 220070, г. Минск, Партизанский пр-т, д. 26.
E-mail: jermalovich7@gmail.com

А. В. Серегин

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Seregin.AV@rea.ru

State and Law of Foreign Countries in the Works of Belarusian Scientists (Ancient World and Middle Ages)

V. I. Yermolovich

PhD in Law, Professor of the Department of International Economic Law
of Belarusian State University of Economics.
Address: Belarusian State University of Economics,
26 Partizanskiy Av., Minsk, 220070, Belarus.
E-mail: jermalovich7@gmail.com

A. V. Seregin

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Seregin.AV@rea.ru

Поступила 01.09.2025 Принята к печати 10.09.2025

Аннотация

В статье исследуется процесс формирования и развития белорусской научной школы изучения истории государства и права зарубежных стран эпох Древнего мира и Средних веков. Показан широкий спектр исследований белорусских ученых за XX – первую четверть XXI в., охватывающий государство и право стран Древнего Востока, Древнего Рима и средневековой Европы. В статье также рассмотрены научная деятельность и вклад в исследование указанной проблемы таких ученых, как В. И. Пичета, Н. М. Никольский, А. Н. Ясинский, Ф. М. Нечай, Г. И. Довгяло, А. А. Дворецкая, В. И. Горемыкина, В. И. Ермолович и О. И. Ханкевич. В представленной работе особо отмечается вклад в историко-правовую науку Н. М. Никольского, описавшего многоукладную экономическую систему хозяйствования Древнего Вавилона, а также подвергшего обоснованной критике концепцию деспотического правления в данном государстве, по-прежнему господствующую на страницах современных учебников и монографий. Кроме того, авторы проанализировали взгляды Ф. М. Нечая на содержание и закономерности формирования юридического статуса различных общественных сословий в эллинистических государствах античного мира и Древнего Рима. Не осталась без внимания и оригинальная теория Г. И. Довгяло о становлении царской власти у хеттов. Наряду с этим была дана оценка научному вкладу А. А. Дворецкой в изучение римского права. В числе современных специалистов в области сравнительно-правовых исследований средневекового славянского права была дана характеристика научных результатов В. И. Ермоловича.

Ключевые слова: белорусская научная школа, история, государство, право, Древний мир, Древний Рим, римское частное право, средневековая Европа, Германия, Франция, русские княжества, Польша, Сербия, Чехия, Швеция, юридическая славистика.

Abstract

The article examines the process of formation and development of the Belarusian scientific school of studying the history of state and law of foreign countries of the Ancient World and the Middle Ages. It shows a wide range of studies by Belarusian scientists for the 20th - first quarter of the 21st centuries, which covers the countries of the Ancient East, the state and law of Ancient Rome and the countries of medieval Europe. The article also examines the scientific activities and contribution to the study of this problem of V. I. Picheta, N. M. Nikolsky, A. N. Yasinsky, F. M. Nechay, G. I. Dovgalyo, A. A. Dvoretskaya, V. I. Goremykina, V. I. Yermolovich and O. I. Khankevich. In the presented work, special attention is paid to the contribution to historical and legal science of N. M. Nikolsky, who described the multi-structured economic system of Ancient Babylon, also subjected to justified criticism the concept of despotic rule in this state, which still dominates the pages of modern textbooks and monographs. In addition, the authors analyzed the views of F. M. Nechay on the content and patterns of formation of the legal status of various social classes in the Hellenistic states of the ancient world and Ancient Rome. The original theory of G. I. Dovgalyo on the formation of royal power among the Hittites was not ignored. Along with this, an assessment was given to the scientific contribution to the study of Roman law by A. A. Dvoretskaya. Among modern specialists in the field of comparative legal studies of medieval Slavic law, a description of the scientific results of V. I. Ermolovich was given.

Keywords: Belarusian scientific school, history, state, law, Ancient World, Ancient Rome, Roman private law, Medieval Europe, Germany, France, Russian principalities, Poland, Serbia, Czech, Sweden, Legal Slavistics.

Формирование отечественной, белорусской научной школы изучения истории государства и права зарубежных стран эпохи Древнего мира и Средних веков началось в 20-х гг. прошлого столетия, когда был создан Белорусский государственный университет. В 1921–1922 гг. в Минск приехали работать профессора Московского государственного университета – будущие академики АН БССР В. И. Пичета (первый ректор БГУ), Н. М. Никольский и А. Н. Ясинский. Уже в то время они были признанными учеными в стране и за рубежом. Например, Н. М. Никольский в своем научном багаже имел уже серьезные труды «Древний Израиль» (М., 1911) и «Древний Вавилон» (М., 1913), а профессор А. Н. Ясинский в 1907 г. был избран действительным членом Пражской академии наук (белорусским академиком он станет только спустя 21 год). В его багаже уже в 1921 г. были серьезные научные работы: «Падение земского строя в Чешском государстве (Х–XIII вв.)», изданная в Киевском университете в 1895 г., и «Основные черты развития права в Чехии XIII–XV вв.», изданная в Юрьевском университете в 1902 г. Н. М. Никольский специализировался на изучении истории государства и права Древнего мира. Основные свои труды он написал, работая в Минске профессором БГУ и директором Института истории АН БССР (1937–1953). В их числе были монографии «Частное землевладение и землепользование в Древнем

Двуречье (К истории вавилонско-ассирийского общества в III–I тыс. до н. э.)» (Минск, 1948) и «Культура Древней Вавилонии» (Минск, 1959). В монографии «Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье» показано наличие многоукладности в экономическом развитии Древнего Вавилона, когда основные средства производства находились в царской, храмовой и частновладельческой собственности [23. – С. 9–37].

Государственный строй Древнего Вавилона, по мнению Н. М. Никольского, претерпел эволюцию. Так, если в период Древнего царства это был город-государство с точки зрения государственного устройства, то уже в период Старого царства это была империя от Персидского залива до Сирии. Вся территория империи была разделена на административные области и округа, во главе которых стояли царские чиновники. По мнению Н. М. Никольского, по форме правления Вавилонское государство во все времена было монархией, но по мере развития экономики, общества и государства сущность монархии и ее правовой статус изменились, что позволило говорить о наличии ограниченной монархии в Древний период развития Древневавилонского государства, установлении абсолютной монархии в период Старого царства и существовании ее вплоть до гибели государства. При этом абсолютная монархия Древневавилонского государства отличалась от абсолютных монархий многих

стран Древнего мира: в Древнем Вавилоне наряду с сильной царской властью в обществе продолжали функционировать народные собрания, общинные органы управления, осуществлявшие хозяйственные, административные и судебные функции [21. – С. 235–243].

Монография Н. М. Никольского «Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье» имеет интересную историю создания. Рукопись монографии была начата в оккупированном немецкими войсками Минске в годы Великой Отечественной войны, а завершилось ее написание в партизанском отряде им. Сергея Лазо бригады «За Советскую Белоруссию», куда 1 августа 1943 г. Н. М. Никольский был эвакуирован партизанами вместе с семьей. Дело в том, что Н. М. Никольского знали как крупного ученого не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Ряд его научных работ были опубликованы и в довоенной Германии, поэтому представители оккупационной администрации неоднократно и настойчиво предлагали ему сотрудничество, призывая ученого возглавить коллаборационистское «Беларускае наўкувавае таварыства». Он отказался сотрудничать с оккупантами, жил впроголодь, работал грузчиком и сторожем. При этом свою квартиру предоставил партизанам в качестве конспиративной для связи с Минским антифашистским подпольем. Когда появилась угроза провала подпольной деятельности семьи Никольских, партизаны забрали их к себе.

Монография Н. М. Никольского «Культура Древней Вавилонии» (Минск, 1959) стала итогом его жизни и научной деятельности. В 1959 г. ученый умер. В указанной работе были исследованы письменные источники Древнего Вавилона, в первую очередь юридические акты. Большая глава в монографии посвящена развитию права Древнего Вавилона, в частности, в специальных параграфах – «Обычное право Двуречья», «Шумерские законы», «Законы царя Билаламы» и «Законы царя Хаммурапи» – изложен соответствующий материал [22. – С.105–142]. Это было сделано впервые не только в белорусской, но и в советской историографии. Изыскания Н. М. Никольского позволили сделать вывод, что возраст письменных источников права Древнего Вавилона составляет около 4,5 тыс. лет [22. – С.107].

Кроме того, в противовес господствовавшему в западноевропейской историографии в XX в.

мнению, что в Древней Месопотамии царская власть носила деспотический характер, академик Н. М. Никольский пришел к выводу, что царская власть там была ограничена полномочиями Народного собрания [22. – С. 32]. Достаточно сказать, что в первых (московских) изданиях советских учебников по истории государства и права зарубежных стран широко использовались материалы и положения, введенные в научный оборот академиком АН БССР, членом-корреспондентом АН СССР Н. М. Никольским¹.

Заслугой академика Н. М. Никольского является не только значительный вклад в отечественную науку, но и создание национальной белорусской научной школы исследователей Древнего мира. В числе учеников Н. М. Никольского был Ф. М. Нечай, профессор БГУ, доктор исторических наук, уроженец д. Деражичи Лоевского района Гомельской области. Ф. М. Нечай оставил замечательные труды по истории государства и общественного строя Древней Греции и Рима. Широкую известность получила его монография «Образование римского государства» (Минск, 1972), где на обширной литературной и археологической источниковской базе проанализирован процесс распада первобытнообщинного строя и образования государства в Древнем Риме [19]. В указанной работе охарактеризована политическая система, которая сложилась в Древнем римском государстве, и рассмотрен вопрос появления в Древнем Риме двух сословий господствующего класса – патрициев и плебеев.

Федор Макарович Нечай также подготовил ряд значимых работ по истории развития общественного строя и государства в Древней Греции. Весьма значимой является его работа «Социальный статус греков эпохи Троянской войны», опубликованная в сборнике «Вопросы истории Древнего мира и Средних веков» (Минск, 1977). В указанном исследовании рассмотрен процесс распада родоплеменного строя и возникновения государства у древних греков, формирования институтов управления в этом государстве [23]. Очень ценно, что выводы и рассуждения автора подкреплены статистикой, которая позволила

¹ См.: История государства и права зарубежных стран. Учебник для юридических институтов и факультетов : в 2 т. / Под общ. ред. проф. П. Н. Галанзы. – М. : Юр. лит., 1963. – Т. 1.; Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. Учебное пособие для юридических институтов и факультетов. – М. : Высш. школа, 1973.

определить численность вооруженных сил Древней Греции и их потенциальные боевые и мобилизационные возможности в рассматриваемый исторический период [20. – С. 34–35].

Значительный вклад в изучение истории государства и права Древнего мира внес представитель белорусской школы исследователей, кандидат исторический наук, доцент Геннадий Иосифович Довгяло. В 1965 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Возникновение царской власти у хеттов (На материалах хеттских клинописных источников XVIII–XII вв. до н. э.)». В указанной работе рассмотрен вопрос зарождения государства и системы его управления, в том числе института царской власти на территории Малой Азии [3].

В 1968 г. ученый издал монографию «Из истории возникновения государства (На материалах хеттских клинописных текстов)». Название книги говорит само за себя. Весьма актуальной является еще одна его монография – «Становление идеологии раннеклассового общества: На материалах хеттских клинописных текстов» (Минск, 1980). Научный труд выполнен на основе исследования письменных и археологических источников. Наряду с механизмом государственной идеологии Г. И. Довгяло в своей монографии исследовал основные институты права Хеттского государства [4. – С. 9–61]. Этому вопросу посвящена специальная глава монографии. В ходе исследования автор монографии пришел к выводу, что в основу хеттской и лидийской государственной идеологии было положено воспитание у подданных царства уважения к военному делу и его общественным социальным итогам (подразумевались результаты формирования частной собственности на землю) [4. – С. 124].

Подводя итог сказанному, отметим, что лучшие традиции белорусской школы изучения истории государства и права Древнего мира не утрачены до настоящего времени. Это видно на примере исследования римского частного права. Так, в январе 2001 г. на факультете права Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) была проведена научная конференция «Правовые системы: история и современность». Ее инициаторами были заместитель декана факультета права БГЭУ, доцент В. И. Ермолович и профессор Академии МВД Республики Беларусь В. А. Шелкопляс. В ходе конференции было озвучено пять научных докладов, посвященных истории становления и развития римско-

го частного права, которые были подготовлены учениками В. И. Ермоловича [27].

23 ноября 2011 г. впервые в истории развития сферы национального права Беларусь была проведена республиканская научная конференция «Римское частное право как источник развития гражданского права Республики Беларусь» [13]. Ее инициатором и организатором также был В. И. Ермолович. Он выступил с докладом на тему «Влияние римского частного права на формирование правовой системы Великого княжества Литовского, Русского, Жемайтского», позже переработанным в статью [6]. В ходе данной конференции было озвучено 32 научных доклада белорусских и зарубежных ученых, 20 из которых были посвящены вопросам сравнительно-правового анализа норм и институтов римского частного права и гражданского права Республики Беларусь [14]. Среди докладчиков на конференции были 15 человек из числа студентов, магистрантов и аспирантов В. И. Ермоловича.

В данную область исследований определенный вклад вносит кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права БГЭУ Анна Анатольевна Дворецкая. В 2007 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Становление теории юридических фактов в римской юриспруденции и ее развитие». На основе своей диссертации А. А. Дворецкая подготовила учебное пособие «Теория юридических фактов в римском праве, его историографии и в общей теории права», хотя по содержанию данная работа является монографией, где автор предложила новые критерии для систематизации юридических фактов в современном праве, опираясь на теорию и практику римского частного права¹. Всего она опубликовала более 20 работ по римскому частному праву.

Достаточно активно в указанной области знаний работают профессор кафедры международного экономического права БГЭУ В. И. Ермолович и доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков БГУ О. И. Ханкевич.

В своих исследованиях В. И. Ермолович значительное внимание уделил вопросу влияния римского частного права на формирование правовых систем средневековых стран Восточной и

¹ Дворецкая А. А. Теория юридических фактов в римском праве, его историографии и в общей теории права: пособие для студентов вузов. – Минск : Тесей, 2007. – С. 9–99.

Центральной Европы [7] и Беларуси [8; 14]. В частности, в его работах рассмотрен начальный путь рецепции норм римского частного права в правовой системе средневековой Беларуси через «Кормчую книгу» – источник церковного и светского права средневековой Сербии. Автор доказал, что сохранившиеся до наших дней Жировичский и Пинский списки «Кормчей книги» являются копиями Киевского списка «Кормчей книги», которая в свою очередь является рецепцией сербской редакции этой книги, а в зарубежной литературе она носит название «Номоканон» [18. – С. 377]. Данный исторический факт свидетельствует в пользу того, что нормы римского частного права первоначально были реци피рованы в право средневековой Беларуси из Восточно-римской империи и Сербии [12].

О. И. Ханкевич в своих научных трудах исследовала вопросы правообразования и правоприменения основных институтов в римском частном праве [29; 31], развития гражданского процесса в Древнем Риме [30], а также ряд вопросов, связанных с развитием общественного и государственного строя в странах Античного мира.

Национальную белорусскую школу исследователей истории государства и права стран средневековой Европы сформировали в 20-е гг. прошлого столетия профессора БГУ В. И. Пичета и А. Н. Ясинский.

Основные работы по истории государства и общественного строя стран Восточной и Центральной Европы В. И. Пичета подготовил в московский период своей жизни, однако работу по подготовке фундаментальных исследований ученый начал еще в Минске. Работая в должности ректора БГУ, В. И. Пичета много сделал для установления и развития международных связей Белорусского университета с университетами зарубежных государств. В 1923 г. ректор БГУ побывал в Чехословакии, Литве и Германии. В 1925 г. В. И. Пичета повторно посетил Польшу, где в качестве представителя БССР принимал участие в съезде польских историков в г. Познани [16]. В 1925 и 1927 гг. ученый вновь посетил Чехословакию, где не только занимался установлением международных научных контактов, но и сбором материалов по истории Чехии и Польши [16]. Однако завершить свои фундаментальные исследования первому ректору БГУ, академику АН БССР и заслуженному профессору БССР на белорусской земле не было суждено. В сентябре 1930 г. он был арестован в своей квартире в

Минске, а затем этапирован в Ленинград, где долгие месяцы находился под следствием в местном ОГПУ по «делу Платонова» [32. – С. 165]. Впоследствии он был осужден на 5 лет, которые отбыл в ссылке.

С конца 30-х гг. В. И. Пичета работал в вузах Москвы, в том числе в должности профессора МГУ имени М. В. Ломоносова и в качестве заместителя директора Института славяноведения АН БССР. За большой вклад в развитие славянской науки в 1946 г. он был избран действительным членом АН СССР. В 30–40-е гг. исследовательская работа В. И. Пичеты, по его собственному признанию, сосредоточилась преимущественно на истории Польши [1]. Итог многолетних исследований В. И. Пичеты в области истории польского государства должна была подвести трехтомная «История Польши», над завершением которой ученый трудился последние годы своей жизни. Два первых тома в основном были завершены в 1945 г. Об этом свидетельствует автореферат второго тома данного исследования, опубликованный в сборнике «Рефераты научных работ за 1945 г.», который издавался отделением истории и философии АН СССР [24]. Третий том ученый не успел завершить. В его архиве осталась незаконченная рукопись.

Первому и второму томам фундаментальной работы В. И. Пичеты по истории Польши, где были детально разработаны вопросы периодизации польской истории, средневекового общественного и государственного строя периода раннефеодальной и сословно-представительной монархии, также не суждено было увидеть свет. Их тексты и отдельные материалы были использованы при подготовке многотомного издания, посвященного истории Польши [17], но под фамилиями других авторов, которые даже не сочли нужным указать реальное авторство.

Одним из немногочисленных исследований В. И. Пичеты по истории государства и права средневековой Польши была работа «Образование польского государства», опубликованная при жизни ученого. В ней автор рассмотрел вопросы становления общественного и государственного строя Польши периода раннефеодальной монархии, показал процесс утверждения правящей династии Пястов и фактор внешнеполитической угрозы формирующемуся польскому государству со стороны Римской империи германской нации в X–XI вв. [26]. Значительное внимание в своем творчестве В. И. Пичета уделял и вопросам ис-

тории государства и права средневековой Чехии. В 1947 г. была опубликована монографическая работа «История Чехии», в которой академик В. И. Пичета являлся научным редактором и автором первых двух глав, где рассмотрел вопросы функционирования Великоморавского союза племен, образования чешского государства, институт феодальной монархии и процесс феодальной раздробленности в стране [25. – С. 1–64].

В 20-е гг. XX в. профессором БГУ, с 1927 г. заведующим кафедрой всеобщей истории Инбелкульта был известный ученый А. Н. Ясинский. Вместе с В. И. Пичетой он принимал деятельное участие в создании БГУ и организации белорусской науки. А. Н. Ясинский – один из немногих ученых БССР, кто занимался и оставил после себя серьезное научное наследие по истории права стран Восточной и Центральной Европы. В своем сочинении «Основные черты развития права Чехии XIII–XV вв. Историко-юридический очерк» он сделал попытку анализа истории формирования средневекового чешского права в контексте развития права народов Европы, в том числе Древней Руси, Англии, Германии. В нем автор утверждал: «Развитие законодательства новых европейских народов шло таким же путем, как у римлян. Так называемые “варварские правды” (*leges barbarorum*) германских народов и наша “Русская правда” представляют собой в значительной части запись юридических норм, установленных судебной практикой. Такого же происхождения были многочисленные древнейшие сборники, составленные частными лицами, но служившие судебными руководствами для судебных мест. Из числа этих сборников могут быть здесь названы наиболее ранние и при том наиболее известные, а именно: английские сборники Глэнвиллы, Брэктона, Флеты, нормандские *Letresancientcoutumier* и *Grandcoutumier*, французский *Lescoutumes de Beauvoisis* Филиппа де Бомануара, немецкие “Саксонское зерцало” (*Sachsensenspiegel*), “Немецкое зерцало” (*Deutschenspiegel*, *Spiegelallertaeutzherlaeute*), “Швабское зерцало” (*Schwabenspiegel*), чешские “Книга старого пана из Розенберга”, “Порядок земского права”, “Изложение чешского земского права пана Андрея из Дубы” и т. д. В основу этих сборников было положено так называемое обычное право, вырабатываемое и определяемое судебными решениями» [33. – С. 6 – 7].

Таким образом, трудно не согласиться с мнением А. Н. Ясинского, что постановления и судебные решения земского суда являлись главным источником чешского земского права. В этом легко убедиться, пересматривая юридический сборник Викториана Корнелиуса из Вшеграда, где в каждой книге и каждой главе мы находим множество ссылок на судебные precedents или решения суда.

В монографии «Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.)» А. Н. Ясинский рассмотрел вопросы формирования классового общества в Чехии периода раннего Средневековья, основные институты государственной власти, в том числе центральное и местное управление, состояние вооруженных сил средневекового чешского государства. При этом автор монографии констатировал, что в начале X в. на территории современной Чехии появилась шляхта, которая подразделялась на панов и рядовую шляхту. В этот же период, по мнению академика А. Н. Ясинского, государственный строй Чехии потерял черты своего племенного происхождения, основной единицей административного деления в стране становится княжеский город, а не племенная территория, как в прежние времена [34. – С. 89]. При этом власть племенного жупана не перешла целиком в руки государственных чиновников (каштелянов), а была поделена между несколькими представителями областной администрации. «Подчинение иммунитетных территорий в судебном отношении юрисдикции дворцового ведомства положило начало образованию органов центрального управления в стране» [34. – С. 168]. С другой стороны, падение городской организации управления в Чешском раннесредневековом государстве, где основу территориально-административного деления играл княжеский город, «передача частным лицам административной и судебной власти, а также возникновение института собственности в середине XII в. подготовили возможность ограничения королевской власти в пользу панов» [34. – С. 168]. Таким образом, академик А. Н. Ясинский был первым, кто в отечественной историко-правовой науке начала XX в. исследовал основные институты государственного устройства и права в средневековой Чехии.

Значимый вклад в изучение общественного и государственного строя стран средневековой Европы внесла в 70–80-е гг. прошлого века доктор исторических наук, профессор В. И. Горе-

мыкина, работавшая на историческом факультете Минского государственного педагогического института им. М. Горького. Ее монография «Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе» (Минск, 1982) – итог длительного исследования общественного строя стран континентальной Европы на основе богатого фактического материала, в результате чего автором был сделан вывод о рабовладельческом характере варварских королевств Западной Европы, Древней Руси и славянских государственных объединений. Профессор В. И. Горемыкина отмечала: «Изучение конкретного материала истории раннеклассовых государств средневековой Европы привело нас к глубокому убеждению о том, что это были рабовладельческие, а не феодальные и не раннефеодальные государства» [2. – С. 221].

Процесс комплексного изучения истории государства и права зарубежных стран в эпоху Средневековья в белорусской историко-правовой науке тесно связан с научной деятельностью профессора кафедры международного экономического права БГЭУ В. И. Ермоловича, которая началась на рубеже XX–XXI вв. В настоящее время им опубликовано около 200 работ по истории государства и права стран средневековой Европы.

Одним из первых фундаментальных исследований В. И. Ермоловича в области истории государства и права зарубежных стран была монография «Право средневековой Сербии (XII–XV вв.)», изданная в Минске в 2003 г. В ней рассмотрены основные тенденции развития права средневековой Сербии и проживавших в ее границах южнославянских народов. В монографии были проанализированы источники древнеславянского права и основные отрасли средневекового сербского законодательства [11]. В приложении к данному изданию В. И. Ермолович сделал перевод на русский язык Призренского списка «Законника Стефана Душана» 1349 г. с дополнениями 1354 г.

Проблеме развития общественного и государственного строя средневековой Сербии В. И. Ермолович также посвятил ряд своих научных работ. В 2005 г. в издании «Известия Национальной Академии Наук Беларуси» была опубликована его статья «Становление государственной и правовой системы средневековой Сербии», где на обширном фактическом материале были рассмотрены не только институты средневекового сербского государства, но и несколько альтерна-

тивных точек зрения на эволюцию сербской государственности с эпохи Древнего мира до турецкого завоевания южнославянских земель в XIV–XV вв. В данной статье В. И. Ермолович аргументировано поставил под сомнение факт разгрома сербской армии турками в 1389 г. на Косовом поле, так как после указанного сражения турки покинули пределы Сербии [5. – С. 34].

С научным докладом «Современный взгляд на процесс становления государства и права славянских народов (по материалам Древнесербского государства)» В. И. Ермолович выступил на международной научно-практической конференции «Современное законотворчество: теория и практика (к 100-летию Государственной Думы России)», которая проходила на базе юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 22–23 декабря 2005 г. В нем был поднят вопрос об «obeliske из Ксантоса» (город в исторической области Ликия в Малой Азии) как древнейшем источнике права славян – «Законника правовых, обычных и моральных норм». Расшифрованный югославским профессором Святославом Билби в 80-е гг. прошлого века Законник состоит из 230 статей. Он написан на древнесербском языке (сербице) и датируется VII–VI вв. до н. э. [15. – С. 166–170; 10. – С. 167]. Лингвистический анализ выявленных археологами памятников древнеславянской письменности в 70-е гг. XX в. позволил В. И. Ермоловичу сделать вывод, что кириллица является одной из поздних, модернизированных разновидностей «знакового письма» предков современных славян. Кроме того, изложенные аргументы и факты в данном докладе позволяют сделать вывод, что современные знания о становлении и развитии государства на территории Древней Сербии требуют дальнейшего уточнения и, возможно, глубочайшего переосмысления, поскольку они способны серьезным образом изменить взгляд на историю славянской цивилизации.

В монографии «Государство и право средневековой Чехии (IX–XVI вв.)» (Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015) В. И. Ермолович рассмотрел не только основные тенденции развития институтов государства и права средневековой Чехии, но и причину ее вхождения в состав государства Габсбургов. В названной работе проанализированы источники древнеславянского и средневекового права Чехии, основные отрасли законодательства. Исследователь также уточнил ряд положений, изложенных в работе «Основные

черты развития права в Чехии XIII–XV вв. Историко-юридический очерк» А. Н. Ясинским, который считал, что в период нахождения Чехии в составе государства Габсбургов «страна надолго была повергнута в состояние юридического сервилизма, слепого преклонения перед римским правом» [9. – С. 42], т. е. в то время были прерваны традиции в развитии местного чешского права. В. И. Ермолович пишет: «Процесс трансформации чешского права в право австрийского государства шел, однако, крайне медленно. Несмотря на юридическую реформу короля Фердинанда I, которая реализовывалась в 1626–1727 гг. и существенно потеснила позиции чешского земского права, процесс рецепции австрийского права в Чехии завершился только во времена правления императора Иосифа II в конце XVIII – начале XIX века, когда на ее территории были введены в действие Кодекс законов о преступлениях и наказаниях 1787 г. и Австрийское гражданское уложение 1811 г.» [9. – С. 143].

В своих исследованиях В. И. Ермолович значительное внимание уделил вопросу развития средневекового польского частного права. В 2001 г. он сделал доклад «Становление гражданско-правовой системы Польши в XIII–XIV вв.» на межвузовской научно-практической конференции «Правовые системы: история и современность» (Минск, 5–6 января 2001 г.), в котором на основе источников средневекового польского права, таких как «Польская правда», Вислянский и Петровский статуты и Полный свод статутов Казимира Великого, провел анализ развития основных институтов частного права Польши [27. – С. 49–54]. Дальнейшее изучение вопроса развития гражданско-правовой системы средневековой Польши нашло отражение в его монографии «Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.)», изданной в Минске в 2021 г. [10].

В монографическом исследовании профессора В. И. Ермоловича «Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.)» (Минск, 2021) проведен детальный сравнительно-правовой анализ правовых обычаев, судебной практики и основных источников права стран средневековой континентальной Европы, таких как «Саксонское зерцало», «Кутюмы Бовези», «Винодольский закон», «Законник Стефана Душана», «Законник короля Карла I», «Польская

правда», «Полный свод статутов Казимира Великого», «Русская Правда», «Псковская судная грамота», «Судебник Ивана III», «Ландслаг короля Магнуса Эрикссона», «Статут Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского» и ряда других. В монографии показано влияние источников римского частного права на формирование институтов гражданского права стран Центральной и Восточной Европы, проанализированы закономерности развития форм и содержания институтов гражданского права в средневековой Сербии, Великом княжестве Литовском, Русском и Жемайтском, Германии, Италии, Франции, Русских государствах, Польше, Чехии, Швеции.

В данной работе впервые в мировой практике были комплексно исследованы вопросы функционирования юридических лиц в странах средневековой континентальной Европы, в частности, институты регулирования государственной формы средневековой собственности и механизм формирования и развития товариществ как важнейших форм средневековой хозяйственной деятельности, а также вопросы расчетных отношений во внутренней и внешней торговле средневековых государств [10]. Кроме того, определены доминирующие тенденции в формировании отраслей гражданского права этих стран. Сравнительно-правовые исследования славянского средневекового права, проведенные В. И. Ермоловичем, внесли значительный вклад в развитие такого современного научного направления, как юридическая славистика, которая акцентирует свое внимание на изучении наиболее общих закономерностей эволюции государства и права славянских народов [28].

Подводя итог сказанному, отметим, что современная историко-правовая наука Беларуси имеет серьезный задел в изучении эволюции государства и права зарубежных стран Древнего мира и Средних веков. Свою лепту в данный задел внесли все ученые из числа названных в данной статье. В настоящее время приоритетной задачей для белорусской историко-правовой науки является определение местоположения национальной государственной и правовой систем в прошлом, настоящем и будущем в контексте развития аналогичных систем ведущих цивилизаций мира. В связи с этим следует отметить, что данная работа в стране была начата столетие назад и продолжается ныне.

Список литературы

1. Беляевская И. М., Очак И. Д. Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке // Славянская история : сб. статей. – М. : Изд-во МГУ, 1966. – С. 5–47.
2. Горемыкина В. И. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе (Опыт историко-теоретического исследования на материалах варварских королевств Западной Европы и Древней Руси). – Минск : Изд-во БГУ, 1982.
3. Довгяло Г. И. Возникновение царской власти у хеттов (На материале хеттских клинописных источников XVIII–XII вв. до н. э.) : автореф. дис. ... канд. ист. Наук. – Минск, 1965.
4. Довгяло Г. И. Становление идеологии раннеклассового общества: На материале хеттских клинописных текстов. – Минск : Изд-во БГУ, 1980.
5. Ермолович В. И. Станаўленне дзяржавы і прававой сістэмы сярэдневяковай Сербіі // Весці Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук. – 2005. – № 3. – С. 29–35.
6. Ермолович В. И. Влияние римского права на развитие гражданского законодательства средневековых славянских стран // Право и демократия : сб. научн. трудов. – Вып. 20. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – С. 127–149.
7. Ермолович В. И. Влияние римского права на развитие обязательственного права балканских государств Средневековья // Древнее право. – 2007. – № 2. – С. 126–139.
8. Ермолович В. И. Влияние римского частного права на процесс исторической эволюции гражданского законодательства Беларуси // Общество в эпоху кризиса глобализации: актуальные проблемы права, экономики и межкультурной коммуникации. Серия «Вузовская наука: от теории к практике» : сб. статей : в 2 т. – Т. 1 : Развитие Российского государства и права: поиск идеальной модели. – Ростов-на-Дону : Спутник науки, 2022. – С. 49–64.
9. Ермолович В. И. Государство и право средневековой Чехии (IX–XVI вв.) : монография. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015.
10. Ермолович В. И. Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (Х–ХV вв.) : монография. – Минск : БГЭУ, 2021.
11. Ермолович В. И. Право средневековой Сербии (XII–XV вв.) – Минск : БГЭУ, 2003.
12. Ермолович В. И. Рецепция норм восточно-римского права в правовую систему средневековой Сербии и славянских стран // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2019. – № 1. – С. 65–76.
13. Ермолович В. И. Римское частное право как источник развития гражданского права Республики Беларусь // Веснік БДЭУ. – 2012. – № 2. – С. 108–114.
14. Ермолович В. И. Римское частное право как источник формирования отечественного хозяйственного законодательства // Веснік БДЭУ. – 2023. – № 2. – С. 93–101.
15. Ермолович В. И. Современный взгляд на процесс становления государства и права славянских народов (по материалам Древнесербского государства) // Научные труды Российской академии юридических наук. Вып. 6 : в 3 т. – Т. 1. – М. : Издательская группа «Юрист», 2006. – С. 166–170.
16. Иоффе Э. Г. Академик В. И. Пичета. Страницы жизни / Э. Г. Иоффе, А. П. Грицкевич, Б. З. Копыssкий. – Минск : Изд-во БГУ, 1981.
17. История Польши : в 3 т. / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллерова, П. Н. Третьякова. – Т. 1. – М. : Изд-во АН СССР, 1954.
18. Лазуткин А. В. История государства и права славянских народов в трудах ученых Беларуси (эпоха средневековья) / А. В. Лазуткин, А. Ю. Лойко // Актуальные проблемы экономического развития Республики Беларусь и его правовое регулирование : материалы респ. науч.-практ. конф. (г. Минск, 30 сентября 2010 г.) / редкол.: Г. Б. Шишко [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2011. – С. 369–379.
19. Нечай Ф. М. Образование римского государства : монография. – Минск : Изд-во БГУ, 1972.
20. Нечай Ф. М. Социальный статус греков эпохи Троянской войны и количество греческих войск под Троей // Вопросы истории Древнего мира и Средних веков / под ред. Ф. М. Нечая, В. М. Лившица. – Минск : Изд-во БГУ, 1977. – С. 29–38.
21. Никольский Н. М. Древний Вавилонъ. – М. : Издание т-ва «Міръ», 1913.
22. Никольский Н. М. Культура Древней Вавилонии. – Минск : Изд-во АН БССР, 1959.

23. Никольский Н. М. Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье (К истории вавилонско-ассирийского общества в III—I тыс. до н. э.). – Минск : Изд-во АН БССР, 1948.
24. Пичета В. И. История Польши : т. 2 (автореферат) // Рефераты научных работ за 1945 г. Отделение истории и философии. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – С. 34–35.
25. Пичета В. И. История Чехии / В. И. Пичета, Б. М. Руколь, А. К. Целовальникова и др. / под ред. академика В. И. Пичеты. – М. : Госиздат. политич. лит., 1947.
26. Пичета В. И. Образование польского государства // Славянский сборник. – М. : Госиздат. политич. лит., 1947. – С. 45–73.
27. Правовые системы: история и современность : материалы межвузовской научно-практической конференции, Минск, 5–6 января 2001 года / [авторы-составители: В. И. Ермолович, В. А. Шелкопляс; редакционная коллегия: В. А. Витушко и др.]. – Минск : ООО «Асобны Дах», 2001.
28. Серегин А. В. Значение компаративистских исследований средневекового государства и права славянских народов в трудах В. И. Ермоловича для юридической славистики // Актуальные проблемы государства и права. – 2024. – Т. 8. – № 2 (30). – С. 233–239. –
29. Ханкевич О. И. Становление древнеримского гражданского процесса // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 3. – С.73–77.
30. Ханкевич О. И. Становление и развитие правовых принципов и институтов в римском частном праве // Право и демократия : Сб. научн. трудов. – Вып. 27 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2016. – С. 146–157.
31. Ханкевич О. И. Правообразование и правоприменение в Римской республике // Право и демократия : сб. научн. трудов. – Вып. 23 / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2012. – С. 119–132.
32. Яноўскі А. А. Вытрымкі з паказанняў У. І. Пічэты час ягоз нахождання пад следствам з верасня 1930 г. па жнівень 1931 г. // Российские и славянские исследования : научный сборник. – Вып. 2 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. – С. 165–170.
33. Ясинский А. Н. Основные черты развитія права въ Чехіи XIII–XV вв. Историко-юридический очеркъ. – Юрьевъ : Императорскій Юрьевскій университетъ, печатано въ типографії К. Маттінсена, 1902.
34. Ясинский А. Н. Паденіе земского строя въ Чешскомъ государстве (Х–XIII вв.). – Кіевъ : Императорскій университетъ Св. Владимира, 1895.

Русский юридический язык (постановка проблемы)

Т. А. Желдыбина

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права
ФГБОУ «Саратовская государственная юридическая академия».
Адрес: ФГБОУ «Саратовская государственная юридическая академия»,
410056, Саратов, Вольская ул., д. 1.
E-mail: tatyana130802@yandex.ru

Russian Legal Language (Problem Statement)

Т. А. Zheldybina

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of History of State and Law
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Saratov State Law Academy».
Address: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Saratov State Law Academy»,
1 Volskaya Str., Saratov, 410056, Russian Federation.
E-mail: tatyana130802@yandex.ru

Поступила 10.08.2025 Принята к печати 16.08.2025

Аннотация

Статья посвящена анализу русского юридического языка. Отмечено величайшее достояние русского народа – русский язык. Особое внимание автора уделено русскому юридическому языку. Актуальность исследования объясняется недавними законодательными поправками, а также повышением внимания к духовно-нравственным ценностям, одной из которых является русский язык. В процессе написания статьи комплексно использованы такие методы, как абстрагирование, индукция и дедукция, анализ и синтез, правовое моделирование и формально-юридический, а также сравнительно-правовой и проблемно-теоретический приемы исследования. Новизна работы состоит в попытке анализа состояния русского юридического языка в критическом ключе, проводится обзор существующих проблем, формулируется ряд предложений по совершенствованию правовой политики в связи с необходимостью повышения качества письменного юридического языка. Установлено, что современный русский юридический язык представляет собой системное образование. Автор отстаивает позицию, что русский юридический язык передает историческую память российского народа. В статье исследован вопрос языковой рецепции. Дается заключение, согласно которому русский юридический язык и русский язык соотносятся между собой как часть и целое. Сложившиеся языковые традиции в правовой сфере являются национальным достоянием.

Ключевые слова: русский язык, русский юридический язык, национальная идентичность, духовно-нравственные ценности, культурно-языковые традиции.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the Russian legal language. The greatest treasure of the Russian people, the Russian language, is noted. The author pays special attention to the Russian legal language. The relevance of the study is explained by recent legislative amendments, as well as the increased attention to spiritual and moral values, one of which is the Russian language. In the process of writing the article, the author uses a combination of methods, including abstraction, formal legal analysis, induction and deduction, analysis and synthesis, legal modeling, comparative legal analysis, and problem-theoretical research methods. The novelty of the work lies in the attempt to analyze the state of the Russian legal language in a critical manner. The paper provides an overview of existing problems and formulates a number of proposals for improving legal policy in order to enhance the quality of written legal language. It has been established that the modern Russian legal language is a systemic formation. The author argues that the Russian legal language conveys the historical

memory of the Russian people. The article explores the issue of language reception. The conclusion is that the Russian legal language and the Russian language are related as part and whole. The established linguistic traditions in the legal field are a national treasure.

Keywords: Russian language, Russian legal language, national identity, spiritual and moral values, cultural and linguistic traditions.

Русский язык входит в группу славянских языков, является компонентом русской культуры и государственным языком Российской Федерации.

Русский язык, как государственный язык Российской Федерации, представляет собой один из важнейших факторов сохранения единого информационного, образовательного и культурного пространства, улучшения межнационального взаимодействия. Как один из механизмов реализации прав и свобод граждан России, он является систематизирующим фактором сохранения целостности Российской Федерации, элементом осуществления единства государственного управления [9. – С. 8, 20].

Сложные и противоречивые процессы, происходящие на современном этапе развития российского государства, обуславливают важность обращения к вопросам национальной идентичности, сохранения духовности и сложившегося культурно-языкового опыта, формировавшегося на протяжении многих столетий. В этой связи важным видится обращение к проблемам русского языка в правовой сфере, поскольку вопросы формулирования мысли законодателя и состояния юридической терминологии по-прежнему не теряют своей значимости.

В настоящее время наблюдается сближение и взаимное влияние различных правовых систем в связи с процессами глобализации права, адаптации иностранной юридической лексики, поэтому вопросы языка права наполняются новым содержанием.

Кроме того, актуальность предпринятого исследования объясняется недавними законодательными изменениями. Так, Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 168-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения в следующие законодательные акты:

– в закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», пункт 2 статьи 10 которого дополнен текстом: «Информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей, должна быть выполнена на русском языке как государственном языке Российской Федерации...»;

– в Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», новая редакция статьи 58 которого содержит положение о том, что Российской Федерации способствует укреплению позиций русского языка.

Усиливается популяризация существующих российских духовно-нравственных ценностей, таких как справедливость, семья, гражданственность и, что особенно важно, русский язык.

Особый интерес представляет процесс формирования русского правового языка и изучение истории юридической лексики.

Юридический язык представляет собой системное образование, а значит, согласно теории систем, обладает системным эффектом, т. е. не сводим только к литературно-языковой составляющей, а приобретает особые специфические качества [8. – С. 71].

Системное изучение истории русского юридического языка, его структуры и особенностей является неотъемлемой частью языкоznания. Не случайно к области научных интересов многих филологов и лингвистов относятся различные аспекты функционирования и развития русского юридического языка (такие авторы, как М. Е. Воробьева, Л. М. Голиков, Е. А. Кузнецова, Н. Н. Лыкова, О. В. Никитина, Л. Н. Русинова, Н. В. Смирнова, О. Ф. Юрчук и др.), а юрислингвистика привлекает все большее внимание новых исследователей.

Для российского государства русский язык является гарантом его целостности и цементирующей основой системы духовно-нравственных ценностей. Консолидация современного российского общества предполагает уважение к сложившимся духовно-нравственным ориентирам и осознание того, что русский язык – это величайшее достояние русского народа, получившее прославление в устном и письменном творчестве.

Восхваление русского языка встречаем уже у протопопа Аввакума: «По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною, протопопа Аввакума, и аще что речено просто, и вы, Господа ради, чтуши и слыша-

щии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами филосовскими не обык речи красит, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хощет» [6].

Русский язык прославляли писатели и поэты – М. Горький, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, А. И. Куприн, К. Г. Паустовский, А. С. Пушкин, М. М. Пришвин, А. Н. Толстой, М. А. Шолохов и др. Вспомним цитаты представителей поэзии Серебряного века.

Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нем раздолье,
В нем клекоты орла и волчий рык,
Напев, и звон, и ладан богомолья
(К. Бальмонт «Русский язык»)

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

(А. Ахматова «Мужество»)

Обратим внимание на то, что истоки почитания русского языка связаны с традициями праславянского, старославянского и древнерусского языка. Церковнославянский (старославянский) язык, возникший в IX веке и связанный с именами братьев Кирилла и Мефодия, был книжным, а не разговорным языком церковной культуры, в целом языком христианского богослужения славянских православных церквей.

Так, филолог С. П. Шевырев считает памятники письменности церковного и юридического характера художественной литературой, а их церковнославянский язык – единственным в то время литературным языком [13. – С. 210].

Интересно, что церковнославянские языковые элементы постепенно соединялись с древнерусским языком. Справедливо мнение о том, что в истории русского языка прослеживается преемственность церковнославянской языковой традиции [7. – С. 76].

Большое значение в формировании и развитии российской государственности играет русский юридический язык. Языковеды, как и историки права, зачастую не придают внимания тому, что слова с юридическим значением появились у славян на много веков раньше, нежели государство и государственное законодательство [11. – С. 174].

Система нравственных и духовных ценностей получила воплощение сначала на уровне традиций и обычаев, а затем была закреплена в законодательстве. Весьма интересное представление о формировании юридических терминов и их этимологии дает в своей работе М. А. Исаев «Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства» (М. : Спарк, 2001).

Русский народ, стремясь к независимости и самоопределению, создавал свою культуру, нормативно-ценное пространство бытия, духовной основой которого было православие. Однако языковая рецепция в правовой сфере существовала. Как отмечает В. Ю. Туранин, терминологическое наполнение отечественных юридических норм с древних времен происходило с помощью рецепции, являвшейся одним из основных элементов нормативного конструирования. Первоначально термины заимствовались из греческого, а также из тюркских и скандинавских языков [12. – С. 51]. Юридический язык усложнялся в связи с изменением общественных отношений.

В русском юридическом языке есть заимствования, в частности из романских языков (прежде всего из латыни – «юстиция», «презумпция», «сервитут», «реституция» и др.).

Советский лингвист и литературовед В. М. Жирмунский отмечал, что к романским (неолатинским) языкам часто приближается английский. Начиная с эпохи Возрождения происходит массовое проникновение в английский язык латинских и французских слов, облегченное частичной романизацией английской лексики в предшествующий исторический период. Они легко ассимилировались, примыкая к старофранцузской лексике: для сравнения можно привести примеры таких дублетов: ст.-фр. estate (англ. поместье) – лат. state (государство); ст.-фр. leal (верный) – лат. legal (законный) [5. – С. 189].

В целом современный юридический язык отвечает требованиям ясности, корректности, строгости, краткости, терминологической определенности. Исследования лексико-семантического поля государственного языка приводят к выводу о том, что ядро государственного языка составляет юридический язык [1]. Несмотря на продолжительную историю своего существования и развития, сегодня он далек от совершенства. Попытаемся обозначить его специфику и проблемное поле.

Взаимодействие в юридической сфере требует использования официального юридического языка, и применение иных языковых средств может привести к коммуникативной неудаче [4. – С. 127].

Современный юридический язык проявляет стабильную тенденцию к дифференциальному разнообразию, специфика которого ставит вопрос о том, является ли этот язык отдельным профессиональным диалектом, регистром или подъязыком профессионального общения [10. – С. 100].

Как заметил профессор Чжан Фалянь, «как и другие социальные диалекты, юридический язык представляет собой множество языковых функций с особым употреблением и собственными законами, сформированными в долгосрочном употреблении в соответствии с социокультурной средой и коммуникативными целями, коммуникативными объектами и другими прагматическими факторами» [14. – С. 19]. Согласно исследованиям, проведенным китайскими учеными Сяо Баохуа и Кун Фаньин в 2005 г., юридический язык различают по назначению и форме.

По назначению юридический язык можно подразделить:

- на язык правотворчества (юридический язык, используемый законодателем и/или представленный нормативным текстом, терминология, синтаксис, структура и стиль которого имеют четкие характеристики);
- судебный язык (используемый в судебной практике, включающий в себя судебную письменность и судебную устную речь).

По форме юридический язык делят:

- на юридический письменный язык (включающий кодифицированный закон и используемый в различных видах судебных документов);
- юридический разговорный язык (используемый в юридической деятельности, в том числе на допросах, в беседах, в речах и дебатах) [14. – С. 23, 24].

Письменный юридический язык сегодня не всегда отличается высоким качеством. Несмотря

на массовое юридическое образование и общирную подготовку юристов, далеко не каждому выпускнику по окончании высшего юридического учебного заведения удается грамотно составить юридические документы. Тематика подготовки «законотворцев» неоднократно становилась предметом обсуждения в юридической литературе, на страницах периодической печати, в научном сообществе и до сих пор остается актуальной.

Практикующий юрист Р. Бевзенко указал на следующие основные проблемы письменного юридического языка:

- 1) агрессивная эксплуатация такого стиля, как канцелярит;
- 2) максимально пространные формулировки законодателя;
- 3) избыточное цитирование положений закона;
- 4) боязнь высказывания своего мнения;
- 5) неряшливость и небрежность в оформлении юридических документов [3].

Чистота юридического письменного языка является одной из важных проблем правотворчества, поскольку основной его функцией является коммуникативная.

В России сложились определенные культурно-языковые традиции, система детерминант и ориентиров в данной сфере, накоплен большой опыт юридической языковой практики.

Верно наблюдение М. О. Акишина: «Юридический язык России является частью истории ее правовой и шире – национальной культуры» [2. – С. 180].

Русский юридический язык и русский язык относятся как часть и целое. Эффективность модернизации общественного развития будет расти, если сохранить национально-культурные языковые традиции и включить в концепцию правовой политики разработку вопросов о повышении качества русского юридического языка. Такая установка будет в полной мере соответствовать национальным интересам.

Список литературы

1. Акишин М. О. Становление юридического языка в Древней Руси IX–XII вв. // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 1. – С. 203–236.
2. Акишин М. О. Юридический язык в истории правовой культуры России // Государство и право. – 2020. – № 2. – С. 172–183.

3. Бевзенко Р. Об особенностях русского письменного юридического языка // Почему мы так плохо пишем юридические тексты. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/01/26/ob_osobennostyah_russkogo_pismennogo_yuridicheskogo_yazyka_pochemu_my_tak_ploho_pishem_yuridicheski (дата обращения: 10.09.2025).
4. Бушина Е. Р. Грудина М. В. Диалектная лексика и лингвистические аспекты ее рассмотрения в языке права // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики: современные тенденции и перспективы развития : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – СПб., 2023. – С. 124–130.
5. Жирмунский В. Национальный язык и социальные диалекты. – Л. : Художественная литература, 1936.
6. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-17/5 (дата обращения: 10.09.2025).
7. Карпенко Л. Б. О роли церковнославянской традиции в развитии лексики русского права // Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2016. – Вып. 1. – С. 70–77.
8. Куклин С. В. Требования к юридическому языку как проблема юридического мышления // Вестник УЮрГУ. Сер. «Право». – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 69–74.
9. Ляшенко Н. В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
10. Медведева М. С. Юридический язык в аспекте современных дискурсивно-прагматических теорий // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 5. – С. 94–105.
11. Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX – середины XVII в.). – М. : МГИУ, 2006.
12. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2019.
13. Чапаева Л. Г. Языковая рефлексия в спорах славянофилов и западников 1840-х годов. – М. : МПГУ, 2019.
14. Чжан Ф. Юридический язык и правовая культура в Китае и на Западе: сравнительный анализ / пер. с кит. Ши Лэй; отв. ред. П. В. Трошинский. – М. : Наука, 2021.

Воздействие права на социальные отношения: предмет и методы

М. А. Капустина

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС».

Адрес: АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС»,

194044, г. Санкт-Петербург, Смолячкова ул., д.16.

E-mail: mkapustina@list.ru

Impact of Law on Social Relations: Subject and Methods

M. A. Kapustina

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the AN HEO «University associated with IA EAEC».

Address: AN HEO University associated with IA EAEC»,

16 Smolyachkova Str., Saint Petersburg, 194044, Russian Federation.

E-mail: mkapustina@list.ru

Поступила 10.08.2025 Принята к печати 21.08.2025

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблем предметной направленности правового регулирования и используемых в современных условиях методов воздействия на юридически-значимые социальные отношения. На основе системной методологии и мониторинга новейшей судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и Федеральных арбитражных судов обоснована необходимость переосмысливания места субъекта права в механизме государственно-нормативного управления. С привлечением литературных источников показаны уязвимые в теоретическом и практическом плане моменты «механистической» концепции правового регулирования, в которой внимание сосредоточено на совокупности властно-принудительного инструментария. Одновременно раскрыты преимущества системного подхода к предмету и методам воздействия права с точки зрения его гуманистической составляющей. Применение методов структурного анализа, индукции и дедукции, юридической герменевтики и компаративистики в их диалектической взаимосвязи позволило сделать выводы по заявленной в названии статьи теме и сформулировать новые научные положения. В выводах автор предлагает переосмыслить характеристику социальных отношений, на которые направлено правовое регулирование в условиях сегодняшних реалий, и доказывает, в том числе на примерах конкретных судебных дел, объективную необходимость использования в методах нормативно-управляющего воздействия современных технологий, прежде всего информационных. Включенность информационных и антропотехногенных средств взаимодействия в социальные отношения расширяет границы предмета правового регулирования, что должно учитываться в методах нормативно-управляющего воздействия при сохранении правовой автономизации и недопущении «расторгновения» юриспруденции в смежных с ней областях регулирования.

Ключевые слова: нормативно-управляющее воздействие права, предмет правового регулирования, методы правового регулирования, нормы права, социальные отношения, антропотехногенная сфера, информационные технологии, субъект права, адресат правового воздействия, системная методология, механизм правового регулирования, состав правонарушения, структура правового отношения, практика Верховного Суда Российской Федерации, практика арбитражных судов Российской Федерации, судебные извещения.

Abstract

The article is devoted to the study of the problems of the subject focus of legal regulation and the methods of influencing legally significant social relations used in modern conditions. Based on the systemic methodology and monitoring of the latest judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the Federal Arbitration Courts, the need to rethink the place of the subject of law in the mechanism of state-normative management is substantiated. With the involvement of literary sources, vulnerable theoretical and practical aspects of the "mechanistic" concept of legal regulation are shown, in which attention is focused on the totality of the authoritative-coercive instruments. At the same time, the advantages of a systematic approach to the subject

and methods of influencing law, from the point of view of its humanistic component, are revealed. The use of methods of structural analysis, induction and deduction, legal hermeneutics and comparative studies in their dialectical relationship made it possible to draw conclusions on the topic stated in the title of the article and formulate new scientific provisions. In the conclusions, the author proposes to reconsider the characteristics of social relations, which are the focus of legal regulation in the context of today's realities, and proves, including using examples of specific court cases, the objective need to use modern technologies, primarily information technologies, in the methods of normative-management influence. The inclusion of information and anthropogenic means of interaction in social relations expands the boundaries of the subject of legal regulation, which should be taken into account in the methods of normative-management influence while maintaining legal autonomy and preventing the "dissolution" of jurisprudence in related areas of regulation.

Keywords: normative and governing impact of law, subject of legal regulation, methods of legal regulation, legal norms, social relations, anthropogenic sphere, information technology, subjects of law, addressee of legal impact, a systems methodology, mechanism of legal regulation, composition of an offense, structure of a legal relationship, practice of the Supreme Court of the Russian Federation, practice of arbitration courts of the Russian Federation, judicial notices.

Содержание и институционально-отраслевая структура предмета правового регулирования и методы нормативно-управляющего воздействия остаются дискуссионными вопросами правоведения в теоретическом и прикладном ключе. Поводом для обсуждения выступает и проблема соотношения отраслей и институтов норм права с кодифицированными и некодифицированными отраслями и институтами законодательства, особенно с учетом специфики двухуровневой правовой системы в условиях федеративного устройства российского государства.

Весь накопленный человечеством правовой опыт свидетельствует о сложности и многоаспектности регулирования социальных отношений. Так, А. В. Серегин указывает, что «коллективные органы земских древнеславянских общин, городов-государств и могущественных феодальных держав, представленные в виде вечевых собраний или сословных соборов, принимали значительные межотраслевые нормативно-правовые акты, охватывающие большинство сфер социальных отношений» [9. – С. 30]. Право, несмотря на разницу во взглядах на его природу, структуру, форму выражения и способ обеспечения, рассматривается в контексте управления поведением людей на основе установления равного масштаба свободы выбора решений. По этому поводу И. А. Иванников пишет: «Реализация принципа равенства граждан перед законом и судом во многих странах мира еще далека до идеала» [5. – С. 15]. Регулятивный потенциал права актуализируется в обстоятельствах объективно необходимого взаимодействия и сотрудничества субъектов для сохранения жизнеспособности общества, его развития в условиях ограни-

ченных ресурсов, внешних или внутренних угроз его существованию.

Властно-принудительные возможности государства, профессионально отточенные веками государственного строительства, создают почву для представления правового регулирования в качестве создаваемого законодателем целенаправленного управленческого механизма воздействия на те отношения и поведение, которые в текущий исторический момент имеют юридическое значение. Учитывая аппаратный характер публичной власти даже при сохранении ее социальной природы, право в механистическом ракурсе видится отчужденным от человека принудительным инструментом государственной машины. Критика такого подхода, безусловно, не должна приводить к обесцениванию ценности государства и его роли в становлении, развитии и сохранении цивилизации. В то же время «механизация» правового порядка затемняет гуманистическую цель нормативно-управляющего воздействия на социальные отношения, акцентируя внимание на обязательности установленных правил, законности действий и государственном принуждении в случае отступления от юридических норм.

В некотором смысле методологически причина превращения человека в объект государственного воздействия коренится в самом термине «предмет», который традиционно используется для характеристики направленности правового регулирования. Определение предмета правового регулирования через общественные отношения приводит к логическому включению участников регулируемых правом отношений в структуру предмета нормативно-управленческого воздействия в качестве адресата воздействия. Однако, становясь адресатом юридической нор-

мы, человек не перестает быть субъектом права, а права человека остаются ценностным ориентиром для государственного функционирования и объектом правовой охраны. Результативность правового воздействия детерминирована не только юридико-техническими качествами механизма государственного регулирования. Она зависит от осознания субъектом смысла юридических установлений, его правокультурной установки на выполнение нормативных требований, стремления человека использовать свои права. Деятельностный аспект механизма правового регулирования раскрывает системные связи между его элементами – нормами, правовыми отношениями, актами реализации прав и обязанностей, правоприменительными решениями.

Подобный подход подтверждает и практика Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ). Так, постановлением от 12 мая 2025 г. №5-АД25-19-К2 судьи ВС РФ С. И. Кузьмичева были изменены постановление мирового судьи, решение районного судьи и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении гражданина по делу об административном правонарушении в области дорожного движения – невыполнении обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием, согласно статье 12.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Судьей ВС РФ действия гражданина были переквалифицированы с вмененного ему нижестоящими судами состава «оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия» (ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ) на состав «невыполнение водителем обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием» (ч. 1 ст. 12.27 КоАП РФ). Основанием переквалификации стал не принятый во внимание судами трех инстанций, но установленный судьей ВС РФ факт отсутствия в действиях гражданина – водителя – умысла на совершение административного правонарушения в части оставления места дорожно-транспортного происшествия, участником которого он являлся.

Несмотря на формальное нарушение запрета на перемещение транспортного средства после дорожно-транспортного происшествия (п. 2.5 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090; далее – ПДД), в данном случае намерения нарушить указанное правило у водителя не

было, т. е. отсутствовал такой элемент состава правонарушения, как вина в форме умысла. Это с очевидностью подтверждается обстоятельствами дела. Водитель остановил транспортное средство не буквально на месте, где произошло столкновение с другим транспортным средством, а в нескольких метрах от него для того, чтобы освободить проезжую часть и не создавать препятствий движению других транспортных средств (п. 2.6.1 ПДД). Правонарушение заключалось в невыполнении водителем требований пункта 2.6.1 ПДД в части необходимости до перемещения транспортного средства с места столкновения зафиксировать при помощи фото- или видеосъемки положение транспортных средств после происшествия относительно друг друга и дорожных объектов, следы и повреждения от столкновения. Следовательно, нарушение подлежит квалификации в соответствии с составом, предусмотренным частью 1 статьи 12.27 КоАП РФ.

Остановка транспортного средства рядом с местом столкновения во избежание дорожного затора, несомненно, не должна интерпретироваться как оставление водителем места дорожно-транспортного происшествия. Признание важности правильного использования приемов толкования в процессе юридической квалификации и правовой аргументации решения по делу находит отражение в юридическом образовании, в частности, в обосновании в ряде вузов таких учебных дисциплин, как «Толкование права и закона» и «Юридическая герменевтика». Буквальное толкование, использованное сотрудником ГИБДД при составлении протокола об административном правонарушении и судами трех инстанций при оценке действий гражданина по соблюдению/несоблюдению им нормы-запрета, в рассмотренном примере было неприемлемо. В то же время расширительное и ограничительное толкования таят в себе дискрецию (от лат. *discretio* – усмотрение) должностного лица, осуществляющего правоприменительную квалификацию поведения лица в качестве правомерного или неправомерного. Баланс возможен при системном подходе к регулируемым правом сферам социальных отношений и методам правового воздействия, прежде всего запретам, возложению позитивных обязанностей на субъектов и предоставлению им прав.

На системность регулирования обращают внимание в юридической литературе [3; 1]. Характеризуя предмет регулирования через качественно однородные общественные отношения,

их правовую форму представляют как трехэлементную систему, включающую субъектов, объект и содержание. Устанавливая юридическую норму, орган государственной власти определяет систему «если (гипотеза) – то (диспозиция) – иначе (санкция)». Создавая кодифицированный акт, законодатель формирует систему общего и специального регулирования, например, в уголовно-правовой сфере, и, соответственно, объединяет в общей части кодекса правоположения, имеющие значение для всей совокупности отраслевых отношений, а в особенной части дифференцирует правовое регулирование применительно к отдельным видам и подвидам отраслевых отношений. В то же время системность правового регулирования обеспечивается межотраслевыми институтами (юридическая ответственность, договор), которые, несмотря на отраслевую специфику, обладают общеправовыми свойствами.

Включение в предмет правового регулирования отношений между людьми в политической, экономической, религиозной, языковой, этнокультурной, спортивной сферах, с одной стороны, и, с другой стороны, поведение человека в связи с научно-исследовательскими разработками, созданием и эксплуатацией техники и технологий, освоением космоса и мирового океана привели к необычайному усложнению и расширению области нормативно-управляющего воздействия, необходимости привлечения в юриспруденцию и интеграции в ее рамках результатов антропологических, социолингвистических, психологических, математических, кибернетических, статистических и других неюридических (с точки зрения структуры научно-практического знания) исследований.

Сегодня юридически значимая деятельность не может регулироваться в отрыве не только от духовного и политико-экономического, но и от антропо-техногенного контекста. Использование людьми самых разных информационных, промышленных, атомных, транспортных, финансовых, медико-биологических технологий требует адекватного наполнения правового инструментария, обеспечивающего механизм регулирования отношений между субъектами. В связи с тем, что, во-первых, правовое воздействие – это всегда передача информации (сначала на глиняных табличках или глашатаями, позже в газетах, по радио и телевидению, а в наши дни прежде всего в интернете), во-вторых, информационные права с конца XX в. фактически определяют правовой

статус личности, правосубъектность лица, из всех технологий наиболее востребованными в механизме правового регулирования являются, бесспорно, информационные.

Информационные технологии, средства передачи сведений и документов обеспечивают правовое воздействие на всех его этапах. Судя по практике ВС РФ, сегодня особую актуальность приобрел вопрос применяемых российскими судами способов уведомления лиц и направления им судебных документов. Так, определением ВС РФ № 305-ЭС25-1701 от 19 июня 2025 г. по делу № А41-93046/2021 отменены решения апелляционного и кассационного арбитражных судов, которыми гражданину отказано в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу апелляционной жалобы. Основанием для отмены решений нижестоящих судов послужил установленный ВС РФ факт нарушения судом апелляционной инстанции процессуального порядка извещения лица о проведении судебного заседания.

В целях разрешения споров о надлежащем уведомлении лица или о направлении лицу документа суды изучают реестры сформированных почтовых отправлений и отчеты об отслеживании отправлений. Указанные документы создаются в электронном формате с помощью онлайн-сервисов акционерного общества «Почта России», печатаются и приобщаются к материалам судебного дела. Из рассмотренных ВС РФ обстоятельств дела № А41-93046/2021 следовало, что нижестоящие суды установили факт надлежащего извещения гражданина на основе имеющихся в материалах дела реестра сформированных почтовых отправлений и отчета об отслеживании почтового отправления по номеру почтового идентификатора. Согласно почтовым документам, судебное извещение было направлено гражданину, но возвращено в суд в связи с истечением срока хранения, потому что гражданин за извещением не явился в пункт вручения – отделение почтовой связи.

Между тем ВС РФ обратил внимание на всего двухминутную разницу между указанным в отчете об отслеживании отправления по номеру почтового идентификатора временем передачи почтальону судебного письма и отметкой о неудачной попытке его вручения гражданину. Эти сведения должны были вызывать, как указал ВС РФ, «обоснованные сомнения» в отношении факта получения гражданином информации о судебном

письме (определение ВС РФ № 305-ЭС25-1701 от 19 июня 2025 г. по делу № А41-93046/2021). Более того, в рассматриваемом деле, во-первых, гражданин представил суду ответ почтовой организации, согласно которому доставка писем до адресатов вообще не производится из-за отсутствия в данном отделении ставки почтальона. Во-вторых, суд не воспользовался электронной почтой для извещения гражданина, несмотря на наличие такой возможности. В результате ненадлежащего использования доступных суду средств связи было нарушено процессуальное право гражданина на обжалование судебного акта. Гражданину стало известно о вынесенном в отношении него судебном акте, когда банк на основании этого акта заблокировал ему счет и направил соответствующую информацию в текстовом сообщении.

Поскольку такого рода споры возникают довольно часто, постольку определение ВС РФ № 305-ЭС25-1701 от 19 июня 2025 г. по делу № А41-93046/2021 вызвало интерес у юридической общественности и было расценено, можно сказать, как прецедент. Тем не менее методы регулирования прецедентного права не соответствуют романо-германской традиции, к которой принадлежит Российская Федерация. Вот как поступил Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в аналогичных обстоятельствах по делу №А56-103920/2024 еще за месяц до вынесения ВС РФ рассмотренного выше определения по делу № А41-93046/2021.

В деле № А56-103920/2024, установив на основании отчета об отслеживании почтового отправления, что временной промежуток между передачей судебного письма почтальону и отметкой о неудачной попытке его вручения адресату составляет четыре минуты, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд направил запрос в акционерное общество «Почта России» о представлении необходимых разъяснений. В определении от 13 мая 2025 г. по делу № А56-103920/2024 Тринадцатый арбитражный апелляционный суд ссылается на полученный по запросу ответ, согласно которому размещение на сайте Почты России сведений о времени почтовых операций зависит «от особенностей технологического процесса обработки почтовых отправлений в ОПС» (определение Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 мая 2025 г. по делу № А56-103920/2024). Руководствуясь презумпцией добросовестности Почты России, в

отсутствие доказательств обратного, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в деле № А56-103920/2024 не выявил нарушений при доставке судебного письма и счел уведомление лица надлежащим. В результате в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока на подачу апелляционной жалобы по делу № А56-103920/2024 гражданину было отказано.

Обсуждая использование информационных технологий в механизме правового регулирования, интересно обратить внимание на правила, установленные с 2010 г. в части 6 статьи 121 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которым арбитражный суд обязан уведомить лицо о судебном разбирательстве только один раз. После этого ответственность за своевременное получение информации о движении дела полностью ложится на самих участников процесса. Основным источником информации, безусловно, является онлайн-сервис Федеральных арбитражных судов «Мой Арбитр».

Правовое воздействие, его предмет и методы эволюционируют вместе с обществом. Традиционная предметно-отраслевая структура права дополняется новыми группами отношений и видов деятельности, нуждающимися в специализированном режиме нормативного воздействия. Группы социальных отношений, схожие по своим юридическим свойствам и требующие особого метода регулирования, постепенно формируются в правовой системе, получают научное обоснование и законодательное закрепление. Таков, надо сказать, исторический путь развития юриспруденции. Право Древнего Рима характеризуется практической направленностью. Его казуистичность проистекала из задачи поиска решений конкретных вопросов и споров о праве, которые возникали в жизни людей. Как и сейчас, юридическое решение должно было быть не только обоснованным по праву, но и логически последовательным, опираться на разработанные еще древнегреческими мыслителями правила аналогии, анализа и синтеза, системного обобщения [2. – С. 140–143; 4. – С. 110–112].

Применяемые в правоведении методы всегда оказывались в зоне особого внимания [6. – С. 43–49; 7. – С. 12; 10. – С. 286]. Обоснование метода воздействия на социальные отношения требует убедительных доводов в пользу его правового характера и эффективности. На выбор методов в юриспруденции влияет и модель правопонимания, которой придерживается автор. Например,

Г. Кельзен делал акцент на формально-логических (догматических) приемах толкования. Представители социологической школы доказывают необходимость применения в праве конкретно-социологических и статистических методов. Несмотря на тесную взаимосвязь права с другими сферами жизнедеятельности общества, методы, разработанные для решения неюридических задач, нуждаются в адаптации для их использования в механизме правового регулирования [11]. Так, из естествознания в государственно-правовой механизм был заимствован эксперимент. За последние несколько лет в правовом пространстве Российской Федерации появился целый ряд нормативных актов, в которых закреплен метод правового эксперимента. В частности, в 2020 г. были приняты федеральные законы «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой».

Отметим, что в учебной литературе методы правового эксперимента, правового прогнозирования, правового моделирования практически не рассматриваются. Между тем их использование требует учитывать два обстоятельства. Во-первых, со времен неокантианцев (XIX в.) юриспруденцию принято относить к идиографическим наукам, для которых важным является понимание и описание не константных и неизменных причинно-следственных связей, не зависящих от воли и сознания индивида, а явлений единичных, уникальных [8], каким и следует признать каждого человека. Во-вторых, еще в начале прошлого столетия в естествознании был поставлен вопрос о необходимости переосмысления методов познания в связи с тем, что, в частности, в физике в некоторых случаях одни и те же факты могут использоваться для подтверждения разных теорий, а одна и та же теория может опираться на разные, иногда отрицающие друг друга, факты. Исследования в области квантовой механики выявили существование ненаблюдаемых объектов и возможность зависимости результатов эксперимента от естествоиспытателя.

Современные разработки в области физики, химии, генетики, биологии, медицины, нейротехнологий показывают, как личная этико-духовная позиция ученого, его культурный код, научное окружение, источники финансирования влияют на постановку задач, формулирование научных

гипотез, выбор исследовательских средств достижения результатов. В то же время юридические исследования убедительно доказывают возможность прогнозирования типичных моделей правомерного и неправомерного поведения, выявления его мотивов и причин. Адаптация методов естествознания для задач в области правового регулирования актуальна с точки зрения интенционального (от лат. *intentio* – стремление) и телеологического (от греч. *telos*, род. п. *teleos* – цель, и *lógos* – понятие, закон, порядок) типов юридически значимого поведения. Не отрицая в принципе существование политico-государственных, юридических, поведенческих закономерностей в социальных отношениях и не приижая научного значения понимания естествоиспытателя, его этического восприятия природных объектов, следует отметить, что, возможно, методологической основой для интеграции методов естествознания в механизм правового регулирования служит гуманистическая составляющая естественнонаучных исследований и правового воздействия.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что воздействие права на социальные отношения тесно переплетено с процессами, происходящими во всех сферах жизнедеятельности. Предмет и методы регулирования, структура нормативно-управляющего механизма отражают сложность и вариативность моделей взаимодействия между субъектами, многообразие видов человеческой деятельности. Методы воздействия на поведение субъекта выкристаллизовываются в условиях синергийного сочетания достижений гуманитаристики и естествознания и тяготеют к междисциплинарности.

Предмет воздействия включает в себя, наряду с отношениями, традиционно регулируемыми правом, социально значимую активность по освоению природных объектов, разработке и эксплуатации промышленной и транспортной инфраструктуры, различных технологий. В наши дни на первый план выходят информационная и антропо-техногенная сферы, что концептуально требует учитывать в методах правового регулирования достижения в области неюридических дисциплин – социологических, культурологических, психологических, антропологических, герменевтических, лингвистических, кибернетических. Это обогащает правовой инструментарий воздействия на социальные отношения, имеет значение для правотворчества и правопримени-

тельной практики. В то же время существует риск предметного «размывания» границ правовой сферы, слияния юриспруденции со смежными ей областями политического, финансового, нравственного, технического регулирования. Преодо-

ление юридико-регулятивного релятивизма, обеспечение предметной оригинальности правового воздействия возможно на основе системного подхода к структуре и институциональному содержанию нормативно-управляющего механизма.

Список литературы

1. Альчурон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы // Российский ежегодник теории права. – 2010. – № 2 (СПб., 2011). – С. 309–472.
2. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. – М. : Изд-во МГУ : Инфра-М – Норма, 1998.
3. Ван Хук М. Право как коммуникация // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 2 (265). – С.44–54.
4. Гарридо М. Х. Г. Римское частное право: казусы, иски, институты. – М. : Статут, 2005.
5. Иванников И. А. Проблема обеспечения принципов справедливости и запрета дискриминации в законодательстве // Экономика. Право. Общество. – 2025. – Т. 10. – № 1 (41). – С. 9–16.
6. Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. – М. : СГА, 2003.
7. Матузов Н. И. О методологической ситуации в российском правоведении // Современные методы исследования в правоведении / под ред. А. В. Малькова, Н. И. Матузова. – Саратов : СЮИ МВД России, 2007.
8. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки / вступ. ст. Б. В. Маркова. – СПб. : Наука, 1997.
9. Серегин А. В. Источники и формы древнеславянского права // Наука. Общество. Государство. – 2024. – Т. 12. – № 2 (46). – С. 24–35.
10. Сырых В. М. Материалистическая теория права. Избранное. М. : РАП, 2011.
11. Тарасов Н. Н. Метод и методологический подход в правоведении (попытка проблемного анализа) // Правоведение. – 2001. – № 1. – С. 31–50.

Конституционно-правовое содержание и актуальные проблемы института гражданства

И. В. Макеева

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет».
Адрес: ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»,
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 78.
E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

Н. С. Грудинин

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет».
Адрес: ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»,
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 78.
E-mail: grudinin@mirea.ru

Constitutional and Legal Content and Current Issues of the Citizenship Institute

I. V. Makeeva

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of RTU MIREA.
Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«MIREA – Russian Technological University»,
78 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.
E-mail: makeevainna2011@yandex.ru

N. S. Grudinin

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of RTU MIREA.
Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«MIREA – Russian Technological University»,
78 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.
E-mail: grudinin@mirea.ru

Поступила 10.09.2025   Принята к печати 20.09.2025

Аннотация

В статье проводится анализ конституционно-правового содержания института гражданства, которое, как известно, является одним из важнейших элементов правового статуса личности. Российское гражданство дает человеку определенный законом объем прав и обязанностей, защита которого гарантируется государством. Содержание института гражданства не ограничивается обеспечением правового статуса личности; он служит объединению и стабильности общества, при его помощи решаются проблемы демографии и миграции. Отмечается, что концепция понимания гражданства как принадлежности человека определенному государству отражает особый характер данного института. На современном этапе вопрос развития правового регулирования гражданства не теряет своей актуальности, особенно с учетом миграционных процессов. Статья содержит анализ отдельных актуальных на сегодняшний день проблем института гражданства, а также предложения о возможных путях их решения. В частности, исследуются вопросы

упрощенного процесса приобретения российского гражданства, наличия двойного (множественного) гражданства, прекращения гражданства.

Ключевые слова: гражданство, российское гражданство, институт гражданства, личность и государство, правовой статус, конституционный статус, приобретение гражданства, лишение гражданства, прекращение гражданства.

Abstract

The article analyzes the constitutional and legal content of the institution of citizenship, which is known to be one of the most important elements of the legal status of an individual. Russian citizenship gives a person a legally defined amount of rights and obligations, the protection of which is guaranteed by the state. The content of the institution of citizenship is not limited to ensuring the legal status of an individual; it serves the unification and stability of society, with its help the problems of demography and migration are solved. It is noted that the concept of understanding citizenship as belonging to a particular state reflects the special nature of this institution. At the present stage, the issue of the development of legal regulation of citizenship does not lose its relevance, especially given the presence of migration processes. The article contains an analysis of some of the current problems of the institution of citizenship, as well as the authors suggest possible solutions. In particular, the issues of the simplified process of acquiring Russian citizenship, the presence of dual (multiple) citizenship, and the termination of citizenship are being investigated.

Keywords: citizenship, Russian citizenship, the institution of citizenship, personality and the state, legal status, constitutional status, acquisition of citizenship, deprivation of citizenship, termination of citizenship.

Правовое значение института гражданства чрезвычайно велико, и это относится не только к нашей стране. В любом государстве именно гражданство является тем основанием, по которому человек имеет комплекс прав, обязанностей и находится под эгидой своего государства, пользуется его правовой поддержкой на территории своей страны и за рубежом. В этом состоит основной смысл данного правового института. Проблемы гражданства сохраняют свое значение как в национальном праве, так и в международном.

В разных государствах институт гражданства имеет свои особенности. В частности, в ряде стран предусматривается единое гражданство, однако в отдельных странах с федеративной формой устройства гражданство может быть двойным (гражданство союза или федерации, а также гражданство отдельного субъекта). Разнятся и способы приобретения и прекращения гражданства. Институт гражданства регулируется также международными нормами. Например, в Европейской конвенции о гражданстве 1997 г.¹ предусмотрены правила для каждой страны-участницы по вопросам гражданства, регулируются коллизионные вопросы гражданства. В статье 24 Международного пакта о гражданских и

политических правах² предусмотрено право каждого ребенка на приобретение гражданства.

Как отмечает К. Л. Бердникова, в отечественной юридической науке гражданство понимается в разных аспектах, а именно:

- как конституционно-правовой институт;
- политico-правовое явление, которым определяется характер отношений личности и государства;
- одно из основных субъективных прав человека [2. – С. 27].

Гражданство, будучи одним из основополагающих элементов правового статуса личности, наделяет человека объемом прав и обязанностей. Значение этого института сложно переоценить. В нашей стране вопросы гражданства регулируются Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция РФ), Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации»³. В определенной мере вопросы гражданства регулируются международными договорами с участием Российской Федерации.

Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» определяет гражданство Российской Федерации как устойчивую правовую

² Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

³ Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 18. – Ст. 3215.

¹ Европейская конвенция о гражданстве ETS № 166 от 6 ноября 1997 г. // СПС Гарант. – URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 20.08.2025).

связь человека с государством, которая выражается в наличии взаимных прав и обязанностей (ст. 4).

Российский закон признает наличие у наших граждан двойного гражданства только в том случае, если у Российской Федерации заключен соответствующий договор о двойном гражданстве с таким государством. Если же таковой отсутствует, то получивший гражданство такой страны российский гражданин будет считаться приобретшим гражданство иностранного государства; при этом на территории России он рассматривается только как российский гражданин.

Содержание рассматриваемого института определяется как общность норм права, регулирующих специфические отношений по поводу устойчивой связи личности с государством. Институт гражданства определяют нормы Конституции РФ, нормы международного права и международных договоров с участием России, а также действующие федеральные законы, касающиеся вопросов гражданства. Это не только Закон о гражданстве, но также Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) и Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ). Кроме того, отдельные вопросы регулируются указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации.

Содержание гражданства в России и других странах разнится. Например, в Великобритании и США понятие гражданства не предусматривается законодательством. В теории гражданство там определяется как признание факта политической вовлеченности в жизнь государства. В Великобритании имеется различие между понятиями подданства и гражданства. Если подданство понимается как общее понятие принадлежности человека к государству, то гражданство предполагает один из шести вариантов подданства, которые установлены Актом о Британском подданстве. Например, гражданами являются лица – бывшие граждане Великобритании и ее колоний, которые прошли процедуру иммиграции¹.

Во всяком случае, особенности законодательного регулирования данного института в каждой отдельной стране определяются историческими,

культурными, правовыми, социальными и иными предпосылками.

Содержание всякого правового института отражается в его принципах. Основной закон закрепляет такой принцип как единое и равное гражданство (ст. 6 Конституции РФ)². В целом анализ законодательства позволяет нам выделить и другие принципы российского гражданства:

- невозможность лишения гражданства или его замены;
- недопустимость высылки гражданина России из страны или выдачи его другому государству;
- недопустимость наличия в законодательстве положений, которые ограничивали бы права лиц по признакам расовой, национальной, социальной, религиозной принадлежности; и др.

Указанные принципы перечислены законодателем в статье 5 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Закон о гражданстве).

Данные принципы имеют давнюю традицию. Так, принцип единства гражданства указывает на неделимость и унификацию: гражданство на всей территории страны едино, а набор прав и свобод равный у всех российских граждан [5. – С. 32].

Помимо перечисленных, из анализа действующего законодательства можно выявить также такие принципы гражданства России, как:

- допущение двойного гражданства;
- сохранение гражданства при заключении и расторжении брака;
- покровительство гражданам России за пределами государства;
- запрет обратной силы закона.

Отметим, что конституционно-правовой статус лиц, которые не являются российскими гражданами, напрямую связан с наличием у них личных, социальных, экономических и иных прав и свобод, которыми они наделены. Из положений Конституции РФ следует, что понятие личности

² Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398; текст, включающий новые субъекты Российской Федерации, опубликован на официальном портале правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

¹ Савченко М. С., Опарин В. Н., Петренко Е. Г. Гражданство Российской Федерации : учебное пособие. – Краснодар : КубГАУ, 2018. – С. 11.

включает любых лиц, как граждан России, так и не имеющих нашего гражданства. В любом случае права и обязанности, предусмотренные в отношении личности, распространяются и на лиц, не имеющих нашего гражданства. Это закономерно, так как в России на конституционном уровне закреплен принцип приоритета прав и свобод человека. Кроме того, конституционно-правовой статус лица не ограничивается только совокупностью основных прав, но охватывает все субъективные права лица, которые вытекают из универсального правила о разрешенном поведении: разрешено то, что не запрещено.

Для понимания содержания института гражданства важно, что оно рассматривается как основа для возникновения ряда иных правоотношений между человеком и государством. Так, законодательство, которое регулирует вопросы гражданства, не только наделяет человека формальным статусом, но и опосредует решение ряда вопросов, в числе которых – обеспечение гарантий защиты прав граждан, обеспечение баланса интересов государства и его граждан, укрепление суверенитета страны и пр.

Важно, что при формировании политики в отношении гражданства государство определяет направления миграционной политики. Данный институт занимает крайне важное место в процессах миграции. В частности, государство может как упрощать порядок получения гражданства иностранными гражданами, так и вводить ограничения натурализации. Из этого очевидна важность анализируемого нами конституционно-правового института.

Проводя самостоятельную политику в отношении гражданства, государство может способствовать решению внутренних и внешнеполитических задач. Из этого следует, что самостоятельная уверенная и последовательная политика по вопросам гражданства сопутствует суверенному государству. Между гражданством и суверенитетом имеется особая связь. Отмечается, что базовые принципы гражданства сохранили свое системообразующее значение, в том числе в силу соответствия и адекватности их содержания национальным интересам. В связи с этим конституционные поправки 2020 г., которыми были официально предусмотрены понятия гражданственности и патриотизма, являются объективным результатом планомерного развития правовой системы, не повлиявшим существенно на содержание института гражданства [3. – С. 14–15].

С учетом важности рассматриваемого конституционно-правового института в нашей стране ведется работа по актуализации законодательства, регулирующего вопросы гражданства. Так, 28 апреля 2023 г. Президентом России был подписан новый Закон о гражданстве, вступивший в силу в октябре 2023 г. Данный закон сохранил прием в гражданство в исключительном порядке в ведении Президента.

Ряд базовых положений Закона № 138-ФЗ во многом идентичен содержанию ранее действовавшего, старого Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ. Однако новый закон содержит ряд важных новелл. Так, теперь для получения российского гражданства иностранцам необходимо будет, помимо русского языка, знать историю и основы законодательства России (ст. 15).

Кроме того, законодателем расширен перечень оснований приобретения гражданства по рождению (ст. 13). В этот перечень входят также случаи приобретения ребенком российского гражданства вне зависимости от наличия гражданства Российской Федерации у его родителей, если он рожден на воздушном или водном судне, принадлежащем России, и при этом не приобрел иного гражданства по рождению.

Так, ранее действовавший закон допускал упрощенное приобретение гражданства лицом, состоящим в браке с российским гражданином не менее 3 лет. Закон № 138-ФЗ не содержит критерия длительности брака, однако дополнен таким условием упрощенного порядка, как наличие у семьи общего ребенка. Вероятно, данное изменение направлено на то, чтобы исключить заключение фиктивных браков для получения гражданства, а также обеспечить единство семьи, не допустить необоснованного ее разделения.

Еще одно изменение в упрощенном порядке касается получения гражданства лицами – гражданами СССР, которые родились на территории РСФСР. Теперь такая возможность предоставлена не только рожденным в РСФСР, но и проживавшим на ее территории постоянно.

Важно, что в новом законе нет процедуры отмены решений о приобретении гражданства, как раньше. Она заменена прекращением. Основания для прекращения гражданства законодатель перечислил в статье 22 Закона № 138-ФЗ. Если ранее все основания для отмены были фактически объединены в одном – «предоставление подложных документов или ложных сведений», то сегодня для каждого из оснований прекращения граж-

данства предусматривается свой порядок. И только по «иным основаниям» этот порядок предусматривается международными документами.

Ранее человек мог быть лишен гражданства ввиду представления ложных сведений вне зависимости от срока. Согласно Закону № 138-ФЗ прекратить гражданство нельзя по истечении десяти лет после приема лица в гражданство. Условия применения данного правила таковы: гражданин проживает на территории страны, и нет других оснований для прекращения гражданства. Такой срок, очевидно, направлен на решение проблемы отдельных граждан, которые могли лишиться гражданства, так как много лет назад не указали кого-то из родственников при подаче документов. То есть устраняется формальная причина – основание для прекращения гражданства для таких людей.

С учетом реалий времени законодателем расширен перечень оснований, по которым может прекращаться гражданство. Помимо деяний террористической направленности, в перечень были включены отдельные тяжкие преступления, совершаемые против государства и в сфере оборота наркотиков. Факты совершения действий, составляющих угрозу национальной безопасности, устанавливаются органами ФСБ. Также в перечень преступлений, при совершении которых может прекращаться гражданство, входят преступления в связи с распространением заведомо ложных сведений об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, некоторые преступления против половой неприкосновенности.

Наконец, изменились правила об установлении наличия гражданства. Ранее нередко принимались решения о необоснованной выдаче российских паспортов ввиду ряда причин (например, не подтверждена регистрация в России на февраль 1992 г.). В новом законе, как и ранее, до такого решения предусмотрена проверка, по итогам которой выдается мотивированное заключение о наличии или отсутствии гражданства. Однако теперь закон предусматривает, что делать лицам, оказавшимся в такой ситуации: при отсутствии гражданства другого государства человек может получить гражданство в порядке признания.

Еще одна новелла нового закона: статья 9 Закона о гражданстве посвящается паспорту. Она определяет основания для признания его недействительным, а также предусматривает его оформление в электронном виде.

Таким образом, новый Закон № 138-ФЗ предусмотрел сокращение числа требований для приема в гражданство более чем для 20 категорий лиц. Кроме того, из закона были исключены мало востребованные на практике положения о приеме в гражданство. Например, исключены из списка лиц, претендующих на упрощенное приобретение гражданства, инвесторы и квалифицированные специалисты. Важным дополнением является введение нового института прекращения гражданства вместо отмены решения о приеме в гражданство, а также расширение перечня оснований для такого прекращения.

Очевидно, что законодательство о гражданстве Российской Федерации претерпело важные изменения, которые назревали давно и были ускорены политической обстановкой в стране и в мире. Принятием нового Закона о гражданстве многие из вопросов, заявлявшихся в научной литературе и практической работе в качестве проблемных, были устранены. Однако отдельные проблемы института гражданства остались и вызывают дискуссии.

В частности, статья 17 Закона о гражданстве предусматривает возможность приема в гражданство в исключительном порядке иностранных граждан, которые имеют особые заслуги перед страной или представляют для нее интерес ввиду их профессии или по другим причинам. При этом нет разъяснений о том, что именно можно считать особыми заслугами, дающими право на гражданство. Хотя прием в гражданство в исключительном порядке и раскрывается в Указе Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 889¹, в его содержании также отсутствует более или менее точно сформулированное понятие, определяющее, что же можно считать такими заслугами. Ввиду этого полагаем, что целесообразно было бы включить в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства пункты, которые раскрывали бы, какие заслуги можно считать особыми.

Помимо указанного, считаем довольно сомнительным решение законодателя об упрощенном

¹ Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 889 «Вопросы гражданства Российской Федерации» (вместе с «Положением о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации», «Положением о порядке принесения Присяги гражданина Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 48. – Ст. 8551.

порядке приема в гражданство (без учета требований п. 1–3 ч. 1 ст. 15 Закона о гражданстве) для иностранных граждан, которые освоили программу вуза по очной форме обучения и имеют диплом с отличием, а также для тех, кто получил профессиональное образование по различным образовательным программам и работают в России по полученной специальности не менее года до подачи заявления о приеме в гражданство.

Полагаем, что нет смысла исключать для таких кандидатов условия о знании русского языка и российской истории, так как получение образования в России предполагает наличие базовых знаний и (или) возможности их получить. По указанным условиям у перечисленных категорий кандидатов не может быть особого положения.

Кроме того, сомнительно предоставление права на прием в гражданство независимо от срока проживания в стране лицам, которые получили диплом вуза с отличием. Также срок трудовой деятельности длительностью в один год для получивших образование в России представляется крайне небольшим. Получается, что практически любой, кто получил образование в нашей стране, вправе претендовать на гражданство. Такое условие по существу является беспрецедентным; во многих странах мира один факт получения образования, даже с последующим устройством на работу, не дает такого права.

Представляется, что вопрос приема в гражданство требует для перечисленных категорий лиц проживания в России и трудовой деятельности по полученной специальности сроком не менее трех лет. Это позволило бы им на момент подачи заявления знать национально-культурные и ментальные особенности общества, а также традиции, базовые нормы права, возможности реализации в профессии. Кроме того, для таких кандидатов не менее важно, чем для других, знание русского языка и истории страны.

Следует обозначить и такую проблему, как нередкие случаи фиктивного отцовства ввиду упрощенной процедуры принятия гражданства для лиц, у которых ребенок – российский гражданин и проживает в России. Встречаются ситуации, когда установление отцовства служит способом для получения гражданства, при этом человек не имеет биологического родства с ребенком, а в ряде случаев – имеет родство, но не собирается участвовать в воспитании ребенка. Данная проблема не нашла решения в новом законе [4. – С. 102].

Фиктивные браки, как известно, нередко используются недобросовестными гражданами для получения льгот, каких-либо преимуществ и пр. Иностранные граждане и апатриды могут прибегать к фиктивному браку ради переезда в Россию. Ранее они прибегали к нему и для ускоренного получения гражданства. С октября 2023 г. такое основание, как наличие брака с российским гражданином, более не является основанием для получения гражданства в упрощенном порядке. Тем не менее проблема фиктивных браков все еще остается актуальной. Проверить желающих вступить в брак на наличие у них действительной цели создания семейных отношений практически невозможно. Остается только применение последствий недействительности таких браков, но и здесь кроется определенная проблема. Согласно пункту 4 статьи 29 СК РФ, брак не может признаваться недействительным, если он уже расторгнут. Исключения из этого правила составляют только те браки, в которых имелась запрещенная степень родства или состояние в другом нерасторгнутом браке. Именно этой формулировкой и могут воспользоваться недобросовестные лица, которые заключают фиктивные браки.

Одной из актуальных проблем института гражданства является наличие у отдельных лиц двойного гражданства. Двойное гражданство сегодня существует во многих странах. В литературе отражены как отрицательные, так и положительные моменты двойного гражданства. Среди положительных черт отмечаются возможности, позволяющие таким лицам свободно передвигаться по территории обоих государств гражданства и иметь более широкую реализацию прав. Существуют и проблемные аспекты двойного гражданства: это проблемы, связанные с военной службой, налоговыми обязанностями и пр.

Так как в разных странах вопрос двойного гражданства решается законом по-разному, в мире отсутствует единый подход к институту двойного гражданства. Существуют страны, где гражданам полностью запрещается приобретать гражданство другого государства. В других странах двойное гражданство не запрещено, но связано с установлением ряда ограничений, чтобы граждане не могли злоупотреблять своими правами. Например, в США для таких граждан предусмотрены ограничения в военной службе, в области избирательного права и иные [1. – С. 68].

В нашей стране также не запрещается иметь гражданство другой страны, но при этом уста-

новлены некоторые ограничения для лиц с двойным гражданством. В основном они связаны с возможностью участия в управлении государством, занятия должностей на государственной и муниципальной службе. Россия считает человека с двойным гражданством только своим гражданином, лишь если иное не вытекает из федерального закона.

По данному вопросу следует заметить, что нужно различать двойное гражданство и второе гражданство. В рамках двойного гражданства, которое предусмотрено Законом о гражданстве, правоотношения регулируются международным соглашением о двойном гражданстве, тогда как при втором гражданстве (Закон № 138-ФЗ называет его множественным гражданством) лицо фактически подчиняется двум разным законодательным системам. У России на сегодня имеется договор об урегулировании двойного гражданства только с Таджикистаном, но при наличии у российского гражданина также паспорта другого государства (т. е. большинства государств) все сложности его социальной, семейной, финансовой жизни решаются по усмотрению властей страны его местонахождения. Подчеркнем, что различия между системами законодательства в разных странах, в частности, различия в регулировании семейных, трудовых, имущественных, жилищных, налоговых и иных правоотношений вызывают ряд правовых коллизий, и жизнь граждан со вторым гражданством полна связанных с этим трудностей.

Отметим также, что проблемы множественного гражданство весьма актуальны. Мировое сообщество неизменно увеличивает интеграцию и сотрудничество между странами. Такое взаимодействие не ограничивается только политическими, экономическими, деловыми связями, но оказывает влияние и на личные, семейные связи людей. Все большее количество россиян вступают в брачные союзы с иностранцами, создавая так называемые трансграничные, или смешанные браки. На этот процесс немалое влияние оказывает трудовая миграция.

Растет число браков, заключаемых между людьми с разным гражданством. В этой связи крайне важны двусторонние договоры, заключаемые нашим государством и указывающие на применимое право в отношении таких семей. Особую важность это приобретает в случае расхождения брака, определения места жительства детей, имущественных споров между супругами.

Брачное законодательство в различных странах может иметь существенные различия, что объясняется разной историей, культурой, религией, традициями. В частности, в ряде стран брак рассматривается прежде всего как сделка, и его заключение обязательно сопровождается подписанием брачного контракта. Для ряда мусульманских стран в таком контракте предусматриваются не только имущественные условия, но также неимущественные права и обязанности супругов. Кроме того, брак может заключаться на ограниченный срок (временный брак). В этой связи решение правовых вопросов таких браков лежит в плоскости предмета международного частного права. Оно включает не только международные договоры, но также материальные и коллизионные нормы национального законодательства. В частности, это Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ¹, в котором законодатель определил правовое положение иностранцев в России, урегулировал отношения иностранцев с органами власти в связи с их пребыванием в стране и вступление в те или иные правоотношения.

В регулировании имущественных, брачных, семейных и иных отношений в России с участием иностранцев большую роль играют двусторонние договоры, поскольку наша страна не является участницей ряда международных конвенций, в которых оговариваются правила заключения браков с иностранным элементом.

Статья 62 Конституции РФ предусматривает равные с российскими гражданами права иностранных граждан и апатридов, кроме специально оговоренных случаев. Во исполнение конституционных и международных норм в нашей стране действует система законодательных актов, действие которых направлено на регулирование брачно-семейных отношений, в том числе с участием иностранцев. Центральным нормативным актом в таком регулировании является СК РФ, который определяет механизм заключения браков, основные условия для его заключения. Кодекс также определяет возрастной ценз брачующихся, перечисляет обстоятельства, которые станут препятствием для заключения брака. Наконец, в разделе VII СК содержатся колли-

¹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

зионные нормы, регулирующие применение семейного законодательства к отношениям с участием иностранного элемента.

В числе иных федеральных законов, регулирующих такие правоотношения, следует отметить ГК РФ, поскольку в нем предусматривается обязательность регистрации актов гражданского состояния (ст. 47), дано понятие правоспособности и дееспособности граждан (ст. 17 и 21), указывается на применение норм международных договоров.

Как следует из статьи 166 СК РФ, иностранное семейное законодательство подлежит применению, если это очевидно из коллизионных положений раздела VII данного кодекса. При этом российские и иностранные граждане не должны ссылаться на закон другой страны, а уполномоченные органы применяют его по собственной инициативе. Смысл же норм права другой страны устанавливается согласно их официальному и доктринальному толкованию, практическому применению в данном государстве. В случае сомнений консультационная правовая помощь может быть получена от российских консульских учреждений.

Таким образом, гражданство есть самостоятельный институт права, а также особое дляящееся правоотношение, часть правового статуса человека. Нормы о гражданстве во многом обусловлены историческими и правовыми традициями нашего государства. Принципы и критерии, которые предусматриваются для определения фактических и потенциальных граждан, указывают на то, какие идеи положены в основу консо-

лидации общества и государства, а также указывают направления иммиграционной политики. Однако современная международно-политическая обстановка, ошибочная гендерная политика стран Запада существенно влияет на наше общение с иностранными государствами и их гражданами, что заставляет законодателя корректировать нормы о гражданстве. В числе последних таких изменений – введение официально понятий гражданственности и патриотизма в Конституцию РФ, изменения в упрощенном порядке получения гражданства лицами – гражданами СССР, которые не только родились на территории РСФСР, но и проживали; замена процедуры отмены решения о принятии в гражданство прекращением гражданства и пр.

При этом представляется важным устраниить оставшиеся после реформирования законодательства о гражданстве проблемные вопросы, в том числе обозначенные выше. Ведь институт гражданства призван обеспечивать сплоченность общества, баланс интересов гражданина и государства. Однако практика реализации норм о гражданстве указывает на то, что процесс формирования института гражданства в нашей стране еще не завершен. Поиск оптимальных контуров института российского гражданства в настоящее время продолжается, и в этом процессе важно сохранить национально-культурную идентичность страны и избежать случаев незаконного получения гражданства Российской Федерации.

Список литературы

1. Балаян Э. Ю. Современные конституционно-правовые аспекты проблем института гражданства в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – № 3. – С. 65–71.
2. Бердникова К. Л. Гражданство в системе прав и свобод человека и институтов публичной власти // Современное право. – 2012. – № 2. – С. 26–30.
3. Дрогавцева Е. А. Право на гражданство: конституционные гарантии и проблемы реализации: дисс. ... к. ю. н. – СПб., 2023.
4. Михайлова А. А. Новое законодательство о гражданстве и правовом положении иностранных граждан: проблемы правоприменения в конституционной практике России // Криминологический журнал. – 2024. – № 4. – С. 101–104.
5. Таран Н. Н. Конституционно-правовые принципы института российского гражданства // Образование и право. – 2020. – № 5. – С. 31–35.

Конституционный принцип разделения властей: риск дисбаланса при институциональном преобладании

М. М. Вахтин

Младший юрисконсульт ООО «Стелфорт».

Адрес: ООО «Стелфорт»,
119017, Москва, Пятницкая ул., д. 37.

E-mail: vm.maksimovich@yandex.ru

Г. Н. Василенко

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: Vasilenko.gn@rea.ru

The Constitutional Principle of Separation of Powers: the Risk of Imbalance with Institutional Dominance

M. M. Vakhtin

Junior Legal Adviser, Stelfort LLC.

Address: Stelfort LLC,

37 Pyatnitskaya Str., Moscow, 119017, Russian Federation.
E-mail: vm.maksimovich@yandex.ru

G. N. Vasilenko

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of State and Criminal Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Vasilenko.gn@rea.ru

Поступила 01.08.2025 Принята к печати 15.08.2025

Аннотация

Предметом исследования является конституционный принцип разделения властей и его практическая реализация в Российской Федерации, в частности взаимодействие судебной и законодательной ветвей власти с исполнительной. В центре внимания оказывается не столько формальное закрепление этого принципа в тексте Конституции, сколько реальные механизмы влияния исполнительной власти на процессы кадрового и институционального формирования других ветвей. Методологической основой работы выступают сравнительно-правовой анализ, институциональный подход и элементы системного анализа, позволяющие проследить не только юридические, но и политico-правовые последствия складывающейся ситуации. Научная новизна исследования заключается в попытке рассмотреть назначение представителей судебной власти не как частный кадровый вопрос, а как индикатор возможного изменения баланса властей, напрямую связанного с законотворческим процессом. В статье формулируется гипотеза о том, что постепенная нормализация зависимости суда от исполнительной власти способна привести к усилению управляемости законодательной деятельности и, в конечном счете, к снижению автономности парламента как института. В итоге авторы приходят к выводу, что при сохранении формальных процедур разделения властей их фактическое содержание подвергается трансформации. Это создает риск подмены принципа баланса властей его имитацией и открывает путь к институциональному доминированию исполнительной власти, что в перспективе может существенно изменить характер российского законотворчества.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, принцип разделения властей, баланс властей, судебная власть, законодательная власть, исполнительная власть, законотворческий процесс, независимость суда, парламент, кадровая политика, институциональные риски, политico-правовой анализ, конституционное право, трансформация государственной власти, управляемость законотворчества.

Abstract

The subject of this study is the constitutional principle of separation of powers and its practical implementation in the modern Russian Federation, in particular the interaction between the judicial and legislative branches of government and the executive branch. The focus is not so much on the formal enshrinement of this principle in the text of the Constitution as on the real mechanisms of influence of the executive branch on the processes of personnel and institutional formation of other branches. The methodological basis of the work is comparative legal analysis, an institutional approach, and elements of systems analysis, which allow us to trace not only the legal but also the political and legal consequences of the emerging situation. The scientific novelty of the study lies in its attempt to consider the appointment of representatives of the judiciary not as a private personnel issue, but as an indicator of a possible change in the balance of powers directly related to the legislative process. The article formulates a hypothesis that the gradual normalisation of the court's dependence on the executive branch could lead to greater control over legislative activity and, ultimately, to a reduction in the autonomy of parliament as an institution. The author concludes that while formal procedures for the separation of powers remain in place, their actual content is undergoing transformation. This creates the risk of replacing the principle of balance of powers with its imitation and paves the way for the institutional domination of the executive branch, which in the long run could significantly change the nature of Russian lawmaking.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, principle of separation of powers, balance of powers, judicial power, legislative power, executive power, lawmaking process, independence of the courts, parliament, personnel policy, institutional risks, political and legal analysis, constitutional law, transformation of state power, controllability of lawmaking.

В первую очередь необходимо отметить, что принцип разделения властей представляет собой одно из ключевых оснований современной конституционной демократии. Российская Конституция 1993 г. закрепляет данный принцип в статье 10, провозглашая самостоятельность законодательной, исполнительной и судебной властей, а также требование их самостоятельности¹. При этом сам факт включения формулы разделения властей в текст закона был значимым шагом, поскольку он зафиксировал отказ от советской модели «единства власти», где партийное руководство концентрировало в своих руках все важнейшие управленческие функции [1. – С. 114].

Однако, справедливо будет отметить, что простое нормативное закрепление принципа еще не гарантирует его реальной эффективности. Конституция задает рамку, но ее наполнение зависит от политической практики и институциональной культуры. Следовательно, вопрос заключается не только в юридической фиксации, но и в том, каким образом в стране выстраиваются

отношения между ветвями власти в действительности.

Исторически идея разделения властей восходит к трудам Дж. Локка (четкое выделение законодательной и исполнительной властей, упоминание «федеративной» – отвечающей за внешнюю политику) [3. – С. 157] и Ш. Монтескье [5. – С. 365]. В классической доктрине подчеркивается необходимость не только институционального разграничения функций, но и создания системы сдержек и противовесов, обеспечивающих баланс. Тем самым предполагается, что каждая из ветвей власти ограничивает другую, не позволяя ей превратиться в доминирующий центр принятия решений.

В российской юридической науке эта доктрина подвергалась различным интерпретациям. С одной стороны, можно указать на ее универсальность и необходимость прямого применения в отечественном правопорядке. С другой стороны, существовало направление, подчеркивающее специфику российского политического контекста и необходимость адаптации принципа к «сильной президентской власти», закрепленной Конституцией.

Иными словами, сама идея баланса властей в отечественной науке нередко рассматривалась сквозь призму президентской доминанты, что су-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>, 26.08.2025.

щественно отличает российскую модель от классических западных образцов [4. – С. 33].

Таким образом, теоретическое осмысление принципа разделения властей в России балансирует между стремлением к универсализму и признанием национальной специфики. Это неизбежно приводит к тому, что в научных дискуссиях возникает противоречие: либо говорить о формальном заимствовании западных идей, либо о создании своеобразного гибридного института, работающего по иным правилам.

На уровне формально-правовых механизмов Конституция Российской Федерации действительно предусматривает институциональные гарантии независимости властей. Федеральное собрание Российской Федерации, а именно нижняя палата – Государственная Дума (далее – парламент), избирается всенародно и наделено правом законотворчества; президент получает полномочия главы государства и формирует исполнительную власть; суды провозглашаются независимыми, а их деятельность обеспечивается особым порядком назначения и несменяемостью судей.

Тем не менее, если обратиться к фактической стороне вопроса, становится очевидным значительное расхождение между конституционными декларациями и политической практикой. Например, институциональная зависимость судебной власти от исполнительной выражается в порядке назначения судей, что создает дополнительные возможности для административного контроля. Аналогичным образом парламент формально обладает широкими законодательными полномочиями, однако на деле именно исполнительная власть зачастую становится инициатором ключевых законопроектов.

Таким образом, мы наблюдаем ситуацию, когда формальные механизмы независимости существуют, но они нивелируются политической практикой, основанной на иерархической логике исполнительной власти. И именно это различие между нормой и реальностью становится главным вызовом для российского понимания принципа разделения властей.

Если говорить о практическом измерении принципа разделения властей, то именно судебная ветвь оказывается в наиболее уязвимом положении. Ведь ее независимость, формально закрепленная в Конституции, на деле во многом определяется процедурами назначения, карьерными траекториями судей и степенью вовлеченности исполнительной власти в кадровые решения.

Формально процедуры назначения судей высших судебных органов предполагают баланс полномочий: президент Российской Федерации вносит кандидатуры, а Совет Федерации утверждает их. Однако фактически данная схема выстраивается в пользу исполнительной власти, поскольку именно президент определяет список претендентов. Парламент при этом выступает скорее в роли легитимирующего органа, который редко отклоняет предложенные кандидатуры.

На первый взгляд, подобная модель может казаться вполне рабочей: исполнительная власть обеспечивает управляемость, а судебная система функционирует без ярких конфликтов. Однако в долгосрочной перспективе возможен риск нормализации зависимости судов от исполнительной ветви. То есть возникает ситуация, при которой сама идея независимости судебной власти постепенно вытесняется, а общество и профессиональное сообщество начинают воспринимать подчиненность судебной системы политическим интересам как нечто естественное.

Более того, такая зависимость формирует своеобразную «культуру лояльности», когда ключевым критерием карьерного роста становится не профессиональная компетентность и юридическая аргументация, а соответствие ожиданиям политического центра. Это в свою очередь подрывает саму логику разделения властей, превращая суд в орган, подтверждающий решения, уже принятые в иных кабинетах.

Таким образом, общественное восприятие судебной власти в значительной мере определяется кадровой политикой государства. Каждое назначение становится своего рода сигналом о том, какой именно баланс между независимостью и контролем готова поддерживать власть. И чем более очевидной становится управляемость судебной системы, тем сильнее снижается доверие к ней со стороны граждан.

В результате мы имеем двойственный эффект: формально суд остается самостоятельной ветвью власти, но фактически он воспринимается как часть исполнительной вертикали. И именно эта разница между конституционной нормой и общественным ожиданием является сегодня одной из главных проблем российского правопорядка.

При рассмотрении следующего элемента триады властей, а именно законодательной власти, ситуация воспринимается как более устойчивая. Конституция Российской Федерации закрепляет парламент как самостоятельный орган, наделен-

ный правом принятия законов, контроля за исполнительной властью и выражения воли народа через представительство. Однако, как и в случае с судебной системой, реальное положение вещей оказывается значительно сложнее, чем это следует из текста Конституции Российской Федерации.

Прежде всего следует напомнить, что статьи 94–105 Конституции Российской Федерации очерчивают весьма широкие полномочия Федерального Собрания.

Т а б л и ц а

Принятые законы по субъектам законодательной инициативы в Российской Федерации за 2022–2025 гг.*

Год	Общее количество принятых законов	Из них правительственные	Иные субъекты (Президент России, депутаты, СФ и др.)	Доля правительственные инициатив, %
2022 ¹	653	390	263	59,7%
2023 ²	694	332	362	47,8%
2024 ³	564	265	299	47,0%
2025 (данные приведены на 24 июля 2025 года) ⁴	376	166	210	44,1%

* Расчеты авторов сделаны на основе открытых данных.

Государственная Дума вправе принимать законы, утверждать кандидатуру председателя правительства, заслушивать ежегодные отчеты правительства о результатах деятельности. Совет Федерации, в свою очередь, участвует в формировании высших судебных органов и решает вопросы использования вооруженных сил. Формально это выглядит как классическая модель парламентской автономии.

¹ Больше, быстрее, единогласнее: как Госдума работала в 2022 году // РБК/ – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/12/26/63a47b9a9a794707d6da3064?> (дата обращения: 02.09.2025).

² 694 — такое рекордное количество федеральных законов было принято Госдумой в 2023 г. // Экономика и жизнь. – URL: <https://www.eg-online.ru/news/481689/> (дата обращения: 05.09.2025).

³ Госдума за 2024 год приняла 564 закона // Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/998328> (дата обращения: 04.09.2025).

⁴ Законопроектный институт: с какими результатами Госдума закрыла весеннюю сессию // Известия URL: <https://iz.ru/1925437/maksim-bazanov/zakonoproektnyj-institut-s-kakimi-rezulatami-gosduma-zakryla-vesennuyu-sessiyu> (дата обращения: 11.09.2025)

Однако, как справедливо отмечают многие исследователи, данные конституционные положения функционируют в условиях доминирования президентской власти, что существенно снижает степень самостоятельности парламента. Важнейшие механизмы контроля, заложенные в Конституции, на практике почти не применяются в качестве инструмента политического противовеса [2. – С. 55].

Не менее показательна практика законодательного процесса. Если обратиться к статистике законопроектных инициатив, то легко заметить, что основным источником законодательных предложений являются не депутаты, а именно исполнительная власть: правительство, а также отдельные ведомства. Таким образом, парламент зачастую выступает не как генератор политических решений, а скорее как канал институционализации уже сформулированных инициатив.

Более того, ключевые законопроекты проходят процедуру согласования еще до внесения в Государственную Думу. К моменту рассмотрения они фактически приобретают форму политически предопределенных решений. В результате сама процедура обсуждения в парламенте превращается в формальность, где роль депутатов сводится к утверждению заранее согласованных позиций.

Эта практика во многом объясняет устойчивость тезиса о том, что Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации действует не как самостоятельная законодательная власть, а как своеобразный «расширенный аппарат исполнительной», выполняющий функцию легитимации управлеченческих решений.

Очевидно, что такое положение вещей не может не иметь долгосрочных последствий. Во-первых, снижается авторитет парламента в глазах общества: если депутаты не воспринимаются как реальные представители интересов избирателей, то доверие к парламентской системе оказывается подорванным. Во-вторых, теряется сама логика системы сдержек и противовесов, ведь парламент фактически перестает выполнять функцию контроля за исполнительной властью.

Наконец, в перспективе подобное ослабление институциональной автономии приводит к тому, что законодательный процесс утрачивает гибкость. Когда инициатива исходит исключительно от исполнительной ветви, законы начинают «обслуживать» приоритеты административного аппарата, а не отвечать на запросы общества. В результате накапливается эффект отчуждения

между гражданами и институтами власти, что в конечном счете подрывает и устойчивость всей политической системы.

После рассмотрения институциональной автономии парламента перейдем к вопросу о том, каким образом исполнительная власть влияет на общий баланс властей в российской политико-правовой системе. Здесь мы сталкиваемся с устойчивой тенденцией: формально существующие разграничения полномочий все чаще оказываются подчинены логике административного центра, в результате чего судебная и законодательная ветви функционируют скорее как инструменты обслуживания приоритетов исполнительной власти, а не как самостоятельные субъекты политики.

Отметим, что судебная система в современных условиях играет особую роль. С одной стороны, как неоднократно отмечалось ранее, Конституция закрепляет ее независимость, но с другой, практика свидетельствует о том, что именно суды становятся механизмом подтверждения законности решений, уже принятых на уровне исполнительной власти. Более того, судебная власть все чаще выполняет функцию «арбитра в пользу государства», когда дела, имеющие политический или экономический вес, завершаются в пользу органов управления.

Таким образом, судебная власть приобретает не столько автономный характер, сколько функцию институциональной легитимации: ее решения призваны укреплять видимость правопорядка и подтверждать правомерность управлеченческих инициатив. В итоге общественное восприятие суда все больше связывается не с защитой прав личности, а с обеспечением устойчивости политической системы.

Если обратиться к законодательной ветви, то здесь ситуация оказывается не менее показательна. Как уже отмечалось, основная масса законопроектов исходит именно от правительства и подконтрольных ведомств. В этом смысле парламент утрачивает традиционную функцию центра дискуссии и постепенно превращается в канал легализации уже подготовленных инициатив.

В результате создается институциональная конструкция, в которой законодательная власть не выполняет функцию равновесного звена. Наоборот, она встроена в единую вертикаль и действует как дополнительный ресурс исполнительной власти, повышающий степень формальной легитимности принимаемых решений.

Таким образом, законотворческий процесс оказывается ориентированным не на конкуренцию идей и представительство интересов граждан, а на воспроизведение политической линии, заданной правительством и президентом.

Если попытаться очертить возможные перспективы, то можно выделить несколько сценариев.

Во-первых, инерционный сценарий предполагает сохранение текущей модели, где исполнительная власть продолжает доминировать, а парламент и суд функционируют как вспомогательные структуры.

Во-вторых, нельзя исключать сценарий постепенной институционализации парламентских процедур и усиления роли суда в связи с растущим социальным запросом на независимость правосудия. Такой вариант маловероятен в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной динамике способен привести к смещению баланса.

Наконец, третий сценарий связан с возможностью дальнейшего сокращения автономии законодательной и судебной власти. В этом случае принцип разделения властей сохранится лишь в качестве конституционной декларации, тогда как фактическое управление будет строиться на логике единой исполнительной вертикали.

В любом случае очевидно, что будущее российской модели разделения властей зависит не столько от формально закрепленных норм, сколько от политической практики и готовности институтов к самостоятельной роли. И именно это противоречие между текстом Конституции и реальной динамикой властных отношений сегодня определяет ключевую проблематику развития правового государства в России.

Подводя итог, можно заметить, что принцип разделения властей в российской правовой системе выступает скорее нормативным ориентиром, чем реально работающим механизмом. На уровне конституционного текста он закреплен достаточно последовательно и формально охватывает все три ветви власти. Однако, как показывает анализ институциональной практики, баланс в системе сдержек и противовесов заметно смещен в пользу исполнительной власти.

Судебная система, как видно, все чаще выступает не в роли независимого арбитра, а в роли института, подтверждающего легитимность политических решений. Парламент, в свою очередь, оказывается встроенным в логику доминирования правительства и теряет возможность

быть центром содержательной дискуссии. Таким образом, два института, призванные по замыслу ограничивать исполнительную власть, фактически оказываются вовлечены в ее укрепление.

Тем не менее важно подчеркнуть: подобная ситуация не является статичной. В каждом обществе существуют процессы перераспределения власти и изменения общественного запроса. Если усиливается потребность в подлинной судебной независимости или в парламентском представительстве, то институциональные механизмы рано или поздно начинают подстраиваться

под эти ожидания. Следовательно, говорить о завершенности модели преждевременно.

Именно в этой двойственности, между декларативной нормой и политической реальностью, между устойчивостью существующей вертикали и потенциальными изменениями и проявляется специфика российского разделения властей. В сущности, это не столько проблема «несоответствия Конституции», сколько отражение динамики политической системы, где нормы права неизбежно сталкиваются с логикой власти.

Список литературы

1. Ермаков Е. Н. Трансформационный процесс разделения властей в политической системе российского общества в постсоветский период // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – № 3 (11). – С. 113–124.
2. Керимов А. А. Институт парламентаризма в легитимации политической власти в современной России: акторы, стратегии, ресурсы: дис. ... д-ра полит. наук. – Екатеринбург, 2018.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении. – Челябинск : Социум Челябинск, 2023.
4. Медушевский А. Н. Проблемы модернизации конституционного строя: нужно ли пересматривать Основной Закон России? // Вестник института Кеннана в России. – 2013. – № 3 (11). – С. 28–39.
5. Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М. : ACT, 2021.

Виды планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации и их классификация

К. И. Капитанов

аспирант Российской университета дружбы народов.

Адрес: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»,
117198, Москва, Миклухо-Маклай ул., д. 6.
E-mail: kirill.kap@list.ru

Types of Planning of Law-Drafting Activities in the Subjects of the Russian Federation and Their Classification

K. I. Kapitanov

Postgraduate Student of the Peoples' Friendship University of Russia.

Address: The Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
6 Miklukho-Maklai Str., Moscow, 117198, Russian Federation.
E-mail: kirill.kap@list.ru

Поступила 22.07.2025 Принята к печати 01.08.2025

Аннотация

Цель статьи состоит в проведении классификации видов планирования законопроектной деятельности, осуществляющейся в субъектах Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена тем, что классификация позволяет выявить многообразие содержания плановой деятельности и определить проблемы, возникающие при составлении и реализации планов законопроектных работ различных типов. При проведении исследования применялся системный подход, с позиции которого планирование подготовки проектов законов и планирование их принятия рассматриваются как неразрывно связанные части единого планового процесса. Использование сравнительно-правового и формально-юридического методов позволило проанализировать сложившиеся в регионах России подходы к организации и правовому регулированию отношений, связанных с разработкой и реализацией планов законопроектных работ. На основе проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации. В частности, обосновывается необходимость перехода к долгосрочному и стратегическому планированию законопроектных работ, формирования совместных плановых документов и применения технологии содержательно-приоритетного планирования.

Ключевые слова: планирование, классификация, виды планирования, региональная законопроектная деятельность, текущее планирование, перспективное планирование, стратегическое планирование, совместные планы законопроектной деятельности.

Abstract

The purpose of the article is to classify the types of planning law-drafting activities carried out in the subjects of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the fact that the classification allows us to identify the diversity of the content of planning activities and to determine the problems that arise in the preparation and implementation of plans for law-drafting work of various classes. The study is based on the use of a systems approach, from the position of which planning the preparation of draft laws and planning their adoption are considered as inextricably linked parts of a single planning process. The application of comparative legal and formal legal methods made it possible to analyze the approaches to the organization and legal regulation of relations associated with the development and implementation of law-drafting work plans that have developed in the regions of Russia. Based on the analysis, proposals have been formulated to improve the planning of law-drafting activities in the subjects of the Russian Federation. In particular, the need for a transition to long-term and strategic planning of law-drafting work, the formation of joint planning documents, and the use of content-priority planning technology is substantiated.

Keywords: planning, classification, types of planning, regional law-drafting activities, current planning, prospective planning, strategic planning, joint plans of law-drafting activities.

Планирование законопроектной деятельности занимает центральное место в системе планирования правотворческих работ. Это объясняется тем, что объектом планирования законопроектной деятельности выступают правовые акты, имеющие по своей юридической природе основополагающее значение и направленные на регулирование общественных отношений, которые нуждаются в стабильной, рассчитанной на длительный срок правовой регламентации [1. – С. 75]. В зависимости от стоящих правовых задач в законопроектной работе могут использоваться различные виды планирования, исследование и классификация которых необходимо начать с определения терминологии.

Под планированием законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации предлагается понимать метод подготовки и принятия проектов законов, состоящий в заблаговременном определении порядка, последовательности, сроков подготовки и внесения законопроектов в законодательный орган субъекта Российской Федерации, ответственных исполнителей, а также порядка, очередности и сроков рассмотрения проектов законов региональным парламентом. Значимость планирования, применяемого в законопроектной работе, состоит в том, что оно позволяет не допустить стихийности и спешности при подготовке и рассмотрении проектов законов, создает условия для поступательного и планомерного развития законодательства в соответствии с заданными целевыми установками. Планирование предупреждает, с одной стороны, проблемность законодательного регулирования общественных отношений, нуждающихся в такой регламентации, а с другой стороны, избыточность правовых норм и их противоречивость [8. – С. 86].

Классификация, как известно, является одним из методов познания, используемым для распределения исследуемых объектов некоторой предметной области по группам исходя из их сходства в определенных признаках и свойствах и отличия от других объектов [14. – С. 252–253]. Ее основной методологический посыл заключается в том, что каждая составная часть изучаемого объекта должна быть отнесена к той или иной группе объектов и соответствовать признаку, выбранному в качестве основания выделения данной группы. Значимость классификации обусловлена тем, что она позволяет представить в удобном для обозрения виде все объекты исследуемой пред-

метной области, содержа при этом как можно больше существенной информации о них [16. – С. 9–10]. Тем самым классификация способствует определению места объекта в системе других объектов, составной частью которой он является, познанию сущности и внутренней структуры этих объектов, уяснению их взаимосвязи, а также способствует обнаружению и устранению пробелов в познании, «формированию системы научной терминологии» и «выявлению в поле научного исследования новых фактов и объектов» [7. – С. 22].

С учетом изложенного классификация видов планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации позволяет решить ряд доктринальных и практических задач:

- глубже проникнуть в сущность планирования, применяемого при подготовке и принятии проектов законодательных актов, выявить многообразие содержания плановой деятельности;
- определить неиспользуемые либо недостаточно активно используемые в практической законопроектной деятельности виды планирования;
- установить проблемы, возникающие при составлении и реализации планов законопроектных работ различных типов;
- сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования процессов формирования, утверждения и исполнения планов законопроектной деятельности.

Классификацию видов планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации следует осуществлять по основаниям, имеющим юридическое значение. Одним из таких критериев, наиболее часто применяемым в практической законопроектной работе, является *продолжительность планового периода*, на который составляются планы. В соответствии с данным критерием планирование законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации может быть текущим и перспективным.

Текущее планирование связано с осуществляющейся в данный момент законопроектной работой. При его применении внимание уделяется промежуточному результату законопроектной деятельности, который находит свое выражение в краткосрочных плановых документах. Краткосрочные планы определяют проекты законов, которые предполагается разработать и принять в сжатые сроки, не превышающие одного года. Составление таких планов позволяет гибко реагировать на изменения, происходящие в общественной жизни, а также выбирать оптимальные,

исходя из складывающейся ситуации, способы решения актуальных задач общественно-государственного развития и достижения целей, зафиксированных в перспективных и стратегических плановых документах, конкретизировать их положения. К особенностям текущего планирования можно отнести то, что составление краткосрочных планов законопроектной работы осуществляется, как правило, субъектами, которые и будут их реализовывать [1. – С. 70].

Сущность перспективного планирования заключается в том, что оно ориентировано на удовлетворение не только текущих, но и потенциальных потребностей развития общества, государства, субъекта Федерации. Данный вид плановой деятельности предполагает формирование планов законопроектной работы на длительную перспективу, т. е. определяющих перечни законопроектов, которые следует подготовить и принять в достаточно продолжительный временной период. Тем самым перспективное планирование позволяет заранее выявить возникающие вызовы и проблемы, определить характер стоящих законотворческих задач, наметить пути их решения, сосредоточить имеющиеся силы и ресурсы (кадровые, материальные и др.) на достижении поставленных целей. Составление перспективных плановых документов также дает возможность увязать финансовое обеспечение планируемых законодательных инициатив с параметрами и временными характеристиками бюджетов субъектов Российской Федерации, которые формируются на три года [2. – С. 10].

Положения перспективных планов законопроектных работ выступают ориентирами для текущей плановой деятельности, находят отражение в краткосрочных планах, конкретизуются и уточняются в процессе составления последних.

В зависимости от срока, в который предусматривается достижение намеченного правового результата, возможно говорить о таких подвидах перспективного планирования, как среднесрочное и долгосрочное планирование законопроектной работы. В процессе среднесрочного планирования составляются планы, которые предполагается реализовать в срок от двух и до четырех лет. Долгосрочное планирование региональной законопроектной деятельности подразумевает разработку планов, подлежащих исполнению в течение пяти и более лет.

Планам законопроектной деятельности, разрабатываемым на долгосрочную перспективу, в

значительной степени присущи прогностические черты, в связи с чем содержание и порядок формирования подобных плановых документов имеют ряд особенностей. Долгосрочными планами, например, может определяться перечень основополагающих проектов законов, подлежащих разработке и принятию в течение планового периода, без указания точных наименований, сроков и очередности подготовки, рассмотрения и введения в действие таких законодательных инициатив. Другой способ составления долгосрочных планов законопроектной деятельности предполагает установление не сроков разработки тех или иных законопроектов, а сроков подготовки правовых концепций решения определенного круга социально-экономических и иных задач общественно-государственного развития. По мере одобрения соответствующих концепций подготовка необходимых для их реализации проектов законов может включаться в средне- и краткосрочные планы законопроектных работ, уже устанавливающие конкретные наименования законодательных актов, точные плановые сроки и ответственных исполнителей [13. – С. 233–235].

Несмотря на значимость перспективного планирования, называемого некоторыми учеными «сферой высоких технологий» и наиболее важной и сложной составляющей процесса создания законов [12. – С. 162], следует констатировать его недостаточно активное применение в субъектах Российской Федерации. В качестве примера приведем Центральный федеральный округ, объединяющий 18 субъектов Федерации, из которых лишь три региона – Брянская, Тверская и Тульская области – зафиксировали в своих законах возможность утверждения планов законопроектной работы со сроком реализации более года¹. Однако даже в этих регионах России перспективные планы разрабатываются на 2–4 года (Брянская область) либо определяют основные направления законодательной деятельности на срок до 5 лет (Тверская и Тульская области), т. е. носят среднесрочный, а не долгосрочный характер. Следствием подобного подхода к организации планирования законопроектных работ является, по обоснованному замечанию Ю. А. Тихо-

¹ Анализ регионального законодательства проведен по данным справочно-правовой системы «Консультант Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 16.06.2025).

миру, отсутствие четкого понимания поведения будущих участников правоотношений и последствий реализации принимаемых законодательных инициатив. В результате «законы нередко служат запоздалым оформлением принятых решений, а не мощным средством опережающего воздействия на общественные процессы» [17. – С. 49].

В ряде случаев такое положение дел может быть связано с недостаточно четким разграничением текущего и перспективного планирования, вызванного несовершенством правового регулирования плановых отношений. Например, законом Магаданской области от 10 июля 2002 г. № 258-ОЗ «О Магаданской областной Думе»¹ предусмотрено, что *текущие* планы законотворческой деятельности формируются на *квартал, полгода или год*. При этом *перспективная* программа законодательной деятельности Магаданской областной Думы составляется сроком на *полгода или год*, т. е. также носит краткосрочный характер. Очевидно, что плановые документы, рассчитанные на столь короткий срок реализации, не направлены на удовлетворение потенциальных потребностей общественно-государственного развития и на определение основных направлений совершенствования регионального законодательства, в связи чем они могут именоваться *перспективными* лишь условно.

Иногда к разновидностям перспективного планирования относят стратегическое планирование, что, однако, не представляется верным. Особенность стратегического планирования и его отличие от плановой деятельности тактического характера заключается в том, что оно определяет основополагающие, наиболее важные цели (приоритеты) какой-либо деятельности, задает ключевые направления развития того или иного объекта [6. – С. 45]. Так, рассматривая теоретические вопросы формирования стратегии законотворчества, В. М. Баранов отмечает, что указанная стратегия представляет собой основную линию «государственной деятельности, направленной на достижение главных целей определенного промежутка времени» и «призвана с содержательной точки зрения отражать генеральные перспективы нормосозидания» [3. – С. 32, 35]. Применительно к законопроектной деятельности стратегический характер имеют, в частности, планы законопроектных работ, определяющие основные

параметры развития законодательства и мероприятия по систематизации законодательного массива, а также ориентированные на обеспечение достижения правовыми средствами целей, зафиксированных в документах стратегического планирования (например, в сфере социально-экономического, научно-технологического и иного развития Российской Федерации и ее субъектов).

Достижение стратегических целей может предполагать необходимость как предварительного осуществления целого комплекса действий, требующего значительных временных затрат, так и оперативного принятия первоочередных, наиболее приоритетных в текущий момент решений. В первом случае стратегические планы по срокам реализации являются средне- или долгосрочными, во втором случае – краткосрочными. На это обстоятельство обоснованно обращают внимание В. К. Сенчагов и Е. А. Иванов, по мнению которых стратегические решения могут быть зафиксированы и в документах, срок реализации которых составляет, к примеру, один год [15. – С. 41]. Таким образом, стратегическое и тактическое планирование не следует отождествлять с перспективным и текущим планированием, так как данные виды плановой деятельности выделены исходя из разных классификационных оснований: различной степени приоритетности решаемых планами задач и длительности планового периода соответственно.

Анализ региональной правотворческой практики показывает, что технология стратегического планирования не применяется в законопроектной деятельности субъектов Российской Федерации, равно как и федеральных органов государственной власти. В результате приоритеты развития законодательства нередко остаются туманными даже для самих субъектов законотворческого процесса. Данная ситуация стала следствием проблемы в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»² (далее – ФЗ о стратегическом планировании), действующая редакция которого не регулирует вопросы правового обеспечения реализации документов стратегического планирования и не предусматривает возможности разработки таких актов, как стратегии и планы законопроектной деятельности.

¹ Магаданская правда. – 2002. – № 79.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26. – Ст. 3378.

Вместе с тем четкая фиксации долгосрочных целей и приоритетов, на достижение которых должны быть направлены принимаемые законодательные решения, выступает одним из необходимых условий успешной модернизации законодательства и повышения доверия общества к власти [10. – С. 123–124]. В этой связи в условиях проблемности федерального регулирования представляется необходимым принятие субъектами Российской Федерации в порядке опережающего правового регулирования нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы стратегического планирования законопроектной деятельности. Нормативным обоснованием возможности издания таких актов являются положения статьи 2 ФЗ о стратегическом планировании, устанавливающей, что правовое регулирование стратегического планирования осуществляется законами и другими нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, в том числе принятыми в соответствии с указанным выше законом. Доктринальное обоснование целесообразности реализации данного предложения состоит в том, что опережающее правовое регулирование, осуществляемое субъектами Федерации по предмету совместного ведения, как обоснованно отмечает М. В. Баранова, фиксирует наличие дефекта в федеральном законодательстве, позволяет привлечь внимание юридической общественности, граждан и органов власти к проблеме, существование которой не замечается на федеральном уровне, и провести диагностику качества действующего нормативного регулирования [4. – С. 215–216].

Следует согласиться и с высказываемым в научной литературе мнением о необходимости устранения пробела в базовом ФЗ о стратегическом планировании: предмет его регулирования должен охватывать не только социально-экономическое, но и взаимосвязанное с ним правовое развитие Российской Федерации и ее субъектов, а существующий перечень документов стратегического планирования подлежит дополнению стратегиями и планами законопроектной деятельности, разрабатываемыми как на федеральном, так и на региональном уровне публичной власти [3. – С. 34; 6. – 45].

В зависимости от определенности срока действия планов планирование законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации может быть подразделено на срочное и бессрочное.

Срочное планирование рассчитано на подготовку планов с определенным конкретно сроком

действия. Примером подобных плановых документов являются утверждаемые субъектами регионального законотворческого процесса планы законопроектных работ на календарный год, полугодие, квартал либо иной четко заданный период¹.

Бессрочное планирование предусматривает формирование плановых документов, период реализации которых однозначно не установлен. Особенность таких планов состоит в возможности уточнения их содержания, корректировки предполагаемых сроков разработки и принятия включенных в них проектов законов непосредственно в процессе исполнения соответствующих плановых документов. Дополнение бессрочных планов новыми законопроектами осуществляется на основании вновь поступивших законодательных инициатив с предполагаемым сроком их подготовки и принятия в последующие годы. При подобном подходе планирование законопроектной работы приобретает характер непрерывного процесса, обеспечивающего, с одной стороны, целостность плановой деятельности в течение продолжительного временного периода, а с другой – вариативность планов, позволяющую корректировать их содержание и сроки реализации с учетом изменяющихся факторов общественной жизни.

Разработка планов региональной законопроектной работы с неопределенным конкретно периодом действия может оказать содействие в решении ряда актуальных проблем, возникающих в процессе осуществления законопроектной деятельности. В частности, утверждение подобных планов способно сыграть важную роль в синхронизации сроков планирования законопроектной деятельности и сроков планирования социально-экономического и иного развития Российской Федерации и ее субъектов. Тем самым могут быть заложены основы для преодоления или по крайней мере сокращения отставания законодательного регулирования от изменений, происходящих в соответствующих общественных отношениях [1. – С. 75].

Несмотря на рациональность предлагаемой формы планирования, разработка бессрочных планов законопроектной работы не получила распространения в региональной законотворче-

¹ См., например: Постановление Ивановской областной Думы от 30 января 2025 г. № 6 «О примерной программе законопроектной работы Ивановской областной Думы на 2025 год» // Постановления Ивановской областной Думы, иная официальная информация. – 2025. – № 2.

ской практике. Как следствие, в субъектах Российской Федерации возникают сложности с реализацией принципа непрерывности планирования, связанные с невозможностью обеспечения надлежащей согласованности и преемственности многочисленных планово-программных документов, формируемым различными участниками законотворческого процесса и имеющих несовпадающие сроки исполнения. Представляется, что позитивную роль в решении указанных проблем может сыграть использование при планировании законопроектной деятельности сложившейся практики составления и применения не имеющих однозначно установленного срока реализации плановых документов стратегического характера (например, Стратегии научно-технологического развития¹, Доктрины продовольственной безопасности² и других).

Важное практическое значение имеет классификация видов планирования законопроектной деятельности в зависимости от субъектов, разрабатывающих планы региональной законопроектной работы. В соответствии с указанным критерием представляется возможным выделить государственное, общественное и государственно-общественное планирование.

Государственное планирование предполагает, что формирование планов законопроектной работы в субъектах Российской Федерации осуществляют государственные органы, организации и учреждения. Учитывая многообразие указанных субъектов и специфику их участия в отношениях по планированию подготовки, рассмотрения и принятия проектов законов, есть основания для выделения подвидов государственного планирования, реализуемого:

а) законодательными органами субъектов Российской Федерации, их структурными подразделениями, аппаратами;

б) высшими должностными лицами и исполнительными органами регионов России;

¹ Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 10. – Ст. 1373.

² Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 4. – Ст. 345.

в) подведомственными указанным органам организациями и учреждениями.

Спецификой государственного планирования является его системный и профессиональный характер, так как планы законопроектной деятельности разрабатывают наиболее активные участники регионального законотворческого процесса, обладающие высоким уровнем ресурсной обеспеченности и компетенции, необходимыми практическими умениями и навыками. Отличительная черта данного вида планирования состоит в том, что государственные планы утверждаются и вводятся в действие правовыми актами субъектов Российской Федерации. Издание акта утверждения выполняет ряд функций: придает плану законопроектной работы юридическую силу, равную юридической силе утверждающего акта, официальный и обязательный характер, позволяет упорядочить деятельность разработчиков плана, усилить контроль за качеством и своевременностью его подготовки, установить юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение плана законопроектной деятельности.

Общественное планирование означает, что планы региональной законопроектной деятельности разрабатываются гражданами, представителями общественных объединений, научных организаций и другими лицами, не входящими в государственный аппарат. Специфика рассматриваемого вида планирования состоит в том, что формируемые перечисленными субъектами планы законопроектной деятельности, утверждаемые в неправовой форме, не являются обязательными и не порождают юридических прав и обязанностей для иных участников законотворческого процесса. Кроме того, указанные субъекты планирования не могут самостоятельно, без участия государственных органов реализовать сформированные ими планы законопроектных работ. Во-первых, не во всех регионах России объединения граждан и иные институты гражданского общества наделены правом законодательной инициативы, в связи с чем уже на этапе внесения в парламент предусмотренного их планом проекта закона потребуется обращение к уполномоченному государственному субъекту. Во-вторых, внесенный законопроект рассматривается и принимается законодательным органом и подписывается и обнародуется высшим должностным лицом региона – т. е. принятие ими соответствующих реше-

ний выступает необходимым условием реализации общественного плана законопроектных работ.

Участие общественности в отношениях по формированию, экспертизе и реализации планов законопроектных работ позволяет решить ряд важных задач: ориентировать должностных лиц на разработку актуальных для общества плановых документов; повысить их качество и проработанность; обеспечить необходимую гласность законотворческого процесса; усилить доверие граждан к действиям и решениям субъектов планирования. Учитывая это, наиболее перспективным видится применение и нормативное закрепление в правовых актах регионов России государственно-общественного планирования, при котором основные разработчики планов законопроектных работ – органы публичной власти – привлекают к участию в плановой деятельности ученых, граждан, иных представителей общественности. При этом формы участия общественности могут быть различны: проведение независимой научной и общественной экспертизы проектов планов и подлежащих включению в них законопроектов; участие в общественных обсуждениях проектов плановых документов; направление разработчикам планов замечаний и предложений; осуществление общественного контроля за ходом реализации планов и т. д.

Планирование законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации может быть классифицировано в зависимости от того, осуществляется ли утверждение плана единолично либо совместно с иным лицом (иными лицами).

Подавляющее большинство планов законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации относятся к первой группе, так как единолично утверждены тем или иным органом публичной власти либо должностным лицом.

Вместе с тем в некоторых регионах России получила распространение практика разработки совместных планов законопроектной работы несколькими субъектами законотворческого процесса. В качестве примера приведем формирование совместного плана законопроектной работы Законодательного Собрания и Губернатора региона¹, законодательно закрепленное в городе федерального значения Санкт-Петербурге. Воз-

можность разработки общих планов законопроектной деятельности главы и парламента субъекта Федерации предусмотрена также законодательством Республики Тыва².

Преимущество совместного планирования заключается в том, что оно позволяет повысить согласованность законоподготовительной и законодательной деятельности, осуществляющей различными участниками законотворческого процесса. Основываясь на едином плане, законопроектные работы, проводимые отдельными субъектами, получают направленность на достижение общих целей, а законодательные решения принимаются в скоординированные сроки, что снижает риск возникновения ошибок, коллизий и дублирующих законодательных инициатив. Данный вид планирования особенно актуален при проведении в субъекте Российской Федерации масштабных законопроектных работ, например, по приведению законодательного массива, сформировавшегося за продолжительный временной период, в соответствие с новой редакцией конституции или устава региона. В этой связи расширение практики составления совместных планов высшего должностного лица и законодательного органа субъекта Федерации следует признать одним из перспективных направлений совершенствования системы планирования законопроектных работ в регионах России.

Отдельного внимания заслуживает применение технологии совместного планирования законопроектной деятельности несколькими субъектами Российской Федерации. В настоящее время возможность разработки межсубъектных плановых документов прямо закреплена в законодательстве Тюменской области, которым допускается утверждение совместного плана законопроектных работ органов государственной власти указанного региона, а также Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа³. До объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа данные субъекты России также принимали меры по согласованию своей законопро-

² Статья 10 Конституционного закона Республики Тыва от 4 января 2003 г. № 97 BX-I «О статусе Главы Республики Тыва» // Тувинская правда. – 16 января 2003 г.

³ Статья 14 Закона Тюменской области от 7 марта 2003 г. № 121 «О порядке подготовки, принятия и действия правовых актов Тюменской области» // Вестник Тюменской областной Думы». – 2003. – № 4.

¹ Статья 58-2 Устава Санкт-Петербурга от 14 января 1998 г. // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. – 23 января 1998 г.

ектной деятельности посредством издания общих планов, предусматривающих участие органов власти автономного округа в разработке и принятии проектов законов области¹.

Как видно, совместное межрегиональное планирование законопроектной деятельности получило распространение в сложноустроенных субъектах Федерации, включающих в себя другие регионы России. Данный факт объясняется спецификой подобной модели государственно-территориального устройства, которая предполагает необходимость согласования действий и четкого разграничения полномочий между органами публичной власти областей и входящих в их состав автономных округов. Достижение указанной цели, в свою очередь, требует надлежащей координации законоподготовительной и законодательной деятельности данных субъектов Российской Федерации, важную роль в обеспечении которой способны сыграть совместные планы законопроектной работы.

Утверждение совместных планов законопроектной работы может быть признано целесообразным и для субъектов Федерации, не являющихся сложносоставными. Согласование по срокам и содержанию законоподготовительной и законодательной деятельности, осуществляющейся, к примеру, граничащими и (или) входящими в один федеральный округ регионами, способно сыграть важную роль в создании скоординированного правового регулирования вопросов, имеющих межрегиональное значение. Так, согласованное развитие транспортного и градостроительного законодательства имеет принципиальное значение для развития субъектов России, образующих крупные макрорегионы с высокой плотностью населения, тесными социально-экономическими связями и общими инфраструктурными проектами (например, для городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга и граничащих с ними Московской и Ленинградской областей). Примечательным в этой связи

является образование Объединенной комиссии Московской городской и Московской областной дум по координации законотворческой деятельности, к функциям которой и может быть отнесена разработка проекта совместного плана законопроектных работ субъектов Российской Федерации, образующих столичный макрорегион.

Использование субъектами Российской Федерации возможностей совместного планирования законопроектной деятельности также способно повысить результативность их участия в решении вопросов общегосударственного масштаба. Консолидация усилий нескольких регионов России по подготовке проектов федеральных законов, зафиксированных в их общем плане, положительно скажется на качестве, проработанности и, как следствие, вероятности принятия таких законопроектов. Кроме того, включение проекта закона в совместный план, утвержденный несколькими субъектами Федерации, выступит дополнительным подтверждением значимости и актуальности проектируемых нововведений для целого ряда или большинства регионов страны. В этой связи совместное планирование законопроектной работы может рассматриваться как один из механизмов преодоления такого кризисного явления в праве, как слабое влияние субъектов России на федеральный законотворческий процесс [5. – С. 48].

Полагаем, что ключевую роль в формировании совместных планов законопроектной деятельности должны сыграть межрегиональные объединения органов публичной власти субъектов Федерации (Совет законодателей Центрального федерального округа, Парламентская Ассоциация Северо-Запада России, Ассоциация законодательных органов субъектов Дальнего Востока и Забайкалья и др.), уже осуществляющие отдельные функции по согласованию законоподготовительной и законодательной деятельности регионов – членов данных объединений.

Координационная функция в сфере разработки межрегиональных планов законопроектной деятельности может быть возложена на Федеральное Собрание Российской Федерации, занимающее ключевое место в системе субъектов федерального законотворческого процесса. Кроме того, при Федеральном Собрании образован Совет законодателей России, статус и порядок формирования которого обуславливают возможность использования данного совещательно-консультативного органа в качестве площадки

¹ Постановление Законодательного Собрания Иркутской области от 30 мая 2007 г. № 32/1/1-С3 «О плане законопроектных работ, принимаемом в соответствии с Соглашением о порядке принятия законов Иркутской области и иных нормативных правовых актов Иркутской области с участием органов государственной власти Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. – 2007. – № 32.

для выработки согласованных подходов к планированию законопроектных работ и составлению межсубъектных плановых документов.

Следует согласиться с А. А. Клишасом, по мнению которого «в нынешних реалиях усложнение общественных отношений в макро- и микро- масштабах данностью стала тенденция на все увеличивающуюся частоту различного рода общественных потрясений», в связи с чем на первый план выходит задача укрепления государственного суверенитета, требующая от органов публичной власти «сплочения для принятия эффективных решений по управлению страной» [9. – С. 23]. Учитывая это, перспективным также видится усиление координации Федерального Собрания и региональных парламентов посредством формирования совместных планов законопроектных работ палат Федерального Собрания и законодательных органов субъектов Российской Федерации для обеспечения большей согласованности законодательного регулирования по предметам совместного ведения и своевременного приведения региональных законов в соответствие с часто происходящими изменениями актов федерального законодательства, а также более полного учета интересов субъектов Российской Федерации в рамках федерального законотворческого процесса.

Исходя из того, на упорядочивание чьей законопроектной деятельности направлен план, можно выделить планирование собственной законопроектной работы и планирование законопроектной работы, осуществляемой иными лицами.

В процессе планирования собственной законопроектной деятельности определяются очередность, сроки подготовки или рассмотрения законопроектов лицом, непосредственно формирующим план. В указанном случае план выполняет функцию «самоограничения» законопроектной активности своего разработчика, который самостоятельно устанавливает порядок создания проектов законов, тем самым вводя для себя определенные рамки. Впрочем, рассматриваемый вид плановой деятельности обладает высокой степенью гибкости и вариативности, так как субъект плановой деятельности имеет возможность внести изменения и дополнения в утвержденные им планы либо отменить их.

Планирование законопроектной работы, осуществляемой иными лицами, предполагает, что последовательность, сроки подготовки или рас-

смотрения проектов законов определяются не участником законотворческого процесса самостоятельно, а устанавливаются другим субъектом. В рассматриваемом случае план выступает «внешним» ограничением законопроектной активности участника законотворческого процесса и составляется при условии, что утвердивший его субъект наделен властными, организационно-распорядительными полномочиями в отношении лица, которому соответствующей плановый документ предстоит реализовать. При этом адресат плана не вправе самостоятельно изменить либо отменить его, а самовольное отступление от плана может являться основанием для применения к исполнителю мер ответственности (к примеру, дисциплинарной). К подобного рода плановым документам могут быть отнесены, в частности, планы законопроектной работы отраслевых, функциональных и территориальных органов исполнительной власти субъектов Федерации, утверждаемые главами или правительствами регионов России¹.

Потребность в утверждении планов законопроектных работ, содержащих поручения нижестоящим органам власти и организациям, может быть связана с необходимостью обновления законодательства в рамках целой отрасли или возникать при проведении более масштабных законопроектных работ, требующих консолидации усилий многих лиц. Кроме того, дача задания по подготовке законопроекта одновременно нескольким субъектам позволяет преодолеть ведомственный или групповой подход к решению стоящих перед регионом проблем.

В региональной практике встречаются плановые документы, которые сочетают в себе признаки планов собственной законопроектной работы и планов законопроектной деятельности, осуществляющейся иными лицами. Так, в некоторых субъектах Российской Федерации высшими должностными лицами утверждены планы, определяющие порядок, последовательность и сроки подготовки проектов законов как непосредственно главами этих регионов, так и подотчетными им

¹ См., например: Распоряжение Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 16 декабря 2024 г. № 173-РП «О плане законопроектных работ исполнительных органов Ямало-Ненецкого автономного округа на 2025 год» // Сайт Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа. – URL: <https://yanao.ru/dokumenty/113253/> (дата обращения: 28.06.2025).

органами власти и организациями¹. Подобный подход к планированию представляется возможным признать рациональным, так как его применение позволяет повысить скоординированность по срокам и содержанию законопроектной деятельности инициатора плана и подчиненных ему лиц, усилить контроль за надлежащим исполнением планов последними.

Планирование законопроектной деятельности может быть подразделено на виды в зависимости от содержания планов. В соответствии с данным критерием выделяются тематическое и комплексное планирование.

Тематическое планирование предполагает установление последовательности, сроков разработки и принятия проектов законов, предмет которых имеют общую либо схожую целевую направленность, например, регулирование определенной сферы общественных отношений или принадлежность к одной отрасли законодательства. К тематическим могут быть отнесены, в частности, планы законопроектной деятельности по приведению региональных законов в соответствие с законодательством об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации², планы, направленные на реализацию документов стратегического планирования³ и т. п. Специфической разновидностью тематических планов законопроектных работ также возможно признать перечни подлежащих подготовке и принятию проектов законов, являющиеся

составной частью документов, которыми определяются мероприятия по совершенствованию той или иной сферы государственного управления⁴.

Комплексное планирование, в свою очередь, предполагает утверждение плановых документов, содержащих проекты законов, которые не ограничены определенной областью регулирования или отраслью законодательства. Такие планы характеризуются универсальностью целей, на достижение которых они направлены, и ориентированы на совершенствование всей системы регионального законодательства. Разработка комплексных планов особенно актуальна при проведении в субъекте Российской Федерации масштабных законопроектных работ, предусматривающих единовременное обновление регионального законодательства по множеству не связанных единой тематикой вопросов. Примером комплексных плановых документов являются принятые в Республике Крым планы законопроектной работы по интеграции регионального законодательства в правовую систему России и по решению иных вопросов, возникших в связи с вхождением данного субъекта в состав Российской Федерации⁵. Комплексный характер также имеют планы законопроектной деятельности по приведению регионального законодательства в соответствие с поправками к Конституции Российской Федерации⁶, новой редакцией конститу-

¹ См., например: Распоряжение Губернатора Томской области от 2 декабря 2024 г. № 332-р «О плане законотворческой деятельности Губернатора Томской области, Администрации Томской области и иных исполнительных органов Томской области на 2025 год» // Официальный сайт Администрации Томской области. – URL: <https://tomsk.rph/zakonotvorcheskaja-dejatelnost> (дата обращения: 28.06.2025).

² См., например: Постановление Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва от 16 марта 2022 г. № 1389 ПВХ-III «О примерном плане законопроектной работы по реализации Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Официальный сайт Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва. – URL: <https://www.khural.org>.

³ См., например: Постановление Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия от 5 сентября 1997 г. № 408-І «Об утверждении плана правового обеспечения Федеральной целевой программы социально-экономического и национально-культурного возрождения Республики Калмыкия на период до 2002 года» // Ведомости Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия. – 1998. – № 4.

⁴ См., например: Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 11 ноября 2009 г. № 1257 «О Концепции повышения энергетической эффективности и стимулирования энергосбережения» // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. – 2009. – № 12.

⁵ Постановление Президиума Государственного Совета Республики Крым от 2 сентября 2015 г. № п72-1/15 «О деятельности Государственного Совета Республики Крым, направленной на законодательное урегулирование проблемных вопросов, возникших в связи с окончанием переходного периода, и внесении изменений в план законопроектных работ Государственного Совета Республики Крым на 2015 год, утвержденный Постановлением Президиума Государственного Совета Республики Крым от 4 февраля 2015 года № 423-1/15» // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. – 2015. – № 10.

⁶ Пункты 3 – 5 Постановления Законодательного Собрания Краснодарского края от 15 июля 2020 г. № 1866-П «О формировании Комиссии Законодательного Собрания Краснодарского края для подготовки предложений о внесении изменений в законодательство Краснодарского края в связи с принятием поправки к Конституции Российской Федерации» // Официальный сайт Законодательного Собрания Краснодарского края. – URL: www.kubzsk.ru.

ции или устава субъекта Российской Федерации¹, по системному обновлению законодательства субъекта Федерации в связи с произошедшими изменениями федеральных законов² и т. п.

По способу формирования плановых документов можно выделить такие виды планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации, как консолидированное и содержательно-приоритетное.

Консолидированное планирование заключается в обобщении и последующем включении в план всех проектов законов, предложения о разработке или принятии которых направлены составителю плана уполномоченными лицами (к примеру, субъектами права законодательной инициативы). При подобном подходе к осуществлению плановой деятельности глубокий анализ содержания и экспертиза предлагаемых законодательных инициатив до их попадания в план, как правило, не осуществляются. Вместо этого проводится изучение проектов законов, подлежащих включению в план, на предмет соответствия формальным требованиям. В частности, устанавливаются наличие у субъекта, вносящего плановое предложение, соответствующего права; соблюдение срока представления данной инициативы; полнота представленного комплекта сопроводительных документов и т. п. Чаще всего такие планы формируются посредством блокового расположения в них планируемых к подготовке и принятию проектов законов, объединенных схожим предметом регулирования или общностью разработчика, без выделения комплексных разделов, отражающих законотворческие приоритеты. Результатом механического включения в план всех поступающих плановых предложений зачастую является его чрезмерная загроможденность и сложность полной реализации в установленные сроки, а также повышение загруженности субъекта законотворчества.

В этой связи более действенным представляется содержательно-приоритетное планирование, которое предусматривает формирование плановых документов с учетом необходимости обеспечения их содержательной согласованности и исходя из степени приоритетности предлагаемых к включению в планы проектов законов. Уже на этапе создания планов внимание следует уделять не только соблюдению формальных требований к плановым предложениям, но также оценке степени общественного и государственного интереса к реализации предлагаемых законопроектами нововведений, их актуальности и значимости для регулирования общественных отношений, соответствия целям развития Российской Федерации и ее субъектов, зафиксированным в документах стратегического планирования. В процессе формирования плана законопроектных работ необходимо также устанавливать потребность именно в законодательном регулировании отношений, являющихся предметом соответствующего законопроекта. Тем самым обеспечивается «компактность» планов и снижается нагрузка на субъектов законотворческого процесса, так как при составлении плановых документов производится «отсеивание» неактуальных и недостаточно проработанных законодательных инициатив.

Важное значение при составлении подобных планов законопроектной работы имеет применение научно обоснованного подхода к определению очередности подготовки и принятия включаемых в планы проектов законодательных актов. При решении данного вопроса следует исходить из предметной и тематической связи законопроектов, а также учитывать разнообразие их видов. Так, подготовка базового системообразующего законодательного акта в определенной сфере общественной жизни должна предварять принятие специальных и отраслевых законов. В случае необходимости регулирования взаимосвязанных проблем целесообразно применение так называемого пакетного принципа, предусматривающего разработку нескольких законопроектов, взаимосвязанных по предмету правового регулирования, в их системном единстве [1. – С. 72–73; 11. – 44]. Создавая законодательные акты по предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов, региональному законодателю необходимо ориентироваться на содержание и сроки вступления в силу соответствующих правовых актов федерального уровня. Таким образом, рассматриваемый вид плановой деятельности в наибольшей

¹ Пункт 8 Постановления Московской городской Думы от 7 июля 1995 г. № 44 «О введении в действие Устава города Москвы» // Ведомости Московской Думы. – 1995. – № 4.

² Распоряжение Администрации Смоленской области от 29 августа 2002 г. № 725-р «Об утверждении плана подготовки проектов областных законов, принятие которых необходимо в целях реализации отдельных Федеральных законов, плана подготовки законопроектов в целях приведения областных законов в соответствие с федеральным законодательством» // КонсультантПлюс.

степени способствует предотвращению применения разных подходов к регулированию связанных вопросов и принятия законов, содержащих несогласованные или конкурирующие нормы.

Резюмируя изложенное, отметим доктринальную и практическую значимость проведения классификации видов планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации. Распределение видов планирования по группам исходя из их сходства в определенных признаках и свойствах позволяет выявить многообразие содержания плановой деятельности, а

также выработать предложения по совершенствованию правового регулирования отношений, связанных с подготовкой и реализацией планов законопроектных работ, и по оптимальной организации законотворческого процесса. В этой связи дальнейшее осмысление накопленного субъектами Российской Федерации опыта планирования законопроектной деятельности представляется одним из перспективных направлений научных исследований, посвященных проблемам российского правотворчества.

Список литературы

1. Абрамова А. И. Техника планирования нормотворческой деятельности // Нормотворческая юридическая техника / под ред. Н. А. Власенко. – М. : Юстицинформ, 2011. – С. 68–78.
2. Баранов В. М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. – 2008. – № 2 (134). – С. 9–17.
3. Баранов В. М. Стратегия законотворчества современной России: понятие, технико-юридическое оформление, эффективность реализации // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 29–45.
4. Баранова М. В. Концептуальное опережение федеральной правовой регламентации законодательством субъекта Российской Федерации (на примере противодействия попрошайничеству) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 215–226.
5. Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43–54.
6. Залоупо М. В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. – 2018. – № 4. – С. 43–53.
7. Исаков В. Б. Классификации и классификаторы в науке и аналитике // Юридическая техника. – 2024. – № 18. – С. 17–31.
8. Капитанов К. И. Теоретические аспекты планирования законопроектной деятельности в субъектах Российской Федерации // Экономика. Право. Общество. – 2023. – № 4 (36). – С. 85–91.
9. Клишас А. А. Развитие Российской Федерации как социального государства в контексте 30-летия Конституции Российской Федерации // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 12. – С. 22–37.
10. Ноздрачев А. Ф., Емельянов А. С., Зырянов С. М., Кабытов П. П. Административное законодательство // Научные концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. – М. : Норма, 2024. – С. 105–125.
11. Пиголкин А. С., Рахманова Т. Н., Жалялетдинова З. С. Региональные программы законотворчества получают научное обоснование // Журнал российского права. – 1997. – № 3. – С. 39–49.
12. Пляхимович И. И. Перспективное планирование нормотворчества в Беларуси // Закон: стабильность и динамика : материалы Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов, Москва, 1 – 3 июня 2006 г. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М., 2007. – С. 161–166.
13. Поленина С. В. Планирование правотворчества // Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р. О. Халфина. – М. : Наука, 1981. – С. 216–253.
14. Понкин И. В., Редькина А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 37. – С. 249–259.
15. Сенчагов В. К. Закон о стратегическом планировании и задачи по его реализации // Вестник Финансового университета. – 2015. – № 3. – С. 38–50.
16. Субботин А. Л. Классификация. – М., 2001.
17. Тихомиров Ю. А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 46–52.

Судебная практика – современный инструмент регулирования отношений в сфере разведки, добычи и оборота энергетических ресурсов. Соотношение норм различных отраслей законодательства

А. С. Лалетина

доктор юридических наук, доцент.

Москва

E-mail: Laletinaas@gmail.com

Case Law as a Modern Instrument for Regulating Relations in the Field of Exploration, Production and Turnover of Energy Resources. The Ratio of Norms of Various Branches of Legislation

A. S. Laletina

Doctor of Law, Associate Professor.

Moscow, Russian Federation.

E-mail: Laletinaas@gmail.com

Поступила 05.08.2025 Принята к печати 21.08.2025

Аннотация

В данной статье рассмотрены подходы российских судов к разрешению принципиальных и актуальных проблем правоприменения в сфере недропользования – в части разведки и добычи энергетических ресурсов. В настоящее время судебная практика не дала окончательного ответа на вопрос о юридической квалификации скважины; о соотношении прав собственников (владельцев, пользователей) участков недр, имущества, необходимого для их эксплуатации, и обладателей прав на земельные участки; о необходимости предоставления недропользователю права аренды на земельный участок либо строго в границах горного отвода, либо в пределах, необходимых для работ по недропользованию; о перечне правовых оснований для прекращения права пользования недрами, а также ряд других. Имманентная судебной практике гибкость в данном случае негативно сказывается на интересах субъектов отношений в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Высказано и обосновано мнение о том, что развитие законодательства об ограниченных вещных правах способствовало бы большей определенности ведения предпринимательской и иной экономической деятельности в сфере эксплуатации объектов ТЭК. Автор приходит к выводу о существовании в России прецедентного права. Констатируется, что, несмотря на ограничительное толкование Верховным Судом Российской Федерации понятия «судебная практика», подход судов к этому понятию остается максимально широким.

Ключевые слова: судебная практика, недра, разведка, добыча, скважина, энергетические ресурсы, публичный договор, аукцион, конкурс, земельный участок, энергоснабжение, конкуренция отраслей законодательства.

Abstract

This article examines the approaches of Russian courts to resolving fundamental and urgent problems of law enforcement in the field of subsurface use, in terms of exploration and production of energy resources. Currently, judicial practice has not given a definitive answer to the question of the legal qualification of the well; about the ratio of the rights of owners (owners, users) of subsurface areas, property necessary for their operation and holders of rights to land; the need to grant a subsoil user the right to lease a land plot either strictly within the boundaries of a mining allotment or within the limits necessary for subsurface use; the issue of a list of legal grounds for termination of the right to use subsurface resources and a number of others. Inherent flexibility in judicial practice in this case negatively affects the interests of subjects of relations in the fuel and energy sector. The opinion is expressed and justified that the development of legislation on limited property rights would contribute to greater certainty of conducting business and other economic activities in the field of operation of fuel and energy complex facilities. The author comes to the conclusion that there is a case law in Russia. It is stated that despite the restrictive interpretation of the concept of "judicial practice" by the Supreme Court of the Russian Federation, the approach of the courts to this concept remains as broad as possible.

Keywords: judicial practice, subsoil, exploration, production, well, energy resources, public contract, auction, competition, land plot, energy supply, competition of branches of legislation.

За последние пятьдесят лет судебная практика как правовое явление прошла путь от актов применения норм действующего законодательства до полноценного инструмента правового регулирования общественных отношений [4. – С. 14–15, 26–43]. Иллюстрацией может служить Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 мая 2025 г. № Ф04-1746/2025 по делу № А81-13362/2023, в котором суд указал на несостоятельность довода кассатора об отсутствии в России прецедентного права, пояснив, что единообразие в применении и (или) толковании судами норм права является одним из условий соблюдения требований о правовой определенности и стабильности судебных актов, отступление от которых является основанием для их отмены или изменения¹.

Причины такого качественного изменения роли судебной практики хорошо известны: 1) высокий уровень проблемности действующего законодательства; 2) противоречивость законодательного регулирования; 3) конкуренция норм законодательства различной отраслевой принадлежности.

Разведка и добыча энергетических ресурсов также не является исключением: основной федеральный закон, регулирующий этот сегмент отношений в сфере топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) – Закон Российской Федерации «О недрах» (далее – Закон «О недрах») – во-первых, устанавливает условия гражданско-правовых договоров, заключаемых субъектами отношений в сфере недропользования, а во-вторых, предусматривает заключение договоров, которые должны соответствовать не только закону, но и условиям недропользования (т. е. недропользовательской лицензии), его целям, а также в некоторых случаях и проектной документации. Предусмотрены нормами Закона «О недрах» (ч. 5 ст. 7) и договоры, регулирующие условия пользования недрами, – для недропользователей, осуществляющих эксплуатацию участков недр в пределах одного геологического отвода. Конечно, ни Закон «О недрах», ни утвержденный совместным приказом Минприроды России и Роснедр от 25 апреля 2024 г. № 240/03 порядок заключения

таких соглашений не устанавливают никаких конкретных условий совместного проведения геологической разведки. Однако это означает практически полную свободу определения этих условий сторонами такого соглашения.

Очевидно, что называть такие договоры гражданско-правовыми в полной мере нельзя, но нельзя и не учитывать того, что законодательство о недрах не устанавливает никаких обязательных правил в отношении содержания таких договоров.

М. Б. Уаге применительно к правам водопользования и недропользования пишет, что преимущество гражданско-правовых оснований приобретения этих прав в действующих нормах законодательства привело к снижению административных барьеров для обладателей прав пользования, но усилило риски возникновения коррупционной составляющей в механизме их предоставления, что прежде всего проявляется в проведении аукционов на право заключить договор [14]. Ирония состоит в том, что отказ от конкурсной системы предоставления прав пользования недрами в пользу аукционной оправдывался именно необходимостью снижения коррупционной составляющей: якобы при предоставлении права пользования недрами сугубо рыночные механизмы, как более прозрачные по сравнению с конкурсами (где во главу угла ставится такой непрозрачный критерий, как обеспечение лучших условий), обеспечат снижение субъективного фактора при рассмотрении заявок [1. – С. 105; 2; 5. – С. 27; 9. – С. 4–11; 13]. Некоторые исследователи высказывали обоснованные сомнения в том, что наличие денежных средств само по себе гарантирует качество разработки месторождений, другие указывали на то, что этот критерий ставит мелкие и средние компании в невыгодные условия – они не могут предложить более высокую цену, чем крупные компании, но способны осуществлять недропользование на более выгодных для государства условиях [10. – С. 88]. Небезынтересно то, что М. Б. Уаге называет аукционы гражданско-правовыми основаниями приобретения прав пользования, в том числе участками недр. Хотя вопросы пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов, из чего должно бы следовать то, что применение гражданского законодательства (ко-

¹ Опубликовано в СПС «КонсультантПлюс».

торое, напомним, находится в исключительном ведении Российской Федерации, согласно ст. 71 Конституции Российской Федерации) к этим вопросам исключено [14].

Роль судебной практики как полноценного инструмента регулирования в известной степени подрывается конституционно установленной исключительностью закона как основы правового регулирования. Собственно, суды, вынося решения, противоречащие сложившейся судебной практике, могут сослаться на отсутствие в России прецедентного права¹, на отсутствие у решений судов юридической силы нормативных актов² и даже на противоречие ссылок сторон судебного разбирательства на прецедентное право действующему законодательству³. Перечень инструментов правового регулирования не исчерпывается Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и актами органов исполнительной власти. Очевидно, что буквальное толкование положения Конституции Российской Федерации в данном случае абсурдно – в таком случае сама Конституция не является источником права, поскольку не является законом.

Нельзя называть обоснованной ссылку судов на некое «прецедентное право». Суть системы прецедентного права состоит отнюдь не в способности судебной практики менять закон (как раз нормы закона применяются судами неукоснительно), но в специфике применения судебных решений по аналогичным делам. В системе прецедентного права она основана на концепции *stare decisis* – держаться того, что уже было установлено судом. Это означает обязанность судов следовать решению, вынесенному предшественниками⁴. Возникает риторический вопрос – в чем же различие между этим принципом и приведенным в начале данного исследования Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 мая 2025 г. № Ф04-1746/2025 по делу № А81-

13362/2023, где суд напомнил, что единообразие в применении и (или) толковании судами норм права является одним из условий соблюдения требований о правовой определенности и стабильности их решений, нарушение которых может повлечь за собой их отмену (изменение)? Таким образом, прецедентное право в России существует: использование судебной практики в качестве инструмента толкования положений закона, вопреки общераспространенному мнению, не является специфической особенностью правовых систем стран так называемого общего права.

Другое дело, что далеко не все судебные решения становятся прецедентами – объем понятия «судебная практика» до сих пор не определен ни законодательством, ни собственно судебной практикой. Например, истец, указывая в одном из споров, что тарифы на тепловую энергию и группа потребления не подлежат регулированию сторонами, ссылался, в частности, на то, что Постановление Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 13 июня 2006 г. № 4055/06 не является формирующим судебную практику судебным актом⁵. Аналогичная оценка была дана Арбитражным судом Западно-Сибирского округа постановлению суда апелляционной инстанции⁶. Еще ранее тот же суд по спору о способе определения объема бездоговорного потребления электроэнергии указал, что, вопреки доводу кассатора, результат рассмотрения настоящего дела (решения суда апелляционной инстанции) не формирует судебную практику по рассмотрению этой категории споров⁷.

Руководящим в этом аспекте можно считать Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 23 марта 2005 г. № 25-пв04⁸, в соответствии с которым нарушением единства судебной практики для Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ является вынесение определений, противоречащих следующим документам: 1) постановлениям

¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 апреля 2022 г. № Ф05-5562/2022 по делу № А40-69784/2021.

² См.: Постановление Нижегородского областного суда от 8 мая 2019 г. по делу № 4а-500/2019 // Опубликовано в СПС «Гарант».

³ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2022 г. № АПЛ22-253.

⁴ Право и экономическая деятельность (экономическое право) : Учебник / Р. А. Курбанов, Ю. А. Крохина, Р. А. Гурбанов [и др.]. – М. : Проспект, 2023. – С. 58.

⁵ Постановление ФАС Московского округа от 4 октября 2006 г. № КГ-А40/8736-06 по делу № А40-9353/06-6-51.

⁶ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 июля 2022 г. № Ф04-3436/2022 по делу № А45-28412/2021.

⁷ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 3 марта 2016 г. № Ф04-216/2016 по делу № А70-4927/2015.

⁸ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 9.

Пленума ВС РФ, содержащим разъяснения по вопросам судебной практики; 2) постановлениям Президиума ВС РФ; 3) определениям Судебной коллегии по гражданским делам и Кассационной коллегии ВС РФ по конкретным делам, содержащим толкования норм материального и процессуального права; 4) материалам официально опубликованных ВС РФ обзоров судебной практики и ответов на возникшие у судов вопросы в применении законодательства [3. – С. 38]. Такой подход был определяющим в течение примерно 10 лет.

Современный подход ВС РФ, с одной стороны, сузил объем понятия «судебная практика» – ныне нарушением ее единства в толковании и применении норм права, а равно толкованием и применением правовых норм, является решение, противоречащее исключительно постановлениям Пленума ВС РФ и постановлениям Президиума ВС РФ¹. С другой стороны, закон, устанавливая основания для отмены (изменения) судебных постановлений, существенно расширяет перечень оснований для отмены решения, которые можно обнаружить исключительно путем исследования материалов судебной практики. Нормы подпункта 4 пункта 1 и пункта 2 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 4 части 1, части 3 статьи 270, статьи 287, части 3 статьи 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 2, части 4 статьи 310 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации указывают на неправильное применение норм права как на основание для отмены судебного решения в апелляционном и в кассационном порядке. Очевидно, что критерий правильности или неправильности его применения может быть обнаружен именно путем исследования отдельных судебных постановлений, далеко не все из которых являются предметом исследования в ВС РФ и далеко не все из которых удостоились места в обзорах судебной практики. Таким образом, несмотря на формально ограничительное толкование ВС РФ понятия судебной практики, оно остается максимально широким.

К категории наиболее сложных споров, рассматриваемых судами, относятся споры о соот-

ношении прав собственника (владельца) объекта энергетической инфраструктуры и прав собственника (владельца) земельного участка, на котором он расположен. Неудавшаяся, по мнению абсолютного большинства исследователей, реформа вещного права поставила вопрос о его развитии перед будущими поколениями юристов. Между тем на территории России находится огромное количество объектов энергетической инфраструктуры, как бесхозяйных, так и находящихся у фактически эксплуатирующих их лиц на правах, не предусмотренных действующим законодательством (например, «на балансе»). И если вопрос о бесхозяйных линейных объектах судебной практикой разрешен, по крайней мере в отношении объектов электроэнергетики, а в отношении остальных законодателем предложен путь практического разрешения данного вопроса [8], то в отношении участков недр, земельных участков и имущества, необходимого для эксплуатации участков недр, проблема не решена.

Представляется, что развитие законодательства об ограниченных вещных правах позволило бы легализовать правовой режим объектов инфраструктуры трубопроводного транспорта в части определения прав и обязанностей их фактических владельцев. Все так же актуален вопрос о критериях определения имущества в качестве недвижимого и объектов в качестве объектов капитального строительства². В связи с этим востребованными в правоприменительной практике остаются вопросы соотношения правомочий собственников объектов инфраструктуры трубопроводного транспорта и прав собственника (владельца) земельного участка, на котором они расположены.

Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 31 марта 2023 г. № Ф05-5521/2023 по делу № А41-6061/2022 признано отсутствие у собственника объектов трубопроводного транспорта и любых других инженерных сетей оснований для признания его права на земельные участки, под которыми они размещены (например, права преимущественной покупки земельного участка). Собственник таких объектов вправе требовать ограничения прав землевладельца через суд в связи с установлением охранных зон, а также в

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.11.2015) (ред. от 28.03.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 6 (поправка).

² Право и экономическая деятельность (экономическое право) : Учебник / Р. А. Курбанов, Ю. А. Крохина, Р. А. Гурбанов [и др.]. – М. : Проспект, 2023.

случаях, предусмотренных законом для эксплуатации таких объектов, добиваться установления сервисита на земельный участок¹.

Закон «О недрах» практически не оставил недропользователям иной модели договорного взаимодействия с владельцем земельного участка, нежели аренда. Это подтверждает и судебная практика. ВС РФ в одном из своих последних постановлений подтвердил разделение прав на участок недр и прав на земельный участок – при прекращении договора аренды земельного участка обладатель прав на участок недр фактически теряет право на доступ к нему². С другой стороны, Законом «О недрах» предусмотрено изъятие земельных участков для государственных муниципальных нужд у частных собственников по ходатайству недропользователей.

Известная практике земельного права проблема соотношения размеров земельного участка и размеров занимаемого им объекта недвижимости (которые в соответствии с принципом «единства юридической судьбы» земельного участка и расположенного на нем недвижимого имущества не должны отчуждаться отдельно друг от друга) проявилась в новом качестве – соотношении размеров горного отвода и земельного участка. Возникает практически «зеркальный» вопрос о необходимости предоставления права аренды на земельный участок либо строго в границах горного отвода, либо в пределах, необходимых для работ по недропользованию. В условиях законодательного пробела суды выносят диаметрально противоположные по смыслу решения³.

Договоры энергоснабжения являются публичными, что подтверждается судебной практикой: пункт 15 Постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 отнес к категории публичных договоров, заключаемые лицом, обязанным в силу требований закона продавать товары, выполнять работы, оказывать услуги и т. д. в отношении любого обратившегося к нему лица, например договоры в сфере энергоснабжения (п. 1 ст. 426 ГК РФ).

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 марта 2023 г. № Ф05-5521/2023 по делу № А41-6061/2022.

² Пункт 4 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.06.2025).

³ Решение АС Хабаровского края от 6 августа 2020 г. по делу № А73-3962/2020; Решение АС Белгородской области от 29 марта 2022 г. по делу № А08-4344/2021.

Помимо недопустимости установления индивидуальных цен для потребителей, недопустимости преференций при заключении договора, недопустимости отказа от его заключения⁴, квалификация договора энергоснабжения как публичного автоматически ставит вопрос о юридических основаниях отказа от него в одностороннем порядке. Причем действующее гражданское законодательство не предусматривает никаких специфических особенностей одностороннего отказа именно от публичного договора. Вообще этот институт, являясь исключением из общей нормы гражданского права, обеспечивает свободу договорного взаимодействия сторон в аспекте возможности прекращения договорных отношений. С другой стороны, это нарушает принцип обеспечения предсказуемости и определенности – возможность прекращения другой стороной договорных связей в любой момент не способствует созданию прочных экономических связей, но заставляет контрагента заниматься поиском альтернативных связей, что, конечно, способствует развитию конкуренции.

ВС РФ признал приоритет конструкции публичного договора над предусмотренным нормами об отдельных видах договоров правом на односторонний отказ от него, применив принцип приоритета общей нормы над нормой специального характера. Согласно пункту 12 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей, односторонний отказ исполнителя от исполнения публичного договора возмездного оказания услуг в отсутствие нарушений со стороны потребителя не допускается даже тогда, когда возможность одностороннего отказа предусмотрена специальными правилами о соответствующих категориях договоров. Как разъяснено в абзаках 1–3 пункта 21 указанного выше Постановления Пленума ВС РФ, по смыслу пункта 2 статьи 310, пункта 3 статьи 426, статьи 450.1 ГК РФ односторонний отказ лица, обязанного заключить публичный договор, должен иметь своим основанием нарушение его потребителем, в противном случае данный отказ не влечет правовых последствий⁵.

⁴ Необходимо обратить особое внимание на то, что ГК РФ запрещает отказывать в заключении такого договора, но не запрещает односторонний отказ от обязательств по нему.

⁵ Определение Судебной коллегии Верховного Суда от 20 апреля 2021 г. № 78-КГ21-12-К3 // Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.10.2021).

Данный запрет сформулирован не законом, но судебной практикой, из чего следует очевидно возросшая роль судебной практики как инструмента правового регулирования. По нашему мнению, это представляется качественным, существенным изменением – формулируя не предусмотренный законом прямо запрет, суд переходит от функции толкования норм действующего законодательства к функции преобразования применения его норм.

Оборот энергетических ресурсов предполагает их транспортировку преимущественно трубопроводным транспортом, что существенно повышает значимость правового режима линейных объектов. В связи с этим значимость приобретают вещные права на них как на средства доставки товара. Арбитражный суд Поволжского округа признал законным раздел линейного объекта недвижимости на два самостоятельных объекта. Признав незаконным отказ в постановке двух объектов на кадастровый учет, суд кассационной инстанции сформулировал правило о том, что раздел объекта недвижимости представляет собой самостоятельный способ образования объекта недвижимости, наряду с реконструкцией. Отказ в осуществлении государственного кадастрового учета объектов недвижимости, образуемых в результате раздела ранее учтенного в ЕГРН объекта, нельзя признать соответствующим требованиям закона¹, если они образуются из объекта недвижимости, раздел которого возможен.

Ранее мы уже обращали внимание на конкуренцию норм различных отраслей законодательства.

Отмечается совершенно различный юридический объем самого понятия «законодательство» и различная иерархия нормативных актов [2]. Например, судья ВС РФ О. Ю. Шилохвост отмечает, что «...там, где речь идет о снабжении энергетическими ресурсами жилых домов и помещений граждан-потребителей... на систему правового регулирования накладывается жилищное законодательство, имеющее к тому же законодательно закрепленный приоритет в регулировании находящихся в его сфере правоотношений перед нормативными актами иной отраслевой принадлежности, включая законодательство о снабжении энергетическими ресурсами» [15].

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.02.2023 № Ф06-28560/2023 по делу № А55-8372/2022.

Современные исследователи развития отраслей российского права отмечают следующую тенденцию. Если значимость разделения на отрасли права снижается, то разделение на отрасли российского законодательства возрастает [12]. Отсутствие у организации статуса организации по добывче угля позволило суду сделать вывод о не-применении Федерального закона «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности»², т. е. исключить применение законодательства о государственном регулировании добычи (переработки) и использования угля (горючих сланцев) и отнести выдачу этой организацией угля населению к расходам в смысле налогового законодательства³. И, наоборот, игнорирование положений данного федерального закона федеральным органом исполнительной власти привело к неправомерному привлечению недропользователя к административной ответственности за бурение скважин в целях дегазации шахты без получения лицензии на пользование недрами⁴. Между тем следует иметь ввиду то, на что указывает И. А. Игнатьева, когда пишет, что исходя из формулировок статьи 3 Федерального закона «О газоснабжении» правовое регулирование газоснабжения осуществляется нормативными правовыми актами федерального и муниципального уровней, но при этом реализация ряда положений этого закона «предполагает принятие субъектом РФ нормативных правовых актов, как непосредственно регулирующих отношения в области газоснабжения, так и затрагивающих это регулирование при регулировании смежных общественных отношений (в частности, в вопросе социальных гарантий малоимущих граждан)» [6]. Таким образом, применение различных отраслей права фактически является, если использовать современную лексику, бесшовным.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.06.1996. – № 26. – Ст. 3033.

³ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 20 января 2014 г. по делу № А33-3856/2013.

⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 ноября 2020 г. № Ф04-4579/2020 по делу № А27-23851/2019. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 304-ЭС20-24259 по делу № А27-23851/2019 в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказано.

Судебная практика по применению нормы, содержащейся в пункте 19 Правил поставки газа для коммунально-бытовых нужд граждан¹, основана именно на нормах ГК РФ о договорах энергоснабжения, а не на нормах о договоре поставки.

Учитывая достаточно высокий общий уровень монополизации в сфере ТЭК, а также большой удельный вес повторяющихся моделей взаимодействия, отношения участников этого рынка часто основаны на договорах с высоким уровнем стандартизации – типовых договорах, договорах присоединения и других договорах, условия которых фактически или формируются только одной стороной, или не могут быть изменены даже обеими сторонами.

Если договор поставки газа заключен не на организованных торгах, то потенциальный покупатель газа обращается к поставщику с заявкой на приобретение газа, на которую в течение 30 дней с даты поступления этих заявок поставщик направляет заявителю оферту в форме подписанного проекта договора или письменный мотивированный отказ в его заключении. Акцепт оферты возможен в течение 30 дней с даты ее получения, если иной порядок акцептования не предусмотрен самой офертой. При этом в Правилах поставки газа прямо говорится об акцепте оферты именно как о «подписанном экземпляре договора». То есть этот алгоритм заключения договора поставки газа предоставляет преимущества поставщику, который, являясь оферентом, всегда находится в позиции стороны, предлагающей условия договора, – часто они подписываются покупателями без возможности обсудить его условия (особенно если поставщик – монополист). Из этого следует, что на договор поставки газа распространяется действие правила *contra proferentem* – толкования, направленного против стороны, сформулировавшей условия договора². Данное правило, появившееся в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА, отразилось в одном из постановлений прекратившего

свою работу ВАС РФ³. Практика Верховного Суда РФ подтвердила его применение в системе российского права⁴ и распространила его действие, в частности, на отношения сторон договоров поставки газа, заключенных по результатам организованных торгов⁵. Кроме того, судебной практике знакомо толкование договора *contra proferentem* в случаях, когда установлен факт заключения договоров с разногласиями со стороны лица: суды приходят к выводу о том, что все двоякие условия договоров должны толковаться против интересов того лица, чью редакцию стороны согласовывали⁶.

Существует и противоположный подход – некоторые арбитражные суды отказывают в применении правила *contra proferentem* в случаях, когда «утверждение положений договора проводилось посредством интенсивных переговоров»⁷, поскольку в этом случае презюмируется факт участия обоих сторон в выборе терминологии и формулировок.

Учитывая конструкцию договора энергоснабжения как публичного договора, заслуживает внимания и позиция ВС РФ относительно договоров, заключенных на основе правил и типовых договоров, в том числе и договоров энергоснабжения. Эта позиция состоит в отрицании возможности толкования судами их условий *contra proferentem*⁸. И хотя приведенное Определение ВС РФ касается водоснабжения, очевидно, что этот подход может по аналогии быть распространен на все договоры

³ Конкретнее в пункте 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах».

⁴ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 11. – Ноябрь, 2018.

⁵ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 18 сентября 2019 г. № 08АП-10447/2019, 08АП-10667/2019 по делу № А75-5791/2019.

⁶ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 6 декабря 2015 г. № 08АП-11481/2015 по делу № А70-13943/2014. Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 февраля 2016 г. № Ф04-259/2016 данное постановление оставлено без изменения.

⁷ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 октября 2018 г. № 17АП-13096/2018-ГК по делу № А60-33076/2018.

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 305-ЭС15-16052 по делу № А41-76129/2014. Данный подход отражен также в ряде судебных постановлений нижестоящих инстанций: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2019 г. № 13АП-12700/2019 по делу № А21-15382/2018.

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 3 июля 2019 г. № Ф08-4289/2019 по делу № А53-30852/2018 и Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 2019 г. № 308-ЭС19-19231.

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 декабря 2018 г. № Ф04-5266/2018 по делу № А03-19704/2017.

о передаче права собственности на энергетические ресурсы в целом – связь водоснабжения и энергоснабжения подтверждается правилом, сформулированным в пункте 2 статьи 548 ГК РФ о применении правил ГК РФ о договоре энергоснабжения к отношениям, связанным со снабжением через присоединенную сеть, в том числе снабжения водой. Ряд таких договоров является обязательным к заключению.

Конкурируют нормы ГК РФ об энергоснабжении и с нормами жилищного законодательства. Так, Определением Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18 июля 2018 г. № 308-ЭС18-3663 по делу № А63-15697/2017 признано, что подача абоненту – физическому лицу через присоединенную сеть тепловой энергии и горячей воды осуществляется в целях оказания соответствующих коммунальных услуг гражданам, проживающим в многоквартирном доме, и регулируются нормами жилищного, а не гражданского законодательства [3. – С. 263]. Нормы последнего применяются лишь постольку, поскольку они не противоречат положениям Жилищного кодекса Российской Федерации, согласно которым расчет осуществляется на основе показаний приборов учета, а при их отсутствии – исходя из нормативов потребления коммунальных услуг.

Цена договора поставки не является существенным условием договора: отсутствие данного условия в договоре уполномочивает стороны на применение цены по аналогии – на основе суммы, обычно взимаемой за аналогичные товары (п. 3 ст. 424 ГК РФ). Разумеется, такая формулировка дает существенные возможности для маневра – стороны договора могут доказывать цену на основе других аналогичных договоров, заключенных ими. Так, в споре по делу № А40-157727/2013 представитель истца привел в качестве доказательства своих требований государственные контракты, заключенные ответчиком (Министерством труда и социального развития) с иными поставщиками. И хотя предмет доказывания был иным – истец доказывал, что неустойка, рассчитанная ответчиком, никак не связана с ценой договора и определена произвольно¹, – очевидно, что такой же способ доказывания может быть использован и при определении цены договора поставки в порядке части 3 статьи 424 ГК РФ.

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу А40-157727/2013.

Вместе с тем приведенный пример применим к ценам, определяемым исключительно на основе принципа свободы договора, которая, в свою очередь, предполагает свободу определения его цены. Между тем не только договор поставки энергетических ресурсов, но и абсолютное большинство сопутствующих их поставке договоров (договор транспортировки энергетических ресурсов, договор на подключение к сетевой инфраструктуре, договор на переток электроэнергии, договор на осуществление оперативно-диспетчерского управления (ОДУ), договор на присоединение к оптовому рынку электроэнергии и т. д.) характеризуются тем, что их цена является регулируемой, и тем, что способы ее определения также подлежат регулированию государством в лице Правительства Российской Федерации, Федеральной антимонопольной службы и субъектов Российской Федерации.

О. Ю. Шилохвост критиковал подход арбитражных судов, выражающийся в «редактировании» составами судов условий договоров в случае их несоответствия императивным нормам законодательства – вместо того, чтобы исключать их из договора [15. – С. 163]. Очевидно, такой подход был основан на принципе стабильности гражданского оборота и принципе сохранения договора². Так, абзац 6 пункта 3 Постановления Пленума ВС РФ «О свободе договора и ее пределах» содержит следующий вывод из содержания пункта 1 статьи 544 ГК РФ об определении размера платы по договору энергоснабжения: если плата за единицу поставляемого по договору энергоресурса регулируется государством, а не является свободно определяемой сторонами договора, то установление соглашением сторон иного количества энергии, оплачиваемого абонентом (потребителем, покупателем), нежели фактически принятое им, возможно тогда, когда невозможно определить фактически принятое количество энергии в соответствии с данными учета, а закон или иные правовые акты не предусматривают его определения в отсутствие этих данных. Это правило направлено на защиту публичных интересов, обеспечиваемых государственным регулированием тарифов.

² Согласно пункту 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», при наличии спора о действительности договора суд, пока не доказано иное, исходит из действительности договора.

Таким образом, судебной практикой сформулировано правило, согласно которому норма, не имеющая прямого указания закона на ее императивность, тем не менее, императивна.

Частным проявлением общей проблемы конкуренции гражданского законодательства и норм специальных законов в сфере недропользования является неоднозначная квалификация скважины как объекта гражданских прав, правовой статус которого определяется на основе норм ГК РФ о вещных правах на недвижимое имущество и как части участка недр, правовой режим которого определяется не гражданским законодательством, а законодательством о недрах. В настоящее время данная проблема остается нерешенной. Судебная практика рассматривает скважину и как самостоятельный объект недвижимости, и как составную часть сложной вещи¹, а равно главной вещью² или, наоборот, принадлежностью главной вещи³. Наконец, скважина нередко признается и частью участка недр, что исключает возможность ее квалификации в качестве объекта гражданских прав и, соответственно, гражданского-правового подхода к характеристике прав и обязанностей ее владельца.

Прекращение права пользования недрами являлось до недавнего времени единственным единственным (в условиях минимальных размеров административных штрафов того периода) инструментом воздействия на поведение недропользователей. Существенным аспектом его применения является перечень правовых оснований для при-

менения органом государственной власти такой крайней меры.

Арбитражный Суд Дальневосточного округа сформировал практику применения положений Закона «О недрах» в отношении характера перечня правовых оснований для прекращения права пользования недрами.

Прекращение права пользования недрами, в отличие от его возникновения, возможно не только по основаниям, указанным в Законе «О недрах». Согласно части 1 статьи 23 Закона «О недрах», нарушением требования по рациональному использованию и охране недр является несоблюдение установленного законодательством порядка предоставления недр в пользование или самовольное пользование недрами. В этом случае право пользования недрами может быть ограничено, приостановлено или прекращено.

С точки зрения Арбитражного суда Дальневосточного округа, закон предоставляет Роснедрам право прекращать право пользования недрами в случаях, когда это право было предоставлено с нарушениями требования рационального недропользования. Таким образом, прекращение права пользования недрами возможно не только по основаниям, предусмотренным статьей 20 Закона «О недрах». Последние относятся к случаям незаконного предоставления права пользования недрами и касаются допущенных недропользователем нарушений условий пользования недрами, поэтому к рассматриваемой ситуации данная норма не применяется⁴. ВС РФ подтвердил легитимность данного подхода⁵.

Судебная практика является наиболее оперативным инструментом развития права. Частота изменений российского законодательства, ставшая практически общим местом в любых исследованиях, критически оценивающих состояние законности в России, все равно не может обеспечить нужную оперативность изменения подходов к

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 8 декабря 2015 г. № Ф06-3318/2015 по делу № А57-7539/2014 // Опубликовано в СПС «КонсультантПлюс».

² В силу пункта 3 статьи 3.1 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4148) к собственности муниципальных образований относятся земельные участки, занятые зданиями, строениями, сооружениями, находящимися в собственности соответствующих муниципальных образований. На этом основании Высший Арбитражный Суд Российской Федерации отнес земельный участок, на котором была расположена скважина, к собственности муниципального образования. См.: Определение ВАС РФ от 1 ноября 2012 г. № ВАС-13811/12 по делу № А35-6339/2011 // Опубликовано в СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24 сентября 2020 г. № Ф10-3157/2020 по делу № А83-4114/2019 // Опубликовано в СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14 марта 2023 г. № Ф03-490/2023 по делу № А51-3788/2022; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 января 2023 г. № Ф03-6181/2022 по делу № А51-20142/2021; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 1 ноября 2022 г. № Ф03-5336/2022 по делу № А51-18642/2021; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 6 июля 2022 г. № Ф03-2657/2022 по делу № А73-14846/2021.

⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2023 г. № 303-ЭС23-4282 по делу № А51-20142/2021.

разрешению тех или иных практических вопросов. В 20-е гг. XXI в. федеральными органами исполнительной власти было принято существенное количество нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере пользования недрами. Подзаконные нормативные акты являются инструментом оперативного реагирования государства, их разработчики, в отличие от законодателей, имеют непосредственный контакт с предметом регулирования – соответствующей сферой общественных отношений. В свою очередь, судебная практика позволяет выявлять проблемы восприятия норм действующего законодательства непосредственно адресатами – сторонами судебного разбирательства.

Судебная практика на современном этапе развития выполняет преобразующую роль. Даже само понятие судебной практики, не определенное законодателем несмотря на формально ограничительное толкование ВС РФ, является максимально широким за счет того, что вывод о «правильном или неправильном» применении норм законодательства может быть сделан не только на основе Постановлений Пленума или Президиума ВС РФ или ВАС РФ – указанные акты априори не могут охватить все вопросы правового регулирования. Вывод также может быть сделан на основе ряда отдельных судебных постановлений судов нижестоящих судебных инстанций.

Введение в действующее законодательство положений об ограниченных вещных правах позволит легализовать правовой режим объектов инфраструктуры ТЭК (участков недр, земельных участков и имущества, необходимого для эксплуатации участков недр) в части определения прав и обязанностей их фактических владельцев (обладателей прав пользования).

Введя в недропользование договорную составляющую, Закон «О недрах» практически не оставил недропользователям иной модели договорного взаимодействия с владельцем земельного участка, нежели договор аренды, что смещает баланс прав и обязанностей в сторону государства, а это не способствует возникновению состояния определенности прав недропользователя на земельный участок и ставит под угрозу возможность или целесообразность осуществлять пользование участками недр. Например, в судебной практике не решен вопрос о границах арендаемого земельного участка для целей эксплуатации участков недр за счет предоставления права аренды на земельный участок – является ли его

предметом пространство строго в границах горного отвода, либо арендуемое пространство должно включать в себя земельные участки, необходимые для осуществления горных работ.

Квалификация договора энергоснабжения как публичного автоматически ограничивает возможность отказа от него в одностороннем порядке. Это не предусмотренное законом ограничение, сформулированное судебной практикой, является качественным, сущностным изменением, потому что суд на основе закона создает ограничения, не предусмотренные им.

Другим признаком обретения судебной практикой в сфере правового регулирования ТЭК характеристик полноценного инструмента правового регулирования является формулирование ею правила, согласно которому норма гражданского права, в отношении которой закон не указывает прямо на ее императивность, тем не менее может быть императивной. Такого рода правило сформулировано, например, в абзаце 6 пункта 3 Постановления Пленума ВС РФ «О свободе договора и ее пределах» в отношении нормы пункта 1 статьи 544 ГК РФ об определении размера платы по договору энергоснабжения. Оно состоит в том, что если плата за единицу поставляемого по договору энергоресурса регулируется государством, то возможность установления договором иного правила ограничена ситуацией, в которой в соответствии с данными учета определить фактически принятное количество энергоресурса невозможно, а правовые акты не предусматривают его определения в отсутствие этих данных. В иных случаях, как следует из указанного абзаца, цена договора не может определяться соглашением сторон.

В настоящее время судебной практикой не разрешены вопросы о юридической квалификации скважины; о соотношении прав собственников (владельцев, пользователей) участков недр, имущества, необходимого для их эксплуатации, и обладателей прав на земельные участки; о необходимости предоставления недропользователю права аренды на земельный участок либо строго в границах горного отвода, либо в пределах, необходимых для работ по недропользованию; вопрос о перечне правовых оснований для прекращения права пользования недрами, а также ряд других. Очевидно, что роль судебной практики качественно изменилась – функция правоприменения, будучи дополненной функцией по толкованию норм законодательства, позволила судам выполнять функцию правотворчества, действуя в канве,

определенной законодателем. Однако действие в сфере разведки и добычи энергетических ресурсов положений сразу нескольких основных отраслей законодательства (как минимум гражданского законодательства и законодательства о недрах), различный объем этих отраслей, неопределенность понятия «судебная практика» не позволяют судебной практике выработать оптимальное решение. Представляется, что законодатель должен сыграть роль *deus ex machinae* (лат. – «бог из машины»), разрешив эти вопросы на уровне норм законодательства о недрах и гражданского законодательства. Кроме того, нельзя не отметить того, что все перечисленные вопросы имеют своей

первопричиной отсутствие системы ограниченных вещных прав в российском законодательстве, а также параллельное действие гражданского законодательства и законодательства о недрах. Так, статус права пользования недрами, очевидно, обладая вещно-правовыми характеристиками, до сих пор не определен.

Вместе с тем представляется, что даже в отношении «разрешенных» судебной практикой вопросов также необходимо достижение стабильности правового регулирования путем закрепления результатов правоприменительной практики в нормах законодательства.

Список литературы

1. Василевская Д. В. Правовой режим недропользования в России и зарубежных странах. – М. : ПравоТЭК, 2010.
2. Данилова Н. В. Конкурсы и аукционы на право пользования недрами: проблемы правового регулирования // Экологическое право. – 2002. – № 2. – С. 40–44.
3. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023.
4. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов. – 2-е изд., дополненное. – М. : Норма : Инфра-М, 2025.
5. Евраев М. Я., Лисенко К. А. Основные направления развития законодательства о размещении государственных и муниципальных заказов, а также законодательства об использовании ограниченных природных ресурсов в свете актуальных задач конкурентного реформирования отечественного законодательства и управления в сфере экономической деятельности // Финансовое право. – 2006. – № 8. С. 22–30.
6. Игнатьева И. А. Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в субъектах Российской Федерации // Право и бизнес. – 2022. – № 2. – С. 27–35.
7. Курбанов Р. А., Налетов К. И. Развитие конституционных принципов в сфере регулирования экономики // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2019. – № 3. – С. 38–42.
8. Мурзин Д. В. Приобретение права собственности на бесхозяйные линейные объекты в упрощенном порядке // Закон. – 2023. – № 12. – С. 48–54.
9. Никитина Н. К. Эффективность функционирования государственной системы лицензирования права пользования недрами. – М. : Геоинформмарк, 2009. – С. 4–11.
10. Прокаев А. В. Гражданко-правовые основания возникновения права пользования недрами // Цивилист. – 2010. – № 3. – С. 86–89.
11. Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, С. В. Чиркин [и др.]. М. : Норма, Инфра-М, 2023.
12. Сравнительное конституционное право : монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, В. В. Лазарев [и др.]. – М. : Норма, 2025.
13. Толстых Н. И. Правовое регулирование организации и проведения конкурсов (аукционов) на право пользования недрами (окончание) // Право и экономика. – 2000. – № 5. – С. 52–62.
14. Уаге М. Б. Особенности организации и проведения природоресурсных аукционов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 5. – С. 66–74.
15. Шилохвост О. Ю. Спорные вопросы судебной практики по договорам энергоснабжения: монография. – М. : Норма : Инфра-М, 2012.

Категория исключительных прав в правовой доктрине зарубежных стран

Р. А. Рябин

кандидат юридических наук,
судья Верховного Суда Российской Федерации.
Адрес: Верховный Суд Российской Федерации,
121260, Москва, Поварская ул., д. 15, стр. 1
E-mail: rodinzonrom@mail.ru

The Category of Exclusive Rights in the Legal Doctrine of Foreign Countries

R. A. Ryabzin

PhD in Law,

Judge of the Supreme Court of the Russian Federation.
Address: Supreme Court of the Russian Federation,
Build. 1, 15 Povarskaya Str., Moscow, 121260, Russian Federation.
E-mail: rodinzonrom@mail.ru

Поступила 12.08.2025 Принята к печати 26.08.2025

Аннотация

Статья посвящена краткому экскурсу в становление и развитие правовой категории исключительных прав в зарубежном законодательстве и доктрине. Отмечено, что развитие законодательства об интеллектуальной собственности в зарубежных правопорядках, равно как и отечественном законодательстве, отражает особенности развития общества и основано на доктринальных концепциях о правовой природе интеллектуальных прав, сформированных на том или ином историческом этапе. На примере ряда стран, а также права ЕС показано, как менялись подходы к правовому закреплению прав авторов на объекты интеллектуальной собственности. Особое внимание в статье уделено дискуссионному вопросу о содержании исключительных прав, представлены различные позиции по данному вопросу зарубежных ученых – негативная концепция, основанная на теории императивов, а также позитивная концепция исключительных прав.

Ключевые слова: привилегия, исключительное право, проприетарная теория, интеллектуальные права, позитивная и негативная концепции, зарубежная доктрина, патент на объект промышленной собственности.

Abstract

The article is devoted to a brief excursion into the formation and development of the legal category of exclusive rights in foreign legislation and doctrine. It is noted that the development of intellectual property legislation in foreign legal systems, as well as domestic legislation, reflects the peculiarities of the development of society and is based on doctrinal concepts about the legal nature of intellectual rights formed at a particular historical stage. Using the example of a number of countries, as well as EU law, it is shown how approaches to the legal consolidation of authors' rights to intellectual property objects have changed. Special attention is paid in the article to the controversial issue of the content of exclusive rights, and various positions of foreign scientists on this issue are presented – a negative concept based on the theory of imperatives, as well as a positive concept of exclusive rights.

Keywords: privilege, exclusive right, proprietary theory, intellectual property rights, positive and negative concepts, foreign doctrine, patent for an object of industrial property.

Развитие законодательства об интеллектуальной собственности в зарубежных правопорядках, равно как и отечественном законодательстве, отражает особенности развития общества и основано на доктринальных концепциях о правовой при-

роде интеллектуальных прав, сформированных на том или ином историческом этапе.

Так, первым способом правовой охраны объектов интеллектуальной собственности стала сложившаяся к XV в. система так называемых привилегий, которые рассматривались как проявление

милости со стороны верховной власти к определенному лицу. При этом система привилегий была ориентирована главным образом на защиту прав издателей, в то время как авторы произведений в имущественном плане зависели от их покровителей (меценатов).

Наибольшую известность в современной науке как первый в истории документ, который признал приоритет права авторов перед издателями, приобрел «Статут королевы Анны», который был принят в Великобритании 14 марта 1710 г.¹, позднее в 1741 г. были отменены привилегии в Дании и в ряде иных стран [2. – С. 18]. Принятые документы, несмотря на провозглашение прав авторов, в первую очередь были направлены на защиту интересов издателей.

В дальнейшем с развитием общества и юридической мысли в период буржуазных революций в зарубежной доктрине сформировался взгляд на права издателей как вторичные, вытекающие из прав авторов литературных произведений².

Позднее была сформирована проприетарная концепция, сторонники которой (Ф. Франк, К. Эйзенлор, А. Вагнер и др.) исходили из того, что на нематериальные объекты можно распространить режим права собственности, поскольку последнее «...не обязательно должно быть направлено на материальный объект ... государственная власть вправе силой закона расширять пределы понятия права собственности в соответствии с новыми потребностями, в частности путем включения в него авторского права» [10]. В результате интеллектуальные права признаются разновидностью особой собственности, поскольку интеллектуальная собственность «...выглядит как собственность, звучит как собственность и ведет себя как собственность» [35].

Популярность данной теории на том этапе была вполне объяснима, поскольку в период появления и развития объектов интеллектуальной собственности наиболее разработанным правовым

институтом являлся институт права собственности, вследствие чего стремление авторов защитить свои права с помощью вещно-правовых способов было вполне объяснимо. Поэтому неудивительно, что проприетарная концепция права интеллектуальной собственности была активно воспринята большинством стран, в их числе Германия, Франция, Англия, США и т. д.

Вместе с тем реализуемые подходы правового закрепления указанной концепции прав авторов в обозначенных странах не совпадали. Так, в Англии изобретатели были наделены правом исключительного экономического использования ремесла или его технического усовершенствования, при этом такое право преподносилось как милость. Иной подход демонстрируют США, где проприетарная теория интеллектуальной собственности была реализована на основе идей о необходимости содействия развитию науки и техники³, чему способствует в первую очередь поощрение авторов. Поэтому в праве США привилегия получила несколько иное назначение – это институт вознаграждения за результаты творческой деятельности. Признание исключительных прав на результаты творческой деятельности на уровне Основного закона государства обеспечивало гарантии прав авторов, исключая возможность Конгресса самостоятельно предоставлять какие-либо привилегии изобретателям. Эта особенность американской системы интеллектуальной собственности была отмечена и в решениях судебных органов: «В Англии патент есть милость, даруемая на основании условий, какие заблагорассудится установить королю; у нас же патент основан на праве (is a matter of right)» [10. – С. 105].

В период активного развития промышленности значение результатов интеллектуального труда усиливается, вследствие чего многие страны принимают новые акты в области интеллектуальной собственности, особое внимание уделяя защите прав авторов, при этом проприетарный подход не просто сохраняется – интеллектуальная собственность как разновидность права собственности выходит на новый уровень, в законах все чаще подчеркивается ее значимость. Например, в за-

¹ Указанный Статут отменил действие королевской привилегии 1557 г., согласно которой Компания издателей и книготорговцев (Stationer's Company) имела монопольное право на публикацию книг по всей стране.

² Так, Луи д'Эрикур писал: «Автор – собственник своего произведения, и эта собственность во всех отношениях сходна с собственностью на движимое или недвижимое имущество; поэтому она должна быть вечной. Издатель является цессионарием автора и потому облечен всеми его правами» (см.: [14. – С. 96–98]).

³ В соответствии с абзацем 8 раздела 8 Конституции США 1787 г. Конгрессу США поручено «содействовать развитию науки и полезных ремесел, закрепляя на ограниченный срок за авторами и изобретателями исключительные права на принадлежащие им сочинения и открытия». – URL: <https://www.constitutionfacts.com/us-constitution-amendments/>

коне одного из штатов США прямо отмечено, что «нет собственности, принадлежащей человек более, чем та, которая является результатом его умственного труда» [1. – С. 22].

Великая французская революция также обусловила необходимость пересмотра законодательства об интеллектуальной собственности во Франции. Система привилегий, которая была основана на разрешительном порядке умственной деятельности, так же, как и в иных странах, уже изжила себя. В результате приоритеты смещаются, равно как и в США, в сторону идеи свободы творческого самовыражения, что нашло отражение в Конституции Франции, принятой в 1789 г. В статье 11 названного Основного закона Франции прямо указано: «Свободное сообщение другим мыслей и мнений есть одно из драгоценнейших прав человека; поэтому всякий гражданин может свободно высказываться, писать, печатать, неся ответственность за злоупотребление этой свободой в случаях, установленных законом»¹. В развитие конституционных положений о свободе творческого самовыражения Декрет от 7 января 1791 г. «О праве изобретателя» прямо признает собственностью автора любое открытие или изобретение и гарантирует ему «всестороннее и полное пользование» таким объектом на установленных в Декрете условиях. Примечательно, что именно в данном акте Франции впервые в европейском законодательстве был использован термин «исключительное право». Декрет признал за обладателями патентов право запрещать третьим лицам использовать изобретение. Однако на том этапе используемое в законе понятие исключительных прав сохраняло, тем не менее, проприетарный характер.

По тому же сценарию формировалось интеллектуальное право в России. Свод законов Российской империи называл «право собственности на произведения литературы и художеств, принадлежащее самим авторам сих произведений, их наследникам или лицам, коим оно передано теми или другими... собственностью литературною и художественною, а право собственности на произведения музыкальные – собственностью музыкальною». Основания этих видов собственности, сроки пользования и порядок охраны со-

единенных с такой собственностью прав определялся правилами-приложениями и законами судопроизводства². Первый закон об охране изобретений был принят в 1812 г., а первый закон об авторском праве – Положение о правах сочинителя – в 1828 г. 8 января 1830 г. в дополнение и пояснение к Положению 1828 г. был принят Закон «О правах сочинителей, переводчиков и издателей», впервые признавший авторские права на литературные произведения правами собственности. 1 января 1846 г. было утверждено Положение о собственности художественной, в соответствии с которым было провозглашено право «живописца, скульптора, архитектора, гравера, медальера и другими отраслями изящных искусств занимающегося художника, кроме обыкновенного, общими законами огражденного права собственности на каждое свое произведение, как вещи, пользоваться в течение всей своей жизни так называемой собственностью художественной...», которая «состоит в исключительном праве, ему лишь принадлежащем, повторять, издавать и размножать оригинальное свое произведение всеми возможными способами, тому или другому искусству естественными». В 1848 г. было издано Положение о музыкальной собственности [11].

Как отмечал в этой связи А. А. Пиленко, французский закон приравнивал исключительные права к вещной собственности [10. – С. 105], хотя и использовал первым рассматриваемый термин. Смещение законодательного вектора в развитии французского права интеллектуальной собственности продолжается с принятием 19 июля 1793 г. Декрета «О художественной и литературной собственности». Принятый акт явно свидетельствует о том, что на первый план выходит фигура автора и уважение его прав: если ранее действующие нормы во Франции особое внимание уделяли только драматургическим работам в экономическом аспекте, то Декрет от 1793 г. наделяет авторов всех произведений – писателей всех жанров, художников, композиторов – пожизненным правом пользоваться своим произведением, а также распоряжаться им, в том числе переуступая свои права [9. – С. 22–23].

¹ Декларация прав человека и гражданина (Конституция Франции) (Принята 26.08.1789) // «СПС «Консультант-Плюс».

² Примечание 2 к статье 420, часть I, том X // Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И. М. Тюрюмов. Кн. 2. – М., 2004. – С. 59..

К середине XIX в. с изменением доктринальных представлений о праве собственности и правах на нематериальные объекты был сформирован второй подход, представители которого (И. Блюнчли, К. Гарейс, О. Гирке и др.) подчеркивали личностный характер исключительных прав и их неразрывную связь с автором, в результате чего исключительные права, по их мнению, должны представлять собой особую самостоятельную категорию прав [11]. Бельгийским ученым Э. Пикаром (E. Picard) в 1879 г. был предложен термин «интеллектуальные права», обозначавший явление, которое находилось вне классического деления прав на вещные, обязательственные и личные. Интеллектуальные права, по его предложению, включали два элемента – личный (присущий автору, неимущественный) и имущественный (экономический) [5]. Такой подход нашел отражение во Всеобщей декларации прав человека, в статье 27 которой гарантировано право каждому «...на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является»¹.

С развитием общества данная концепция становится господствующей, в результате чего большинство стран, изначально принявших проприетарную концепцию интеллектуальной собственности, стали отказываться от нее в пользу теории исключительных прав². Однако, как отмечает В. И. Еременко, термин «интеллектуальные права» нигде в мире не прижился. Он не используется в международных договорах России, отсутствует в законодательствах зарубежных стран и в настоящее время не обсуждается в зарубежной правовой литературе. Однако в отечественном законодательстве он нашел неожиданное применение» [4].

И в этой связи возникают вопросы о наполнении данного понятия в соответствии с ответственным законодательством, поскольку в России интеллектуальные права включают не два общепризнанных элемента (личные неимущественные и имущественные), а три – личные неимущественные права, исключительные права (по своей правовой природе являющиеся имущественными), а также иные интеллектуальные права. При этом в качестве примера в законе названы право следования и право доступа. Перечень таких прав остается открытым. При этом их правовая природа не определена. Равно как и не понятны причины, которыми руководствовался российский законодатель при выделении таких прав в самостоятельную группу без определения их правовой природы. В доктрине предпринимаются попытки отнесения их или к личным, или к имущественным правам [6]. Не останавливаясь подробно на анализе категории «иные интеллектуальные права», отметим лишь, что склонны считать такие права имущественными, а также соглашаемся с неоднократно высказанными в доктрине позициями о том, что не все из них в принципе возможно квалифицировать как интеллектуальные права. Яркий тому пример – право на получение патента. Такое право по своей природе является имущественным, однако его сложно отнести к категории интеллектуальных прав, поскольку на момент его реализации объект интеллектуальной собственности формально отсутствует. Однако данное субъективное право прямо предусмотрено в статье 1357 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), при этом в части четвертой ГК РФ фигурируют только интеллектуальные права, какие-либо другие права отсутствуют.

Итак, исторически интеллектуальной собственности предшествовали привилегии, которые выдавались конкретным субъектам. Затем с развитием общества привилегии изжили себя и ушли в прошлое. Принимая во внимание, что творческий труд и новаторство в промышленной сфере и в современном мире не являются повсеместным товаром и не поставлен на поток, права изобретателей обеспечиваются системой регистрации и выдачи уполномоченным органом патента, по сути, подобного выдаваемым ранее привилегиям, с той лишь разницей, что в настоящее время в национальном контексте на уровне закона действуют одинаковые для всех правила их получения и защиты.

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – № 67. – 05.04.1995 // СПС «КонсультантПлюс».

² Как известно, российский законодатель согласился с учеными, поддерживающими концепцию исключительных прав. При этом был учтен и опыт других стран, в частности Австрии, Дании, Норвегии, США, ФРГ, Швейцарии, Швеции, Японии, законодательство которых отказывается от проприетарной конструкции прав на объекты интеллектуальных прав, от терминов «интеллектуальная собственность», «промышленная собственность», «литературная собственность» и использует конструкцию исключительных прав [8. – С. 18].

Дальнейшая практика показала, что правовое регулирование интеллектуальной собственности требует согласованных международных подходов, в результате чего с принятием в Париже в 1883 г. Конвенции по охране промышленной собственности¹ начинается новый период – переход регулирования интеллектуальной собственности на международный уровень.

Показательным является также опыт использования правовой категории исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в праве Европейского Союза. В праве действующего изначально Европейского Сообщества к рассматриваемому понятию отношение было неоднозначным. В первых учредительных документах данный термин в принципе не упоминается. По словам В. Л. Энтина, исключительные права «...были завуалированы как допустимые изъятия из принципа свободы движения товаров и услуг. Такие изъятия разрешались в той мере, в какой их использование не вело к ограничению или искажению конкуренции в Европейском Сообществе» [15]. Впоследствии регулирование вопросов интеллектуальной собственности вышло на новый уровень, что стало возможным во многом благодаря созданию уникальных и свойственных только праву ЕС механизмов защиты нематериальных объектов², а Комиссия ЕС признала, что права на объекты интеллектуальной собственности, подлежащие принудительному обеспечению, включают права в той мере, «...в какой они охраняются как исключительные имущественные права согласно соответствующему национальному законодательству» [15].

Равно как и в отечественном законодательстве, в зарубежной доктрине нет единства в понимании правовой сущности исключительного права – спор о содержании исключительного права как права, опосредующего право использовать объект интеллектуальной собственности или право запрещать его использовать всем третьим лицам, в иностранной литературе так и не прекра-

щается³. Вместе с тем классическим считается подход, сторонники которого настаивают на возможности запрещать использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации [21]. Аргументация ученых преимущественно построена на теории императивов, которую еще в XIX в. разработал немецкий теоретик права, юрист Август Тон (August Thon). Суть данной теории состоит в том, что обладатель права скорее заинтересован не в предоставлении ему правовой возможности использовать объект права (более того, по мнению Августа Тона, руководствующегося принципом «разрешено все, что не запрещено», дозволение в принципе не может выступать самостоятельным способом регулирования отношений, вследствие чего возможности определенного поведения лица не могут составлять содержание субъективных прав), а в защите от покушения на принадлежащее ему благо⁴.

Примечательно, что у Августа Тона немало сторонников среди зарубежных авторов, эта концепция приобрела особую популярность в середине прошлого века⁵. В частности, Ганс Кельзен признавал основополагающим элементом регулятивного инструмента правовую возможность субъекта контролировать юридическую судьбу обязанности посредством применения государственных мер принуждения. В таком же ключе рассуждает и Герберт Харт, по мнению которого носителем субъективного права может быть только субъект, наделенный возможностью отказа от права требования или от его осуществления либо правом принять решение о принудительном осуществлении (отказе от осуществления) корре-

³ При этом имущественная составляющая исключительного права под сомнение не ставится, по общепризнанному мнению, оно является реальной экономической ценностью (см.: [45. – Р. 5; 43. – Р. 420].

⁴ При этом структура норм права, по выводам Августа Тона, изменяется в сторону их сугубо императивного содержания (предписаний и запретов), происходит исключение дозволительных норм из структуры объективного права. Поэтому теория получила название «теория императивов» (см.: [12. – С. 192–241]). Данная теория оказала большое влияние на немецкую юристическую мысль, нашла выражение в ряде норм Германского гражданского уложения, однако вызвала жесткую критику преимущественно от сторонников юридического реализма, в частности, от последователей популярной теории интереса Рудольфа фон Йеринга.

⁵ См., например: [16; 17; 18; 24; 27; 28; 31; 32; 37; 41; 44; 45; 47].

¹ Конвенция по охране промышленной собственности (Заключена в Париже 20.03.1883) (ред. от 02.10.1979) // СПС «КонсультантПлюс».

² Речь идет о таких институтах, свойственных только праву ЕС, как товарный знак ЕС, зарегистрированный и незарегистрированный промышленный образец ЕС, европейский патент с унитарным эффектом, что нашло отражение в Договоре о функционировании Европейского союза.

спондирующей с его правом юридической обязанности [13. – С. 365–390, 423–454].

Представители негативной концепции исключительных прав аргументируют свою позицию также тем, что без запретительной функции исключительного права использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации утратит всякий смысл. Более того, по мнению зарубежных авторов в отношении патента, «право использовать патент возникает из экономической свободы, не из патента. Патенты могут быть выданы в отношении изобретений, использование которых вероятно ограничено монополией государства» [43. – Р. 339].

Примечательно, что содержание исключительного права на патент в статье 28 Соглашения ТРИПС¹ также сводится к запретительной функции – в описании предоставляемых обладателю патента прав говорится о возможности «препятствовать третьим лицам» осуществлять те или иные действия в отношении запатентованного объекта. В соответствии с пунктом 1 названной нормы патентом обеспечиваются исключительные права его обладателя, к которым международный акт относит:

- право препятствовать третьим лицам совершать без согласия владельца следующие действия: создание, использование, предложение для продажи, продажу или ввоз для этих целей упомянутого продукта (если объектом патента является продукт);
- право препятствовать третьим лицам совершать без согласия владельца действие по использованию способа, а также следующие действия: использование, предложение для продажи, продажу или ввоз для этих целей, по меньшей мере, продукта, полученного непосредственно упомянутым способом (если объектом патента является способ).

Вместе с тем пункт 2 указанной статьи устанавливает, что патентообладатели также имеют право передавать патент, передавать его по наследству и заключать лицензионные договоры, однако эти полномочия находятся за пределами содержания исключительного права.

¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005) // СПС «КонсультантПлюс».

Вероятно, поэтому в современной зарубежной доктрине все чаще исключительное право обладателя патента позиционируется как «право исключить» всех и каждого из зоны своей легальной монополии» [17. – Р. 73].

Такой взгляд на проблему содержания исключительного права в зарубежной доктрине имеет как юридическое, так и экономическое обоснование. Использование негативной концепции, в частности, дает дополнительные возможности обеспечения защиты субъективных прав в отношении объектов, неправомерное использование которых сложно доказать, а также позволяет снизить издержки по управлению сложными объектами интеллектуальной собственности. Такие результаты достигаются за счет того, что конструирование правовой охраны на основе запретительного правомочия предполагает объединение значительного числа способов использования и взаимодействий между ними в условный модуль с примерно определенными границами, с защищенной его от посягательств третьих лиц при помощи названного негативного компонента. Любое пересечение таких границ будет автоматически означать нарушение, что помогает решить проблему сложности доказывания, тогда как концентрация максимального количества правомочий в рамках одного «модуля» снижает издержки по обмену информацией между «модулями» [46. – Р. 2083–2133; 38. – Р. 151–163].

Более того, этот подход закреплен в законе США (Patent Act of 1952), активно применяется в судебной практике², вследствие чего является самым популярным в американской доктрине применительно к патентному праву. Марк А. Лимли (Mark A. Lemley) говорит о простоте суще-

² Bio-Tech. Gen. Corp. v. Genentech, Inc., 80 F.3d 1553, 1559 (Fed. Cir. 1996) («патент предоставляет правомочие запрещать третьим лицам [доступ к изобретению], но не наделяет правообладателя правом осуществлять производство [на основе соответствующего изобретения], использовать свое изобретение, продавать [товары, в которых оно выражено]»); Connell v. Sears, Roebuck & Co., 722 F.2d 1542, 1548 (Fed. Cir. 1983) (где суд признал, что «патентное право является видом имущественного права (property), а правомочие запрещать третьим лицам [доступ к изобретению] не что иное, как сущность понятия имущественного права»); Carl Schenck, A.G. v. Nortron Corp., 713 F.2d 782, 786 п.3 (Fed. Cir. 1983) («Патентное право не что иное, как право запрещать третьим лицам [доступ к изобретению], что представляет собой определение понятия "property"»).

ствующей в настоящее время в США системы патентного права: «... государство выдает [изобретателю] патент; патент же наделяет [своего обладателя] правом запрещать третьим лицам использовать такой патент» [35. – Р. 139]. Другой известный своими работами в области патентного права американский ученый Ф. Скотт Кифф (F. Scott Kieff) также подчеркивает, что «из патента следует только одно правомочие – запрещать [использование изобретения третьим лицам]» ([29. – Р. 198]). Дональд С. Чизум (Donald S. Chisum), автор многотомного трактата “Chisum on Patents”, также заявляет, что патент «наделяет патентообладателя и его правопреемников правом запрещать всем третьим лицам осуществлять производство [на основе соответствующего изобретения], использовать изобретение, продаивать [товары, в которых оно выражено]. Он не дает положительного права совершать названные действия» [19. – Р. 725]. Уэсли Н. Хоффельд также отмечал, что «с включением правомочий использования и распоряжения не позволило бы охватить данным понятием не только многие права *in rem*, но также и патентные права, авторские права и т.д.» [25. – Р. 725]. Примечательно, что американские ученые в ограничении содержания исключительных патентных прав видят их особенность в противопоставлении вещным правам и даже исключительным авторским правам¹.

Негативную концепцию опровергают сторонники позитивной концепции исключительных прав. Одним из таких критиков является американский ученый Адам Моззофф (Adam Mossoff), который в одной из своих работ в ходе критики запретительных правомочий как основы патентных исключительных прав при использовании изобретений в общественных интересах особо подчеркивает, что «...в США доктрина охраны интересов патентообладателей при использовании изобретений в общественных интересах сформировалась в период господства возврений на интеллектуальные права как на состоящие в первую очередь из правомочий положительного характера, включая использование и распоряжение» [38. – Р. 321-379]. Еще одним аргументом, который ученый приводит в пользу недопущения сокращения содержания исключительного патентного права до негативного

правомочия, является существующая возможность лишения патентообладателя осуществления патентных прав посредством изъятия собственности. В таких условиях очевидно, что если бы исключительное право было ограничено только правом запрета всем третьим лицам использовать запатентованный объект, то изымать было бы нечего, ведь интерес изъятия состоит не в запрете для третьих лиц, а в возможности использовать результат технической мысли [39. – Р. 709].

Интересно отметить, что негативная концепция исключительных патентных прав все чаще критируется экономистами, которые говорят о переоценке роли патента в развитии современной экономики США. Концепция запрета, которая практически господствует в судебной практике и доктрине, исходит из того, что патентообладатели преимущественно будут сами использовать результат интеллектуальной деятельности в целях удовлетворения собственных нужд, а передача патентных прав является скорее исключением, нежели правилом. Однако приоритеты использования патентов меняются, и в настоящее время коммерциализация запатентованных объектов предполагает скорее не самоличное использование, а передачу прав по патенту третьим лицам, которые смогут максимально эффективно внедрить их в экономический оборот. Смещение приоритетов с собственного использования запатентованного объекта в превращение его в полноценный товар, безусловно, заставляет пересмотреть и доктринальные подходы к содержанию исключительных прав – возможность запрещения использования технологии замещается возможностью контролирования процесса преобразования технологии в товар [39. – Р. 709]. Стоит отметить, что на это еще в 1977 г. обратил внимание американский ученый Эдмунд Китч (Edmund Kitch): в качестве основной черты исключительного права (равно как и более традиционных вещных прав) ученый видит обеспечение для их обладателя контроля над соответствующим объектом, создающим заинтересованность в поиске наиболее выгодных способов его коммерциализации, а также в целом в «хозяйском» к нему отношении [30].

Примечательны в этой связи тенденции изменения доктринальных представлений о патентных правах в немецкой литературе. Представления юристов о природе патентных прав менялись одновременно с определением содержания права

¹ В авторском праве американские теоретики гораздо более охотно признают существование дозволительных правомочий [38. – Р. 375; 42. – Р. 76-96].

собственности¹. Придерживаясь подобного подхода, Кристин Годт (Christine Godt) в своей работе, посвященной вопросам юридического оформления присвоения информации и его пределов, предложила рассматривать патентные права в качестве механизма координации и упорядочивания общественных отношений по поводу разработки и практического применения инновационных технологий².

Важность решения данной теоретической проблемы обусловлена также иным спорным вопросом, который имеет принципиально важное практическое значение. Речь идет о моменте возникновения исключительного патентного права на объект интеллектуальной собственности.

Обратимся к отечественному законодательству. На основании пункта 1 статьи 1363 ГК РФ исключительное право на объект промышленной собственности (изобретение, полезную модель, промышленный образец) и удостоверяющий его патент действует с даты подачи заявки в Роспатент (или в случае выделения заявки – в соответствии с п. 4 ст. 1381 ГК РФ)³. К слову, такой подход полностью соответствует статье 33 Соглашения ТРИПС⁴. Вместе с тем статья 1363 ГК РФ определяет срок, с которого возможна защита исключительного права, удостоверенного патентом, – такая защита допустима только после государствен-

ной регистрации объекта и выдачи патента. Подобные правила наталкивают на мысль о «расщеплении» исключительного права на отдельные правомочия – следуя буквальному толкованию закона, использование объекта промышленной собственности как положительного правомочия возможно с даты подачи заявки в уполномоченный орган, а с другой стороны, защищать нарушенное право (как правомочие, входящее в состав негативного элемента содержания исключительного права) возникает только после получения патента. Действительно, возникшее исключительное право в случае его нарушения не может быть защищено посредством обращения в суд до момента выдачи патента, не может этого сделать и лицо, подавшее заявку на получение патента. В отечественной доктрине высказываются различные позиции по этому поводу: предлагается считать исключительное право, возникающее с момента подачи заявки и до получения патента, условно исключительным, имеющим обратную силу⁵, а кто-то и вовсе не признает его существования вплоть до выдачи патента⁶.

Аналогичный вопрос обсуждается и в зарубежной доктрине, в которой преобладает точка зрения о возникновении исключительного права с момента выдачи патента, именно с этой даты идет отсчет срока действия патента [20]. Мы склонны согласиться с такой позицией, поскольку содержание исключительного права составляют одновременно два элемента – возможность использовать объект промышленной собственности (позитивное правомочие) и запрещать всем третьим лицам его использование без разрешения патентообладате-

¹ Современное конституционно-правовое определение содержания права собственности в настоящее время основано на тезисе об упорядочивании (Ordnung) общественных отношений без участия государства.

² На юридико-техническом уровне, т. е. на уровне структуры исключительного патентного права, по мнению автора, закономерными при этом становятся приоритизирование распорядительных правомочий в составе исключительных патентных прав, которые опосредуют ставшую главенствующей функцию превращения технических решений в товары, и соответствующий ему отход на второй план запретительного правомочия (Ausschliessungrecht) [23. – Р. 554].

³ Отечественный законодатель не случайно связывает дату начала течения срока действия исключительного права именно с регистрационными действиями по получению патента, так как в соответствии со статьей 1353 ГК РФ именно государственная регистрация исключительного права на объект промышленной собственности и последующая выдача патента являются обязательным условием признания и охраны исключительного права патентообладателя.

⁴ При этом, к примеру, в законодательстве Тайваня предусмотрено иное правило, в соответствии с которым исключительное право действует с момента публикации материалов заявки [28. – Р. 47].

⁵ Комментируя данную ситуацию, к примеру, Э. П. Гаврилов и К. М. Гаврилов предлагают следующее решение проблемы: «После подачи заявки у заявителя возникает условное и потенциальное исключительное право. Оно ограничивает действия всех третьих лиц, использующих заявленный объект. Это исключительное право является условным: оно возникает при том непременном условии, что на заявленный объект будет получен патент. Это исключительное право существует лишь потенциально: пока оно не может быть реализовано и защищено, его защита в суде осуществляется лишь после выдачи патента. И тем не менее такое условное, потенциальное и пока не защищаемое исключительное право уже существует. Оно начинает проявляться с момента выдачи патента и действует “с обратной силой”» [3. – С. 32–36].

⁶ Так, по словам С. И. Крупко, «до момента государственной регистрации изобретения (полезной модели, промышленного образца) и до момента выдачи патента исключительное право не признается и не охраняется» [7].

ля (негативное правомочие). Реализовать исключительное право в полном объеме его обладатель может только после получения патента, и, следовательно, именно с этой даты должен исчислять срок действия патента.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что развитие представлений об исключительных правах в зарубежном законодательстве и доктрине напрямую связано с уровнем развития общества. На смену привилегиям одновременно с реализацией идей свободы личности и неприкосновенности частной собственности на фоне научно-технического прогресса, связанного с ростом машинного производства, книгопечатания и т. д., пришла проприетарная концепция интеллектуальной собственности. Постепенно проприетарную теорию вытеснила концепция исключительных прав, которая в настоящее время имеет преобладающее значение. Современный уровень социально-экономического и технического развития также следует считать переходным этапом на новый уровень понимания системы интеллектуальных прав и права собственности, поскольку он обусловил появление новых нематериальных объектов прав (доменное имя, большие базы данных и т. д.), в силу чего отечественная и зарубежная доктрина находится в поиске места возника-

ющих на них прав в действующей системе имущественных прав.

В различных международных актах и зарубежной доктрине категория исключительных прав раскрывается либо через негативное правомочие (право запрещать всем третьим лицам использование объекта интеллектуальной собственности, право запрещать определенные прямо перечисленные действия в отношении такого объекта, возможность предотвращать нежелательные действия и т. д.), либо через положительное правомочие, наделяющее правом использования объекта (право разрешать использование объекта, право разрешить определенные действия и т. д.). При этом понимание ценности исключительного права как правомочия запрета снижает их экономический потенциал, что в современных условиях признания интеллектуальной собственности товаром может тормозить их вовлечение в гражданский оборот. И напротив, превалирующие в содержании исключительных прав распорядительные возможности и построение нормативного материала, исходя из такого понимания данной разновидности имущественных прав, будет в большей степени соотносится с настоящими потребностями экономического оборота.

Список литературы

1. Азбука авторского права / пер. и прим. В. В. Тарасовой. – М., 1982.
2. Веинке В. Авторское право. Регламентация, основы, будущее. – М., 1979.
3. Гаврилов Э. П., Гаврилов К. М. Когда начинают действовать исключительные патентные права? // Патенты и лицензии. – 2013. – № 9. – С. 32–36.
4. Еременко В. И. Некоторые проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Законодательство и экономика. – 2014. – № 2 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Еременко В. И. Об интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе РФ // Законодательство и экономика. – 2002. – № 5 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Зыков С. В. Система имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Российский юридический журнал. – 2020. – № 1. – С. 117–130.
7. Крупко С. И. Споры о надлежащем правообладателе исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (на примере изобретений) // Государство и право. – 2012. – № 10. – С. 28–37.
8. Медведев Д. А. Новый Гражданский кодекс Российской Федерации: вопросы кодификации // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. – М., 2008.
9. Минков А. М. Международная охрана интеллектуальной собственности. СПб. : Питер, 2001.
10. Пиленко А. А. Право изобретателя. – М. : Статут, 2001.
11. Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров; Ин-т законод. и сравнит. правоведения. – М. : Статут, 2008.
12. Тон А. Правовая норма и субъективное право. Исследования по общей теории права. Часть первая // Вестник гражданского права. – 2010. – № 4. – С. 192–241.

13. Третьяков С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике. – М. : Истина, 2022.
14. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. – Казань : тип. Имп. ун-та, 1891.
15. Энтин В. Л. Интеллектуальная собственность в праве Европейского союза. – М. : Статут, 2018.
16. Bierling E. R. Jur. Prinzipienlehre 1, 1894. Original from Harvard University; Digitized, Oct 16, 2007.
17. Binder J. Philosophie des Rechts. – 1925. – 1063 s.
18. Bucher E. Das subj. Recht als Normsetzungsbefugnis. – 1965.
19. Chisum D.S. Chisum on Patents. § 16.02 [I] (2008).
20. Cotter Th. F. Comparative Patent Remedies: A Legal and Economic Analysis. – Oxford University Press, 2013.
21. Dusollier S. Inclusivity in Intellectual Property // Intellectual Property and General Legal Principles – Is IP a Lex Specialis? / Ed. by G. Dinwoodie. – Cheltenham: Edward Elgar, 2015. – P. 101–118.
22. Fishback P. V. Government and the American Economy: A New History. – University of Chicago Press, 2008.
23. Godt C. Eigentum an Information. – Tübingen : Mohr Siebeck, 2007.
24. Goldschmidt J. Der Prozess als Rechtslage. – Imprenta : Berlin : J. Springer, 1925.
25. Hohfeld W. N. Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning // Yale Law Journal. – 1917. – Vol. 26 (8). – P. 710–770.
26. Hsu H., Heath C. Intellectual Property Law in Taiwan. – Kluwer Law International, 2003.
27. Kelsen H. Reine Rechtslehre, 1960. – URL: <https://journals.openedition.org/allemagne/3194?lang=en>
28. Keuth H. H. Zur Logik der Normen, 1972/ – URL: https://www.duncker-humblot.de/_files_media/leseproben/9783428426935.pdf
29. Kieff F. S., Paredes T. A. The Basics Matter: At the Periphery of Intellectual Property // George Washington Law Review. – 2004. – Vol. 73 (1). – P. 174–204.
30. Kitch E. W. The Nature and Function of the Patent System // Journal of Law and Economics. – 1977. – Vol. 20 (2). – P. 265–290.
31. Lampe E. J. Jur. Semantik. – 1970.
32. Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. – Berlin/Göttingen/Heidelberg : Springer Verlag. – 1960.
33. Lehman B. A. Intellectual Property and the National Information Infrastructure: The Report of the Working Group on Intellectual Property Rights. – DIANE Publishing, 1995. – URL: https://www.eff.org/files/filenode/DMCA/ntia_dmca_white_paper.pdf
34. Lemley M. A. Reconceiving Patents in the Age of Venture Capital // Journal of Small and Emerging Business Law. – 2000. – Vol. 4 (1). – P. 137–148.
35. Merges R. P. What Kind of Rights Are Intellectual Property Rights? // Oxford Handbook of IP Law / eds. R. Dreyfuss and J. Pila. – 2017. – March, 17.
36. Merrill Th. W. Property as Modularity // Harvard Law Review Forum. – 2012. – Vol. 125 (1). – P. 151–163.
37. Moritz M. Ueber Hohfelds System d.jur. Grundbegriffe. Lund. – 1960.
38. Mossoff A. Exclusion and Exclusive Use in Patent Law // Harvard Journal of Law and Technology. – 2009. – Vol. 22. – No. 2. – P. 321–379.
39. Mossoff A. Patents as Constitutional Private Property: The Historical Protection of Patents Under the Takings Clause // Boston University Law Review. – 2007. – Vol. 87 (3). – P. 689–724.
40. Mossoff A. What Is Property? Putting the Pieces Back Together // Arizona Law Review. – 2003. – Vol. 45 (2). – P. 371–443.
41. Mueller F. Normstruktur und Normativitaet. – 1966.
42. Newman C. M. Vested Use-Privileges in Property and Copyright // Harvard Journal of Law & Technology. – 2016. – Vol. 30 (1), Special Symposium. – P. 76–96.
43. Pires de Carvalho N. The TRIPS Regime of Patent Rights. – Kluwer Law International, 2010.
44. Rödig J. Die Theorie des gerichtlichen Erkenntnisverfahrens. – 1973.
45. Schreiber R. Die Geltung von Rechtsnormen. – 1966.
46. Smith H. E. Institutions and Indirectness in Intellectual Property // University of Pennsylvania Law Review. – 2009. – Vol. 157 (6). – P. 2083–2133.
47. Weinberger O. Rechtslogik. 1970, K.Engisch, Auf der Suche nach der Gerechtigkeit, 1971.
48. Wellman C. Rights and Duties: Property rights and duties of redistribution. – Taylor & Francis, 2002. – URL: <https://philpapers.org/rec/WELPRA-3>

Принцип добросовестности при исполнении и прекращении договорных обязательств в гражданском праве России и Вьетнама

Лыу Ань Тхинь

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: luuanhthinhqb91@gmail.com

Problematic Issues of the Application of the Principle of Good Faith in the Civil Law of the Russian Federation and Vietnam

Luu Anh Thinh

Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: luuanhthinhqb91@gmail.com

Поступила 13.08.2025 Принята к печати 02.09.2025

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ принципа добросовестности при исполнении и прекращении договорных обязательств в гражданском праве Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам. Предмет исследования – содержание и применение принципа добросовестности сторонами договора в двух правовых системах. Методология основана на сравнительно-правовом, системном и формально-юридическом методах: исследуются нормативные акты (гражданские кодексы России и Вьетнама), судебная практика и доктринальные источники. Научная новизна заключается в сопоставлении подходов двух различных правовых систем (российской, находящейся под влиянием европейской континентальной традиции, и вьетнамской, формировавшейся под влиянием социалистической и французской традиций) к реализации принципа добросовестности. Выявляются общие тенденции, такие как признание добросовестности основополагающим началом и требование честного поведения сторон на всех этапах обязательства, а также различия, например, в степени конкретизации данного принципа в законодательстве и его практической реализации судами. Выводы подтверждают, что в обеих странах принцип добросовестности играет ключевую роль в обеспечении справедливости и стабильности гражданского оборота: стороны должны действовать честно и разумно при выполнении договоров и их прекращении, не злоупотреблять правами и сотрудничать друг с другом. В российском праве данный принцип законодательно закреплен и детализирован судебными разъяснениями, предусматривающими, в частности, недопустимость извлечения выгоды из недобросовестного поведения. Во вьетнамском праве принцип добросовестности также провозглашен в качестве общего правила поведения участников гражданских правоотношений на всех стадиях договора, хотя его формулировка носит более общий характер. Приводятся примеры судебной практики и доктринальные мнения известных ученых, подтверждающие значимость принципа добросовестности как в России, так и во Вьетнаме, и подчеркивается необходимость дальнейшего уточнения критерии добросовестного поведения для эффективного правоприменения.

Ключевые слова: добросовестность, исполнение обязательств, прекращение обязательств, гражданское право, договор, Россия, Вьетнам, сравнительное право, судебная практика, злоупотребление правом, принцип-презумпция, доверие, честность, информационная обязанность.

Abstract

The article provides a comparative legal analysis of the principle of good faith in the performance and termination of contractual obligations in the civil law of the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam. The subject of the study is the content and application of the principle of good faith by the parties to the contract in two legal systems. The methodology is based on comparative legal, systemic and formal legal methods: regulatory acts (civil codes of Russia and Vietnam), judicial practice and doctrinal sources are studied. Scientific

novelty lies in comparing the approaches of two different legal systems (Russian, influenced by the European continental tradition, and Vietnamese, formed under the influence of the socialist and French traditions) to the implementation of the principle of good faith. General trends are revealed, such as recognition of good faith as a fundamental principle and the requirement of honest behavior of the parties at all stages of the obligation, as well as differences, for example, in the degree of specification of this principle in legislation and its practical implementation by the courts. The findings confirm that in both countries the principle of good faith plays a key role in ensuring fairness and stability in civil transactions: parties must act honestly and reasonably when executing contracts and terminating them, not abuse their rights and cooperate with each other. In Russian law, this principle is legislatively enshrined and detailed by judicial clarifications, which provide, in particular, for the inadmissibility of deriving benefits from bad faith behavior. In Vietnamese law, the principle of good faith is also proclaimed as a general rule of conduct for participants in civil legal relations at all stages of the contract, although its wording is more general. Examples of judicial practice and doctrinal opinions of famous scholars are given, confirming the importance of the principle of good faith in both Russia and Vietnam, and the need for further clarification of the criteria for good faith behavior for effective law enforcement is emphasized.

Keywords: good faith, performance of obligations, termination of obligations, civil law, contract, Russia, Vietnam, comparative law, judicial practice, abuse of rights, presumption principle, trust, honesty, information duty.

Введение. Принцип добросовестности (*bona fides*) является одним из фундаментальных начал гражданского права, отражающим требование честного, разумного и справедливого поведения участников гражданского оборота. Его истоки восходят к римскому праву, где добрая совесть (*bonā fidēs*) означала отсутствие злого умысла и соблюдение взаимного доверия между сторонами сделки. В современном праве разных государств этот принцип получил развитие и конкретизацию, служа важным регулятором поведения сторон при заключении, исполнении и прекращении договоров. Российская и вьетнамская правовые системы – две континентальные системы, которые, несмотря на различный историко-культурный контекст, обе закрепили принцип добросовестности законодательно. При этом существуют особенности в том, как данный принцип понимается и применяется на практике в каждой из стран.

Актуальность исследования обусловлена тем, что добросовестное поведение сторон рассматривается как условие устойчивости гражданского оборота и справедливости в договорных отношениях. В России лишь в 2013 г. принцип добросовестности был прямо закреплен в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) в качестве общего принципа, тогда как во Вьетнаме схожий принцип (именуемый «принципом *thiện chí, trung thực*», т. е. принципом доброй воли и честности) присутствует в гражданском законодательстве уже несколько десятилетий. Сравнительное изучение позволяет выявить, как законодатель и суды двух стран решают сходные задачи, такие как предотвращение злоупотребле-

ния правами, обеспечение исполнения договоров согласно духу соглашения, защита интересов добросовестной стороны при прекращении обязательства и др.

Цель статьи – раскрыть содержание принципа добросовестности при исполнении и прекращении договорных обязательств в праве России и Вьетнама, проанализировать законодательные формулировки, практику применения (включая примеры судебных решений) и мнения доктрины, а также выявить общие черты и особенности. Статья структурирована следующим образом: сначала рассматривается регулирование принципа добросовестности в российском гражданском праве, затем – во вьетнамском, после чего приводится их непосредственное сравнение и формулируются выводы.

Основная часть. В российском гражданском праве принцип добросовестности получил нормативное выражение в ГК РФ. Общая норма-принцип содержится в пункте 3 статьи 1 ГК РФ: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно¹». Таким образом, добросовестность предъявляется как требование ко всем участникам гражданского оборота на всех стадиях – от заключения сделки и ее исполнения до защиты нарушенного права. Дополняет эту норму правило пункта 4 той

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

же статьи о том, что «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

Следует отметить, что законодатель прямо не дал определения термина «добропровестность». В доктрине обращается внимание на отсутствие в законе четких критериев добросовестного поведения, что порождает дискуссии и сложность правоприменения. Многообразие ситуаций, в которых используется термин «добропровестность», позволяет рассматривать его в различных качествах – и как общее начало (принцип) права, и как презумпцию (предположение) в конкретных случаях, и как предел осуществления гражданских прав, и как оценочное понятие, зависящее от усмотрения суда. Так, Е. А. Суханов, выдающийся российский юрист, указывает, что принципы добросовестности, разумности и справедливости следует признать общими принципами осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей участников оборота¹. Это подчеркивает фундаментальный характер добросовестности именно в плоскости поведения сторон, хотя сам по себе данный принцип не выступает непосредственной нормой, из которой прямо вытекают обязанности без дополнительной конкретизации.

В российском законодательстве действует императивное правило: обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями договора и требованиями закона (ст. 309 ГК РФ). Хотя в тексте статьи 309 прямо не упоминается добросовестность, подразумевается, что надлежащее исполнение охватывает и честное поведение. Общие нормы, заложенные в статьях 1 и 307 (п. 3) ГК РФ, априори применяются к исполнению любого договора. Это означает, что при реализации своих договорных прав и обязанностей стороны не должны совершать действий, противоречащих разумным ожиданиям другой стороны и цели договора.

На практике принцип добросовестности конкретизируется через ряд обязанностей и запретов для сторон договора. Во-первых, это обязанность сотрудничества и информационная обязанность, прямо указанная в статье 307(3) ГК РФ. Например, Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) разъяснил, что, оценивая поведение сторон на предмет добросовестности,

следует исходить из модели поведения, ожидаемой от любого участника оборота: учета прав и законных интересов другой стороны и содействия ей, в том числе в получении необходимой информации². Таким образом, скрытие важной информации, утаивание фактов, которые могли бы повлиять на исполнение обязательства, могут расцениваться как недобросовестное поведение.

Конкретный пример дает судебная практика по договорам купли-продажи недвижимости. Продавец обязан сообщить покупателю обо всех известных ему недостатках продаваемого имущества, включая скрытые дефекты, а также об иных обстоятельствах, которые имеют значение для покупателя. Если продавец умолчал о таких обстоятельствах, которые он должен был сообщить при той добросовестности, какая требуется от него по обычаям оборота, это может повлечь признание сделки недействительной по иску покупателя как совершенной под влиянием заблуждения или обмана. В самом деле, недобросовестное поведение продавца – утаивание существенной информации – противоречит требованиям добросовестности при исполнении договора и является формой злоупотребления правом. Закон предусматривает в таких случаях защиту добросовестной стороны: покупатель может либо требовать снижения цены, возмещения убытков, либо добиваться расторжения договора и признания его недействительным (в зависимости от квалификации ситуации как обмана, существенного заблуждения и т. д., напр., ст. 178–179 ГК РФ).

Во-вторых, принцип добросовестности при исполнении проявляется в запрете злоупотребления правом. Сторона договора не должна осуществлять свои права исключительно с намерением причинить вред контрагенту либо иным заведомо недобросовестным способом (ст. 10 ГК РФ). Например, кредитор по договору не вправе искусственно создавать условия для нарушения обязательства должником, чтобы затем взыскать неустойку: такие действия могли бы быть расценены судом как злоупотребление правом и недобросовестное поведение, и суд откажет в защите права кредитора в части взыскания непропорциональной неустойки.

---

¹ Суханов Е. А. Гражданское право : учебник : в 2 т. – Т. 1. – М. : Статут, 2016.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

В-третьих, российское право, внедряя принцип добросовестности, развивает и институт эстоппеля – запрета противоречивого поведения. Хотя термин «эстоппель» прямо не употребляется в ГК РФ, его суть вытекает из требований добросовестности. Например, если сторона своими действиями дала контрагенту основание полагаться на определенное положение вещей, она не может впоследствии внезапно действовать вопреки ранее созданному ею же впечатлению, нанося ущерб добросовестно доверившейся стороне. ВС РФ фактически поддержал эту идею, указав, что явное отклонение поведения участника оборота от добросовестности может быть пресечено судом по собственной инициативе суда, даже если другая сторона прямо не сослалась на недобросовестность¹. Это означает, что суд может отказать в иске стороне, чье поведение было противоречивым и не соответствующим требованию добросовестности, во исполнение принципа *per auditum propriam turpitudinem allegans* (никто не должен извлекать выгоду из собственного неправомерного поведения).

Особое значение добросовестность имеет при одностороннем отказе от договора. Российское право допускает одностороннее прекращение договора в случаях, предусмотренных законом или договором (ст. 450.1, 450 ГК РФ). Однако реализация права на односторонний отказ должна происходить добросовестно. Если сторона формально опирается на условие договора о праве на отказ, но делает это вопреки цели договора и без достаточных оснований, чтобы лишь избавиться от обязательств в ущерб добросовестному контрагенту, такое поведение может быть признано злоупотреблением правом. Например, ВС РФ в ряде дел обращал внимание, что право на односторонний отказ не должно осуществляться произвольно или в противоречии с разумными ожиданиями другой стороны². Применение статьи 10 ГК РФ (запрет злоупотребления) и принципа добросовестности здесь служит «фильт-

ром», не позволяющим недобросовестно воспользоваться правом на расторжение. В итоге, если будет доказано, что сторона воспользовалась правом на отказ недобросовестно – например, заранее намереваясь заключить более выгодный контракт с третьим лицом и используя незначительный проступок партнера как предлог для расторжения, – суд может признать такой отказ неправомерным и сохранить договор в силе либо взыскать убытки с недобросовестной стороны.

Судебная практика в России постепенно наполняет принцип добросовестности конкретным содержанием применительно к прекращению обязательств. Так, если договор расторгается ввиду нарушения со стороны должника, добросовестность требует от кредитора своевременно и ясно заявить требования о расторжении. Затягивание с объявлением о расторжении с тем, чтобы накопились неустойки, могло бы рассматриваться как недобросовестное поведение кредитора. Пленум ВС РФ разъяснил, что поведение стороны может быть признано недобросовестным и вне зависимости от заявления другой стороны – суд вправе констатировать очевидную недобросовестность сам³. Поэтому, например, если по делу будет видно, что сторона А сознательно вводила в заблуждение сторону Б относительно своего намерения продолжать договор до истечения срока, а сама тайно готовилась прекратить отношения, суд может на основании принципа добросовестности отказать стороне А во взыскании, скажем, штрафов за период, когда она сама уклонялась от добросовестного поведения.

Для единообразного понимания судами принципа добросовестности ВС РФ издал Постановление Пленума № 25 от 23 июня 2015 г., где специально остановился на критериях добросовестного поведения. Суд указал, что добросовестность поведения стороны предполагается (что мы уже отмечали как презумпцию) и что при оценке действий необходимо исходить из поведения, ожидаемого от любого нормального участника оборота, который уважает права другой стороны, сотрудничает с ней и предоставляет необходимую информацию. Таким образом, ВС

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2019 г. № 305-ЭС18-13862 по делу № А40-166758/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 5.

РФ фактически дал ориентиры: добросовестная сторона – это сторона, которая ведет себя открыто, честно, не скрывая существенных фактов, и помогает другой стороне достигнуть цели договора в разумных пределах. Недобросовестной будет признана сторона, которая действует вопреки таким ожиданиям, например, умышленно вводит партнера в заблуждение, умалчивает о обстоятельствах, использует противоречивое поведение или извлекает выгоду из незаконной ситуации, которую сама же и создала.

Доктрина гражданского права в России поддержала закрепление принципа добросовестности, видя в этом шаг к «очеловечиванию» и морально-этическому обогащению гражданского-правового регулирования. Многие авторы отмечали, что внедрение данного принципа – проявление так называемой социализации гражданского права, стремление государства укрепить нравственные начала в частноправовых отношениях. Ученые указывают и на трудности применения столь общей категории. Отсутствие легального определения и четких критериев породило разные трактовки: одни считают добросовестность общей обязанностью (требованием) для участников, другие – оценочной категорией, предоставляющей суду свободу усмотрения, третьи подчеркивают роль презумпции (как уже отмечалось, ГК содержит презумпцию добросовестности) [1].

Тем не менее, несмотря на дискуссии, в российской практике все чаще встречаются ссылки судов на принцип добросовестности. Он применяется как в корпоративных спорах, так и в спорах из договоров (например, при оценке поведения сторон в ходе исполнения контракта или реализации права на отказ). Известны случаи, когда суды, ссылаясь на статью 1 ГК РФ, отказывали истцу в удовлетворении его требований, если установлено, что истец сам вел себя недобросовестно в отношениях с ответчиком. Таким образом, суд подтверждает: принцип добросовестности имеет нормативное значение и может служить основанием для правовых последствий (таких как отказ в защите права, взыскание убытков, признание сделки недействительной и т. п.) даже при отсутствии прямой нормы, если поведение стороны явно противоречит требуемой добросовестности¹.

---

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право : в 2 т. – Т. 1: Общие положения. – М. : Статут, 1997.

В литературе подчеркивается связь принципа добросовестности с категорией справедливости. Добросовестное поведение, по сути, направлено на достижение справедливого баланса интересов сторон. Еще дореволюционный цивилист В. П. Грибанов отмечал, что добросовестность означает оправдание доверия, без которого невозможен гражданский оборот [2]. Современные авторы призывают законодателя и суды вырабатывать более конкретные критерии добросовестности применительно к новым формам отношений – например, в электронной коммерции, сложных финансовых сделках, – чтобы участники оборота заранее могли прогнозировать, какое поведение будет сочтено добросовестным. Несмотря на отсутствие универсальной формулы, уже сейчас можно сказать, что в российском гражданском праве добросовестность превратилась из абстрактного этического императива в рабочий инструмент юридического анализа, влияющий на исход споров и толкование договоров.

Гражданское законодательство Социалистической Республики Вьетнам так же, как и российское, признает принцип добросовестности одним из основных. Современная формулировка содержится в статье 3 Гражданского кодекса (далее – ГК) Вьетнама 2015 г. Пункт 3 статьи 3 гласит: «Физические и юридические лица должны осуществлять установление, исполнение и прекращение своих гражданских прав и обязательств добной волей и честно»². По-вьетнамски используется формулировка «thiên chí, trung thực», что словно означает «добрая воля и честность». Эта норма практически дословно эквивалентна российскому требованию действовать добросовестно при осуществлении прав и исполнении обязательств, с охватом всех стадий гражданских правоотношений – от их установления до прекращения. Важно отметить, что в редакции 2015 г. прямо указано, что принцип добросовестности действует и при прекращении прав и обязанностей, что совпадает с подходом ГК РФ (ст. 307(3)).

Принцип добросовестности был закреплен во вьетнамском праве еще до принятия ГК 2015 г. Уже первый ГК объединенного Вьетнама 1995 г. признавал принцип *thiên chí, trung thực* в каче-

---

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

стве основополагающего¹. В доктрине отмечается, что ГК 1995 г. предусматривал обязанность сторон действовать добросовестно и честно, причем подчеркивалось: стороны должны заботиться не только о своих правах и законных интересах, но и уважать интересы государства, общественные интересы, права и законные интересы других лиц, а также помогать друг другу в осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей. Такая широкая формулировка отражала социалистический характер права Вьетнама того периода – добросовестность связывалась не только с взаимоотношениями сторон, но и с более широким контекстом (уважение общественных интересов).

В ГК 2005 г. принцип *thiện chí, trung thực* был подтвержден, хотя формулировка несколько изменилась. Например, вьетнамские юристы отмечают, что в ГК 2005 г. во вводной статье 6 прямо указывалось: «В гражданских правоотношениях стороны должны действовать добросовестно и честно, ни одна из сторон не должна обманывать другую». Последняя фраза явно запрещает обман при осуществлении прав и обязанностей, дополняя принцип добросовестности конкретным запретом. В ГК 2015 г. при обновлении формулировки принципа эту фразу об обмане исключили, ограничившись общей обязанностью действовать добросовестно и честно. Видимо, законодатель посчитал, что общий принцип охватывает и запрет обмана, а детализация не нужна либо избыточна. Тем не менее сам по себе обман как порок воли остался в нормах о недействительности сделок (что будет рассмотрено ниже).

Таким образом, современное вьетнамское гражданское право закрепляет принцип добросовестности (доброй воли и честности) на самом высоком уровне, делая его обязательным для всех участников. Примечательно сходство с российским подходом: в обоих случаях этот принцип включен в число основных начал гражданского законодательства, задающих тон для всего правового регулирования договорных отношений.

Вьетнамское право распространяет принцип *thiện chí, trung thực* на все стадии гражданских

правоотношений. Это подчеркивается тем, что в формулировке закона названы установление, исполнение и прекращение гражданских прав и обязанностей. По сути, это означает, что уже на стадии преддоговорных переговоров стороны обязаны действовать честно, в ходе исполнения договора – тем более, и даже при его завершении (например, при расторжении) они не освобождаются от требования доброй воли [7].

Для коммерческих отношений во Вьетнаме принцип добросовестности также крайне важен. Существует специальный Закон о торговле 2005 г., статья 6 которого требует от предпринимателей и коммерческих организаций действовать добросовестно во всех коммерческих транзакциях. Это свидетельствует о том, что принцип носит универсальный характер, пронизывая как общегражданские отношения, так и специальные коммерческие. По сути, вьетнамский законодатель дублирует требование добросовестности, упомянутая о нем и в ГК, и в коммерческом законодательстве и усиливая тем самым его значение [6].

Конкретное содержание принципа *thiện chí, trung thực* прямо в законе не раскрыто, что схоже с ситуацией в России – общая норма дана без детальной регламентации. В юридической литературе Вьетнама отмечается, что положение ГК 2015 г. о добросовестности сформулировано «довольно широко и абстрактно» и что закон не содержит дополнительных критериев или разъяснений к этому принципу. В связи с этим возникают вопросы: может ли принцип сам по себе быть прямым основанием для требований стороны или отказа в защите права и как он соотносится с другими нормами? Здесь можно провести параллель с российской доктриной: в обоих случаях юристы указывают на проблемы неопределенности содержания принципа добросовестности и призывают к конкретизации на уровне судебной практики или разъяснений².

Тем не менее некоторые ориентиры во вьетнамском праве все же имеются, особенно если рассмотреть нормы о последствиях недобросовестного поведения. Обман и введение в заблуждение прямо квалифицируются законом как основания для признания недействительности

¹ Гражданский кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 24 ноября 2015 г. (вступил в силу 01.01.2017) [официальный перевод на английский язык] // Legal Normative Documents Database of Vietnam. – URL: <https://vbpl.vn> (дата обращения: 07.05.2025).

² Закон Вьетнама о торговле от 14 июня 2005 г. № 36/2005/QH11 [официальный перевод на английский язык] // Legal Normative Documents Database of Vietnam. – URL: <https://vbpl.vn> (дата обращения: 07.05.2025).

сделок. Так, статья 127 ГК Вьетнама 2015 г. относит обман (fraud) к порокам, вследствие которых сделка (договор) может быть признана недействительной. Если сторона при заключении договора умышленно сообщила ложные сведения или утаила существенные факты, чтобы побудить другую сторону заключить договор, – это считается недобросовестным действием, дающим потерпевшему право добиваться аннулирования договора.

Следует отметить и относительно новое для Вьетнама явление – прецедентную практику. В 2016 г. Верховный народный суд Вьетнама получил полномочия публиковать так называемые «прецеденты» – решения по конкретным делам, которым придается значение образца для нижестоящих судов. Хотя система прецедентов во Вьетнаме еще в зачаточном состоянии, уже отобраны десятки решений, важных для единообразия практики. Не исключено, что со временем среди них появятся дела, связанные с принципом добросовестности, особенно если это будут сложные коммерческие споры. Пока же основным источником руководства для судов остаются тексты законов и их официальное толкование. Прямых разъяснений Верховного суда Вьетнама, аналогичных российскому Постановлению Пленума 2015 г., касательно принципа *thiên chí, trung thực* не издавалось. Это может объясняться тем, что сам принцип закреплен в кодексе достаточно недавно (в 2015 г.), и практика только вырабатывает подходы к его использованию¹.

В открытых источниках относительно немного информации о конкретных судебных решениях по принципу добросовестности, что частично связано с тем, что подробные решения судов во Вьетнаме публикуются редко. Однако анализ имеющихся обзоров показывает типичные ситуации.

Один из распространенных случаев – споры о признании сделки недействительной по причине обмана. Например, если продавец продал недвижимость, утаив от покупателя информацию о правовом дефекте (например, что недвижимость заложена банку или по ней идет судебный спор), суд может признать такой договор недействительным как совершенный без доброй воли и

честности со стороны продавца. В решениях указывается на нарушение обязанностей сторон действовать честно при установлении и исполнении договора: продавец, зная о препятствиях, умышленно их скрыл, тем самым ввел покупателя в заблуждение. Это прямое нарушение принципа *thiên chí, trung thực*, конкретизированное через понятие обмана. В результате договор аннулируется, а стороны возвращаются в исходное положение; кроме того, виновная сторона может быть обязана возместить контрагенту убытки (расходы, понесенные в связи с заключением договора) [5].

Другой пример – неправомерное удержание суммы залога при расторжении договора. Во Вьетнаме широко используется институт договорного залога (аванса) при заключении, скажем, договора купли-продажи недвижимости: покупатель передает продавцу залог, который остается у продавца, если покупатель откажется от сделки, и возвращается в двойном размере, если продавец откажется от нее. В одном из рассмотренных дел (условно «Спор о залоге при отказе от договора продажи дома») суд оценивал поведение продавца, отказавшегося завершить сделку и оставившего за собой залог. Суд указал, что продавец нарушил принцип добросовестности, без достаточных оснований отказавшись от договора, поэтому не имеет права удерживать залог; напротив, по закону он должен вернуть аванс в двойном размере, как предусмотрено условиями задатка. Это решение согласуется с тем, что сторона, недобросовестно инициировавшая прекращение договора, несет негативные последствия².

Сопоставление российского и вьетнамского правовых подходов к принципу добросовестности показывает значительное сходство основных идей при некоторых различиях в акцентах и деталях.

Общие черты принципа добросовестности в гражданском праве России и Вьетнама заключаются в его признании в качестве фундаментального начала, прямо закрепленного в национальных гражданских кодексах и применяемого на всех стадиях договорных отношений – от заключения до прекращения договора. Обе правовые

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

² Верховный суд Вьетнама. Прецеденты Верховного суда 2016–2023 гг. // Официальный портал Верховного народного суда Вьетнама. – URL: <https://congbobanan.toaan.gov.vn> (дата обращения: 07.05.2025).

системы исходят из недопустимости злоупотребления правом и использования недобросовестного поведения для извлечения выгоды, что сопровождается юридическими санкциями вплоть до отказа в защите прав нарушителя. Добросовестность служит критерием справедливого поведения и получает поддержку в судебной практике, а также в научной доктрине обеих стран, где она рассматривается как средство обеспечения баланса интересов сторон. При этом российская и вьетнамская правовые науки сходятся во мнении о необходимости конкретизации содержания этого принципа в целях предотвращения правовой неопределенности и повышения эффективности его применения.

Основные различия в подходах России и Вьетнама к принципу добросовестности объясняются различиями в правовых традициях, уровне детализации законодательства, развитости судебной практики и используемой терминологии. Российское право, опирающееся на романо-германскую традицию, более формализовано: после реформы 2013–2015 гг. ГК РФ содержит конкретные положения о сотрудничестве сторон, обмене информацией и добросовестных переговорах, а также опирается на разъяснения ВС РФ. Во Вьетнаме, где на правовую систему повлияли как французское, так и социалистическое право, принцип *thiên chí, trung thực* закреплен шире и менее детализирован, не имеет точной расшифровки и пока не сопровождается судебными разъяснениями высшей инстанции. Россия применяет принцип также к преддоговорным отношениям через норму о *culpa in contrahendo*, а во Вьетнаме последствия недобросовестных переговоров выводятся из общих положений. Российское право предлагает более разнообразные механизмы защиты от недобросовестности, включая эстоппель и отказ в иске без признания сделки недействительной, тогда как Вьетнам чаще прибегает к аннулированию договора и компенсациям. Кроме того, российская доктрина разработала понятие «принцип-презумпция» и активно использует производные концепции, в то время как во вьетнамской науке доминирует идея ограничения свободы договора через морально-этическое содержание принципа добросовестности [4].

Сравнительный анализ показывает, что принцип добросовестности является универсальной ценностью гражданского права независимо от страны. И в России, и во Вьетнаме законодатель стремится создать условия, при которых поря-

дочные участники оборота защищены, а нечестные – наказаны или лишены выгод. Российский опыт интересен вьетнамскому тем, что в России проведена относительно недавняя реформа, направленная на усиление роли этого принципа, разработаны судебные критерии. Вьетнамский опыт интересен тем, что он сочетает социалистические идеи морали с современными рыночными отношениями, и принцип *thiên chí, trung thực* служит мостиком между ними, позволяя внедрять в бизнес-среду этические стандарты [4].

Можно сделать вывод, что обе системы движутся в одном направлении: уточнение содержания добросовестности через практику, повышение значения этого принципа при разрешении споров, распространение его действия на все большее число ситуаций (включая цифровые сделки, долгосрочные контракты, инвестиционные соглашения и т. д.). В перспективе возможен обмен опытом между странами. Например, российские суды могли бы учсть интересный подход вьетнамских коллег по сочетанию добросовестности с понятием справедливости (как писал Ву Ван Май, если исход исполнения явно несправедлив, значит, не было доброй воли). А для Вьетнама может оказаться полезным российский механизм презумпции и разъясненной модели ожидаемого поведения.

Заключение. Принцип добросовестности прочно утвердился в гражданском праве как России, так и Вьетнама, играя роль нравственного и юридического ориентира для участников договорных отношений. Проведенное исследование показало, что несмотря на разные исторические корни и правовую культуру, оба государства пришли к сходному пониманию: договорные обязательства должны выполняться и прекращаться добросовестно, т. е. с честным соблюдением интересов контрагента, без обмана, злоупотреблений и недозволенных уловок.

Практическую значимость принципа добросовестности для обеих стран трудно переоценить. Для бизнес-сообщества он означает необходимость строить отношения на доверии и прозрачности, поскольку хитрые уловки и обманы все чаще обречены на юридическое фиаско. Для судов это гибкий инструмент восстановления справедливости, особенно в ситуациях, не урегулированных детально законом. Для законодателя это ориентир в дальнейшей модернизации гражданского законодательства (к примеру, при регулировании цифровых сделок или сложных финан-

совых продуктов принцип добросовестности будет служить отправной точкой).

В заключение подчеркнем слова одного из классиков вьетнамского права: «Исполнение обязательства добной волей не может противоречить справедливости». Эта мысль универсальна и применима как к Вьетнаму, так и к России. Добросовестность служит мостом между буквой за-

кона и справедливостью, обеспечивая нравственную обоснованность юридически правильного решения. Таким образом, укрепление принципа добросовестности в правоприменении – залог повышения доверия к гражданскому обороту, снижения конфликтности и соблюдения баланса интересов сторон при исполнении и прекращении договорных обязательств.

Список литературы

1. Белов В. А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. – 1998. – № 8. – С. 3–8.
2. Кушнарев А. А. Нравственные понятия добросовестность и разумность в правовом применении // Апробация. – 2016. – № 7 (46). – С. 152–153.
3. Панина С. Д. Принцип добросовестности в гражданском праве современной России // Научный лидер. – 2024. – № 46 (196). – С. 52–61.
4. Gribanov V. P. The Principle of Good Faith in Soviet Civil Law. – Moscow : Nauka, 1986.
5. Nguyễn Minh Hằng. History and Philosophy of Vietnamese Contract Law // International Business Law Journal. – 2010. – № 4. – P. 345–357.
6. Phan Nhât Minh. Some Legal Issues in Vietnamese Civil Code 2015 Regarding Civil Obligations and Contracts // Vietnamese Journal of Legal Science. – 2017. – Vol. 4. – P. 112–123.
7. Vu Van Mau. Cours de Droit Civil Vietnamien : Vol. 2. – Saigon : Imprimerie La Boi, 1963.

Корпоративный договор в системе мер по снижению санкционных рисков

С. И. Капырин

аспирант кафедры юриспруденции Российской университета кооперации.

Адрес: АНОО ВО Центросоюза Российской Федерации

«Российский университет кооперации»,

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 12/30.

E-mail: horologium@list.ru

И. И. Ромашкова

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности

Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Адрес: ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,

125167, Москва, ул. Ленинградский проспект, д. 49/2.

E-mail: iromashkova@ruc.su

Corporate Agreement in the System of Measures to Reduce Sanctions Risks

S. I. Kapyrin

Postgraduate Student of the Department of Jurisprudence of the Russian University of Cooperation.

Address: Russian University of Cooperation,

12/30 Vera Voloshina St., Mytishchi city, Moscow Region, 141014, Russian Federation.

E-mail: horologium@list.ru

I. I. Romashkova

PhD in Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Address: Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education

“Financial University under the Government of the Russian Federation”,

49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation.

E-mail: iromashkova@ruc.su

Поступила 28.07.2025 Принята к печати 10.08.2025

Аннотация

В статье исследуются вопросы, связанные с применением санкций недружественных стран к российским хозяйственным обществам, принадлежащим подконтрольным лицам, в отношении которых введены персональные блокирующие санкции, а также вопросы разработки и реализации мер по снижению санкционных рисков у таких обществ. Проанализированы условия применения санкций к организациям, связанным с подсанкционными лицами; анализируются также сведения о хозяйственных обществах, раскрытие которых может привести к введению санкций в отношении таких обществ. Рассмотрены основные мероприятия по снижению санкционных рисков компаний. Основное внимание уделено мероприятиям, направленным на исключение правовых оснований для применения санкций. Отдельное внимание в статье уделяется корпоративному договору, который рассматривается как правовой инструмент обеспечения корпоративных прав и имущественных интересов контролирующего лица, в случае необходимости уменьшения размера его участия в хозяйственном обществе для снижения санкционных рисков последнего. Авторы статьи приходят к выводу о возможности включения в корпоративный договор положений, которые, с од-

ной стороны, обеспечат учет основных корпоративных прав и имущественных интересов лица, снизившего свою долю в уставном капитале общества, с другой стороны, не приведут к возникновению у такого лица контроля над обществом и, как следствие, применению санкций. В качестве основных методов познания при проведении исследования использованы аналитический, логический, сравнительный, описательный и иные методы.

Ключевые слова: санкции, санкционные риски, санкционный комплаенс, контроль, корпорация, корпоративное управление, корпоративные права, имущественные интересы, права акционеров, корпоративный договор, акционерное соглашение, договор об осуществлении корпоративных прав, опционный договор, раскрытие информации.

Abstract

The article examines issues related to the application of sanctions by unfriendly countries to Russian business entities owned or controlled by individuals subject to personal blocking sanctions, as well as issues related to the development and implementation of measures to reduce the sanctions risks of such companies. The conditions for applying sanctions to organizations associated with sanctioned entities are analyzed; information about business entities, the disclosure of which may lead to the imposition of sanctions against such companies, is also analyzed. The main measures to reduce the sanctions risks of companies are considered. The main focus is on measures aimed at eliminating the legal grounds for the application of sanctions. The article pays special attention to the corporate agreement, which is considered as a legal instrument for ensuring corporate rights and property interests of the controlling person, if necessary, reducing the size of his participation in the business entity to reduce the latter's sanctions risks. The authors of the article conclude that it is possible to include provisions in the corporate agreement that, on the one hand, will ensure that the basic corporate rights and property interests of a person who has reduced his share in the authorized capital of the company are taken into account, and, on the other hand, will not lead to such a person gaining control over the company and, as a result, the application of sanctions. Analytical, logical, comparative, descriptive and other methods were used as the main methods of cognition during the research.

Keywords: sanctions, sanctions risks, sanctions compliance, control, corporation, corporate governance, corporate rights, property interests, shareholders' rights, corporate agreement, shareholder agreement, agreement on the exercise of corporate rights, option agreement, information disclosure.

В целях ослабления экономического и военного потенциала Российской Федерации, а также оказания влияния на политические решения ее руководства недружественными странами введены и регулярно дополняются санкционные ограничения, затрагивающие имущественные интересы и экономические связи широкого круга российских граждан и юридических лиц.

Первые в Новейшей истории санкции в отношении России были введены США в 2012 г. в отношении ряда лиц, якобы причастных к нарушению прав человека, и с того времени постоянно расширялись под различными предлогами. Как отмечает И. Тимофеев, «после начала специальной военной операции на Украине США и их союзники использовали в отношении РФ практически весь возможный инструментарий ограничительных мер» [6].

Безусловными лидерами в применении санкций в отношении Российской Федерации, как по скорости введения санкций, так и по объему введенных ограничений, являются США и Европейский союз (ЕС). Зачастую санкции этих стран служат ориентиром для остальных недружественных государств при разработке их соб-

ственных конфигураций санкционных ограничений в отношении нашей страны.

Существенной особенностью санкционного законодательства США и ЕС является возможность применения мер ответственности за обход (содействие в обходе) санкций, которые применяются к любым лицам независимо от их юрисдикции («вторичные санкции» [5]), т. е., по сути, носят экстерриториальный характер, в связи с чем оказывают влияние на деловые отношения российских компаний практически с любыми зарубежными партнерами, в том числе из дружественных юрисдикций.

По субъектной направленности и способу воздействия на объект можно выделить два основных вида санкций:

а) *персональные (блокирующие) санкции*, применяемые к отдельным российским гражданам и юридическим лицам и предусматривающие блокировку находящегося на территории страны инициатора санкций имущества подсанкционных лиц, запрет на совершение сделок с таким имуществом, ограничения на предоставление подсанкционным лицам финансовых средств и экономических ресурсов. В законодательстве ЕС

применение таких санкций предусмотрено в том числе Решением Совета № 2014/145/CFSP от 17 марта 2014 г.¹ и Регламентом Совета (ЕС) № 269/2014 от 17 марта 2014 г.², а в США – Исполнительными указами № 13660 от 6 марта 2014 г.³, № 13661 от 16 марта 2014 г.⁴, № 13662 от 20 марта 2014 г.⁵ и № 13685 от 19 декабря 2014 г.⁶;

б) *секторальные санкции*, применяемые в отношении отдельных секторов российской экономики и (или) содержащие ограничения на совершение ряда финансовых и иных экономических операций (например, ограничения на приобретение и продажу ценных бумаг и финансовых инструментов подконтрольных государству кредитно-финансовых учреждений, ограничение на размещение российскими организациями и гражданами депозитов на сумму более 100 000 евро). В законодательстве ЕС их применение предусмотрено в том числе Решением Совета № 2014/512/CFSP от 31 июля 2014 г.⁷ и Регламентом Совета (ЕС) № 833/2014 от 31 июля 2014 г.⁸, а в США – Исполнительным указом № 13662 от 20 марта 2014 г.

¹ Council Decision No 2014/145/CFSP of March 17, 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. – URL: [https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2014/145\(1\)/oj/eng](https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2014/145(1)/oj/eng)

² Council Regulation (EU) No 269/2014 of March 17, 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/269/oj/eng>

³ Executive Order №13660 of March 6, 2014 Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine. Federal Register Vol. 79, No. 46. March 10, 2014.

⁴ Executive Order №13661 of March 16, 2014. Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine. Federal Register Vol. 79, No. 53. March 19, 2014.

⁵ Executive Order №13662 of March 20, 2014 Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Ukraine. Federal Register Vol. 79, No. 56. March 24, 2014.

⁶ Executive Order №13685 of December 19, 2014. Blocking Property of Certain Persons and Prohibiting Certain Transactions With Respect to the Crimea Region of Ukraine. Federal Register Vol. 79, No. 247. December 24, 2014.

⁷ Council Decision No 2014/512/CFSP of July 31, 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2014/512/oj/eng>

⁸ Council Regulation (EU) No 833/2014 of July 31, 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2014/833/oj/eng>

При этом как персональные (блокирующие) санкции, так и, как правило, секторальные санкции США и ЕС распространяются не только на лиц, поименованных в санкционных документах (санкционных списках), но и на принадлежащие (подконтрольные) им компании.

В настоящей статье преимущественно анализируются вопросы снижения санкционных рисков, в том числе путем структурирования корпоративного управления компаний, связанных с лицами, в отношении которых введены санкции недружественных стран.

Основные условия применения санкций

Для определения наиболее эффективной стратегии разработки мер по снижению санкционных рисков важно понимание всех аспектов применения санкционных ограничений. Как справедливо отмечают В. Герасимов, А. Розина и Я. Солдаткин, «...детальное понимание сути и состава введенных ограничений – это практический инструмент по снижению санкционных рисков для бизнеса» [1].

Так, применение санкционных ограничений в отношении организаций, связанных с подсанкционными лицами, зависит прежде всего от следующих условий:

1) соответствие характера связи организации с подсанкционными лицами критериям владения и/или контроля, принятым в зарубежном санкционном законодательстве или в регуляторной практике;

2) наличие доступа третьих лиц к сведениям о связанности организации с подсанкционным лицом.

В качестве критерия владения в контексте применения санкций в США и ЕС используется правило «50 процентов», согласно которому считается, что подсанкционное лицо владеет организацией, если ему принадлежит 50 и более процентов долей (акций) в уставном капитале организации. В законодательстве ЕС указанное правило содержится, в частности, в Регламенте Совета (ЕС) № 2580/2001 от 27 декабря 2001 г.⁹, а в США – в Руководстве Министерства финансов США от 13 августа 2014 г. об организациях, при-

⁹ Council Regulation (EC) No 2580/2001 of December 27, 2001 on specific restrictive measures directed against certain persons and entities with a view to combating terrorism. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2001/2580/oj/eng>

надлежащих лицам, чье имущество и права на имущество заблокированы¹.

Вывод о наличии контроля лица над организацией в санкционной практике ЕС может быть сделан в связи с наличием у такого лица права на назначение большинства в составе исполнительных органов и/или органов контроля организации, использованием ее имущества, представлением гарантий по ее обязательствам, наличием влияния на принятие решений, в том числе по вопросам корпоративной стратегии, бизнес-планирования, использования производственных мощностей, финансирования, кадровым и юридическим вопросам, применением инструментов контроля бизнеса организации, а также по иным критериям, таким как использование одного бизнес-адреса, общего наименования (далее – критерии контроля).

Указанные критерии контроля содержатся, в частности, в Регламенте Совета (ЕС) № 2580/2001 от 27 декабря 2001 г., а также в Разъяснении Еврокомиссии от 8 июня 2021 г. № C(2021) 4223 final касательно статьи 2(2) Регламента Совета Европейского союза № 269/2014².

В США отсутствуют формализованные правила определения контроля в отношении организации лица, владеющего менее 50% долей (акций) в ее уставном капитале, и наличие такого контроля устанавливается уполномоченным регулятором на основе анализа имеющейся информации о характере связей указанных лиц.

С практической точки зрения для оценки санкционных рисков и управления ими важно также понимание юридических оснований возникновения у лица контроля в отношении организации.

В санкционном законодательстве стран ЕС и США юридические основания возникновения у лица контроля не указываются. Анализ норм российского законодательства, в том числе Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», Федерального закона от 8 февраля

1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Федеральный закон об ООО), Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Федеральный закон об АО), позволяет отнести к юридическим основаниям возникновения контроля лица над организацией осуществление таким лицом функций ее единоличного исполнительного органа (далее – ЕИО), владение долями (акциями) организации либо заключение договора, которые приводят к возникновению прямо или косвенно у такого лица достаточных прав для назначения ЕИО, контроля более 50 процентов голосов в высшем органе организации либо формирования более 50 процентов коллегиальных органов организации, иных прав по определению решений организации. При этом указанные права могут вытекать в том числе из договоров доверительного управления имуществом, простого товарищества, поручения, акционерного соглашения или иного подобного соглашения.

Другим обстоятельством, влияющим на реализацию санкционных рисков организаций, является наличие доступа третьих лиц к информации о связности таких организаций с подсанкционными лицами. Указанная информация в ряде случаев может быть получена третьими лицами из открытых источников, непосредственно от самой организации либо из иных источников.

Часть информации о хозяйственном обществе, согласно требованиями законодательства, подлежит публичному раскрытию. Объем публично раскрываемой информации различается в зависимости от организационно-правовой формы хозяйственного общества, его публичного либо непубличного статуса, наличия либо отсутствия публичного размещения таким обществом облигаций или иных ценных бумаг, иных обстоятельств. Раскрытие таким образом сведения могут привести к применению санкций в отношении российских юридических лиц.

Так, согласно Федеральному закону от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в сведениях Единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ), раскрываются данные о руководителе юридического лица, о наличии корпоративного договора, определяющего объем правомочий участников непропорционально долям в уставном капитале, об участниках и принадлежащих

¹ Revised Guidance on entities owned by persons whose property and interests in property are blocked, Department of the Treasury, August 13, 2014. – URL: <https://ofac.treasury.gov/media/6186/download?inline>

² Commission opinion of 8.6.2021 on Article 2(2) of Council Regulation (EU) No 269/2014. – URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2021-06/210608-ukraine-opinion_en_0.pdf

имолях в уставном капитале, о передаче доли в доверительное управление и доверительном управляющем (в отношении обществ с ограниченной ответственностью), а также о единственном акционере и регистраторе (в отношении акционерных обществ).

Законодательство о рынке ценных бумаг, а именно Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» и Положение Банка России от 27 марта 2020 г. № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг», также предусматривает значительные обязательства по раскрытию информации, которая может являться чувствительной для реализации санкционных рисков. Наибольший объем раскрытия информации предусмотрен для эмитентов ценных бумаг в случае регистрации проспекта ценных бумаг – тогда раскрытие осуществляется в том числе в форме отчета эмитента и сообщений о существенных фактах и включает сведения о лицах в составе органов управления эмитента, об акционерах (участниках) эмитента, имеющих право распоряжаться не менее чем 5 процентами голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) эмитента, о приобретении лицом права распоряжаться 5, 10, 15, 20, 25, 30, 50, 75 или 95 процентами голосов от общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции эмитента, а также о приобретении эмитентом права распоряжаться 5, 10, 15, 20, 25, 30, 50, 75 или 95 процентами голосов от общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции организации, ценные бумаги которой допущены к организованным торгам.

Помимо информации из открытых источников, сведения, свидетельствующие о наличии связности организации с подсанкционным лицом, могут быть получены непосредственно от самой организации в ходе ее проверки зарубежными партнерами в рамках санкционного комплаенса, который в последнее время под угрозой применения вторичных санкций стран ЕС и США проводится иностранными компаниями с особой тщательностью. Непредоставление организацией информации о составе органов управления, собственниках и бенефициарных владельцах может стать основанием для отказа иностранного партнера от сотрудничества.

Мероприятия по снижению санкционных рисков

В случае определения риска применения санкций со стороны недружественных стран к

организации, связанной с подсанкционным лицом, с учетом указанных выше условий применения санкций руководству и владельцам организации целесообразно рассмотреть возможность реализации мероприятий, направленных на снижение такого риска.

Программа мероприятий по снижению санкционных рисков должна предусматривать меры по исключению условий применения санкций к организации, в том числе:

– мероприятия по ограничению доступа третьих лиц к чувствительной информации об организации, которая может привести к применению санкций;

– мероприятия по исключению юридических оснований применения санкций к организации (при необходимости).

а) Мероприятия по ограничению доступа третьих лиц к чувствительной информации

В целях снижения санкционных рисков российских компаний возможность ограничения доступа к информации в ЕГРЮЛ предусмотрена Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2022 г. № 1625 «Об определении случаев, в которых доступ к информации (сведениям), содержащейся в государственном информационном ресурсе бухгалтерской (финансовой) отчетности и Едином государственном реестре юридических лиц, может быть ограничен, о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 6 июня 2019 г. № 729 и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации», а возможность ограничения объема обязательного раскрытия информации на рынке ценных бумаг – Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2023 г. № 1102 «Об особенностях раскрытия и (или) предоставления информации, подлежащей раскрытию и (или) представлению в соответствии с требованиями Федерального закона «Об акционерных обществах» и Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

Необходимость реализации иных мер по снижению санкционных рисков, помимо ограничения доступа третьих лиц к сведениям об организации, должна определяться с учетом конкретных обстоятельств.

Так, в случае, если организация осуществляет свою деятельность исключительно на территории Российской Федерации, не участвует во внешне-торговых отношениях и не осуществляет денеж-

ные переводы с участием зарубежных корреспондентских банков, то ограничение доступа третьих лиц к сведениям об организации может оказаться достаточной мерой снижения риска применения к ней санкционных ограничений.

Если же организация активно взаимодействует с зарубежными партнерами, то с учетом текущий реалий от нее потребуется предоставление последним информации о составе органов управления, собственниках и бенефициарных владельцах и иных сведений об организации даже в случае отсутствия таких сведений в публичном доступе. Также с высокой долей вероятности от организации потребуется предоставление заверений об отсутствии в отношении нее контроля со стороны подсанкционных лиц по любым основаниям. При этом предоставление организацией контрагенту недостоверных заверений об обстоятельствах, согласно статье 431.2 Гражданского кодекса Российской Федерации, может повлечь ответственность в виде возмещения контрагенту убытков либо уплаты неустойки.

б) Мероприятия, направленные на исключение правовых оснований применения санкций

С учетом вышеуказанных рисков в случае, если деятельность организации зависит от бизнес-контактов с зарубежными партнерами, может быть целесообразным рассмотрение вопроса о реализации мероприятий, направленных на исключение юридических оснований применения санкций (юридических фактов, которые приводят к возникновению контроля подсанкционного лица над организацией).

К числу таких мероприятий, определяемых по результатам анализа существующей структуры корпоративного управления, могут относиться:

1) исключение из состава менеджмента и совета директоров (наблюдательного совета, иного аналогичного органа) организации подсанкционных лиц;

2) расторжение договоров поручения, доверительного управления долями (акциями), простого товарищества, если стороной договора является подсанкционное лицо;

3) снижение доли подсанкционного лица в уставном капитале организации ниже контрольной либо отчуждение подсанкционным лицом своей доли несвязанному с ним лицу;

4) передача долей в уставном капитале хозяйственного общества в закрытый паевой инвестиционный фонд (ЗПИФ), что, с одной стороны, позволяет не раскрывать сведения о бенефици-

арах ЗПИФ (собственники соответствующих долей (акций) не указываются в ЕГРЮЛ и реестрах акционеров), а с другой стороны, по мнению автора статьи, не решает проблему санкционных рисков полностью, поскольку пайщики фонда в общем случае через Инвестиционный комитет ЗПИФ контролируют действия управляющей компании ЗПИФ по осуществлению прав участника (акционера) хозяйственного общества, доли (акции) которого являются имуществом ЗПИФ, т. е., по сути, сохраняю контроль над таким обществом. Данный способ управления санкционным риском в настоящей статье подробно не анализируется.

В случае, если для снижения санкционных рисков хозяйственного общества требуется уменьшение доли подсанкционного лица в уставном капитале общества, то права и интересы такого участника (акционера) могут быть обеспечены путем заключения корпоративного и (при необходимости) опционного договоров.

Опционный договор позволяет предусмотреть право на обратный выкуп лицом проданной (части) доли в уставном капитале организации (акций).

Корпоративный договор позволяет его сторонам определить порядок осуществления ими своих корпоративных прав таким образом, чтобы обеспечить учет корпоративных прав и имущественных интересов участника, снизившего долю участия в обществе. К данной категории относятся перечисленные ниже права.

1. Право на участие в управлении обществом. Для обеспечения прав лица, снизившего размер своей доли в уставном капитале общества, на участие в управлении обществом в корпоративном договоре целесообразно предусмотреть обязанность его сторон по предварительному согласованию кандидатов в органы общества, позиции по голосованию по определенным вопросам компетенции общего собрания участников (акционеров) общества и, при необходимости, позиции по голосованию представителей участников (акционеров) в коллегиальных органах общества, включая вопросы о реорганизации и ликвидации общества, о внесении изменений в устав общества, об одобрении существенных сделок, а также определить порядок такого согласования. Установление указанного порядка осуществления сторонами корпоративного договора прав участников хозяйственного общества позволит исключить формирование органов общества и принятие ключевых решений органами

общества без учета позиции лица, снизившего свою долю в уставном капитале общества, и вместе с тем не приведет к возникновению контроля такого лица над обществом, поскольку у остальных сторон корпоративного договора не появится формальная обязанность следовать его указаниям при осуществлении корпоративных прав.

2. Право на информацию. Согласно пункту 5 статьи 91 Федерального закона об АО право на получение доступа к протоколам коллегиального исполнительного органа и документам бухгалтерского учета имеют акционеры, владеющие не менее чем 25 процентами голосующих акций общества. В целях обеспечения интересов лица, снизившего свою долю в уставном капитале общества, в части получения информации об обществе в корпоративном договоре могут быть предусмотрены равные права сторон корпоративного договора на доступ к информации об обществе и совместное осуществление сторонами договора права на получение информации об обществе (например, путем подписания требования о предоставлении информации несколькими акционерами общества, которые в совокупности владеют количеством акций, необходимым для получения информации).

3. Право на участие в распределении прибыли общества (получение дивидендов). В отношении обществ с ограниченной ответственностью и непубличных акционерных обществ действующим законодательством допускается распределение прибыли непропорционально принадлежащим участникам долям в уставном капитале общества (количеству акций общества), если это закреплено в уставе общества. Для получения дивидендов лицо должно являться участником общества. В корпоративном договоре целесообразно предусмотреть обязанность его сторон голосовать за принятие общим собранием участников (акционеров) общества решения о непропорциональном распределении прибыли.

4. Право на получение части имущества общества в случае его ликвидации. В отношении акционерных обществ обязательность пропорционального распределения между акционерами имущества общества, оставшегося после расчетов с кредиторами, законодательством не установлена. Стороны корпоративного договора вправе предусмотреть в нем порядок непропорционального распределения оставшегося после расчетов с кредиторами имущества ликвидированного общества [2].

С учетом наличия в пункте 1 статьи 58 Федерального закона об ООО императивной нормы о распределении оставшегося после расчетов с кредиторами имущества ликвидируемого общества между участниками общества пропорционально их долям в уставном капитале общества интересы участника общества на получение части имущества ликвидируемого общества непропорционально принадлежащей ему доле могут быть обеспечены путем включения в корпоративный договор положений об отказе других сторон корпоративного договора от своих прав на причитающуюся им долю в имуществе ликвидируемого общества в пользу указанного лица.

5. Права на обжалование решений органов общества, предъявление требований о возмещении причиненных обществу убытков, оспаривание совершенных обществом сделок. Поскольку реализация указанных корпоративных прав может зависеть от размера принадлежащей участнику доли в уставном капитале общества (количества акций), в корпоративном договоре целесообразно предусмотреть реализацию таких прав сторонами корпоративного договора совместно, а также определить порядок взаимодействия сторон при совместной реализации указанных корпоративных прав.

6. Запрет на продажу долей (акций) и выход из общества. В случае если лицо, осуществлявшее отчуждение доли в уставном капитале общества (акций), намерено со временем осуществить их обратный выкуп, в корпоративном договоре целесообразно определить условия такого выкупа и предусмотреть запрет (отказ от права) для покупателя доли (акций) на ее (их) отчуждение любому лицу, кроме продавца, а также запрет на выход из общества с ограниченной ответственностью на период действия права продавца на обратный выкуп доли.

7. Обеспечение исполнения обязательств по корпоративному договору. Корпоративным договором могут предусматриваться различные условия обеспечения исполнения его сторонами своих обязательств, в том числе таких как:

- право выкупа у стороны, нарушившей корпоративный договор, ее доли (акций) другой стороной (сторонами) договора (с дисконтом от рыночной цены или без него);
- выплата неустойки в случае нарушения корпоративного договора. Вместе с тем эффективность применения неустойки для обеспечения исполнения корпоративного договора может оказаться недостаточной ввиду возможности ее сни-

жения судом на основании статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации. Для обеспечения исполнения обязательств сторонами акционерного соглашения в соответствии с абзацем 2 пункта 7 статьи 32.1 Федерального закона об АО вместо неустойки может быть использован механизм выплаты компенсации, определенной в твердой денежной сумме, в отношении которой положения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации не применяются [4];

– возмещение сторонам корпоративного договора убытков, причиненных нарушением его условий. Положения корпоративного договора, предусматривающие возмещение убытков, причиненных его нарушением, могут стимулировать стороны договора действовать добросовестно, однако, как отмечал Д. В. Добрачев, доказать размер ущерба в случае корпоративного договора может быть затруднительно [3]. Сложность доказывания убытков из нарушения корпоративного договора преимущественно связана с тем, что значительная часть его положений регулирует неимущественные правоотношения.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Наличие связанности хозяйственного общества с подсанкционными лицами, отвечающей принятым в санкционной практике недружественных стран критериям владения и контроля, создает риски распространения санкционных ограничений на такое общество и приводит к необхо-

димости разработки и реализации мероприятий, направленных на снижения указанных рисков.

2. Меры по снижению санкционных рисков хозяйственных обществ, связанных с подсанкционными лицами, могут включать как мероприятия по ограничению доступа третьих лиц к информации об обществе, так и мероприятия, направленные на исключение юридических оснований применения санкций к обществу.

3. Корпоративный договор может являться основным механизмом обеспечения корпоративных и имущественных прав подсанкционного лица в отношении общества в случае, если необходимые для снижения санкционных рисков общества мероприятия предусматривают снижение доли участия такого лица в обществе.

4. Действующее законодательство предоставляет сторонам корпоративного договора широкие возможности по его конструированию, что обеспечивает гибкость этого юридического инструмента и позволяет реализовывать различные модели корпоративного управления на базе корпоративного договора.

5. По мнению авторов статьи, в случае, если корпоративный договор предусматривает необходимость согласования его сторонами своих действий по управлению обществом и при этом у них отсутствует обязанность следовать указаниям определенного лица, то такие условия не должны трактоваться как условия, приводящие к возникновению контроля.

Список литературы

1. Герасимов В., Розина А., Солдаткин Я. Антироссийское «санкционное цунами» 2022 года и его последствия для рынка комплаенс-информации в России. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты : хрестоматия. / [сост. И. Н. Тимофеев, П. И. Чуприянова, К. В. Троцкая]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М. : НП РСМД, 2023.
2. Глухов Е. В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. – М. : М-Логос, 2017.
3. Добрачев Д. В. Имущественные правоотношения, регулируемые корпоративным договором : монография. – М. : Юстицинформ, 2024.
4. Иноземцев М. И. Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств. – М. : Статут, 2020.
5. Тимофеев И. Н. Европейский парадокс: политика санкций США в отношении бизнеса стран ЕС // Современная Европа. – 2020. – № 2. – С.45–55.
6. Тимофеев И. Н. Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 2. – С.103–119. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.08>

К вопросу о содержании договора о суррогатном материнстве

С. В. Корнакова

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры теории и истории государства и права

Байкальского государственного университета.

Адрес: ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.

E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

On the Issue of the Content of the Surrogacy Agreement

S. V. Kornakova

PhD in Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of Baikal State University.

Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education

«Baikal State University»,

11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation.

E-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru

Поступила 25.07.2025 Принята к печати 05.09.2025

Аннотация

Основным документом, регулирующим отношения между участниками программы суррогатного материнства, является заключенный между ними договор, но его законодательное регулирование в настоящее время исчерпывается указанием лишь на возможность его заключения. В этой связи все вопросы, касающиеся содержания договора и его условий, оставлены на усмотрение сторон. В статье предпринята попытка исследования указанных вопросов. В процессе исследования использованы общенаучные методы теоретического анализа, обобщения и систематизации научных данных. Уделено внимание вопросу о форме договора, аргументируется необходимость его нотариального заверения. Рассмотрены некоторые наиболее существенные, а также возможные дополнительные условия договора о суррогатном материнстве. Указывается, что перед заключением и подписанием рассматриваемого договора стороны должны детально рассмотреть и обсудить все возможные варианты развития событий и по каждому из них продумать и прописать в договоре все необходимые юридические последствия, компенсации и другие условия, обеспечивающие возможность защиты прав и интересов каждого из участников договора. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления понятия договора о суррогатном материнстве, его содержания, существенных условий, формы, прав и обязанностей сторон, а также иных положений, имеющих значение для исключения правовых пробелов.

Ключевые слова: суррогатное материнство, вспомогательные репродуктивные технологии, договор о суррогатном материнстве, условия договора, существенные условия договора, дополнительные условия договора, суррогатная мать, генетические родители, медицинская организация, срок договора, нотариальное удостоверение договора, оплата услуг суррогатной матери.

Abstract

The main document regulating the relations between the participants of the surrogacy program is the contract concluded between them, but its legislative regulation is currently limited to indicating only the possibility of its conclusion. In this regard, all issues related to the content of the agreement and its terms are left to the discretion of the parties. The article attempts to explore some of these issues. The research uses general scientific methods of theoretical analysis, generalization and systematization of scientific data. Attention is paid to the issue of the form of the contract, and the need for its notarization is argued. Some of the most significant, as well as possible additional terms of the surrogacy agreement are considered. It is indicated that before concluding and signing the contract in question, the parties should consider and discuss in detail all possible scenarios and, for each of them, consider and prescribe in the contract all the necessary legal consequences, compensation and other conditions

that ensure the possibility of protecting the rights and interests of each of the parties to the contract. It is concluded that it is necessary to legislate the concept of a surrogacy contract, its content, essential conditions, form, rights and obligations of the parties, as well as other provisions that are important for eliminating legal gaps.

Keywords: surrogate motherhood, assisted reproductive technologies, IVF, surrogacy agreement, content of the agreement, terms of the agreement, essential terms of the agreement, additional terms of the agreement, surrogate mother, genetic parents, medical organization, term of the agreement, notarization of the agreement, payment for the services of the surrogate mother, legal relations of the parties to the surrogacy agreement.

Как известно, договор – это соглашение между двумя или более сторонами, в котором каждая из них берет на себя определенные обязательства. Целью его заключения является установление четких правил взаимодействия между участниками, а содержанием – «совокупность согласованных его сторонами условий, в которых закрепляются права и обязанности контрагентов, составляющие предмет договорных обязательств»¹.

О наличии договорных отношений между участниками договора о суррогатном материнстве свидетельствуют положения статьи 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ч. 9)². Между тем указанная норма не получила в настоящее время своего дальнейшего развития. Законодательное регулирование рассматриваемого договора исчерпывается лишь указанием на возможность его заключения – как следствие, вопросы о содержании договора и определения его условий оставлены на усмотрение правоприменителя. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть некоторые обязательные и дополнительные условия договора о суррогатном материнстве на основе обобщения точек зрения исследователей и выразить собственную точку зрения по этому поводу.

Процедура суррогатного материнства и порядок действий участников возникающих правоотношений зависит от того, где и как будет проходить весь процесс, о каких условиях договорятся

¹ Витрянский В. В., Ем В. С., Козлова Н. В., Корнеев С. М., Мартынова Т. С., Панкратов П. А., Степанов П. В., Шерстобитов А. Е., Щербак Н. В. Российское гражданское право: учебник : в 2 т. – Т. 2: Обязательственное право. – М. : Статут, 2016. – С. 147.

² Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Российская газета. – 2011. – № 263; ранее действовали Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утверждены 22 июля 1993 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1318.

стороны. Чаще всего программа суррогатного материнства реализуется в несколько этапов:

- 1) посещение сторонами профильного центра и обсуждение всех этапов;
- 2) прохождение тщательного медицинского обследования потенциальной суррогатной материю для подтверждения отсутствия медицинских противопоказаний к вынашиванию и рождению ребенка [7. – С. 27];
- 3) консультирование и согласование условий;
- 4) подписание договора;
- 5) процедура переноса эмбриона;
- 6) беременность и рождение ребенка;
- 7) оплата услуг;
- 8) передача потенциальным родителям ребенка и получение свидетельства о рождении.

Таким образом, содержанием договора о суррогатном материнстве является совокупность условий (пунктов), определенных по усмотрению сторон и согласованных ими, и условий, которые являются обязательными в соответствии с нормами гражданского законодательства. В договоре о суррогатном материнстве обязательно должны быть указаны:

- название заведения здравоохранения, осуществляющего программу суррогатного материнства;
- предмет договора о суррогатном материнстве, т. е. «набор показателей того, по поводу чего заключен договор» [3. – С. 18];
- форма договора;
- стороны договора;
- срок действия договора;
- права и обязанности суррогатной матери;
- права и обязанности супругов / одинокой женщины;
- компенсации для суррогатной матери;
- установление формы расчета – безналичная, наличная;
- форс-мажорные обстоятельства (рождение двух и более детей, внезапное прерывание беременности, смерть ребенка и др.);

- условия искусственного прерывания беременности (при каких условиях это возможно или невозможно);
- порядок расторжение договора;
- ответственность за нарушение условий договора.

Помимо этого, в договоре должно быть отражена его конфиденциальность, т. е. стороны договора, в лице суррогатной матери и потенциальных родителей, не имеют права разглашать информацию друг о друге или о программе суррогатного материнства. Для медицинского учреждения, в свою очередь, сохранение конфиденциальности сведений о программе суррогатного материнства и ее участниках охватывается категорией «врачебная тайна». Думается, что это условие следует отнести к существенным, а не дополнительным условиям договора.

Предметом договора о суррогатном материнстве, как уже отмечалось выше, является оказание суррогатной матерью услуги, выполняемой на базе медицинского учреждения и состоящей в вынашивании ребенка, зачатого из генетического материала потенциальных родителей-заказчиков, и последующая передача им рожденного ребенка, а также принятие суррогатной матерью на себя связанных с этими этапами всех рисков и необходимых ограничений.

В гражданском праве выделяют устную, простую письменную и нотариальную формы договора. Выбор формы зависит от требований закона или соглашения сторон, согласно статье 434 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Однако в положениях действующего законодательства, регламентирующего институт суррогатного материнства, нет упоминания ни о форме соответствующего договора (она подразумевается свободной), ни о необходимости его нотариального удостоверения. Вместе с тем с отсутствием письменного изъяснения условий договоренности возникает сложность с определением пределов исполнения услуги и ее временных рамок. Также возрастает вероятность ссылок на недоказанность и замалчивание условий договора, хотя по факту они могли быть оговорены в полном объеме. В связи с этим обязательным является письменное оформление договора о суррогатном материнстве. Это требование вытекает из содержания части 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), тогда как в части 9 статьи 55 упомянутого выше Федерального закона № 323-ФЗ

упоминается лишь о письменном информированном добровольном согласии суррогатной матери на медицинское вмешательство.

Отметим, что исследователи, настоятельно рекомендующие законодательно закрепить нотариальную регистрацию договора о суррогатном материнстве, справедливо указывают, что такой договор будет иметь большую степень надежности, в последующем сводящую к минимуму возможные вопросы о свободе выражения воли участников договора и наличии принуждения. Преимущества нотариальной регистрации договора о суррогатном материнстве проявляются и в том, что истинные намерения его участников будут уточнены и дееспособность проверена еще до заключения договора, а нотариус удостоверится в том, что договор заключается после тщательного рассмотрения и консультирования по всем аспектам каждого затрагиваемого вопроса [1. – С. 345] и что все юридические последствия и риски заключения договора известны его участникам. В случае же утери одной из сторон экземпляра договора такая сторона сможет получить имеющий юридическую силу дубликат у нотариуса.

Важным условием договора о суррогатном материнстве является срок договора, поскольку нередко встречаются вопросы относительно определения момента возникновения прав и обязанностей сторон по такому договору. По мнению А. А. Пунда, временем заключения договора о вынашивании чужого плода является момент завершения имплантации зародыша. Это означает, что после совершения таких действий договор считается заключенным [8. – С. 55].

Срок действия договора суррогатного материнства, как правило, не превышает один год, что обусловлено спецификой договора: ребенок вынашивается 9 месяцев. Этот срок может устанавливаться путем указания на конкретные события. Началом его действия может быть момент имплантации в полость матки суррогатной матери генетического материала супругов (одинокой женщины), а окончанием – момент передачи суррогатной матерью рожденного ею ребенка генетическим родителям и выплатой ей вознаграждения. Учитывая это, договор о суррогатном материнстве должен быть заключен и нотариально удостоверен еще до момента имплантации в полость матки суррогатной матери генетического материала. Началом вступления договора в силу будет считаться момент подписания договора участниками сделки и его нотариальное удостоверение.

Кроме того, договором о суррогатном материнстве должны быть предусмотрены условия его досрочного расторжения. Думается, что договор может быть расторгнут досрочно, только если беременность еще не наступила. В любом случае в этом пункте договора должны быть указаны финансовые обязательства стороны, по инициативе которой произошло расторжение [6. – С. 6]. В частности, необходимо урегулировать вопрос, согласно которому суррогатная мать вправе отказаться от исполнения обязательств по соответствующему договору на любом этапе его исполнения только при условии полного возмещения убытков лицам, желающим иметь генетически собственного ребенка с помощью услуг суррогатной матери. Данную проблему можно решить путем включения соответствующих условий в договор о суррогатном материнстве.

Оплата услуги суррогатного материнства также относится к существенным условиям соглашения. При этом вне зависимости от того, о возмездном или безвозмездном оказании услуги договорятся между собой генетические родители и суррогатная мать, все услуги медицинского учреждения по применению вспомогательных репродуктивных технологий лечения бесплодия платные. Оплата этих услуг полностью возлагается на генетических родителей и должна быть осуществлена в полном объеме до начала осуществления программы суррогатного материнства.

Что касается оплаты услуг суррогатной матери при выборе возмездного характера отношений между сторонами договора, то суррогатная мать, безусловно, должна обладать уверенностью в платежеспособности заказчиков. Стоит отметить, что средняя стоимость ее услуг приблизительно равняется стоимости жилья, исчисляясь десятками тысяч долларов США [2. – С. 82]. Но, с одной стороны, стопроцентная предоплата услуг суррогатной матери чревата рисками для генетических родителей в случае, если она после рождения ребенка примет решение оставить его себе. С другой стороны, рискует суррогатная мать, если вдруг после рождения ребенка генетические родители откажутся от оплаты ее услуг ввиду неплатежеспособности или по иным причинам.

В связи с этим оплата услуг суррогатной матери может быть поэтапной, когда, например, в договоре будет отражено, что последняя часть суммы выплачивается суррогатной матери после ее отказа от рожденного ребенка в пользу потенциальных родителей. Вместе с тем видится бо-

лее целесообразным отражение в договоре о суррогатном материнстве условия о полной оплате генетическими родителями услуг суррогатной матери, но не ей самой, а на счет медицинской организации, в которой будет проходить программа суррогатного материнства, что предусматривает выплаты исполнительнице по мере выполнения условий договора. Это может свидетельствовать в пользу того, что обязательной стороной договора о суррогатном материнстве должна являться осуществляющая соответствующую программу медицинская организация.

Кроме того, суррогатная мать может рассчитывать на компенсацию всех понесенных ею расходов в рамках программы суррогатного материнства. В этом отношении заключаемый договор может предусматривать компенсацию родителями-заказчиками расходов суррогатной матери при условии их документального подтверждения, например, на медицинские обследования и процедуры с периодичностью, оговоренной в договоре суррогатного материнства, а также на медицинские изделия, лекарства и препараты, рекомендованное врачами специальное питание и специальную одежду. При этом включение в оплату договора выплат и прочих расходов позволяет потенциальным родителям получить дополнительный контроль над ситуацией – например, видеть отчеты о прохождении медицинских осмотров или приеме прописанных витаминов. Также договор может содержать указание на оплату дополнительных расходов, к примеру, на усиленное питание, переезд в другой город, доплаты за кесарево сечение, преждевременные роды, рождение двойни. При этом родителям-заказчикам необходимо озабочиться о документальном подтверждении компенсации понесенных суррогатной матери расходов.

Что касается такого пункта договора, как ответственность сторон, то здесь должен быть оговорен порядок действий сторон при несоблюдении условий договора. Это может быть связано со следующими обстоятельствами:

- отказ одной из сторон выполнять обязательства;
- недостижение целей договора из-за неправильных действий суррогатной матери;
- наличие медицинских показаний для прерывания беременности;
- использование выплат во время беременности не по назначению;

- несвоевременность выплат;
- отказ суррогатной матери на запись новорожденного на генетических родителей;
- отказ генетических родителей записать новорожденного на себя.

Кроме того, анализируя судебную практику, отметим, что помимо обязательных условий договора необходимо детально продумать и дополнительные условия, например, ситуацию, когда беременность не наступила или прервалась. В таком случае разумно было бы заранее продумать и указать в договоре все юридические последствия и возможные компенсационные выплаты, иначе участники сделки могут потерять шанс защитить свои права и интересы.

Стороны могут внести в договор любые собственные пожелания и по взаимному согласию изменять или дополнять договор в будущем при предварительном согласовании этого пункта и его отражении в договоре.

Суррогатное материнство для женщины не является обычной, естественной процедурой. Кроме природных проблем, связанных с беременностью, дополнительно возникает ряд других. В частности, нарушение иммунитета, изменения гормонального статуса и эндотелиальные расстройства являются основными звеньями патогенеза возникновения осложнений беременности, полученной с помощью ЭКО [10. – С. 7–8]. В связи с этим метод экстракорпорального оплодотворения нельзя отнести к абсолютно безопасным. В частности, безуспешные попытки пересадки эмбриона не могут не оказывать на пациенток негативного психологического воздействия, также отрицательно влияет на организм женщины невозможность доведения беременности до конца и использования в рамках ЭКО гормональных препаратов, что не следует оставлять без внимания. Поэтому думается, что такая процедура с необходимостью должна предполагать страхование здоровья женщины, которое, как известно, является для человека наиважнейшим условием полноценной жизнедеятельности [9. – С. 8]. В ходе этих процедур возможны такие осложнения, как перинатальная смертность, выкидыши, преждевременные роды, рождение детей с патологиями. Поэтому было бы правильным оговорить не только в договоре, но и отразить на законодательном уровне при закреплении данного вида договора возможность компенсации ущерба со стороны заказчиков в случае значительной потери здоровья или смерти женщины, которая

произошла вследствие беременности с использованием вспомогательных репродуктивных технологий. Также стоит указать в договоре лицо, которое сможет получить компенсацию в случае смерти суррогатной матери.

Медицинскими работниками также отмечается необходимость предварительного обсуждения таких дополнительных условий договора, как право генетических родителей осуществлять наблюдение за образом жизни суррогатной матери, право посещать роддом и право присутствовать при родах для контроля родового процесса [2. – С. 81], и такого немаловажного вопроса, как возможность осуществления суррогатной матерью грудного вскармливания ребенка после его рождения, которое, как известно, обеспечивает наиболее высокий уровень здоровья ребенка и его устойчивости к воздействию неблагоприятных внешних факторов.

Кроме этого, инициаторами Законопроекта № 133590-7 о запрете суррогатного материнства отмечалась неясность того, является ли рождение ребенка с патологией или случай внутриутробной смерти результатом ненадлежащего выполнения услуг и основанием для расторжения договора. В судебной практике известен случай, когда у суррогатной мамы родился ребенок с пороком сердца и биологические родители отказались выплатить ей вознаграждение и забрать малыша. Истица проиграла дело на том основании, что в 1989 г. Совет Европы по биоэтике рекомендовал реализовать программы суррогатного материнства на безвозмездной основе¹.

В связи с этим думается, что в договоре о суррогатном материнстве должны быть оговорены подобные риски. Стоит учитывать, что возмездный договор предполагает выплату вознаграждения суррогатной матери независимо от того, родился ребенок или нет, и от того, насколько он здоров, т. е. состояние здоровья рожденного ребенка не влияет на выплату денежного вознаграждения суррогатной матери. Поэтому на размер такой выплаты не должно влиять рождение ребенка с патологиями – естественно, если в наступлении негативных послед-

¹ Законопроект № 133590-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета суррогатного материнства» // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/133590-7> (дата обращения: 11.07.2025).

ствий не виновна сама суррогатная мать. В связи с этим для наступления гражданско-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение услуги по суррогатному материнству суд должен выяснить, что именно действия стороны, которые нарушают условия договора и тем самым нарушают права контрагента, стали тем фактором, который непосредственно привел к вредным последствиям. В частности, если противоправное поведение выражалось в действиях суррогатной матери, то должно быть четко доказано и обосновано, что к негативному последствию – аномалии у ребенка именно с медицинской точки зрения – привело, например, употребление суррогатной матерью спиртных напитков или курение. В этом вопросе также могут иметь значение такие факторы, как пропуски суррогатной матери планового обследования, обязательных явок к врачу, нарушение медицинских рекомендаций, режима питания и т. д.

Еще одним возможным вопросом для обсуждения сторонами и включения его в условия договора может стать вопрос о том, должна ли суррогатная мать иметь возможность пересмотреть договор и выбрать аборт. Как в этой связи отмечается медицинскими работниками, «здесь не может быть одного мнения, поскольку речь идет не только о лечении бесплодия у одной женщины, но и о возможной угрозе здоровью второй женщины при тяжело протекающей беременности. Решение о предоставлении суррогатной матери права выбрать аборт, скорее всего, должно приниматься медицинской организацией как третьим участником договора» [2. – С. 82].

Исходя из того, что практический опыт специалистов показывает фактическую невозможность реализации программы суррогатного материнства с участием абсолютно здоровых женщин [7. – С. 25], можно судить о значении ее медицинского сопровождения. В частности, должна быть очевидной прерогатива мнения медицинской организации (а конкретнее – лечащего врача) в решении таких вопросов, как определение образа жизни суррогатной матери во время вынашивания плода, выбор способа родоразрешения, прав потенциальных родителей посещать родильные дома и присутствовать при родах, необходимости для суррогатной матери реабилитации после родов и/или психологической поддержки после родов для переосмыслиния отлучения от ребенка и т. д.

Можно сделать вывод, что перед заключением и подписанием рассматриваемого договора

стороны должны детально рассмотреть и обсудить все возможные варианты развития событий и по каждому из них продумать и прописать в договоре все необходимые юридические последствия, компенсации и другие условия, обеспечивающие возможность защиты прав и интересов каждого из участников договора. Поскольку законодательством пока не предусмотрен конкретный перечень необходимых пунктов и условий договора суррогатного материнства, участники соглашения должны сами позаботиться о защите своих гражданских прав и интересов.

Естественно, учесть все многообразие возможных жизненных ситуаций закон не в состоянии, и тем не менее специфичный предмет договора о суррогатном материнстве должен быть легализован, как и риски и ответственность сторон. Законом могут быть предусмотрены особенности регулирования заключения и исполнения договора суррогатного материнства. Для этого необходимо законодательно закрепить понятие договора суррогатного материнства, его содержание, существенные условия, форму, права и обязанности сторон, а также иные положения, имеющие значение для исключения правовых пробелов. Например, такие обязательные существенные условия договора о суррогатном материнстве, как сохранение конфиденциальности правоотношений и тайны происхождения ребенка и его нотариальное удостоверение. При этом не следует стремиться к максимальной унификации содержания рассматриваемого договора в силу уникальности каждой конкретной ситуации, поскольку, как справедливо отмечается учеными, отсутствие такой унификации позволяет сторонам максимально проработать содержание договора [4. – С. 64] с учетом индивидуальных требований, пожеланий и возможностей самих потенциальных родителей и суррогатной матери. К тому же грамотное юридическое оформление договора даст гарантию выполнения обязанностей сторон. Следует также учитывать, что при помощи договора о суррогатном материнстве фиксируется возникновение правовых отношений, но не дается гарантия положительного результата.

Думается, что учет высказанных рекомендаций, касающихся содержания договора о суррогатном материнстве, позволит обеспечить реальные гарантии соблюдения конституционных прав вовлеченных в рассматриваемые правоотношения граждан.

Список литературы

1. Аблятирова Н. А., Кирова Д. А. Отдельные признаки суррогатного материнства в системе непоименованных договоров // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5. – № 12. – С. 341–347.
2. Боровкова В. В., Зубко А. В., Сабгайда Т. П., Хоманов К. Э., Краснов Г. С. Отношение медицинского сообщества к правовым вопросам суррогатного материнства // Здравоохранение Российской Федерации. – 2022. – № 66 (1). – С. 76–84.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. – М. : Статут, 1998.
4. Давыдова М. Л., Филимонова Н. Ю., Серегина О. Л. Языковые особенности договоров возмездного оказания медицинских услуг: доступность и достаточность // Академический юридический журнал. – 2020. – Т. 21. – № 3. – С. 60–66.
5. Захарова О. Н., Епифанцева Т. Ю. К вопросу о способах расторжения договора // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7. – № 5. – URL: <https://brj-bguerp.ru/reader/archive.aspx?id=664> (дата обращения: 15.09.2025).
6. Исакова Э. В., Корсак В. С., Громыко Ю. Л. Опыт реализации программы «Суррогатное материнство» // Проблемы репродукции. – 2001. – № 7 (3). – С. 23–25.
7. Мубаракшина А. М. Правовой статус суррогатной матери по закону и договору суррогатного материнства // Культура. Наука. Интеграция. – 2016. – № 2 (34). – С. 26–29.
8. Пунда А. А. Перспективы договорного регулирования в сфере применение репродуктивных методов реализации права на материнство и отцовство. Журнал Киевского университета права. – 2003. – № 4. – С. 54–57.
9. Степанова М. Н. Здоровье как категория страхового дела // Baikal Research Journal. – 2019. – Т. 10. № 3. – URL: <https://brj-bguerp.ru/reader/archive.aspx?id=824> (дата обращения: 05.09.2025).
10. Фролова Т. В., Лазуренко В. В., Мурызина И. Ю., Щедров А. А., Куричева Н. Ю. Клинико-патогенетические подходы к лечению осложнений беременности после применения вспомогательных репродуктивных технологий // Austrian Journal of Technical and Natural Sciences. – 2014. – № 7-8. – С. 68–71.

Развитие предпринимательства и инновационной деятельности в Москве: правовое регулирование, меры поддержки и перспективы

Н. В. Свечникова

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: svechnikova.nv@rea.ru

С. А. Свечникова

ассистент кафедры государственного и муниципального управления

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

109992, Москва, Стремянный пер., д.36.

Email: Svechnikova.sa@rea.ru

Development of Entrepreneurship and Innovation in Moscow: Legal Regulation, Support Measures, and Prospects

N. V. Svechnikova,

PhD in Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,

36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: svechnikova.nv@rea.ru

S. A. Svechnikova

Assistant of the Department of Public and Municipal Administration of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,

36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

Email: Svechnikova.sa@rea.ru

Поступила 15.09.2025 Принята к печати 25.09.2025

Аннотация

В статье проведен анализ нормативных правовых актов в сфере правового регулирования предпринимательской, в том числе инновационной, деятельности в городе Москве, представлены основные направления и перспективы развития предпринимательства в данном субъекте. Авторы рассматривают проблемы правового регулирования инновационной сферы, уделяя особое внимание поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства. В статье приводятся данные, указывающие на достигнутые в Москве результаты по созданию центров, обеспечивающих новейшие исследования в области инноваций. Авторы отмечают эффективность установленных правил по внедрению цифровых ресурсов в сферу оказания поддержки субъектам предпринимательства. В статье отмечается, что в качестве перспективы развития в области инновационной и предпринимательской деятельности будет наблюдаться расширение коммерциализации интеллектуальной собственности, также предполагается, что такая тенденция станет существенным признаком развития высокотехнологичных отраслей экономики. Особое внимание авторы уделяют роли Реестра стартапов и высокотехнологичных компаний Москвы. В статье отмечается, что субъекты предпринимательства могут войти в Реестр в формате стартапа в том случае, если выручка составляет менее или равна 800 млн руб. либо – в формате высокотехнологичной компании – при доходах более 800 млн руб.

Ключевые слова: инновационная деятельность, предпринимательская деятельность, малое и среднее предпринимательство, поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства, правовое регулирование, инновационный центр «Сколково», Московский инновационный кластер.

Abstract

This article analyzes regulatory legal acts governing entrepreneurial activity, including innovation, in Moscow, and presents the main trends and prospects for entrepreneurship development in this region. The authors examine the challenges of legal regulation in the innovation sphere, focusing on support for small and medium-sized businesses. The article presents data highlighting the achievements of Moscow in establishing centers that support cutting-edge innovation research. The authors note the effectiveness of established rules for integrating digital resources into business support. The article notes that the expansion of intellectual property commercialization will be a promising development in innovation and entrepreneurship, and suggests that this trend will be a significant indicator of the development of high-tech sectors of the economy. The authors pay particular attention to the role of the Moscow Registry of Startups and High-Tech Companies. The article notes that business entities can enter the Register as startups if their revenue is less than or equal to 800 million rubles, or as high-tech companies if their revenue exceeds 800 million rubles.

Keywords: innovation activity, entrepreneurial activity, small and medium-sized business, support for small and medium-sized businesses, legal regulation, Skolkovo Innovation Center, Moscow Innovation Cluster.

Актуальным направлением развития в рамках предпринимательской деятельности в Российской Федерации является инновационная деятельность, которая в современных условиях ведется не только крупными хозяйствующими субъектами, но и представителями малого и среднего бизнеса. Среди субъектов Российской Федерации город Москва выступает одним из флагманов в области развития предпринимательской деятельности, при этом особое место занимает расширение такой сферы, как инновационная. По данным Департамента предпринимательства и инновационного развития города Москвы, в настоящий момент в Москве осуществляют деятельность около 900 тыс. субъектов малого и среднего предпринимательства, что «составляет 14% от общего числа субъектов МСП в Российской Федерации», причем предприниматели Москвы являются работодателями для 40% трудоспособного населения города¹. Субъекты малого и среднего предпринимательства Москвы являются одними из крупнейших налогоплательщиков города – в 2024 г. объем поступлений в бюджет составил более 1 210 млрд руб. (26,9% от общего объема налоговых доходов Москвы)².

На высокие темпы роста предпринимательской активности в столице, в том числе в области

малого и среднего предпринимательства, указывает факт регистрации порядка 700 новых организаций ежедневно, при этом примерно каждый двенадцатый субъект малого и среднего предпринимательства осуществляет свою деятельность при финансовой, информационной и иной поддержке города.

В Москве особое внимание уделяется инновационной компоненте предпринимательства. Так, более двух лет функционирует Реестр стартапов и высокотехнологичных компаний Москвы, на включение в который хозяйствующие субъекты могут претендовать в формате стартапа, если выручка составляет менее или равна 800 млн руб., либо высокотехнологичной компании – при доходах более 800 млн руб. По состоянию на сентябрь 2025 г. в реестр включены более тысячи хозяйствующих субъектов. Юридические лица, входящие в реестр, могут претендовать на упрощенное получение таких мер поддержки, как «гранты на pilotное тестирование инновационных решений, патентование изобретений и полезных моделей, приобретение оборудования и развитие деятельности», а бизнес-ангелы – частные инвесторы, принявшие решение инвестировать в развитие указанных стартапов и компаний, – становятся участниками программы возмещения инвестиций, что благоприятно сказывается на восстановлении венчурного рынка³. По данным исследований Фонда «Московский иннова-

¹ Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. – URL: <https://www.mos.ru/dpir/function/napravlenie-deyatelnosti-dpir/podderzhka-i-razvitiye-predprinimatelstva1/>

² Сайт ГБУ «Малый бизнес Москвы» (МБМ). – URL: https://mbm.mos.ru/article/analitika/moskva_v_rejtingah_i_cifrah

³ Официальный сайт Московского инновационного кластера. – URL: https://i.moscow/startup_reestr

ционный кластер» и партнеров, столица сохраняет лидерские позиции в области венчурных инвестиций. Так, в первом полугодии 2025 г. по заключенным 46 сделкам объем инвестиций составил 42,9 млн долларов, вследствие чего доля Москвы в общем объеме инвестиций в России составляет более 50%¹.

Отметим, что действующее законодательство в части развития и усиления поддержки инновационной и предпринимательской деятельности представлено значительным объемом нормативных правовых актов. В частности, Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» закрепляет в статье 6 основные цели государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации². Среди целей указаны в том числе такие, как «обеспечение благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства, обеспечение конкурентоспособности субъектов малого и среднего предпринимательства, оказание содействия субъектам малого и среднего предпринимательства в продвижении производимых ими товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынок Российской Федерации и рынки иностранных государств». К принципам поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства статья 14 указанного Закона относит «заявительный порядок обращения субъектов за оказанием поддержки; доступность инфраструктуры поддержки для всех субъектов; равный доступ субъектов к участию в государственных программах (подпрограммах) Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных программ (подпрограмм); оказание поддержки, а также открытость процедур оказания поддержки». С 2020 г. Закон был дополнен положениями, которые касаются поддержки физических лиц, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей и являющихся самозанятыми,

и которые будут применяться вплоть до 31 декабря 2028 г.

Регулирование механизмов развития и поддержки малого и среднего предпринимательства в городе Москве закреплено соответствующим нормативным правовым актом, где от лица государства выступают: орган исполнительной власти города, московский бизнес-омбудсмен, торгово-промышленные палаты и др.³ Следует отметить, что Уполномоченный по защите прав предпринимателей в городе Москве также принимает «участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности»⁴.

В процессе анализа правового регулирования развития инновационной деятельности в Москве следует обратить внимание на роль центра, занимающегося инновационными исследованиями, – «Сколково» (далее – Центр). Центр создавался как площадка для отечественных разработок в сфере инноваций совместно с представителями иностранных государств с привлечением зарубежного опыта. Деятельность Центра осуществляется на основании положений отдельного Федерального закона⁵ (далее – Закон), а также внутренних правил проекта. «Сколково» определяется в Законе как «совокупность инфраструктуры территории инновационного центра “Сколково” и механизмов взаимодействия лиц, участвующих в реализации проекта, в том числе путем использования этой инфраструктуры» (п. 2 ст. 2). Руководящую роль в реализации проекта играет специально созданная управляющая компания – зарегистрированное в России юридическое лицо (п. 5 ст. 2).

«Сколково» занимает площадь более 400 гектаров. Собственником или в ряде случаев арендатором земли, на которой он расположен, является управляющая компания Центра. В состав территории Центра включены «земельные участ-

¹ Рынок венчурных инвестиций России. I полугодие 2025 / исследования Фонда «Московский инновационный кластер», август 2025 г. – URL: https://i.moscow/analytcs/venture_report_2025H1

² Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. от 31.07.2025 г.) / Собрание законодательства Российской Федерации. – 30.07.2007. – № 31. – Ст. 4006.

³ Закон г. Москвы от 26 ноября 2008 г. № 60 «О поддержке и развитии малого и среднего предпринимательства в городе Москве» (с изм. от 29 января 2025 г.) // Вестник Мэра и Правительства Москвы – 2008, декабрь. – № 70.

⁴ Закон г. Москвы от 30 октября 2013 г. № 56 «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы, 2013, ноябрь. – № 61.

⁵ Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» (с изм. от 30.11.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 04.10.2010. – № 40. – Ст. 4970.

ки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, либо земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, если указанные земельные участки переданы управляющей компанией в аренду на срок не менее чем пять лет и имеют общую границу с земельными участками, находящимися в границах территории Центра» (ч. 6 ст. 3). Данное положение вызвало дискуссии в научном сообществе. Так, было указано на отсутствие законодательно закрепленной «процедуры по возвращению собственности, которую государство безвозмездно передало фонду “Сколково” [...] может возникнуть ситуация, при которой имущество, принадлежащее фонду “Сколково”, может остаться у фонда, даже если он потеряет статус управляющей компании» [4]. Вместе с тем следует указать, что с 1 марта 2025 г. вступили в силу изменения в Закон о центре «Сколково», в соответствии с которыми расширяется процесс интеграции Москвы в управление Центром, в частности, следующим образом: «распоряжение земельными участками, включенными в границы территории Центра, допускается исключительно в целях обеспечения реализации проекта путем их передачи управляющей компанией в субаренду» не только лицам, «участвующим в реализации проекта», но и созданным органами государственной власти Москвы организациям¹.

Согласно статье 7 Закона О центре Сколково, правила проекта «разрабатываются и утверждаются управляющей компанией, относятся к общедоступной информации, их соблюдение является обязательным условием осуществления деятельности лицами, участвующими в реализации проекта...Правила проекта не должны противоречить законодательству Российской Федерации и применяются исключительно к деятельности, связанной с реализацией проекта и (или) осуществляющейся на территории Центра». Общедоступность правил проекта обеспечивается путем их размещения на официальном сайте Центра. Законом установлено, что нарушение указанных правил грозит нарушителю исключением из реестра участников проекта «Сколково» (ч. 6 ст. 7).

¹ Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 429-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об инновационном центре «Сколково» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 02.12.2024. – № 49 (часть IV). – Ст. 7420.

В 2018 г. во исполнение Указа Президента Российской Федерации был создан Московский инновационный кластер (далее – Кластер), целью которого является «координация взаимодействия субъектов деятельности в сфере промышленности, науки, образования, связи и иных сферах и организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства»². К руководству специализированной организацией, отвечающей за работу указанного инновационного кластера, было рекомендовано привлечь «представителей Президента и Правительства Российской Федерации; Мэра г. Москвы; президента Российской академии наук; ректора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; генеральных директоров государственной корпорации “Ростех”, “Росатом” и “Роскосмос”; председателя правления “РОСНАНО”; президента Национального исследовательского центра “Курчатовский институт”; президента Фонда развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий». Правительством Москвы был, в свою очередь, принят закон, который определяет столичный инновационный кластер как «совокупность получивших статус участника Кластера субъектов деятельности в сфере промышленности, науки, образования, связи и иных сферах, определенных Правительством Москвы, организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства»³. Согласно положениям документа, деятельность кластера направлена прежде всего на стимулирование создания «новых инновационных продуктов и услуг, конкурентоспособных на российском и международном рынках», «содействие участникам в оформлении прав на результаты интеллектуальной деятельности и содействие в коммерциализации результатов инновационной деятельности». Кластер стал площадкой для упрощения и прозрачности получения предпринимателями таких мер поддержки, как гранты

² Указ Президента Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 672 «О создании на территории г. Москвы инновационного кластера» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.12.2018. – № 49 (ч. VI). – Ст. 7582.

³ Закон г. Москвы от 20 февраля 2019 г. № 5 «Об инновационном кластере на территории города Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2019 г., февраль. – № 12.

на патентование в России и за рубежом, приобретение оборудования и развитие деятельности, проведение пилотного тестирования, субсидии на обучение сотрудников. На базе кластера предприниматели имеют возможность получить практические навыки разработки презентации и финансовой модели своего инвестиционного проекта для большей вероятности получения инвестиций, а также эффективного взаимодействия с венчурными фондами.

В помощь московским предпринимателям на платформе инновационного кластера запущена интерактивная панель Venture Guide, которая содержит ежемесячно обновляемые показатели венчурного рынка как Москвы, так и России в целом, данные о стартапах, инвесторах и др.

Предприниматели Москвы могут воспользоваться правом на получение субсидии из бюджета города. Такой механизм субсидирования предпринимательства закреплен Постановлением Москвы¹.

Следует отметить, что существенный вклад в сфере развития и поддержки инновационной и предпринимательской деятельности в столичном регионе вносит Департамент предпринимательства и инновационного развития города Москвы.

Отдельное внимание уделяется поддержке социального предпринимательства, которое, согласно Федеральному закону о развитии малого и среднего предпринимательства, при осуществлении своей деятельности, в частности, обеспечивает рабочими местами инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, пенсионеров, выпускников детских домов, малоимущих граждан и т. д., реализует произведенные данными гражданами товары, работы, услуги либо оказывает наименее защищенным социальным группам населения социально-бытовые, социально-психологические, социально-педагогические услуги и др. (Ст. 24.1) ².

По состоянию на 1 сентября 2025 г. в перечень субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия в городе Москве, Департаментом предпринимательства и инновационного развития включен 351 хозяйствующий субъект³. По итогам включения в вышеуказанный перечень предприниматели могут воспользоваться, например, финансовой поддержкой, получив грант для участников программы «Московское долголетие» или создания консультационных центров помощи родителям с детьми дошкольного возраста, субсидии на трудоустройство отдельных категорий граждан или на выпуск книг, изданий для инвалидов по зрению. Представители социального предпринимательства вправе получить поддержку в продвижении своей продукции либо образования. Для такой категории предпринимательства предусмотрены налоговые льготы, имущественная и информационная поддержка.

На наш взгляд, среди проблемных аспектов в области развития инновационной и предпринимательской деятельности в целом в Москве можно выделить, в частности, проблему обеспечения равного доступа субъектов предпринимательской деятельности к господдержке. Департамент предпринимательства и инновационного развития города Москвы проводит ежегодный мониторинг рисков нарушения антимонопольных требований. Так, в 2025 г. среди прочих рисков выделяется отдельным пунктом принятие решений, приводящих к «недопущению, ограничению или устраниению конкуренции при осуществлении господдержки из бюджета города Москвы (субсидии, гранты, меры финансовой поддержки)»⁴. Даже при указании на низкую оценку риска считаем, что проблема существует.

³ Приказ Департамента предпринимательства и инновационного развития г. Москвы от 15 сентября 2025 г. № П-18-12-245/25 «Об утверждении Перечня субъектов малого и среднего предпринимательства, имеющих статус социального предприятия в городе Москве, сформированного по состоянию на 1 сентября 2025 г.» // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. – URL: <http://www.mos.ru>, 15 сентября 2025 г.

⁴ Приказ Департамента предпринимательства и инновационного развития г. Москвы от 27 февраля 2025 г. № П-18-12-61/25 «Об утверждении Карты рисков нарушения антимонопольного законодательства Департамента предпринимательства и инновационного развития города Москвы на 2025 год» // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. – URL: <http://www.mos.ru>

¹ Постановление Правительства Москвы от 24 декабря 2024 г. № 3128-ПП «О предоставлении субсидий, грантов в форме субсидий из бюджета города Москвы юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам» // Вестник Москвы. – 2024, декабрь. – № 72 (том 3).

² Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. от 31.07.2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 30.07.2007. – № 31. – Ст. 4006.

Перспективы развития в области инновационной и предпринимательской деятельности включают в себя расширение коммерциализации интеллектуальной собственности в ближайшие пять лет. Предполагается, что эта тенденция станет также драйвером развития высокотехнологичных отраслей экономики.

Следует уточнить, что коммерциализация интеллектуальной собственности, по мнению ведущих ученых, представляет собой «введение исключительных прав в экономический оборот с целью получения дохода (распоряжение исключительными правами с целью получения дохода) и использование результатов интеллектуальной деятельности самим правообладателем с целью получения дохода (использование самого объекта интеллектуальных прав)» [5]. В осуществляющей руководством города Москвы политикой в сфере развития и поддержки инновационной и предпринимательской деятельности очевиден тренд на расширение возможностей для высокотехнологического сектора, повышение патентной активности хозяйствующих субъектов, строительство новых технопарков с привлечением

частных инвестиций и разработкой эффективных льготных условий для развития деятельности локализующихся в них участников высокотехнологичного бизнеса.

Отметим, что действующие правовые нормы в целом позволили создать конкурентоспособную структуру, обеспечивающую быстрое внедрение достижений научной мысли в производство.

Полагаем, что правовой механизм должен сочетать в себе не только традиционные приемы регулирования общественных отношений в сфере инноваций, но и учитывать современные подходы к определению роли каждого из субъектов в инновационных отношениях, быстро реагируя на изменение роли прежних и появление новых участников указанных отношений. Учитывая опыт Москвы в создании условий для активного развития инновационной и предпринимательской деятельности, считаем целесообразным применение его крупными административными центрами в Российской Федерации с учетом возможностей бюджетов и с целью повышения инвестиционной привлекательности регионов.

Список литературы

1. Агамагомедова С.А. Экономическая активность: понятие и административно-правовые средства стимулирования // Правовая политика и правовая жизнь. – 2025. – № 2. – С. 109–118.
2. Громова Е.А. Технологическая компания — новелла российского законодательства // Legal Bulletin. – 2025. – Т. 10. – № 1. – С. 8–15.
3. Мхитарян Ю.И. Трансформация правового регулирования предпринимательской деятельности // Век качества. – 2025. – № 1. – С 10–24.
4. Низов В. А. Правовые формы управления публичной собственностью с помощью юридических лиц публичного права // Законодательство. – 2021. – № 11. – С. 27–35.
5. Рожкова М. А. Правовые аспекты введения в гражданский оборот и коммерциализации интеллектуальной собственности // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – № 42. – С. 28–39.

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-3-121-126>

Стратегические политico-правовые задачи устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий

И. А. Владимиров

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экологического и трудового права
Института права Уфимского университета науки и технологий.
Адрес: ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,
450076, г. Уфа, Заки Валиди ул., д. 32.
E-mail: docentufa@mail.ru

А. В. Токолов

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры противодействия преступлениям
в сфере информационно-телекоммуникационных технологий
Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.
Адрес: ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. Я. Кикотя»,
117437, Москва, Академика Волгина ул., д. 12.
E-mail: altok40@mail.ru

Р. А. Иксанов

старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента
Башкирского государственного аграрного университета;
старший преподаватель кафедры теории государства и права Института права
Уфимского университета науки и технологий.
Адрес: ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»,
450001, Уфа, улица 50-летия Октября, 34.
ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»,
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.
E-mail: iksanov333@yandex.ru

Strategic Political and Legal Objectives of Sustainable Development of Agriculture and Rural Areas

I. A. Vladimirov

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Environmental and Labor Law of the Institute of Law of the
Ufa University of Science and Technology.
Address: Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Validy Str., Moscow, 450076, Russian Federation.
E-mail: docentufa@mail.ru

A. V. Tokolov

PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Combating Crimes in the Field of Information
and Telecommunication Technologies of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V. Ya. Kikot.
Address: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
12 Academic Volgin Str., Moscow, 117437, Russian Federation.
E-mail: altok40@mail.ru

R. A. Iksanov

Senior Lecturer of the Department of Economics and Management
of Bashkir State Agrarian University;Senior Lecturer of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law
of Ufa University of Science and Technology.Address: Bashkir State Agrarian University,
34 50th Anniversary of October Str., Ufa, 450001, Russian Federation;Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Validy Str., Ufa, 450076, Russian Federation.
E-mail: iksanov333@yandex.ru

Поступила 01.09.2025 Принята к печати 15.09.2025

Аннотация

Выбор темы статьи обусловлен необходимостью решения первостепенной задачи обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий. Данные задачи являются взаимообусловленными и взаимозависимыми, так как ведение эффективного аграрного производства позволит решить проблему благоустройства сельских территорий и обеспечит рост благосостояния сельских граждан, что также является важнейшей целью реализации многих принятых государственных программ по сельскому хозяйству. Авторы отмечают, что современная аграрная экономика тесно переплетается с включением в хозяйственную деятельность новых природных объектов, которые ранее были не доступны для использования в гражданском обороте, а именно: земли сельскохозяйственного назначения, используемые для строительства жилых домов для фермеров; земли сельскохозяйственного назначения для развития приоритетного направления аграрного туризма с использованием прибрежных рекреационных зон и водных объектов; лесные участки под строительство гостиниц, туристических баз, развитие туристической инфраструктуры; земли ООПТ, используемые в целях туристической деятельности. Авторы отмечают, что снятие административных и правовых барьеров будет способствовать вовлечению указанных земель в коммерческую деятельность, что позволит повысить эффективность аграрного производства.

Ключевые слова: устойчивое развитие, аграрное производство, сельское хозяйство, экономическая безопасность, сельские территории, правовое регулирование.

Abstract

The choice of the topic of the article is due to the need to solve the primary problem of ensuring the sustainable development of agriculture and rural areas. These tasks are interrelated and interdependent, as the conduct of efficient agricultural production will allow to solve the problem of improvement of rural territories and will ensure the growth of the welfare of rural citizens and implementation of many adopted government programs on agriculture. The authors note that the modern agrarian economy is closely intertwined with the inclusion in economic activity of new natural objects that were previously unavailable for use in civil turnover, namely for agricultural land use. construction of housing for farmers; agricultural land for the development of priority agrarian tourism using coastal recreational areas and water bodies; forest areas for construction of hotels, tourist bases, development of tourism infrastructure; OOPT lands used for tourism purposes. The authors note that the removal of administrative and legal barriers will promote the involvement of these lands in commercial activity, which will allow to improve the efficiency of agricultural production.

Keywords: sustainable development, agricultural production, agriculture, economic security, rural areas, legal regulation.

Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440¹, следует считать первым упоминанием законодательной регламентации устой-

чивого развития в Российской Федерации. В данном документе одним из направлений перехода к устойчивому развитию указывается создание правовой базы, обеспечивающей механизмы регулирования природопользования и охраны окружающей среды. Исходя из анализа текста, устойчивое развитие следует рассматривать как улучшение экономики и стандартов жизни населения при уменьшении потребления ресурсов и

¹ Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440 // СПС КонсультантПлюс (документ утратил силу).

снижении выбросов вредных веществ в окружающую среду.

Одним из кодифицированных нормативных актов, в котором упоминается термин «устойчивое развитие территорий», является Градостроительный кодекс Российской Федерации (далее – ГрК РФ). По мнению В. В. Еремина, понятие «устойчивое развитие территорий», изложенное в ГрК РФ, регламентирует экологическую составляющую устойчивого развития, при этом не регулируются экономическая, социальная и управлеченческая сферы [2. – С. 178].

Цели Концепции устойчивого развития сельских территорий могут быть достигнутыми посредством реализации принятых государственных программ.

В. В. Устюкова отмечает, что, согласно статье 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (далее – Закон о развитии сельского хозяйства), государственная аграрная политика, как часть государственной социально-экономической политики, направлена на устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий, при этом целью государственной аграрной политики является обеспечение устойчивого развития сельских территорий, занятости населения, повышение уровня его жизни, в том числе оплата труда работников, занятых в сельском хозяйстве. Согласно статье 4.1 Закона о развитии сельского хозяйства, введенной Федеральным законом от 22.06.2024 № 160-ФЗ, под устойчивым развитием сельских территорий понимается их стабильное социально-экономическое развитие, увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства, рациональное использование и охрана земель, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни.

В. В. Устюкова обратила внимание на соотношение понятий «устойчивое развитие сельского хозяйства» и «устойчивое развитие сельских территорий». Как отмечает этот автор, с одной стороны, речь идет о разных явлениях, однако государственная аграрная политика направлена на достижение двух взаимообусловленных и тесно связанных между собой целей. С другой стороны, понятия «увеличение объема производства сельскохозяйственной продукции», «повышение эффективности сельского хозяйства» включены в понятие устойчивого развития сельских территорий, хотя, по сути, эти направления представля-

ют собой основы устойчивого развития именно сельского хозяйства [4. – С. 254].

А. А. Афанасьев, исследуя концепцию правовой доктрины устойчивого развития сельских поселений, отмечает, что на сельской территории проживает четверть населения страны, при этом сельские территории, согласно мировой и российской практике, составляют 98% административных муниципальных районов. Автор отмечает, что село в историческом развитии России всегда являлось экономической, нравственной и духовной опорой, при этом сельские территории не получили должного развития [1. – С. 36].

Правоприменительная практика государственных органов власти Российской Федерации по обеспечению устойчивости субъектов аграрного предпринимательства является нелогичной, противоречивой и не соответствует как указанному направлению развития, так и заявлениям высшего руководства страны. В частности, Президент Российской Федерации неоднократно обращал внимание на необходимость повышения привлекательности села для жизни и работы, создания на таких территориях современной комфортной инфраструктуры¹.

В 1990-е гг., в период массовой приватизации аграрных территорий и трансформации колхозов и совхозов, бывшие колхозники и члены совхозов активно осваивали приватизируемые земли, чаще всего на правах общей долевой собственности. В России, по данным статистики, 85% пахотных земель находятся в таком правовом положении. Однако, по мнению экспертов, именно такая форма владения землей является основным препятствием для развития аграрного бизнеса в сельской местности.

Современное сельское хозяйство разделено на две большие технологические сферы – животноводство и растениеводство. Опыт управления сельским хозяйством в СССР демонстрирует жесткий государственный и партийный контроль за технологией содержания сельскохозяйственных животных и выращиванием растениеводческой продукции. Сельхозтоваропроизводители в

¹ Путин В. В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Москва, Кремль. 12 декабря 2013 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825>; Путин В. В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Москва, Кремль. 1 марта 2018 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 28.02.2024).

СССР вынуждены были придерживаться принятых государственных стандартов и регламентов в животноводстве и растениеводстве. Соблюдение регламента обеспечивало качество сельскохозяйственной продукции, фактически производимой под государственным контролем. Сельскохозяйственные угодья обрабатывались в соответствии с землеустроительными регламентами. Служба ветеринарного государственного контроля проводила выездные проверки содержания сельскохозяйственных животных.

Р. А. Ханнанов в 1990-е гг. провел научные исследования теоретических проблем правового обеспечения устойчивости аграрного производства, в которых анализировал процесс воздействия государства на условия и ход производства в правовой форме. Ученый отмечал, что государство, регулируя развитие общественного производства как целенаправленной деятельности людей в процессе создания материальных благ, посредством реализации правовых норм вносит в хозяйственную жизнь упорядоченность, организованность и устойчивость, что предполагает постоянство и непрерывность возобновления производственного процесса [7. – С. 3]. В рамках исследования ученым были разработаны рекомендации по совершенствованию правового обеспечения устойчивости растениеводства и животноводства. Отметим, что еще К. Маркс указывал на то, что регулярность и порядок являются необходимыми условиями любого способа производства, а государство должно правовыми и иными средствами исключить все внутренние и внешние факторы, негативно воздействующие на процесс производства [3. – С. 356].

В различных регионах страны наблюдается застой в процессе трансформации общей долевой собственности в частную собственность фермеров. В соответствии с Конституцией Российской Федерации, субъектам федерации предоставлена возможность на региональном уровне детализировать земельные отношения, принимая во внимание региональные и национальные особенности аграрного производства и традиционных видов деятельности. Также вызывает затруднение определение границ участка при выделении его в натуре из общей собственности. Как показывает практика, многие собственники земельных долей хотели бы выделить свою долю, заключить сделки, но из-за сложности законодательства не решаются на это. Очевидно, в действующем земельном законодатель-

стве нет баланса между общественными и частными интересами в обороте сельскохозяйственных участков. Кроме юридических проблем, существуют организационные, природные, социальные и экономические факторы, усугубляющие проблему устойчивости аграрной экономики.

В настоящее время оценить посевных площадей возможно только путем проведения инвентаризации сельскохозяйственных угодий. Без проведения инвентаризации все имеющиеся оценки являются условными.

На наш взгляд, необходимо внести изменения в Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ «О землеустройстве», которые отражали бы специфику и процедуру землеустройства на землях сельскохозяйственного назначения, а также уточняли техническое регулирование в данной сфере, определяли правила использования и землестроительные стандарты для сельскохозяйственных территорий, основанные на системе зонирования между населенными пунктами, а также учитывали бы качество и расположение участков.

Считаем, что как внесение изменений в действующее законодательство в части совершенствования правового регулирования оборота и использования земель сельскохозяйственного назначения, так и совершенствование правовой регламентации пользования рекреационных зон, прибрежных зон водных объектов, особо охраняемых территорий, расположенных в сельских населенных пунктах, лесных участков, пригодных для ведения рекреационной деятельности, будет способствовать развитию сельского предпринимательства, что, несомненно, повлияет на улучшение сельской инфраструктуры и благоустройство сельских территорий.

На наш взгляд, некоторые современные нормы аграрного законодательства, принимаемые в целях достижения эффективности государственной политики при проведении аграрной и земельной реформы, оказались несовершенными и не отвечают потребностям складывающейся практики аграрной экономики, поэтому необходимо выработать новые теоретические подходы, в том числе к сущности предмета аграрного права [6. – С. 52]. Р. А. Ханнанов считает, что в целях развития науки аграрного права исследователям необходимо действовать на опережение, учитывая объективные конкретные условия осуществления хозяйственной деятельности и субъективные факторы, влияющие на конечный ре-

зультат сферы сельскохозяйственного производства, которая в современных условиях представляет собой саморазвивающуюся и самоорганизующуюся систему общественных отношений.

Считаем, что государству необходимо спланировать конкретные действия и перейти к их реализации. Практическая реализация концепции повлечет за собой внесение изменений в Закон о развитии сельского хозяйства и другие нормативные акты. Разработка концепции потребует изменения земельного и природоресурсного законодательства в части расширения прав субъектов на земельные участки и другие природные ресурсы в целях выполнения принятых государственных программ по приоритетным направлениям, таким как внутренний и аграрный туризм. Современное действующее природоресурсное законодательство содержит ряд ограничений по включению в предпринимательский и гражданский оборот направлений деятельности, привлекательных для бизнеса и граждан, заинтересованных проводить свой отдых и досуг на родной земле. В частности, нормативно затруднено использование сельскохозяйственных угодий в рекреационных целях. Общероссийский классификатор не предусматривает такой вид разрешенного использования, как туризм и рекреация на сельскохозяйственных угодьях. Особенно привлекательными являются сельскохозяйственные угодья вблизи водных объектов. Не вызовет удивления тот факт, что сельскохозяйственные угодья окажутся заброшенными вблизи водных объектов, в том числе в пределах водоохранных зон. Известно, что режим водоохранных зон не препятствует ведению рекреационной деятельности. В границах водоохранных зон могут быть расположены переносные глэмпинговые или юртовые комплексы, представляющие собой места временного пребывания туристов. Государство принятыми программами ориентирует аграрных предпринимателей на то, чтобы заниматься приоритетной туристской деятельностью внутри страны, и готово выделять бюджетные средства в этих целях, однако природоресурсные нормы содержат непреодолимые ограничения. Считаем, что снятие законодательных и административных барьеров в ближайшем будущем может способствовать росту эффективности аграрного предпринимательства и привлекательности сельских территорий для молодежи.

По мнению Р. А. Ханнанова, исследовавшего институт «правового обеспечения устойчивости

сельскохозяйственного производства» [7. – С. 63], проблема изучения закономерностей общественного развития актуальна во всех сферах человеческой деятельности, включая экономику, политику, социальную жизнь, в том числе государственное и правовое регулирование общественных отношений.

На наш взгляд, одним из основных механизмов реализации эффективной государственной аграрной политики являются целевые государственные федеральные и региональные программы, национальные и ведомственные проекты, характеризующиеся масштабностью целей и задач, реализуемых на всей территории страны.

Р. А. Ханнанов, исследуя проблему правового обеспечения устойчивости и эффективности сельскохозяйственного производства в условиях перехода к рынку, делает вывод о сущности правового обеспечения устойчивости сельскохозяйственного производства. По мнению автора, устойчивость производства должна быть обеспечена регулятивной функцией сельскохозяйственного (аграрного) права, действие норм которого должно устранять и ослаблять факторы, дестабилизирующие сельскохозяйственное производство, подчинять поведение участников аграрных правоотношений общегосударственной воле, выраженной в законе [5. – С. 12]. Р. А. Ханнанов также считает, что действие принципа частного права «разрешено все, что не запрещено законом» в отношении прав субъектов аграрного предпринимательства не будет способствовать защите прав субъектов от стихийных проявлений погодных катализмов и политики свободного рынка. В целях обеспечения устойчивости и эффективности аграрного предпринимательства в указанных отраслях и подотраслях аграрного производства необходимо разумное вмешательство в сферу их функционирования, как это происходит в развитых странах. В силу социальной значимости отрасли сельского хозяйства государство обязано вмешиваться в его развитие путем наблюдения и мониторинга за состоянием и развитием его отраслей; программирования, разработки и внедрения новых видов технологий; согласования, рекомендаций, стимулирования процесса восстановления плодородия почв. Р. А. Ханнанов, в частности, предлагает при участии научных, проектно-технологических учреждений, органов управления аграрной экономикой создать Комплексную программу устойчивости аграрного производства, которая должна

представлять собой систему ведения аграрного производства. Р. А. Ханнанов считает, что системы ведения растениеводческой деятельности устарели и подлежат пересмотру с точки зрения обоснования оптимизации и специализации сельскохозяйственного производства, мелиорации, насыщенности парами, системы удобрений, оценки земельных угодий, комплексного окультуривания, развития лугопастбищного хозяйства. Особую роль в этих системах должен занимать рыночный механизм организации селекции и семеноводства.

В развитых рыночных странах право землепользования порождает социальные обязательства пользователей и собственников земельных участков перед всем обществом. Учитывая особую социальную значимость оборота земель сельскохозяйственного назначения, предлагается выделить земельное хозяйство в качестве самостоятельного института сельскохозяйственной деятельности, который вберет в себя такие специфические виды деятельности, как картографирование, учет и оценка земель, планирование, проектирование и осуществление рационального землепользования, управление земельными ресурсами, охрана земель и повышение плодородия почв.

Правовое обеспечение животноводства должно строиться на анализе системы факторов, влияющих на его продуктивность. Такими факторами следует считать: обеспеченность кормами, селекционно-племенная и ветеринарно-профилактическая работа, организация труда. Как известно,

но, после реформ 1990-х гг. исполнительные органы муниципальной власти, в том числе в лице глав администраций и сельскохозяйственных управлений, перестали нести ответственность за состояние и развитие указанных отраслей в муниципальных образованиях, что повлекло безответственное отношение со стороны руководителей и сельхозтоваропроизводителей к валовому объему и качеству производимой сельскохозяйственной продукции на управляемых муниципальных территориях. Такое безответственное отношение в условиях сокращения объемов производства сельскохозяйственной продукции и роста цен на продовольствие недопустимо. В целях увеличения производства продукции животноводства необходимо рациональное государственное регулирование животноводства путем совершенствования действующего законодательства о кормах, признания приоритетного характера кормопроизводства, селекции и племенного дела, создания оптимальных условий для комбикормового производства, а также разработки и утверждения Целевой программы улучшения естественных кормовых угодий. В целях регламентации и оптимального регулирования оборота кормов и кормовых добавок необходимо принять федеральный закон «О кормах и кормовых добавках». Об этом неоднократно заявляли производители кормов и кормовых добавок, выражавшие озабоченность недостаточным регламентированием оборота кормов и кормовых добавок в России.

Список литературы

1. Афанасьев А. А. Концепция правовой доктрины устойчивого комплексного развития сельских поселений Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 4. – С. 36–41.
2. Еремин В. В. Отражение концепции устойчивого развития в нормативно-правовых актах РФ // Закон. – 2023. – № 11. – С. 177–181.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961.
4. Устюкова В. В., Землякова Г. Л., Мельников Н. Н., Самончик О. А. Публичные и частные интересы в земельном и аграрном праве: теория и практика / отв. ред. В. В. Устюкова. – М. : Институт государства и права РАН, 2019.
5. Ханнанов Р. А. Проблемы правового обеспечения устойчивости сельскохозяйственного производства в условиях перехода к рынку : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1992.
6. Ханнанов Р. А. Современные проблемы правового регулирования аграрных отношений // Аграрный вестник Урала. – 2012. – № 10. – С. 52–56.
7. Ханнанов Р. А., Ханнанова Т. Р. Правовое обеспечение устойчивости сельскохозяйственного производства. – Уфа : Гилем, 1997.

Отказ от правового режима зон территориального развития в Российской Федерации с точки зрения фактического признания несовершенства их организационно-правовой модели (часть I)

И. В. Тюрин

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Tyurin.IV@rea.ru

The Rejection of the Legal Regime of Territorial Development Zones in the Russian Federation in Terms of the Actual Recognition of the Imperfection of Their Organizational and Legal Model (Part 1)

I. V. Tyurin

Senior Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Tyurin.IV@rea.ru

Поступила 15.09.2025 Принята к печати 25.09.2025

Аннотация

В настоящей работе предпринимается самостоятельная попытка по ретроспективному изучению сущности особого правового режима зон территориального развития в контексте его сравнения с особыми правовыми режимами других зон, уже известных российскому законодательству, с учетом сложившихся doctrinalных позиций, обнаруживаемых в этой области правоведческого знания. Автор выделяет ряд ключевых признаков, в принципе характерных для любого особого правового режима, учреждаемого на определенных территориях внутри границ Российской Федерации, и последовательно доказывает фактическое наличие признаков такого режима у зон территориального развития, в том числе путем проведения уместной аналогии с особыми режимами иных видов зон. Автор обращает внимание на довольно неоднозначный правотворческий подход, неоднократно проявлявшийся в последние десятилетия при формировании официальных перечней субъектов Российской Федерации, где законно могли создаваться зоны территориального развития в тот или иной период времени. В настоящей статье также были сделаны оригинальные выводы о конкретных юридико-технических недостатках общих правил формирования указанных выше перечней субъектов Российской Федерации, до сих пор вызывающих закономерные вопросы о том, как эти правила должны были корректно применяться на практике для получения ожидаемого полезного социально-экономического результата в том или ином российском регионе.

Ключевые слова: особые правовые режимы, элементы правового режима, территориальное зонирование, зоны территориального развития, особые экономические зоны, свободные экономические зоны, федеральное законодательство об экономической деятельности, социально-экономическое положение в некоторых субъектах Российской Федерации, правотворческая юридическая техника.

Abstract

In this paper, an independent attempt is made to retrospectively study the essence of the special legal regime of territorial development zones in the context of its comparison with the special legal regimes of other zones already known to Russian legislation, taking into account the prevailing doctrinal positions found in this area of legal knowledge. The author identifies a number of key features that are, in principle, characteristic of any special legal regime established in certain territories within the borders of the Russian Federation, and consistently proves the actual presence of signs of such a regime in territorial development zones, including by drawing an appropriate analogy with special regimes of other types of zones. The author draws attention to the rather ambiguous law-making approach that has repeatedly manifested itself in recent decades in the formation of

official lists of subjects of the Russian Federation, where territorial development zones could legitimately be created at one time or another. This article also draws original conclusions about specific legal and technical shortcomings of the general rules for the formation of the above-mentioned lists of subjects of the Russian Federation, which still raise legitimate questions about how these rules should have been correctly applied in practice to obtain the expected beneficial socio-economic result in a particular Russian region.

Keywords: special legal regimes, elements of the legal regime, territorial zoning, zones of territorial development, special economic zones, free economic zones, federal legislation on economic activity, socio-economic situation in some subjects of the Russian Federation, legal and creative legal technique.

В условиях современных вызовов, с которыми сталкивается Российская Федерация, особенно в течение последних нескольких лет, вопросы ускоренного и крупномасштабного развития отдельных территорий в составе нашей страны никак не могут быть переоценены с точки зрения преодоления отечественной экономикой неблагоприятных последствий санкционных мер, введенных в отношении нее со стороны ряда недружественных государств.

Разновидностей таких национальных территорий, имеющих особый экономико-правовой статус и охарактеризованных в профильных законодательных актах Российской Федерации, на сегодняшний день сложилось уже достаточное количество: это, в частности, особые экономические зоны, свободные экономические зоны, территории опережающего развития и ряд других.

Впрочем, среди них до самых недавних пор особое место занимали относимые к традиционным категориям территорий с особым правовым режимом ведения инвестиционной и иной экономической деятельности зоны территориального развития (далее – ЗТР). Уникальность этих российских территорий заключалась в том, что они законно могли возникать только в тех частях нашей страны, где экономические отношения не просто требовали дальнейшего коренного развития, а долгое время были фактически обременены определенными объективными сложностями и без надлежащих мер государственной поддержки продолжали бы оставаться в слаборазвитом состоянии.

Уместное вмешательство государства, как уже неоднократно отмечалось некоторыми правовыми исследователями [8. – С. 178], в данном случае необходимо для оживления деятельности хозяйствующих субъектов, поскольку не все актуальные для них вопросы экономического характера могут быть урегулированы ими самостоятельно, чисто диспозитивным методом. В связи с этим отдельные авторы говорят в этом случае даже не о стимулировании экономической дея-

тельности, а о побуждении к ней в антикризисном направлении [11. – С. 39].

Непосредственно же правовому режиму ЗТР были довольно долго посвящены нормы Федерального закона от 3 декабря 2011 г. №392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – ЗЗТР), особенности правовых конструкций которого представляют научный интерес и будут обстоятельно разобраны в настоящем исследовании.

Сразу оговоримся для удобства понимания сложившейся ситуации, что ЗЗТР был официально упразднен после неполных 13 лет своего юридического существования в связи со вступлением в силу пункта 1 статьи 9 Федерального закона от 23 ноября 2024 г. №392-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»² в самом конце декабря 2024 г.

В связи с приведенными выше объективными обстоятельствами и в то же время с наличием многолетнего опыта изучения как самого правового феномена ЗТР, так и довольно непростых попыток внедрять эти зоны на практике, видится, что не следует просто переворачивать эту страну в книге протяженной истории российских

¹ Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. №392-ФЗ «О зонах территориального развития в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (часть 5). – Ст. 7070.

² Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. №392-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 48. – Ст. 7199.

территорий с особым правовым режимом ведения экономической деятельности и навсегда забыть о существовании ЗТР.

Наоборот, следует в порядке некоего логического подведения итогов понять, что именно было «не так» с правовой конструкцией ЗТР, в чем были ее скрытые «пороки», в результате приведшие не к коренному преобразованию текста нормативных положений ЗЗТР, неоднократно подвергавшихся правкам и до этого в разные годы, а, вообще к полному отказу от правового режима указанных зон. Как в настоящей части исследования, так и в его продолжении не последнее место отведено анализу чисто юридико-технического несовершенства ЗЗТР и других актов законодательства о ЗТР, которое, не будучи вовремя преодолено, стало одной из очевидных причин для выведения зон территориального развития из правового поля Российской Федерации.

Начнем наш разговор с непосредственного изучения общего содержания конструкции ЗТР в контексте их прежнего юридического существования в качестве одной из разновидностей территорий со специально очерченным на законодательном уровне правовым режимом для ведения экономической деятельности. Уже из смысла вводных положений ЗЗТР становится понятно, что современные доктринальные подходы к пониманию правовой сущности ЗТР и официально закрепленные в свое время мнением самого законодателя значительно разнятся. В научных трудах заметно и неоднократно заявлялось об особом или специальном (либо стимулирующем) правовом режиме деятельности, предусмотренным для резидентов ЗТР [2. – С. 101; 3. – С. 28; 5; 6. – С. 75], однако текст ЗЗТР за все время своего действия никак не отражал этот, достаточно распространенный в отечественной науке подход.

Это демонстрировалось буквально сразу же, еще с момента создания этого нормативного документа. Так, по тексту статьи 1 упомянутого Федерального закона, посвященной общему предмету правового регулирования, становится понятно, что отечественный законодатель прямо не называл здесь этот правовой режим особым: ЗЗТР вообще не устанавливал такой режим, а лишь регулировал «отношения, возникающие в связи с созданием, функционированием и прекращением существования зон территориального развития в Российской Федерации», равно как и определял «направления мер государственной поддержки при осуществлении предпринима-

тельской и иной экономической деятельности в указанных зонах».

В продолжение этой мысли отметим, что статья 2 ЗЗТР, раскрывавшая значение основных терминов, в пункте 1 сообщала, что ЗТР представляет собой часть территории отдельно взятого субъекта Российской Федерации, внутри границ которой в целях ускорения социально-экономического развития этого региона путем формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций в его экономику в отношении всех резидентов зоны осуществляется стимулирующее воздействие в виде определенных мер государственной поддержки. Иными словами, никаких явных словесных формулировок ни о правовом режиме, ни тем более об особом правовом режиме снова не было представлено.

Однако такой долговременный подход законодателя к предмету нормативного регулирования видится необоснованно узким, поскольку сведение понимания правового режима ЗТР исключительно к неким формам государственной поддержки резидентов зон не учитывало наличие полного набора всех элементов того, что в науке принято называть правовым режимом. Еще советскими исследователями были предложены достаточно компактные и в то же время емкие определения того, что следует включать в состав понятия «правовой режим». В частности, предлагалось рассматривать его как установленные государством правила поведения или же как совокупность мер и ограничений, необходимых для достижения полезных результатов [9. – С. 93].

Как безусловно классическую можно воспринимать точку зрения С. С. Алексеева о том, что правовой режим есть не что иное, как «порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [1. – С. 185].

В дальнейшем советские изыскания в этой области юридической науки обрели новое логически выраженное продолжение в тезисах, представленных уже в современных трудах, где правовой режим трактуется, например, как «особый порядок регулирования, выражющийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъ-

ектов права» [7. – С. 17–18]. Авторы более поздних отечественных исследований пошли еще дальше в своих выводах и предлагают рассматривать в качестве неотъемлемой части правового режима не только его традиционную нормативно-правовую составляющую, но и реальность его фактического применения [10. – С. 19–20].

Если исходить из приведенного выше определения ЗТР и структурного построения посвященного им закона, признаки их самостоятельного, пусть и не заявленного официально правового режима действительно и убедительно обнаруживались. К ним можно было отнести (исходя из правового смысла положений п. 1 ст. 2 ЗЗТР):

- ограниченность территориального применения (в пределах отдельно взятого субъекта Российской Федерации, к тому же входившего в специальный перечень, утверждавшийся Правительством Российской Федерации, как гласила ч. 1 ст. 4 ЗЗТР);
- наличие точно очерченной и обоснованной публичными интересами цели создания (а именно «ускорение социально-экономического развития субъекта Российской Федерации»);
- стимулирование у субъектов права стремления добровольно заниматься определенной деятельностью (путем совершения инвестиций согласно представленным ими инвестиционным проектам, отвечавшим требованиям ч. 7 и 8 ст. 11 ЗЗТР);
- использование государством конкретных юридических средств прямого воздействия на субъектов права (в данном случае – сугубо благоприятного, заключавшегося в предоставлении резидентам ЗТР мер государственной поддержки, описанных в ст. 13–17 ЗЗТР).

Теперь посмотрим, напоминает ли это конструкцию особого правового режима, установленного на других, также специально выделенных по федеральному законодательству России, территориях (причем в профильных и юридически действующих нормативных правовых актах их правовые режимы буквально упомянуты именно как особые). Так, в пункте 1 части 1 статьи 2 Федерального закона от 22 июля 2005 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»¹ (далее – ЗОЭЗ) можно обнаружить

следующие признаки обособленного правового режима, предусмотренного для особых экономических зон (далее – ОЭЗ):

- территориальная ограниченность функционирования (параметры территориального образования зон не раскрываются в статье 2, но подробно расписаны в статье 6 ЗОЭЗ);
- конкретизированная и публично обусловленная цель создания ОЭЗ (которая никак не упоминается в ст. 2 ЗОЭЗ, но достаточно многообразно определена отдельным положением в ст. 3 как достижение положительного социально-экономического эффекта за счет «развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции»);
- уточнение желаемого вида деятельности, которым будет предпочтительно заниматься в границах ОЭЗ их резидентам (в ст. 2 названа предпринимательская деятельность, однако обезличенность такой лаконичной формулировки все же несколько исправляется за счет наличия в ЗОЭЗ ст. 10, подробно регламентирующей, чем именно будут заниматься резиденты тех или иных зон при реализации их предпринимательской инициативы);
- набор юридических средств государственного воздействия на субъектов права в ключе их позитивного стимулирования (набор более или менее конкретно сформулированных мер государственной поддержки резидентов ОЭЗ может быть разрозненно обнаружен в некоторых статьях ЗОЭЗ: например, упоминание о специальной методике расчета арендной платы в ст. 33 и 34²; при этом ст. 2 ЗОЭЗ прямо это не отражает, просто сообщая об «особенности» правового режима в

² Представляется, что в том числе в целях практического и методического устранения выявленной разрозненности правового материала в ЗОЭЗ, несколько осложняющей процесс создания таких зон, Минэкономразвития России в 2024 г. предприняло небезуспешную попытку издать специальный документ, явно рассчитанный на привлечение внимания всех заинтересованных субъектов, – «Льготы и преференции особой экономической зоны (Приложение к Перспективному плану развития особой экономической зоны) (рекомендуемый образец)», утверждено Приказом от 19 апреля 2024 г. №239 (ред. не изменялась) // Официальный Интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>, 27 мая 2024 г.

¹ Федеральный закон от 22 июля 2005 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (в ред. от 23 ноября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.

ОЭЗ и лишь указывая на возможность применения их резидентами льготной по своей сути процедуры свободной таможенной зоны).

Для составления более полной картины сравним ранее функционировавший правовой режим ЗТР с правовым режимом, установленным для свободных экономических зон, предусмотренных на отдельных территориях внутри Российской Федерации в течение уже более чем десятилетнего периода.

Для примера возьмем нормы Федерального закона от 29 ноября 2014 г. №377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»¹ (далее – ЗСЭЗ), где по тексту, а именно в статье 8, можно увидеть прямое указание на особый характер² правового режима соответствующей свободной экономической зоны (далее – СЭЗ). Признаки особого правового режима, введенного в отношении СЭЗ, также можно перечислить по пунктам подобно тому, как это было сделано выше в связи с описанием правовых режимов ЗТР и ОЭЗ:

- территориально особый режим СЭЗ действует соответственно в административно-территориальных границах Республики Крым и города Севастополя, однако, учитывая прибрежный характер их географического расположения и, как следствие, востребованность профильных видов экономической деятельности, сопряженных с ис-

пользованием прилежащей черноморской акватории, данная зона также включает в себя внутренние морские воды и территориальное море Российской Федерации³ (как гласит ст. 8 ЗСЭЗ);

- цель создания СЭЗ прямо указывается в законе, причем достаточно комплексным образом: на основании статьи 1 ЗСЭЗ это обеспечение «устойчивого социально-экономического развития, привлечения инвестиций в развитие действующих и создание новых производств, развития транспортной и иных инфраструктур, жилищного строительства, туризма, сельского хозяйства и санаторно-курортной сферы, а также повышения уровня и качества жизни граждан»;

- поощряемая государством через создание особого правового режима СЭЗ деятельность буквально называется в законе как «предпринимательская и иная», что, конечно же, выглядит несколько шире по своему смысловому объему, чем, например, схожая формулировка, представленная в нормах уже упоминавшегося ЗОЭЗ. Статья 12 ЗСЭЗ, впрочем, фактически не уточняет в виде перечня или иным образом, какие же именно виды деятельности подразумеваются под названными выше, однако она де-факто императивно ставит запрет на ведение в границах СЭЗ деятельности в сфере недропользования (для целей разведки и добычи полезных ископаемых), за исключением добычи подземных вод для питьевых, хозяйствственно-бытовых, сельскохозяйственных и некоторых иных целей. Части 1 и 1.1 статьи 12.1 этого закона, судя по заложенной в них идее, несколько, хоть и абстрактно, дополняют вышесказанное указанием на то, что экономическая деятельность заинтересованных лиц в СЭЗ должна быть сопряжена с производством ии новых товаров, выполнением работ, оказанием услуг либо с поддержанием/увеличением объемов такого производства, а также с жилищным строительством;

¹ Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. №377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоны на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 48. – Ст. 6658.

² Впрочем, при детальном изучении положений ЗСЭЗ выясняется, что особый правовой режим, установленный для территории Крымского полуострова, охватывает далеко не только саму СЭЗ. Несмотря на то, что представленная в ЗСЭЗ формулировка содержания особого характера правового режима СЭЗ заметным образом (но не во всем) похожа на ту, что была сделана в аналогичной статье 2 ЗОЭЗ, уже описанной ранее, в границах Республики Крым и города федерального значения Севастополя по общему правилу действует особый правовой режим не только касательно правоотношений, непосредственно связанных с функционированием СЭЗ, но и в отношении ряда иных правоотношений, причем носящих как частно-правовой (трудовые отношения), так и публично-правовой (миграционные отношения) характер. Сказанное здесь по смыслу вытекает из содержания статей 1 и 2 ЗСЭЗ.

³ Такой организационно-территориальный подход к установлению правового режима не является уникальным в данном случае, ведь его можно также обнаружить в связи с функционированием других территорий с особым правовым режимом ведения экономической деятельности, например, в пункте 1 части 1 статьи 3 Федерального закона от 31 мая 1999 г. №104-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Магаданской области и на территориях Южно-Курильского, Курильского и Северо-Курильского городских округов Сахалинской области» (в ред. от 23 марта 2024 г. Собрание законодательства РФ. 1999. №23, ст. 2807).

— юридические средства непосредственного позитивно-стимулирующего воздействия на субъектов права, осуществляющих свою экономическую деятельность на территории СЭЗ, могут быть обнаружены в статьях 15 (об особом режиме деятельности резидентов СЭЗ) и 16 (о гарантиях резидентам СЭЗ) ЗСЭЗ. Причем с точки зрения юридической техники формулировки этих статей в чем-то более выгодно отличаются от того, как практически аналогичные средства были до этого описаны в ЗОЭЗ и в ЗЗТР: в ЗОЭЗ фактически никак не раскрывается содержание особого правового режима деятельности, хотя обособленно и перечислены гарантии, предоставляемые резидентам ОЭЗ (гл. 9), в ЗЗТР же за все время его существования совершенно не использовался словесный оборот «особый правовой режим», никак по тексту не упоминались какие-либо гарантии для резидентов, но в то же время назывались именно меры государственной поддержки, установленные для них (ст. 13).

Таким образом, по итогу представленного выше наглядного сравнительно-правового анализа стало возможно сделать обоснованный вывод о том, что для ЗТР был действительно всегда свойственен особый правовой режим¹ ведения на их территории экономической деятельности, определяемый по четырем самым важным, с нашей точки зрения, критериям: наличие обособленной территории действия режима; обозначение цели установления режима; перечисление допустимых, в том числе специально поощряемых, видов экономической деятельности, подпадающих под такой правовой режим; официальное закрепление легальных мер (средств) стимулирующего (как правило, в означенной сфере правоотношений – позитивного) воздействия на субъектов указанной деятельности.

В связи со сказанным представляется, что отсутствие упоминания особого правового режима в ЗЗТР, безусловно, являлось юридико-техничес-

ким упущением, предполагавшим внесение соответствующих изменений в пункт 1 статьи 2 указанного закона (которое так и не произошло до момента окончательной отмены данного закона). Ведь даже в отдельных нормативных формулировках и конструкциях, почерпнутых из текста ряда статей ЗЗТР, долгие годы прослеживалось явное стремление законодателя установить правовой режим, отличный от общеустановленного, как это было в случае с ОЭЗ и СЭЗ².

Однако заявление о том, что ЗТР – это просто еще одна условная разновидность территории с особым правовым режимом ведения экономической деятельности, расположенной в границах Российской Федерации и отличной от других подобных территорий лишь своим названием и тем, что ее правовой режим уже канул в прошлое, будет юридически неграмотным.

Проиллюстрируем несостоятельность такого упрощения несколькими доводами в пользу признания оригинальности особенностей, в свою бытность характерных исключительно для правового режима ведения экономической деятельности в ЗТР. Во-первых, ЗТР выделялись среди других российских территорий с особым правовым режимом ведения их резидентами (участниками) экономической деятельности в силу того обстоятельства, что только для данных зон законом прямо ограничивалось число случаев, когда их легально возможно было создать в тех или иных субъектах Российской Федерации. Это непосредственно иллюстрировало содержание статьи 4 ЗЗТР, в части 1 которой уточнялось, что перечень российских регионов, внутри территории которых было допустимо установление правового режима ЗТР, утверждался исключительно по решению Правительства Российской Федерации.

Последний такой по своему юридическому действию перечень был утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 марта 2023 г. № 407 «Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития, и о внесении изменений в Постановление Правительства Российской Фе-

¹ В отечественной доктрине можно обнаружить вполне схожие позиции: так, О. А. Ежукова, прямо не упоминая особый правовой режим, тем не менее ставит ЗТР в один ряд с ОЭЗ и с некоторыми другими территориями с таким режимом, прямо обозначенным в законодательстве [4. – С. 43]; другие авторы тоже фактически пишут об особом правовом режиме ЗТР, называя его в рамках своих исследований стимулирующим (см. например: [6. – С. 79]); в некоторых работах можно встретить понятие «специальный правовой режим», используемое применительно и к режиму ЗТР [12. – С. 11].

² Речь идет, например, о наблюдавшемся упоминании территориальных границ ЗТР (ст. 5 ЗЗТР), сроков функционирования ЗТР (ст. 9 ЗЗТР), резидентов ЗТР (ст. 11 ЗЗТР), мер оказываемой внутри ЗТР государственной поддержки (ст. 13 ЗЗТР) и др.

дерации от 13 февраля 2013 г. №115»¹, из которого видно, что таких регионов было двадцать.

Интерес представляют здесь целых два факта. Первый факт: этот перечень принимался и был опубликован сразу несколько раз, с примерно равными интервалами времени между датами очередного выпуска, а именно в 2013², в 2016³, в 2019⁴ гг. и, наконец, в 2023 г., при том что сам ЗЗТР официально появился еще в далеком 2011 г. Второй факт: в состав указанного перечня законно можно было попасть лишь при наличии у российского региона ряда показателей (с их определенными значениями) за десятилетний период, прошедший до очередного года утверждения перечня. Таким образом, налицо как фактически несколько отложенный запуск реального действия правового режима ЗТР на отдельных российских территориях, так и встающий вопрос о том, почему при всей регулярности своего дальнейшего обновления этот перечень в его первичной редакции не мог появиться еще в самом 2011 г. с учетом расчета соответствующих показателей за от-

резок 2001–2010 гг. (допускаем, что в реалиях социально-экономического развития России тех лет, отличных от условий более позднего времени, он мог бы выглядеть несколько иначе, чем в 2013 г.).

Тем не менее постараемся привлечь внимание читателя к такой особенности документально закрепленных в разное время перечней субъектов Российской Федерации, где легально могли быть учреждены ЗТР: они ни разу не изменялись официально в период действия каждого из соответствующих Постановлений Правительства Российской Федерации (в то время как это всегда позволяла сделать ч. 1 ст. 4 ЗЗТР). Более того, в этом отношении нормы ЗЗТР теоретически обеспечивали ощутимую гибкость решения вопроса о распространении практики внедрения ЗТР на территории страны, поскольку часть 4 статьи 4 этого закона уполномочивала Президента России издавать решения или делать поручения по дополнительному включению в указанный выше перечень иных субъектов Российской Федерации.

На практике при анализе эффективности действия профильных норм ЗЗТР и принятых на их основе подзаконных актов наблюдается, скорее, негибкость ранее установленного механизма правового регулирования. С позиции всего вышесказанного видно, что за длительный период 2013–2024 гг. не имелось ни одного случая даже минимального изменения в утверждавшихся в разное время перечнях российских регионов, в границах которых могли легально существовать ЗТР, – происходило только лишь полное обновление таких перечней с уже отмеченной ранее заметной периодичностью – раз в 3–4 года.

Не менее интересным предметом для дискуссии можно считать и имевшуюся в ЗЗТР нормативную установку, согласно которой правовой статус ЗТР мог быть досрочно прекращен (об этом прямо гласила ч. 4 ст. 9 данного закона). В частности, в пункте 2 данной части статьи 9 утверждалось, что ЗТР должна была прекратить свое существование в том случае, если запланированные значения показателей оценки эффективности ее функционирования не были надлежащим образом достигнуты по окончании конкретного этапа существования этой зоны⁵.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 17 марта 2023 г. № 407 «Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития, и о внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2013 г. №115» (ред. не изменялась) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 12. – Ст. 2051. Оно было официально отменено только в связи с принятием другого документа (Постановления Правительства Российской Федерации от 1 марта 2025 г. № 249 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 10. – Ст. 1070), равно как и ряд других правительственные постановлений, затрагивающих правовой статус ЗТР.

² См. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2013 г. № 326 «Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития» (утратило силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 16. – Ст. 1955.

³ См. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 1415 «Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития» (утратило силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 1 (Часть I). – Ст. 160.

⁴ См. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2019 г. №1770 «Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, на территориях которых допускается создание зон территориального развития» (утратило силу) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 52 (Часть II). – Ст. 8001.

⁵ Поэтапность развития и продолжительность каждого такого этапа в рамках функционирования отдельно взятой ЗТР устанавливались в тексте соглашения о ее создании и непосредственно в ЗЗТР точно не описывались (по смыслу ч. 2 ст. 9 ЗЗТР).

В продолжение развития нашей мысли снова обратимся к названным ранее перечням субъектов Российской Федерации разных лет утверждения и изучим уже свершившиеся изменения в их содержании.

Так, Республика Алтай или Республика Тыва присутствуют сразу во всех перечнях, одобренных российским Правительством за период 2013–2023 гг., в то время как другая республика в составе Российской Федерации – Адыгея – в данные перечни стабильно не входит уже с 2019 г. Другой явный пример: Камчатский край традиционно попадал абсолютно во все перечни, за исключением официального списка, изданного в 2016 г. Амурская же область включалась в перечень вообще только единожды – в 2013 г., почти аналогично обстоит дело и с Архангельской областью, внесенной в соответствующий список субъектов Российской Федерации лишь в одном 2019 г.

Детально изучив все приведенные выше существенные видоизменения состава группы российских регионов, имевших законное право претендовать на создание ЗТР в те или иные годы, можно вывести довольно дуалистическое и, по сути, противоречивое умозаключение: соответствующий субъект Российской Федерации выпадал в конкретном году из очередного официально утвержденного перечня либо потому, что там попросту не достигалась необходимая степень эффективности функционирования уже созданной ЗТР (т. е. объективно наблюдались стагнация или снижение экономического развития), либо потому, что на территории субъекта в принципе отпадала сама потребность в существовании ЗТР (это, наоборот, логически свидетельствовало о достижении устойчивых показателей роста региональной экономики, если исходить из общего смысла целей и условий создания ЗТР, изначально заложенных в профильном законе).

Однако дуализм данной ситуации для своего корректного понимания требует не только общеэкономического подхода, но и формально-юридического. Итак, с точки зрения адресованных этому аспекту положений в тексте ЗЗТР вроде был очевиден только первый вариант развития событий (по смыслу п. 2 ч. 4 ст. 9 ЗЗТР), но, если попытаться параллельно учесть и нормативное содержимое части 2 статьи 4 все того же закона, можно пусть гипотетически, но уверенно предположить: российский регион, где уже были значительно улучшены значения всех или многих из перечисленных в пунктах 1–9 части 2 статьи 4 социально-экономических показателей, мог более не нуждаться ни в использовании правового режима ЗТР, ни в мерах соответствующей государственной поддержки.

Возможно, изменившаяся в лучшую сторону социально-экономическая обстановка в отдельно взятом субъекте Российской Федерации требовала в этом случае последующего учреждения совсем других типов территорий с особым правовым режимом ведения экономической деятельности. Впрочем, ЗЗТР на этот уместный вопрос точного ответа уже не давал.

В следующей части нашего комплексного исследования, посвященного анализу механизма правовой регламентации особого режима ЗТР, постараемся дополнительно привести еще целый ряд представляющих интерес вопросов чисто правоприменительного характера, на которые положения ЗЗТР так и не дали очевидных ответов за все годы своего юридического существования. Это, на наш взгляд, должно убедительно подчеркнуть спорность или даже сомнительность отдельных юридико-технических решений законодателя, нашедших отражение в данном федеральном акте.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М., 1989.
2. Гасников К. Д., Оболонкова Е. В. Правовое регулирование территорий с особыми условиями экономического развития в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 101–109.
3. Егорова А. А. Правовой режим инвестиционной деятельности отдельных территорий в рамках регионального развития // Юрист. – 2019. – № 5. – С. 28–34.
4. Ежукова О. А. Территории с особым публично-правовым статусом как фактор федеративной политики России // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 3. – С. 36–45.
5. Емец М. И., Пургин А. С. Сравнительный анализ инструментов региональной политики РФ: особые экономические зоны, зоны территориального развития и территории опережающего социально-

экономического развития // Экономика. Государство. Общество. – 2015. – № 4. – URL: <https://ego.ui.ranepa.ru/issue/2015/04/22>

6. Зырянов С. М., Варгова Д. Разрешительный метод регулирования предпринимательской деятельности // Журнал российского права. – 2022. – № 11. – С. 74–90.

7. Матузов Н. И., Малько А. В. Правовые режимы: вопросы теории и практики // Известия вузов. Правоведение. – 1996. – № 1. – С. 16–29.

8. Мотуренко С. М. Зоны территориального развития как новая форма развития предпринимательства // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2014. – № 1. – С. 178–179.

9. Наташев А. Е., Стручков Н. А. Основы теории исправительно-трудового права. – М., 1967.

10. Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7. – С. 15–20.

11. Петрина О. А., Милькина И. В. Развитие территорий с особым правовым и экономическим статусом в России // Муниципальная академия. – 2017. – № 4. – С. 38–45.

12. Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Пространственно-правовая матрица современной России // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 5–22.

Универсализация концептуальных подходов к преподаванию коммерческого права в условиях цифровой оптимизации деловой среды

Т. Э. Зульфугарзаде

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Universalization of Conceptual Approaches to Teaching Commercial Law in the Context of Digital Optimization of the Business Environment

T. E. Zulfugarzade

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Поступила 01.09.2025 Принята к печати 14.09.2025

Аннотация

Современная новационная концепция коммерческого права неотделима от коммерческого правового мышления и представляет собой средоточие работы такого мышления, содержание которого включает в себя концентрацию вокруг процесса получения прибыли, автономию предпринимателей, приоритет эффективности и гарантию безопасности. По сравнению с нормами гражданского права концепция коммерческого права имеет сравнительное преимущество для применения правил коммерческой практики; с точки зрения корпоративного права создание компании, а также ее деловая репутация не защищены эффективно в традиционном гражданском праве. Практика преподавания концепций коммерческого права в настоящее время структурно несовершенна и нуждается в оптимизации при разработке будущих реформ обучения, что особенно важно прежде всего для государств – членов ЕАЭС, ШОС, БРИКС+ и других. На практическом уровне общая работа по оптимизации деловой среды в современных условиях цифровизации не может быть отделена от поддержки верховенства права, и ценностное руководство концепции коммерческого права еще более необходимо. В качестве основных методов познания при проведении исследования были использованы логический, сравнительный, эмпирический, описательный и другие методы. В процессе проведения исследования выявлена, в частности, необходимость преодоления существующих недостатков в обучении студентов концепциям коммерческого права, вызванных прежде всего отсутствием во многих государствах кодифицированного коммерческого права, а также отсутствием указанных в настоящей работе вспомогательных условий для преподавания рассматриваемой учебной дисциплины.

Ключевые слова: право, верховенство, коммерция, деликт, дело, экономика, суд, практика, внесудебный, обучение, преподавание, предприятие, организация, компания, мышление, оборот, гудвилл, смарт, бизнес.

Abstract

The modern innovative concept of commercial law is inseparable from the thinking of commercial law, and the concept of commercial law is the basic spirit of the work of the thinking of commercial law. Its content includes a profit-making mindset, the autonomy of entrepreneurs, the priority of efficiency, and the guarantee of safety. Compared to the norms of civil law, the concept of commercial law has a comparative advantage for applying the rules of commercial practice. From the point of view of corporate law, the establishment of a company and the business reputation of a company are not effectively protected in traditional civil law. The practice of teaching concepts of commercial law is currently structurally imperfect and needs to be optimized when developing future educational reforms, which is especially important primarily for the EAEU, SCO, BRICS+ and other member states. On a practical level, the overall work on optimizing the business environment in modern conditions of

digitalization cannot be separated from the support of the rule of law, and the value guidance of the concept of commercial law is even more necessary. Logical, comparative, empirical, descriptive and others were used as the main methods of cognition during the research. In the course of the research, in particular, the need to overcome existing shortcomings in teaching students the concepts of commercial law was revealed, primarily caused by the lack of codified law in many states, as well as the lack of auxiliary conditions for teaching the discipline in question indicated in this work.

Keywords: law, supremacy, commerce, tort, business, economics, court, practice, non-judicial, training, teaching, enterprise, organization, company, thinking, turnover, goodwill, smart, business.

Не вызывает сомнений тот факт, в соответствии с которым современное коммерческое правовое мышление неразрывно связано с коммерческими концепциями, которые являются централизованным выражением коммерческого мышления. Проявление коммерческого правового мышления в его базовом содержании представляет собой «ресурсный пул и организм» [6. – С. 593], состоящий из многих аспектов, таких как обычай (прежде всего коммерческие обычаи), коммерческие концепции, коммерческие верования и убеждения, коммерческие цели, коммерческие ценности и коммерческие идеи. То, что раскрывает «материальное торговое право», – это «объективное право» и «причина» соответствующего существования и действия фактов, норм и т. д. коммерческого права, а также объективные атрибуты, содержащиеся в реальности коммерческого права и его практике и представленные по частям. Именно объективные атрибуты и органическая связь между ними представлены фрагментарно, и одной из задач исследователя теории коммерческого права является систематизация и рационализация этих атрибутов и связей посредством непрерывного понимания, обобщения, введения и уточнения. Внутренняя система материального торгового права представляет собой научное понимание сущности торгового права и его внутреннего объективного права, которое существует после системы позитивного права, включающей в себя правила и принципы торгового права, и является душой и духом торгового права и отраслевого права, а также основной движущей силой исследований в области торгового права [2. – С. 9].

На формальном уровне коммерческое мышление относится к концепциям коммерческого права, его правилам и институтам, принципам и структуре такого рода внутренне гармонизированной совокупности знаний, которая следует логике самого коммерческого права. Концепции коммерческого права являются краеугольными

камнями для понимания правил и систем коммерческого права. Нормы коммерческого права являются основными единицами структуры знаний коммерческого права, а его уникальная структура «права–обязанности–ответственность» является базовой моделью мышления, на которой основаны коммерческое мышление и судебное разбирательство по коммерческому праву. Принципы коммерческого права являются важными инструментами для преодоления ограничений коммерческого права и играют объединяющую роль для всех коммерческих правовых систем и всех норм коммерческого права. Структура системы знаний коммерческого права является ключом и поддержкой органического единства и научной внутренней логики всех ее аспектов, начиная от права и заканчивая ответственностью.

Определяя дефиницию понятия коммерческого права, отметим, что его концепция является синергией мышления в области учебной дисциплины «Коммерческое право». Концепция коммерческого права объединяет рациональное понимание внутренней природы и объективного права в формате коммерческого права, и это своего рода вера, ожидание и стремление к конечному пути, пути и цели, которых должно достичь коммерческое право в регулировании практики коммерческой жизни. Процесс работы мышления в области коммерческого права находится под руководством цели, намеченной в концепции коммерческого права с ее духовным обращением, использованием норм коммерческого права для решения спорных случаев. По нашему мнению, концепции, которые действительно отражают уникальность коммерческого права, в основном включают следующие четыре фундаментальных аспекта.

1) Ориентированная на прибыль стоимость. Концепция ориентированной на прибыль стоимости воплощает уникальную ценностную ориентацию коммерческого права, которая является основным признаком коммерческого права, отли-

чающим его от концепции гражданского права и других отраслевых законов.

2) Автономия предпринимателей. Коммерческое право относится к частному праву, будь то результат исторического развития частного права или конкретной системы коммерческого права, правил для размышления и уточнения, а источником концепции коммерческого права является автономия. В конкретной коммерческой деятельности, пока это не противоречит обязательным правовым положениям, предприниматель может устанавливать свои правовые отношения с согласованными условиями, основываясь на своих собственных силах и потребностях. В отдельных коммерческих актах, даже при отсутствии прямо выраженных положений или предварительного соглашения по конкретным вопросам, следует признавать общие обычаи коммерческих сделок, пока они существуют.

3) Приоритет эффективности. В отличие от традиционного гражданского права, сфера коммерческого права и характеристики экономических отношений определяют, что эффективность является приоритетной в достижении многомерных ценностей и целей. В частности, при создании коммерческих организаций коммерческое право принимает определенные процессуальные разработки, такие как упрощение процедур регистрации и снижение порога входа, чтобы гарантировать простоту и быстроту создания коммерческих организаций; в процессе коммерческих сделок коммерческое право принимает институциональные меры, такие как договорные стереотипы, секьюритизация прав, процессуальная простота, электронные транзакции и краткосрочные сроки исковой давности, чтобы способствовать максимизации общественного богатства и гарантировать, что эффективность является приоритетом для достижения цели. Гарантируется реализация цели, состоящей в приоритете ее эффективности.

4) Безопасность. Движимая стремлением к прибыли, жадность предпринимателей подпитывается, и коммерческие риски таятся в любой момент в процессе коммерческой транзакционной деятельности, поэтому защита безопасности транзакций стала еще одной важной целью, преследуемой коммерческим правом в дополнение к получению прибыли и к эффективности. По этой причине коммерческое право создало ряд мер, таких как обязательность, публичность, видимость доверия, усиленная ответственность и т. д., чтобы

распределить риск транзакции и гарантировать безопасность ее совершения. Кроме того, принцип видимости доверия представляет собой ключ к действию коммерческого права [5. – С. 14]. Главный принцип коммерческого права является для коммерческих субъектов основополагающим руководством для участия в коммерческой деятельности, что представляется возможным рассматривать как материализацию ценностного руководства коммерческого права, когда значение коммерческих правовых норм проясняется и постепенно становится важной основой для принятия коммерческих судебных решений. Основные принципы коммерческого права присутствуют повсюду в мышлении коммерческого права.

Перейдем к более подробному рассмотрению вопросов практического применения концепций коммерческого права, в том числе проведем сравнение его преимуществ относительно концепций гражданского права.

Относительно того, что касается учреждения компаний, то существующая теория гражданского права определяет, что каждое юридическое лицо должно создать свою собственную форму организации. Органы юридического лица должны, как правило, реализовывать три функции, а именно: 1) функцию смыслообразования, 2) функцию руководства и 3) функцию надзора.

Так, например, гражданское право Германии в Германском гражданском уложении и ряде других нормативных актах, в частности, предусматривает, что в отсутствие специального федерального закона объединения, нацеленные на экономическую деятельность предприятия, приобретают правоспособность в силу гранта от государства. Приведенное положение показывает, что фактически учреждение компаний как таковое не является какой-либо правоспособностью и, таким образом, не может быть каким-либо юридическим действием, также коммерческая компания не может владеть имуществом от своего имени. Видимая система гражданского права каждой страны при учреждении компании отрицала в рамках гражданского права как таковое гражданское право «юридического лица» как своего рода виртуального лица, его права и поведенческую способность начиная с момента его создания. В Европе, таким образом, предусмотрен статус личности юридического лица. Однако на практике от подготовки компании до завершения процесса ее учреждения не происходит естественный плавный процесс, большинству компаний необходим

определенный период времени, чтобы юридически корректно завершить процесс реального формирования учреждения компании. Немаловажно учитывать, что пока в процессе учреждения компания не зарегистрирована, она не наделена признаками юридического лица и не имеет прав и поведенческих возможностей, предоставленных законом, но она уже может функционировать фактически в целях завершения создания собственного бизнеса и осуществления соответствующей деятельности.

По мнению С. Ю. Филипповой, в компании (не только при ее учреждении, но и до завершения процедур оформления поведенческих атрибутов и эффектов) система гражданского права не может быть теорией «лица» для обобщения и индукции этих атрибутов, потому что доктрина системы гражданского права прямо указывает на тот факт, в соответствии с которым при учреждении компании не было зарегистрировано приобретение личности, и, следовательно, компания не наделена правом и не должна пользоваться правами и поведенческими возможностями [4. – С. 153]. Чтобы компенсировать тот факт, что определение «лица» не способно объяснить последствия действий создаваемого общества, теория гражданского права предполагает, что создаваемое юридическое лицо может применять положения товарищества на стадиях создания юридического лица, когда лицо, создающее общество, приобретает права и несет обязанности; при создании юридического лица могут применяться положения товарищества. Когда создание юридического лица проходит успешно, права и обязанности, возникшие у юридического лица в процессе его создания, непосредственно переходят к юридическому лицу после его создания в силу тождественности юридического лица, находящегося в процессе создания, и юридического лица, которое впоследствии приобретает правоспособность.

Если взять в качестве примера право на личность, то система права на личность является правовой системой, которая признает и защищает интересы личности, такие как жизнь и здоровье, репутация, сходство, частная жизнь и т. д., и именно надлежащее значение гражданского права сосредоточено вокруг прав людей на основе понятия, заключающегося в термине «люди». На этом фоне защита лиц в соответствии с гражданским правом заключается в основном в защите прав личности лиц. Хотя форма прав личности

включает в себя имя, репутацию, честь, частную жизнь и т. д., с точки зрения способа защиты прав в целом защита прав личности по-прежнему ограничена принципом присвоения права ответственности за деликт, преднамеренностью или небрежностью ущерба, наличием деликта, причинно-следственной связью между причинением ущерба и результатами причинения такового, при этом ущербом по-прежнему является фактическое присвоение ответственности за нарушение права личности. Исходя из того, что объектом защиты прав личности является личность, а не моральный вред, возникающий в результате нарушения прав личности, хотя в современном деликтном праве и существует компенсация морального вреда, причиненного вследствие нарушения права личности (притом, что характер морального вреда является нематериальным и случайным), размер денежной компенсации морального вреда, как правило не очень высокий, выступает лишь в качестве вспомогательного средства правовой защиты.

Говоря более подробно о средствах правовой защиты, отметим следующие важные факты.

Хотя предприниматели как коммерческие организации также могут пользоваться гражданской правовой защитой прав личности юридических лиц в системе юридических лиц, возникает проблема: защита права предпринимателя только на репутацию, честь или имя не имеет практического значения, поскольку суть защиты этих прав в деловом мире, по мнению И. В. Овчинникова, заключается в защите интересов, которые предприниматели могут получить через репутацию, честь и имя, т. е. интересы деловой репутации («гудвилл») [1. – С. 126]. Поэтому теоретически гудвилл является не только чистым правом личности, но и имеет двойное значение, включающее в себя не только право личности, но и право собственности.

Действительно, для субъекта сама по себе, как таковая, личность бизнесмена фактически воплощена в деловой репутации, основанной на фактическом ущемлении интересов, вызванном непосредственно фактом такого рода ущемления, включая не только прямые, но и косвенные интересы, а также при нарушении прав личности сам бизнесмен не может просто требовать от причинителя вреда восстановления подорванной репутации. Но поскольку юридическое лицо является только юридическим лицом, по общепринятым нормам гражданского права в его тра-

диционном понимании для нарушения его личных (прав личности) у него не возникает права требования компенсации морального вреда (ущерба). По логике самого понятия «личность» как такового, в значении субъекта прав личности меры компенсации за ущерб правам личности бизнесменов являются своего рода лишь символическим, а не прямым средством возмещения, что приводит к серьезному отсутствию защиты ценности деловой репутации бизнесменов под видом защиты прав личности в рамках существующего гражданского права.

В процессе проведения исследования нами были выявлены следующие основные недостатки существующих концепций коммерческого права в контексте существующей на сегодняшний день системы образования по рассматриваемой учебной дисциплине.

1) Неизбежные недостатки, присутствующие в процессе изложения существующих концепций коммерческого права в целях обучения: отсутствие кодифицированного права.

Поскольку Россия, Беларусь, КНР, Индия, СРВ и еще целый ряд экономически развитых государств еще не приняли свои собственные торговые кодексы, как это сделали Германия и Франция, отсутствие общей нормативной базы для торгового права приводит к дисбалансу в учебной программе по торговому праву на всех уровнях в таких государствах, а также к жесткости и устареванию модели обучения. Как, в частности, по этому поводу отмечает С. В. Северин, в последние годы многие колледжи и университеты пытались провести реформы обучения, вводя такие формы и виды обучения, как практическое обучение и перевернутый класс, но добились незначительного эффекта в таких дисциплинах, как «Коммерческое право» и «Торговое право», поскольку первоначально не был усвоен ключевой элемент коммерческого мышления [3. – С. 24].

Во-первых, с точки зрения разработки учебной программы недостаточно только фактического указания на дополнения в содержание учебной программы и на существующие иерархические различия, чтобы подчеркнуть яркое взаимодействие между коммерческими нормами и реальной деловой практикой. Наша страна принимает законодательную модель гражданской и коммерческой интеграции, т. е. независимого коммерческого кодекса нет, в результате чего преподавание коммерческого права в рамках общей теории права сталкивается с недостаточно корректной с

юридической точки зрения ситуацией. Так, преподаватели могут объяснять коммерческое право только опираясь на доктрину гражданского права или с отсылкой на гражданско-правовые нормы, что приводит к непониманию обучаемыми правовой природы коммерческого права как такового.

Во-вторых, существующие курсы коммерческого права уделяют внимание общей теории коммерческого права в рамках содержания обучения, но недостаточным образом посвящены практическим вопросам применения коммерческого права, таким как партнерское право, трастовое право, страховое право и т. д. Причина в том, что аудиторных занятий по коммерческому праву ограниченное количество, а преподаватели часто предпочитают сначала объяснять общую часть изучаемой дисциплины, что затрудняет учет присущего ей содержания в последующих подтемах.

И, в-третьих, изучение учебной дисциплины «Коммерческое право» как права делового объективно требует от студентов овладения базовыми знаниями по экономике и менеджменту в качестве теоретической основы. Студенты-юристы обычно не проявляют инициативу в изучении этой учебной дисциплины из-за достаточно строгих установок, предусмотренных учебной программой, и сложностей междисциплинарного обучения, поэтому преподавателям необходимо соответствующим образом включать необходимые междисциплинарные знания в области экономики и менеджмента в содержание изучаемой дисциплины, используя базовые подходы не только коммерческого, но и делового права.

2) Отсутствие вспомогательных условий для преподавания коммерческого права.

В целом преподавание коммерческого права в большинстве экономически развитых стран сталкивается с практической проблемой отсутствия достаточного количества, качества и полноты типов судебных дел [7. – С. 597] и иной, несудебной, правоприменительной практики.

Прежде всего количество коммерческих дел, упоминаемых и(или) содержащихся в бюллетенях, издаваемых верховными судами таких государств, ограничено. Решения, обобщенные в делах, в целом не являются репрезентативными, а затронутые вопросы коммерческого права фрагментированы.

Отметим наиболее важные из них.

Во-первых, академические исследования коммерческих дел в основном сосредоточены на

анализе индивидуальных и групповых судебных дел, и существует меньше эмпирических исследований, которые систематически обобщают и резюмируют коммерческие дела.

Во-вторых, в процессе преподавания в основном суммируются факты коммерческих дел в сжатой форме. Хотя это помогает студентам, только приступившим к изучению данной дисциплины, быстро понять факты дела и сосредоточиться на основных моментах принятия решения по делу, это не помогает им развивать способность читать, понимать и резюмировать фактическую сторону каждого дела. Предыстория и процесс коммерческих сделок также подразумеваются в фактах дела, и представление фактов дела в полном объеме все еще может быть полезным для понимания студентами коммерческой практики.

И, в-третьих, преподавание с подробным разбором судебных дел нередко игнорирует ранее упомянутую несудебную практику. Поскольку многие дела в коммерческой деятельности не доходят до судебных разбирательств, существует большое количество дел о слияниях и поглощениях, финансировании и других коммерческих сделках за пределами судебных прецедентов, опубликованных судом. Эти несудебные дела могут отражать всю картину коммерческой транзакционной деятельности и применения коммерческого мышления и являются прекрасным материалом для преподавания коммерческого права, но они легко игнорируются в процессе преподавания коммерческого права из-за отсутствия публичного доступа к такого рода несудебной право-применимой практике.

В то же время преподавательский состав недостаточно подготовлен, так как преподаватели проявляются недостаточную осведомленность в коммерческой практике. Рассматриваемая дисциплина тесно связана с коммерческой практикой, и это требует от преподавателей определенного опыта именно в той самой коммерческой практике. Таким образом, преподаватели коммерческого права должны синтезировать коммерческую практику с преподаванием непосредственно коммерческого права как комплексной дисциплины, охватывающей проблемные вопросы не только материального, но и процессуального права в сфере коммерческой деятельности, включая арбитраж. Однако в рамках существующей системы оценки образовательные организации высшего образования, как правило, делают

упор на научные исследования, а не на преподавание, а преподаватели коммерческого права ограничены требованиями по проведению научных исследований и решению задач, поставленных перед ними. Все вышеперечисленное необходимо реализовывать в процессе обучения, что нередко делает невозможным распространение концепций коммерческого права.

В связи с этим оптимизация деловой среды в современных условиях цифровизации является неизбежным требованием защиты законных прав и интересов субъектов предпринимательства и всестороннего содействия верховенству закона, а также важной политической задачей в процессе современного экономического развития России, Беларуси, КНР, Индии, СРВ и других государств, прежде всего входящих в Союзное государство России и Беларуси, СНГ, ЕАЭС, БРИКС+ и ШОС.

Научно обоснованное законодательное регулирование является важной предпосылкой для создания деловой среды, основанной на верховенстве закона. Оптимальные нормативные правовые акты и хорошее управление являются институциональными механизмами и авторитетным выражением осуществления государственными органами экономических функций, которые являются стабильными и предсказуемыми, и представляют собой основную справочную информацию и основу принятия решений для предприятий, чтобы инвестировать в их уставную деятельность и в конечном итоге процветать.

В свою очередь, органы государственной власти и управления не только выполняют возложенные на них функции по администрированию, но также отличаются тем, что имеют прямые, тесные контакты с инвесторами. Без строгого соблюдения законодательства не может быть реализована политика верховенства закона, не говоря уже о первоклассной деловой среде.

При этом судебные органы являются фактически последней линией обороны. Они призваны поддерживать социальную справедливость и осуществлять правосудие единообразно и в точном соответствии с законом и равной защитой прав собственности и законных прав и интересов всех типов субъектов предпринимательской деятельности.

При наличии поистине справедливого и честного правосудия в том или ином государстве, рыночные предпринимательские инновации и творческая сила должны быть более мощными. Важно создать атмосферу верховенства закона

для предприятий и других организаций, чтобы они работали в соответствии с действующим законодательством, а предприниматели чувствовали себя непринужденно, не стеснялись инвестировать и концентрироваться на предпринимательстве.

Оптимизация деловой среды заключается в содействии реализации процедур и всему процессу создания надежной системы законодательных и иных нормативных актов в соответствии с правилами рыночной экономики и модернизации потенциала управления, повышению прозрачности политики, лучшей защите законных прав и интересов субъектов предпринимательства и людей, а также эффективной защите честной конкуренции рыночного порядка посредством совершенствования научной обоснованности законодательства, строгого соблюдения законов и надлежащего исполнения нормативных правовых актов, справедливого и беспристрастного правосудия и законопослушности граждан, основанной на высококультурном правосознании. Благодаря вышеперечисленному «закон на бумаге» превратится в «закон в действии», рыночные ожидания стабилизируются, а импульс развития субъектов

предпринимательства будет лучше преобразован в новую кинетическую энергию, столь необходимую и востребованную в экономическом развитии, что особенно важно в современных условиях цифровизации и внедрения смарт-технологий.

В заключение отметим, что концепция современного коммерческого, а фактически делового права является важным теоретическим руководством для создания благоприятной деловой бизнес-среды. Верховенство права является важным средством содействия высококачественному развитию деловой среды и ее оптимизации, а также самой фундаментальной и стабильной гарантией. Всестороннее включение общеизвестного принципа верховенства права в оптимизацию деловой среды имеет большое значение для непрерывности исследуемого процесса. Таким образом, важность соблюдения принципа верховенства права в условиях многополярности и цифровизации в целом отвечает внутренним институциональным потребностям устойчивого экономического развития в новую эпоху и раскрывает великую цель углубления реформ в образовательной сфере.

Список литературы

1. Овчинников И. В. О составе убытков обладателя исключительного права // Журнал российского права. – 2025. – № 1. – С. 118–130.
2. Покровская А. В. Право собственности на данные и авторское право на торговых площадках электронной коммерции // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2024. – № 1. – С. 8–18.
3. Северин В. А. Коммерческое право и цифровизация торгового оборота // Конкурентное право. – 2022. – № 2. – С. 22–26.
4. Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. Имущественная обособленность как признак юридического лица: теория и практика (по страницам классики и судебных актов) // Закон. – 2024. – № 8. – С. 146–164.
5. Фонотова О. В. Транснациональное коммерческое право: эволюция понятия // Международное публичное и частное право. – 2024. – № 4. – С. 13–17.
6. Li L. (2024). Conceptual clarification and practical application on commercial law concepts // International Journal of Global Economics and Management. – 2024. – № 2 (3). – P. 593–598.
7. Xiezhong Ch. Rule of Law Guarantees for Optimizing the Business Environment: Current Situation, Problems and Prospects // Economic and Trade Law Review. – 2020. – № 3. – P. 594–598.

Некоторые аспекты правового регулирования цифровизации государственных закупок в России

В. А. Щербаков

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Scherbakov.va@rea.ru

Some Aspects of the Legal Regulation of Digitalization of Public Procurement in Russia

V. A. Shcherbakov

PhD in Law, Associate Professor
of the Department of State and Criminal Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Scherbakov.va@rea.ru

Поступила 04.09.2025 Принята к печати 10.09.2025

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые вопросы современного правового регулирования применения технологий цифровизации в процессе размещения государственных заказов в России. В рамках данного исследования автор проводит анализ процесса эволюции правового регулирования процедур размещения государственного заказа с применением цифровых технологий. Особое внимание уделяется комплексному изучению нормативно-правовой базы, регламентирующей внедрение и функционирование электронных платформ для проведения государственных закупок. Рассматриваются ключевые этапы трансформации нормативно-правового поля, начиная с первых попыток цифровизации и заканчивая современными стандартами и регламентами, направленными на повышение прозрачности, эффективности и конкурентоспособности государственных закупок в условиях цифровой экономики. Автор подвергает анализу нормативно-правовую базу, определяющую процедуры регистрации и аккредитации участников электронных торговых площадок и специализированных торговых площадок, предназначенных для размещения лотов государственных заказчиков. В рамках достижения поставленных целей исследования в статье применяются такие методы, как исторический, системный и логический, а также сравнительно-правовой. В данной статье автор акцентирует внимание на выявлении ряда существенных пробелов в правовом регулировании исследуемых правоотношений, связанных с аккредитацией участников электронных торговых площадок и специализированных торговых площадок. Автор предлагает свою дефиницию понятия аккредитации, учитывающую специфику электронных торговых систем и их правовую природу.

Ключевые слова: государственные закупки / госзакупки, государственный заказ / госзаказ, тендер, аукцион, электронный аукцион, электронная площадка, специализированная электронная площадка, аккредитация участника, цифровизация.

Abstract

The article examines some issues of modern legal regulation of the use of digitalization technologies in the process of placing government orders in Russia. In this study, the author analyzes the evolution of legal regulation of public procurement procedures using digital technologies. Particular attention is paid to a comprehensive study of the regulatory framework governing the implementation and operation of electronic platforms for public procurement. The key stages of the transformation of the regulatory framework are considered, starting with the first attempts at digitalization and ending with modern standards and regulations aimed at increasing the transparency, efficiency and competitiveness of public procurement in the digital economy. The author of the work analyzes the regulatory framework that determines the procedures for registration and accreditation of participants in electronic trading platforms and specialized trading platforms

intended for the placement of lots of government customers. In order to achieve the stated research objectives, the article uses such methods as historical, systemic and logical, as well as the comparative legal method. In this article, the author focuses on identifying a number of significant gaps in the legal regulation of the legal relations under study related to the accreditation of participants in electronic trading platforms and specialized trading platforms. The author of the work offers his own definition of the concept of accreditation, taking into account the specifics of electronic trading systems and their legal nature.

Keywords: public / government procurement, government order, tender, auction, electronic auction, electronic platform, specialized electronic platform, participant accreditation, digitalization.

Процесс правового регулирования цифровизации элементов процедур размещения госзаказа начался давно – более 10 лет назад. Так, нормы ныне утратившего юридическую силу Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ¹ (далее – ФЗ 94) в статье 16 устанавливали требования к публичным заказчикам издавать оповещения о размещении заказов на закупку требующихся товаров, работ и услуг на имеющем официальный статус государственном сайте в сети Интернет. При этом как размещение информации на данном сайте заказчиками, так и ознакомление с ней желающими лицами должны были производиться безвозмездно.

После этого в специальной научной литературе было обосновано предложение о целесообразности внедрения электронных способов размещении госзаказов как наиболее прозрачного механизма отбора их исполнителей, отмечалась также важная роль расширения использования аукциона для совершенствования организации госзаказов в России [5].

Дальнейшее развитие правового регулирования цифровизации в сфере размещения госзаказов проявилось во внесении в ФЗ 94 новой главы – главы 3.1, которая регулировала размещение госзаказов посредством открытого аукциона в электронной форме. На тот момент использование электронных площадок и способов в процессе размещения госзаказов было ощутимым шагом вперед.

Специалисты также отмечали, что цифровизация аукционов послужила важнейшим средством ограничения возможностей говора участников торгов и победы на торги заранее определенных субъектов рынка, т. е. разрушения тем самым подлинной состязательности торгов как

предпосылки реального снижения цен [1. – С. 17; 4. – С. 26].

Внедрение цифровизации позволило также пресечь такое специфическое злоупотребление со стороны отдельных представителей госзаказа, как физическое изолирование участника тендера от участия в торгах. Так, согласно данным, представленным в исследовательских работах, до внедрения цифровых технологий в процесс проведения аукционов имели место случаи, когда отдельные организаторы государственных закупок, не имея на то законных оснований, препятствовали допуску представителей участников торгов в зал проведения торгов вплоть до их завершения. Данная практика нарушения прав участников имела место по различным основаниям. Например, некоторым из них мог быть «случайно» не предоставлен пропуск для доступа в зал, где осуществлялись торги. В настоящее время процедура проведения цифрового аукциона предусматривает осуществление торгов с использованием электронных торговых платформ, что, по мнению исследователей, уже не допускает таких злоупотреблений [3].

В настоящее время нормативно-правовое регулирование вопросов размещения государственных заказов регламентируется посредством Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ² (далее – ФЗ 44), который устанавливает ряд требований к проведению аукционов в электронном виде. ФЗ 44 в статье 24 определяет, что размещение государственных заказов в электронном виде возможно в строго определенных формах: открытого конкурса (электронного конкурса), закрытого конкурса (закрытого электронного конкурса), а также запроса котировок (электронного запроса котировок).

¹ Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3105.

² Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

Процесс размещения госзаказов предусматривает проведение советующих процедур на электронных площадках (далее – ЭП). Закрытые электронные процедуры размещения заказов (когда приглашают принять участие заранее определенное множество лиц, способных осуществить исполнение заказа – ч.1 ст. 24 ФЗ 44) осуществляются на специализированных электронных площадках (далее – СпецЭП). В соответствии с частью 2 статьи 24.1 ФЗ 44 Правительство России уполномочено разработать унифицированные стандарты и регламенты, касающиеся функционирования как ЭП, так и СпецЭП. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июня 2018 г. № 656¹ означенные требования были нормативно закреплены.

Отметим, что данное постановление определяет и подробные правила проверки соответствия функционирования ЭП и СпецЭП установленным требованиям, сроки реагирования площадок на действия участников процедур размещения заказов – что, несомненно, имеет положительный результат. Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 июня 2018 г. № 656 был утвержден такой нормативный акт, как «Единые требования к операторам электронных площадок, операторам специализированных электронных площадок, электронным площадкам, специализированным электронным площадкам и функционированию электронных площадок, специализированных электронных площадок», которые устанавливают технические правила работы ЭП (например, такие как минимальная скорость работы линий связи, использование электронной подписи, взаимодействие с единой государственной информационной системой и др.).

Вместе с тем в ФЗ 94 и указанном постановлении Правительства Российской Федерации отсутствуют минимальные аппаратно-технические стандарты, необходимые для работы участников электронных процедур размеще-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июня 2018 г. № 656 «О требованиях к операторам электронных площадок, операторам специализированных электронных площадок, электронным площадкам, специализированным электронным площадкам и функционированию электронных площадок, специализированных электронных площадок, подтверждении соответствия таким требованиям, об утрате юридическим лицом статуса оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 26. – Ст. 3843

ния государственных и муниципальных заказов. Такой пробел правового регулирования может создавать возможность получения технического преимущества (в частности, в скорости отклика на предложение) части пользователей ЭП над соперниками в процессе участия в конкурентных процедурах размещения госзаказов.

Следует отметить, что цифровизация в процессе регулирования государственно значимых правоотношений, таких как госзакупки, послужила началом широкого внедрения цифровизации во всё государственное управление. После изменения ФЗ 94 и принятия ФЗ 44 были введены дополнительные нормы, направленные на ускорение перехода к цифровым формам в государственном управлении в целом. Были приняты уже не действующие Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474², а также утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р Программа «Цифровая экономика»³.

Сейчас стратегические цели в области цифровизации сформулированы Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309⁴. Данный документ устанавливает, что переход к электронному регулированию в сфере государственного и муниципального управления, социальной сферы, экономики и, соответственно, цифровизация процесса размещения государственных заказов рассматриваются как одна из ключевых национальных целей.

Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203⁵ представляет собой один из ключевых элементов в сфере цифровизации государственного и муниципального управления.

² Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 32. – Ст. 5138.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

В условиях стремительного развития цифровой экосистемы документ служит важным ориентиром для формирования стратегических направлений цифровой трансформации на государственном и муниципальном уровнях. Данный указ в подпункте «е» пункта 40 устанавливает, что в рамках задачи «применения информационных и коммуникационных технологий для развития социальной сферы, системы государственного управления, взаимодействия граждан и государства» к данной категории также следует отнести новейшие, передовые технологии, направленные на повышение эффективности государственного управления.

Приведенный выше указ устанавливает, что «цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде новых технологий, обеспечивающих повышение качества государственного управления».

Таким образом, выверенное правовое регулирование процессов цифровизации экономических отношений в целом и, в частности, в сфере государственных закупок (размещения государственных заказов в первую очередь) является одним из важнейших направлений долгосрочной государственной политики.

Одним из существенных вопросов участия субъектов предпринимательства в госзакупках с использованием цифровой среды является процедура получения прав участника торгов на ЭП и СпецЭП (т. е. приобретение специальной правосубъектности на данных площадках, что некоторые авторы называют «необходимой предпосылкой возникновения специальной сделкоспособности участника закупки» [2]).

Данный вопрос регулируется статьей 24.2 ФЗ 44, которая определяет порядок регистрации участников закупок в Единой информационной системе (ЕИС). В данной статье также содержатся нормы, регулирующие процедуру аккредитации участников ЭП и СпецЭП.

ФЗ 44 устанавливает, что регистрация потенциальных участников закупочных процедур в единой информационной системе должна осуществляться исключительно в электронном формате. Важно подчеркнуть, что данный законодательный акт делегирует Правительству Российской Федерации полномочия по разработке и установлению нормативных актов, регламентирующих процедуру регистрации участников.

Настоящая процедура основывается на нормативно-правовой базе, регламентированной Правительством Российской Федерации и определяющей перечень необходимых информационных и документальных оснований. Правительство Российской Федерации также осуществляет регулирование порядка и временных рамок проведения данной регистрации. По завершении процедуры осуществляется внесение данных о лицах, участвующих в закупочных процедурах, в Единый реестр участников закупок, что обеспечивает прозрачность и верифицируемость информации.

Во исполнение и в рамках реализации норм статьи 24.2 ФЗ 44 Правительством Российской Федерации было принято Постановление от 27 января 2022 г. № 6010, которое, в свою очередь, утвердило ряд положений и регламентов, детально регулирующих отдельные аспекты функционирования ЭП и СпецЭП. Среди утвержденных данным положением нормативных актов особое внимание следует уделить такому документу, как «Правила регистрации участников закупок в единой информационной системе в сфере закупок и ведения единого реестра участников закупок» (далее – Правила регистрации участников).

Положения норм статьи 24.2 ФЗ 44 устанавливают правила: а) о прохождении обязательной регистрации участников ЭП и СпецЭП исходя из информации о порядке и сроках, указанных Правительством Российской Федерации, и б) об исполнении аккредитации участников, которые уже реализовали положения пункта «а».

Отметим, что Правила регистрации участников раскрывают необходимый порядок действий лиц, желающих зарегистрироваться на площадке, устанавливают закрытый перечень документов, которые следует предоставить. Вместе с тем Правила регистрации участников не отвечают на вопрос, каким образом осуществляется аккреди-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 января 2022 г. № 60 «О мерах по информационному обеспечению контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, по организации в ней документооборота, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 6. – Ст. 872.

тация участников и необходимо ли им совершать какие-либо действия для осуществления именно аккредитации или же для совершения процедуры аккредитации достаточно решения организатора электронной площадки.

Отсутствие нормативных указаний в этом отношении представляет собой пробел в регулировании исполнения предписаний ФЗ 44 о необходимости аккредитации участника. Однако, если обратиться к вспомогательным материалам, не имеющим никакой юридической силы, в толковании норм ФЗ 44 можно обнаружить позицию, согласно которой аккредитация участников ЭП производится в автоматическом порядке организаторами таких площадок («Готовое решение» СПС КонсультантПлюс¹). В тексте данного вспомогательного материала дана ссылка на часть 4 статьи 24.2 ФЗ 44, где указано только то, что операторы осуществляют аккредитацию участника после регистрации участника закупки в единой информационной системе.

Однако в тексте ФЗ 44 отсутствует пояснение об автоматическом, т. е. одностороннем, действии организатора ЭП. В связи с этим вопрос о точных правилах аккредитации участника остается открытым. Представляется, что правовое регулирование было бы более точным и правильным, если бы разъяснение о таком автоматическом виде действий организатора (т. е. самостоятельной аккредитации участника оператором без дополнительных действий со стороны участника) было бы помещено в тексте статьи 24.2 ФЗ 44.

Данный пробел становится особенно заметным, если обратиться к нормам о правовом регулировании процедуры аккредитации участника на СпецЭП. Данные правила установлены в развитие норм ФЗ 44 Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 223², которое утвердило «Положение об особенностях проведения закрытых электронных процедур и порядке аккредитации на специализированных электронных площадках» (далее – Положение об аккредитации).

¹ Как зарегистрироваться в ЕИС участнику закупок по Закону № 44-ФЗ // СПС КонсультантПлюс, 2025.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 223 «Об особенностях проведения закрытых электронных процедур и порядке аккредитации на специализированных электронных площадках» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 11. – Ст. 1116.

В соответствии с пунктом 15 Положения об аккредитации в отношении участников процедур закупок аккредитация на СпецЭП осуществляется оператором СпецЭП. Это происходит на основании заявления об аккредитации участника процедуры закупки в адрес оператора площадки, а также предоставления документов и информации в отношении заявителя, установленных ФЗ 44. Период действительности аккредитации участника закупки на СпецЭП составляет три года с даты оповещения оператором СпецЭП заявителя о принятии решения проведения процедуры аккредитации, а за три месяца до истечения указанного трехлетнего срока участник теряет право участвовать в закрытых электронных процедурах (п. 17 Положения об аккредитации). На следующий день после истечения трехлетнего срока действия аккредитации участника оператор СпецЭП обязан в течение одного рабочего дня исключить из реестра участников площадки сведения об этом участнике, а также оповестить этого участника об истечении срока и исключении его из реестра.

Таким образом, Правительством Российской Федерации в Положении об аккредитации вопросы аккредитации участников СпецЭП урегулированы значительно полнее, с указанием последовательности действий участников правоотношений. Что касается аналогичных норм, регулирующих действия участков и операторов обычных ЭП, то здесь, как представляется, в Правилах регистрации участников имеются правовые пробелы: не указаны точный порядок аккредитации участников, период ее действия и, соответственно, порядок действия оператора площадки при истечении срока действия аккредитации.

Кроме того, анализируя как ФЗ 44, так и приведенные подзаконные акты Правительства Российской Федерации, следует отметить, что в них отсутствует сама дефиниция такой аккредитации.

Исходя из закрепленных в ФЗ 44 и подзаконных актах Правительства Российской Федерации признаков аккредитации участников торгов, представляется возможным сформулировать следующую дефиницию понятия такой аккредитации, которая может быть помещена в статью 24.2 ФЗ 44: «Аkkредитация участников торгов на электронной площадке, а также специализированной электронной площадке – это процедура, осуществляемая оператором электронной торговой площадки или специализированной платформы. В результате ее проведения оператор

официально подтверждает соответствие лица, желающего участвовать в электронных торгах, требованиям законодательства и предоставляет ему право на участие в торгах. Аккредитация участника признается действительной с 0.00 ч после дня оповещения его оператором площадки о признании аккредитованным, срок действия такой аккредитации составляет 3 года».

Для снижения злоупотреблений в цифровых процедурах размещения заказов необходимы более детальное и прозрачное регулирование именно цифровых элементов размещения госзаказов, усиление общественного контроля в этом сегменте отношений организаторов и участников процедур размещения.

Список литературы

1. Беляева О. А. Провоцирование сговоров между участниками публичных закупок // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2017. – № 4. – С. 17–20.
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (постатейный) / А. Е. Кирпичев, В. А. Кондратьев, Б. Е. Кошелюк и др.; под ред. Б. Е. Кошелюка. – М. : Проспект, 2019.
3. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / А. В. Белицкая, В. С. Белых, О. А. Беляева и др.; отв. ред. В. А. Вайнан, М. А. Егорова. (Гл. 2.4. Цифровизация государственных и муниципальных закупок: целеполагание, эволюция и перспективы). – М. : Юстицинформ, 2019.
4. Румак В. Когда представители госкорпораций заявляют, что в их компетенцию не входит развитие конкуренции, — это абсурд [Интервью с М. А. Овчинниковым] // Закон. – 2017. – № 12. – С. 26–26.
5. Щербаков В. А. Аукцион как форма размещения госзаказа: особенности и перспективы // Россия: ключевые проблемы и решения : сборник научных статей РАГС, ИНИОН, СЗАГС. – Вып. 7. Ч. 2 / под общ. ред. В. К. Егорова, А. С. Горшкова, В. М. Герасимова, М. А. Кашиной. – М. : Изд-во РАГС, 2008. – С.300–305.

Правовой режим результатов, созданных при помощи искусственного интеллекта

А. Е. Ермаков

адвокат Адвокатской палаты г. Москвы,
аспирант кафедры конституционного и гражданского права
Государственного университета просвещения.
Адрес: ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»,
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24.
E-mail: a.ermakov@astakhov.ru

The Legal Regime of the Results Created with the Help of Artificial Intelligence

A. E. Ermakov

Attorney at Moscow Bar Association,
Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Civil Law
of the State University of Education.
Address: Federal State University of Education,
24 Vera Voloshina Str., Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation.
E-mail: a.ermakov@astakhov.ru

Поступила 20.08.2025 Принята к печати 01.09.2025

Аннотация

Статья посвящена вопросам правового регулирования и правовой органы объектов авторского права, созданных при помощи технических решений искусственного интеллекта. В статье проведен правовой анализ определения понятия «искусственный интеллект» согласно российскому законодательству. Особое внимание уделено правовым коллизиям, возникающим при создании объектов интеллектуальной собственности с использованием технических решений искусственного интеллекта, включая вопросы авторства, переработки произведений и распределения прав. В статье формулируются подходы к поиску ответа на вопрос, могут ли результаты работы машины, имитирующей когнитивные функции, приравниваться по содержанию и качеству к результатам творческой деятельности человека. Представлен анализ действующего правового регулирования, способствующий преодолению правовых коллизий, возникающих при создании объектов интеллектуальной собственности с использованием технических решений искусственного интеллекта. В статье делается вывод о необходимости дальнейшего развития правовых механизмов, способных реагировать на стремительный прогресс технологий искусственного интеллекта, особенно в вопросах ответственности за генерацию произведений на основе оригинальных произведений в нарушение прав правообладателей оригинальных произведений. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования в сфере использования технических решений искусственного интеллекта по созданию, модификации и переработке результатов интеллектуальной деятельности человека.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, объекты авторского права, производные произведения, литературные произведения, авторство, переработка произведения, искусственный интеллект, генерирование произведений.

Abstract

This article examines the legal regulation and legal authorities of copyrighted objects created using artificial intelligence solutions. The article provides a legal analysis of the definition of "artificial intelligence" under Russian law. Particular attention is paid to legal conflicts arising during the creation of intellectual property using artificial intelligence solutions, including issues of authorship, adaptation of works, and distribution of rights. The article formulates approaches to answering the question of whether the results of a machine simulating cognitive functions can be equivalent in content and quality to the results of human creative activity. An analysis of current legal regulations is presented, facilitating the resolution of legal conflicts arising during the creation of intellectual property using artificial intelligence solutions. The article concludes that further development of legal mechanisms

capable of responding to the rapid advancement of artificial intelligence technologies is necessary, particularly with regard to liability for the generation of works based on original works in violation of the rights of the original copyright holders. Proposals have been formulated to improve legal regulation in the area of using artificial intelligence technical solutions in the field of creation, modification and processing of the results of human intellectual activity.

Keywords: intellectual property, objects of copyright, derivative works, literary works, authorship, reworking of a work, artificial intelligence, generation of works.

Знаменитый философский афоризм Рене Декарта «Cogito, ergo sum» («Мыслю, следовательно, существую») стал интеллектуальным манифестом эпохи Просвещения. Это лаконичное утверждение, появившееся в работе «Рассуждение о методе» (1637), выражает фундаментальный принцип рационализма: само осознание процесса мышления служит неопровергимым доказательством существования мыслящего субъекта. Но означает ли это, что машина, обученная алгоритму, процессу мышления, также обладает критериями мыслящего субъекта и, как следствие, должно быть неразрывно связано с вытекающими из результатов такой мыслительной деятельности правами и обязанностями? Однозначного ответа на данный вопрос в юридической науке нет до сих пор.

Французский механик и изобретатель Жак де Вокансон, живший в 1709–1782 гг., в 1738 г. разработал первое функционирующее человекоподобное устройство под названием «андроид», которое умело играть на флейте. Это механическое устройство, получившее название «Флейтист», было размером в человеческий рост (около 165 см). Этот удивительный автомат исполнял двенадцать разных мелодий, искусно выпуская воздух через рот и двигая пальцами, словно живой музыкант. Современники рассказывали, что многие зрители поначалу отказывались верить в его самостоятельную игру – они подозревали, что внутри спрятан какой-то музыкальный механизм. Однако даже самые скептически настроенные наблюдатели в конце концов признали мастерство Вокансона, поскольку устройство тщательно осмотрели и убедились в его подлинной механической природе.

В 1749 г. на заседании Руанской академии хирург Клод-Николя Ле Ка выступил с необычным предложением – создать искусственного человека. Как отметил один из присутствовавших, докладчик поделился амбициозным замыслом: его автомат должен был обладать полноценной кровеносной системой, дыханием, пищеварением и выделительными функциями, включая сердце,

легкие, печень, мочевой пузырь и другие органы. Ле Ка с юмором добавлял, что если такой механический человек заболеет лихорадкой, его можно будет лечить традиционными методами – кровопусканием и слабительным, после чего он станет «совсем как настоящий» [5].

Затем наступила эпоха медиа: появились фотография, кинематограф, электронные системы и компьютеры. Конструкции становились все сложнее, а XX век ознаменовался стремительным прогрессом, особое место в котором занимают робототехника, информационные и когнитивные технологии. В итоге человек все глубже погружается в мир, который активно проектируется и формируется наукой и технологиями, становясь неотъемлемой частью этой искусственно созданной реальности. Одновременно все более значимую роль данная искусственно созданная реальность играет в реальной повседневной, творческой и даже научной жизни человека.

Применяемое законодательство Российской Федерации содержит определение «искусственный интеллект», которое впервые было представлено в абзаце 5 раздела 1 Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Указ от 10 октября 2019 г.):¹

«Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // «КонсультантПлюс».

машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

Представленное определение искусственного интеллекта напрямую указывает на конкурирующую способность его результатов по отношению к результатам интеллектуальной деятельности человека, в том числе в творческой сфере. Отметим, что государственная политика играет ключевую роль в формировании стратегического курса, направленного на создание оптимальных условий для развития и практического применения достижений российских ученых и специалистов. При этом, хотя государство задает общие ориентиры научно-технологического прогресса, конкретные правовые механизмы, необходимые для обеспечения устойчивого и комплексного развития научно-технической сферы, остаются за рамками его непосредственной компетенции [4].

Существуют мнения специалистов, согласно которым сравнение имитации когнитивных функций искусственного интеллекта с когнитивной функцией человека, скорее всего, является методологически неверным, поскольку сложные программные комплексы разработаны людьми для выполнения заранее определенных функций, и, несмотря на то, что такие системы успешно решают множество конкретных задач, их возможности строго ограничены заложенными алгоритмами и архитектурой [2].

В абзаце 17(4) Указа от 10 октября 2019 г. сформулирована проблема, связанная с охраной прав на объекты интеллектуальной собственности правообладателей, используемые в работе искусственного интеллекта:

«В 2022–2023 годах в мире произошел новый скачок в развитии технологий искусственного интеллекта благодаря совершенствованию больших генеративных моделей в области языка, изображений (включая видеоизображения) и звука. Большие фундаментальные модели уже сейчас способны писать программные коды по техническим заданиям, сочинять поэмы на заданную тему, давать точные и понятные ответы на тестовые вопросы различных уровней сложности, в том числе из образовательных программ. Модели искусственного интеллекта за секунды создают изображения на любую тему по заданному текстовому описанию или наброску, что создает угрозу распространения запрещенной информации, нарушения авторских прав и генерации ошибочных сведений».

Несмотря на допущение способности искусственного интеллекта превосходить результаты человеческой деятельности, действующее законодательство прямо исключает возможность квалификации искусственного интеллекта как автора соответствующих результатов, поскольку, в силу пункта 1 статьи 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) автором результата интеллектуальной деятельности признается только гражданин (физическое лицо), творческим трудом которого создан такой результат. При этом абзац 2 пункта 1 статьи 1228 ГК РФ содержит оговорку, согласно которой не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ.

Следовательно, поскольку работа искусственного интеллекта основана на комплексе технологических решений, то в силу оговорки, содержащейся в абзаце 2 пункта 1 статьи 1228 ГК РФ, процесс работы искусственного интеллекта, заключающийся в техническом содействии целям решения поставленной пользователем задачи, не может квалифицироваться в качестве творческого труда.

При этом сформулированная пользователем задача (ее составные элементы) может представлять собой самостоятельный объект интеллектуальной деятельности, на который у пользователя или иного третьего лица могут быть исключительные права. Например, соответствующая задача может включать в себя:

- изображение, текст литературного произведения, видео, музыку или текст кода программы для ЭВМ, охраняемые в качестве объектов авторского права;
- текст, описывающий творческий замысел и содержание произведения, подлежащего созданию искусственным интеллектом «по инструкции».

Предположим, пользователь предоставляет искусственному интеллекту (т. е. программе для ЭВМ, исключительные права на которую принадлежат третьему лицу) материалы, являющиеся объектом интеллектуальной собственности и охраняемые авторским правом (далее – ориги-

нальные произведения). В этом случае пользователь задействует искусственный интеллект в качестве инструмента для осуществления переработки (модификации) имеющихся у него оригинальных произведений в новое произведение, являющееся результатом такой переработки (далее – сгенерированные произведения). Результат переработки в соответствии с подпунктом 1 пункта 2 статьи 1259 ГК РФ является самостоятельным объектом, и его правовой статус (является ли сгенерированное произведение законным, кто является его правообладателем) неразрывно связан с правомерностью использования оригинальных произведений при создании сгенерированных произведений.

Так, по общему правилу, закрепленному в статье 136 ГК РФ, плоды, продукция, доходы, полученные в результате использования вещи, независимо от того, кто использует такую вещь, принадлежат собственнику вещи, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, договором или не вытекает из существа отношений. Следовательно, если пользователь правомерно использовал оригинальные произведения для их переработки (модификации) с использованием искусственного интеллекта, вопросы возникновения и правовой охраны исключительных прав на результат переработки (сгенерированные произведения) подлежит разрешению в договоре, заключенном между пользователем и правообладателем программы для ЭВМ, представляющей собой искусственный интеллект. Примером такого договора является пользовательское соглашение ООО «Яндекс», регулирующее правила и условия использования сервиса «Шедеврум», предоставляющего возможность создавать изображения и видео в соответствии с заданным пользователем запросом. Так, согласно пункту 3.2. пользовательского соглашения сервиса «Шедеврум»¹, предусмотрено, что пользователь, «размещая на Сервисе Запрос для получения Изображения, Видео, Фильтрума или Текста, либо созданный Пользователем Тег, предоставляет Яндексу и другим пользователям Сервиса безвозмездную и безотзывную неисключительную лицензию на использование Запроса, и/или Тега на территории всего мира на срок

действия исключительных прав, в том числе, но не ограничиваясь, на воспроизведение, копирование, подбор, систематизацию, преобразование, изменение, редактирование, перевод, опубликование, распространение, сообщение в эфир, сообщение по кабелю, доведение до всеобщего сведения Запроса и/или Тега (частично или полностью) любыми законными способами, как с указанием, так и без указания имени Пользователя, с правом предоставления сублицензии третьим лицам».

Как указано в пункте 3.4 условий использования сервиса «Шедеврум» ООО «Яндекс»², любые негативные правовые последствия от использования сервиса пользователь несет самостоятельно:

«Публикуя Изображение, Фильтрум, Видео, Клипы или Текст на Сервисе, используя уже опубликованные Изображения, Фильтрумы, Видео, Клипы или Тексты, и размещая Музыку на Сервисе, Пользователь принимает на себя все риски, в том числе, связанные с нарушением исключительных прав третьих лиц, в случае если им не соблюдены гарантии, указанные в п. 2.5. Условий».

Таким образом, условия работы сервиса «Шедеврум» ООО «Яндекс» основываются на следующих существенных условиях:

- предоставляя оригинальные материалы сервису, пользователь предоставляет неограниченному кругу лиц право использования оригинальных материалов любым законным способом на безвозмездной основе;
- результаты работы сервиса могут быть использованы неограниченным кругом лиц любым законным способом на безвозмездной основе;
- пользователь гарантирует законность использования оригинальных материалов;
- в случае нарушения прав третьих лиц на использование оригинальных произведений пользователь несет ответственность перед третьими лицами.

Таким образом, договор между ООО «Яндекс» и пользователем предусматривает свободное использование как оригинальных произведений, так и плодов работы сервиса неограниченным кругом лиц, что, с одной стороны, минимизирует риск возникновения споров, связанных с правовой охраной на сгенерированные произведения,

¹ Условия использования сервиса «Шедеврум» ООО «Яндекс». – URL: https://yandex.ru/legal/shedevrum_termsfuse/ru/ (дата обращения: 25.09.2025).

² Там же.

а с другой стороны, позволяет недобросовестным пользователям, использующим оригинальные произведения без разрешения правообладателей, путем нескольких переработок получить такое сгенерированное произведение, которое хоть и основано на оригинальном произведении, но в результате множественных переработок уже не имеет столь ярких отличительных признаков, выдающих его сходство с оригинальным произведением, что снижает шансы на успешное выявление факта незаконного использования оригинального произведения в работе искусственного интеллекта.

Полагаем, что для целей повышения уровня защиты прав правообладателей на оригиналь-

ные произведения следует предусмотреть обязанность правообладателей публично доступных технических решений в сфере искусственного интеллекта раскрывать информацию об оригинальных произведениях, выгруженных пользователями в сервис искусственного интеллекта для целей его переработки (модификации). Так правообладатели оригинальных произведений смогут оперативно определить, был ли зафиксирован факт использования их оригинального произведения сервисом искусственного интеллекта, и если да, то какое сгенерированное произведение на основе оригинального произведения было создано и кем.

Список литературы

1. Белькова Е. Г. Произведения, созданные технологиями искусственного интеллекта // Академический юридический журнал. – 2022. – Т. 23. – № 2 (88). – С. 153–160.
2. Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 5 (105). – С. 32–40.
3. Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: «искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в механизме договорного регулирования (цивилистическое исследование) : монография в 5 т. – Т. 4. – М. : Проспект, 2022.
4. Синельникова В. Н. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 320–328.
5. Стрелков Е. М. Модели тела: от автомата Жака Де Вокансона до нейросимбиота // История науки и техники. Музейное дело. Периодическая таблица технологий: человеческий фактор : материалы XIII международной научно-практической конференции. – М. : 2020. – С. 346–348.

Правовые средства защиты в эпоху смарт-контрактов: адаптация традиционных механизмов

А. А. Ляужев

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Lyauzhev.AA@rea.ru

Legal Remedies in the Era of Smart Contracts: Adapting Traditional Mechanisms

A. A. Lyauzhev

Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.
E-mail: Lyauzhev.AA@rea.ru

Поступила 10.07.2025 Принята к печати 25.08.2025

Аннотация

В статье исследуются вопросы адаптации традиционных правовых механизмов защиты к условиям широкого внедрения технологий смарт-контрактов. Автор анализирует существующие проблемы правового регулирования автоматизированных договорных отношений и предлагает пути модернизации системы правовой защиты. В работе рассматриваются концептуальные подходы к созданию гибридных правовых конструкций, сочетающих принципы децентрализации блокчейна с традиционными механизмами защиты прав. Особое внимание уделяется формированию специализированной судебной практики, разработке технико-правовых стандартов и созданию новых процедур доказывания в цифровой среде. Автор обосновывает необходимость создания многоуровневой системы правовой защиты, включающей как превентивные механизмы (стандартизация, аудит кода), так и посттранзакционные средства защиты (специализированные арбитражные процедуры, механизмы компенсации). Результаты исследования показывают, что успешная интеграция смарт-контрактов в правовое поле возможна только при условии комплексного междисциплинарного подхода и активного взаимодействия юридического сообщества с IT-специалистами и регуляторами.

Ключевые слова: смарт-контракты, блокчейн, правовая защита, цифровые технологии, правовое регулирование, автоматизированные договоры, арбитражные процедуры, технико-правовые стандарты, судебная практика, децентрализация, правовые механизмы, цифровая экономика, договорное право, компенсационные механизмы.

Abstract

This article explores the adaptation of traditional legal protection mechanisms to the widespread adoption of smart contract technologies. The author analyzes existing challenges in the legal regulation of automated contractual relationships and proposes ways to modernize the system of legal protection. The study examines conceptual approaches to creating hybrid legal frameworks that combine the principles of blockchain decentralization with traditional rights protection mechanisms. Special attention is given to the development of specialized judicial practices, the establishment of techno-legal standards, and the creation of new evidentiary procedures in the digital environment. The author argues for the necessity of a multi-layered legal protection system that includes both preventive mechanisms (such as standardization and code auditing) and post-transaction remedies (such as specialized arbitration procedures and compensation mechanisms). The findings indicate that successful integration of smart contracts into the legal domain is possible only through a comprehensive interdisciplinary approach and active collaboration between the legal community, IT specialists, and regulators.

Keywords: smart contracts, blockchain, legal protection, digital technologies, legal regulation, automated contracts, arbitration procedures, techno-legal standards, judicial practice, decentralization, legal mechanisms, digital economy, contract law, compensation mechanisms.

Стремительное развитие цифровых технологий и внедрение блокчейн-решений в различные сферы общественных отношений актуализирует вопросы правового регулирования новых форм договорных отношений. Создание теории смарт-контрактов, которая включает в себя научно-практические положения, связанные как с юриспруденцией, так и с техническими науками, привлекло за собой некоторое упрощение деятельности отдельных субъектов [9]. Однако при этом возникает фундаментальная проблема эффективной защиты субъектов, которые вступают в подобные отношения.

Смарт-контракт представляет собой самоисполняемый программный алгоритм, функционирующий в децентрализованной блокчейн-среде и предназначенный для автоматизации обязательственных отношений. В доктрине смарт-контракт трактуется как компьютерный протокол с встроенными договорными условиями, исполняемый в сетевой инфраструктуре [5].

Правовая доктрина выделяет три концептуальные модели смарт-контрактов:

- договорная модель – признание смарт-контракта самостоятельным видом договора [10];
- инструментальная модель – интерпретация смарт-контракта как способа исполнения обязательств [2];
- формальная модель – квалификация смарт-контракта в качестве договорной формы [12].

Дифференцированный подход предполагает разграничение технического смарт-контракта (цифрового кода) и юридического смарт-контракта как договора с технологическим компонентом. Последний определяется как самоисполняющееся соглашение с алгоритмической составляющей, размещенное в DLT-системе, активируемое при соблюдении предустановленных условий и связывающее множественных субъектов [16].

Исходя из приведенных определений, следует сделать вывод, что смарт-контракт – это не отдельный вид договора. Смарт-контрактом может выступать и договор купли-продажи, и договор аренды, и многие другие гражданско-правовые договорные конструкции [1]. Смарт-контракт предопределяет специфику порядка и способов заключения договора, исполнения обязательств сторон, прекращения договорных отношений.

Законодательное гарантирование равной защиты участников смарт-контрактов требует их

соответствия гражданско-правовым стандартам, что представляет технико-юридическую проблему идентификации субъектов и целеполагания в автономных блокчейн-платформах.

Федеративная модель США представляет собой децентрализованный подход к правовому регулированию смарт-контрактов в отсутствие федерального законодательства. На уровне отдельных штатов (Аризона, Арканзас, Иллинойс, Невада, Северная Дакота, Теннесси, с перспективой принятия в Нью-Йорке) сформировались две основные концептуальные модели. Первая модель, реализованная в Аризоне, Северной Дакоте и проекте Нью-Йорка, квалифицирует смарт-контракт как «событийно-управляемую программу в распределенном реестре для передачи активов», расширяя сферу применения технологии за пределы договорных отношений. Арканзас дополнитель но наделяет смарт-контракты функциями согласования и верификации условий. Альтернативная модель Иллинойса ограничивает смарт-контракт договорной сферой, определяя его как «договор в электронной записи с блокчейн-верификацией». Первый подход представляется предпочтительным, поскольку обеспечивает универсальные принципы применения технологии и предотвращает нормативные пробелы, потенциально нарушающие права субъектов [14].

Инструментальная концепция смарт-контрактов получила развитие в европейских и азиатских юрисдикциях, акцентирующих автоматизацию исполнения как ключевую характеристику технологии. Во Франции и Китае утвердился подход к смарт-контракту как программному обеспечению для автоматизации выполнения соглашений, записанных в блокчейне, либо принудительного исполнения традиционных контрактов. Китайская доктрина, несмотря на лидерство в блокчейн-технологиях, отвергает квалификацию смарт-контракта как юридического договора, позиционируя его как «инструмент исполнения или дополнение к традиционному договору». Российская правовая система восприняла аналогичный подход: статья 160 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) исключает признание смарт-контракта как само-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «Консультант Плюс Проф».

стоятельной формы письменной сделки из-за невозможности воспроизведения на материальном носителе, тогда как статья 309 ГК РФ легитимирует смарт-контракты как способ автоматизированного исполнения обязательств при наступлении определенных обстоятельств посредством информационных технологий.

Гибридные модели правового регулирования, сочетающие формальные и инструментальные аспекты смарт-контрактов, реализованы в Беларуси и Италии. Белорусский Декрет № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики»¹ определяет смарт-контракт как «программный код для автоматизированного совершения сделок и юридически значимых действий», не ограничивая применение гражданско-правовой сферой, но вводя субъектные ограничения для резидентов Парка высоких технологий и банковского сектора. Итальянское законодательство (Закон № 12 от 2019 г.)² характеризует смарт-контракт как «компьютерную программу на базе распределенного реестра для автоматического выполнения предварительно согласованных условий», признавая соответствие письменной форме при надлежащей идентификации сторон. Национальный совет нотариусов Италии критически оценивает формальную концепцию, указывая на структурную примитивность смарт-контрактов, содержащих исключительно исполнительные инструкции без описательных элементов договора, что требует либо включения квалифицирующих элементов в код, либо комбинирования с письменными договорами, либо типизации по видам договорных отношений.

Среди классических возражений против масштабного внедрения смарт-контрактов выделяется повышенная вероятность мошеннических схем, способных нанести ущерб потребителям и прочим субъектам таких операций [3]. Еще одним существенным изъяном смарт-контрактов выступают сложности, возникающие в процессе судебного разбирательства при появлении конфликтных ситуаций. Судебным органам потребуется анализировать не только правовые аспекты, но и технологические нюансы, что повлечет трудности как для судебной системы, так и для участника

процесса, располагающего меньшими техническими ресурсами и компетенциями.

Юрисдикционные проблемы признания недействительности сделок в формате смарт-контрактов выявляют фундаментальные противоречия между традиционными механизмами гражданско-правовой защиты и технологическими особенностями блокчейн-систем. Зарубежные исследования демонстрируют критическую сложность применения института недействительности сделок к смарт-контрактам, обусловленную иммутабельностью блокчейн-записей и автономностью исполнения программного кода. Правовая конструкция договора, реализованного в виде программного алгоритма, создает беспрецедентные вызовы для судебной системы, требуя обязательного привлечения технических экспертов для интерпретации договорных условий, записанных на языках программирования. Данная проблематика усугубляется отсутствием стандартизованных методологий судебной экспертизы смарт-контрактов и недостаточной технической компетентностью правоприменительных органов в области блокчейн-технологий [11].

Концептуальные основы защиты субъектов смарт-контрактных отношений базируются на универсальности фундаментальных принципов гражданского права, адаптированных к технологическим особенностям децентрализованных систем. Российская цивилистическая доктрина, представленная исследованиями ведущих правоведов, обосновывает применимость принципов юридического равенства субъектов и добросовестности к смарт-контрактным отношениям независимо от их технологической природы. Принцип юридического равенства в контексте смарт-контрактов приобретает особую значимость в условиях потенциальной асимметрии технических компетенций сторон, требуя разработки механизмов компенсации информационного неравенства и обеспечения реального паритета субъектов при заключении и исполнении цифровых договоров [3].

Принцип добросовестности в смарт-контрактных отношениях подвергается концептуальному расширению с охватом всех стадий договорного процесса – от программирования до исполнения обязательств. В. Г. Голубцов характеризует добросовестность как правовой механизм стимулирования должника к надлежащему исполнению и гарантирования кредиторских интересов, что в условиях автоматизированного

¹ Декрет № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики». – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716>

² LEGGE 12 dicembre 2019, n. 141. – URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2019;141>

исполнения требует переосмысления традиционных подходов [6]. Применительно к смарт-контрактам принцип добросовестности должен распространяться на стадию программирования договорных условий, включая обязанности по раскрытию технических особенностей алгоритма, потенциальных рисков и ограничений системы, а также обеспечению доступности и понятности договорных условий для всех участников независимо от их технической квалификации. Данный расширенный подход предполагает формирование новых стандартов добросовестного поведения, включающих прозрачность программного кода, предварительное тестирование алгоритмов и обеспечение возможностей для исправления технических ошибок.

Практическая реализация принципа добросовестности в смарт-контрактах требует разработки специализированных правовых инструментов, учитывающих технологическую специфику и риски цифрового взаимодействия. Необходимо формирование комплексного подхода, включающего стандарты технической документации смарт-контрактов, процедуры аудита программного кода, механизмы верификации личности участников блокчейн-сетей и протоколы разрешения споров в децентрализованной среде. Особого внимания требует проблема ответственности разработчиков смарт-контрактов за программные ошибки и недостатки алгоритмов, что предполагает формирование доктрины профессиональной ответственности в сфере блокчейн-программирования и установление стандартов должной осмотрительности при создании автоматизированных договорных систем.

Исследователи также обращают внимание на то, что принцип добросовестности в цифровой среде должен включать обязанность сторон по раскрытию технических особенностей функционирования программного кода, потенциальных рисков его работы и возможных сценариев развития событий при различных обстоятельствах. Это расширенное понимание добросовестности отражает специфику смарт-контрактов, где техническая реализация неразрывно связана с правовым содержанием соглашения.

Особое значение в контексте смарт-контрактов приобретает судебная практика, которая, по мнению А. Т. Миляхетдинова, должна идти не по пути отрицания возможности использования основополагающих принципов гражданского права, а по пути их адекватного примене-

ния с учетом технологических особенностей цифровых договоров [13]. В противном случае смарт-контракты могут активно использоваться недобросовестными участниками гражданского оборота для различных злоупотреблений, что создаст угрозу для стабильности гражданского оборота в целом.

Зарубежная судебная практика демонстрирует перспективные подходы к решению данной проблемы. Показательным в этом отношении является подход американских судов, которые признают, что компьютер работает только в соответствии с информацией и указаниями, предоставленными его программистами-людьми. Как было отмечено в знаковом деле *State Farm Mut. Auto. Ins. Co. v. Bockhorst*: «Если компьютер не думает, как человек, это вина человека»¹. Этот подход позволяет применять традиционные правовые механизмы ответственности и к сфере автоматизированных договорных отношений, сохраняя при этом человеческий фактор в качестве определяющего элемента правовой ответственности.

Аналогичная логика прослеживается и в деле *Schnabel v. Trilegiant Corp.*, где суд подчеркнул важность учета предшествующих деловых отношений и отраслевой практики при интерпретации автоматизированных договорных условий². Данный подход свидетельствует о готовности судов применять существующие правовые конструкции к новым технологическим решениям, что создает основу для стабильного правового регулирования смарт-контрактов.

Для обеспечения эффективной защиты прав участников смарт-контрактов необходима разработка комплексной системы превентивных мер и механизмов постфактум защиты. Исследователи подчеркивают, что участникам смарт-контракта необходимо внимательно изучить условия договора и апробировать программный код на наличие в нем технических ошибок еще до заключения соглашения [15]. Однако эта рекомендация выявляет фундаментальную проблему асимметрии информации между сторонами договора,

¹ *State Farm Mutual Automobile Insurance Company, Acorporation, Plaintiff-appellant, v. Alfred E. Bockhorst et al., Defendant-appellee*, 453 F.2d 533 (10th Cir. 1972). – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/453/53/386003/>

² *Schnabel et al. v. Trilegiant Corp. et al.*, No. 11-1311 (2d Cir. 2012). – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca2/11-1311/11-1311-2012-09-07.html>

особенно когда одна из сторон не обладает достаточными техническими знаниями для анализа программного кода.

Для решения этой проблемы исследователи предлагают институциональные решения. В частности, чтобы минимизировать собственные риски, сторона по договору может обратиться в специализированную страховую компанию, у которой есть политика защиты сторон смарт-контракта, с целью проверки смарт-кода контракта на выполнение функций, указанных в тексте соглашения [11]. Привлечение страховой компании обеспечивает дополнительный профессиональный аудит кода на наличие в нем ошибок, а последующее страхование создает дополнительную защиту нарушенных прав.

Интересным решением является предложение о применении смешанных моделей договорного регулирования. Как отмечают О. С. Гринь, Е. С. Гринь и А. В. Соловьев, одновременно со смарт-контрактом стороны могут заключить аналогичный договор на естественном языке, либо, используя смешанную модель, заключить договор на естественном языке и лишь часть положений оформить в виде программного кода [8]. Такой подход позволяет сочетать преимущества автоматизации с гарантиями понятности и интерпретируемости договорных условий.

Российское законодательство пошло по пути более консервативного подхода: во избежание потенциальных сложностей с установлением воли сторон договорных отношений законодательство не признает возможность заключения смарт-контракта без отражения воли сторон в традиционной форме [7]. Этот подход, с одной стороны, обеспечивает правовую определенность, но с другой стороны, может ограничивать развитие инновационных договорных механизмов.

Несмотря на относительную новизну российского законодательства в сфере цифровых финансовых активов, преждевременно делать выводы о сформировавшейся единообразной судебной практике по данной категории дел. Тем не менее уже сейчас можно выделить ключевые проблемы правоприменения, которые демонстрируют системные недостатки действующего нормативного регулирования и указывают на необходимость его совершенствования.

Официальное толкование цифровых финансовых активов, установленное в Федеральном законе № 259-ФЗ от 31 июля 2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о

внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О ЦФА»)¹, носит отыскочный характер. Формулировка не содержит конкретизации, а направляет к положениям статьи 141.1 ГК РФ (первая часть), что представляет собой недостаток нормативного регулирования. Отсутствие четкой дефиниции правового феномена порождает двусмысленность при формировании юридического статуса.

Согласно нормам ФЗ «О ЦФА», цифровая валюта представляет собой возможный объект инвестирования и расчетный инструмент. Вместе с тем, статья 14 данного нормативного акта запрещает физическим и юридическим лицам использовать цифровую валюту для расчетов за предstawляемые товары и услуги любым способом.

Парадоксальность признания цифровой валюты (криптовалюты) платежным средством приводит к уменьшению экономической целесообразности обладания цифровой валютой (криптовалютой). В связи с этим в современных условиях применение смарт-контрактов возможно через создание дополнительных соглашений к основному договору в области оплаты выполненных работ, предоставленных услуг или реализованных товаров, что, с нашей точки зрения, представляет собой негативную динамику.

Данная неблагоприятная тенденция частично проявилась в судебной практике. В решении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 февраля 2023 г. по делу № А55-7445/2022² аргументы истца о том, что заключенное соглашение на базе смарт-контрактной технологии представляет собой договор реализации автотранспорта с правом одностороннего расторжения обязательств, суд признал неубедительными, поддержав позицию нижестоящей инстанции.

Суд нижестоящей инстанции отклонил исковые требования по причине предоставления истцом недостоверной документации, неспособной подтвердить факт достижения соглашения между участниками спора и ввиду отсутствия выраженного желания ответчика заключить данное соглашение.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс Проф».

² Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 февраля 2023 г. № 11АП-19145/2022 по делу № А55-7445/2022 // СПС «Консультант Плюс Проф».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости комплексной трансформации традиционных правовых механизмов защиты в условиях широкого внедрения технологий смарт-контрактов.

Анализ показал, что существующая правовая система обладает достаточной гибкостью для адаптации к новым технологическим реалиям, однако требует значительной модернизации как на концептуальном, так и на практическом уровне. Ключевыми направлениями такой адаптации являются:

- развитие гибридных правовых конструкций, сочетающих автоматизированное исполнение смарт-контрактов с традиционными механизмами правовой защиты;
- формирование специализированной судебной практики и подготовка квалифицированных кадров для рассмотрения споров, связанных с блокчейн-технологиями;
- создание технико-правовых стандартов для обеспечения совместимости смарт-контрактов с существующими правовыми нормами;

– разработка новых процедур доказывания и установления фактических обстоятельств в цифровой среде.

Особую актуальность приобретает вопрос балансирования принципов децентрализации и неизменности блокчейна с потребностью в правовой определенности и защите нарушенных прав. Решение этой дилеммы видится в создании многоуровневой системы правовой защиты, предусматривающей как превентивные механизмы (стандартизация, аудит кода), так и посттранзакционные средства защиты (специализированные арбитражные процедуры, механизмы компенсации).

Результаты исследования свидетельствуют о том, что успешная интеграция смарт-контрактов в правовое поле возможна при условии активного взаимодействия юридического сообщества с IT-специалистами и регуляторами. Только комплексный междисциплинарный подход позволит создать эффективную систему правовой защиты, отвечающую вызовам цифровой эпохи.

Список литературы

1. Будылин С. Л. Дело о битве роботов, или Может ли смарт-контракт быть недействительным? Комментарий к решению Апелляционного суда Сингапура по делу Quoine Pte Ltd v. B2C2 Ltd [2020] SGCA (I) 02 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 3. – С. 46–70.
2. Вашкевич А. М. Смарт-контракты: что, зачем и как. – М. : СимплоЕр, 2018.
3. Волос А. А. Некоторые проблемы защиты прав и законных интересов сторон смарт-контракта // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 396–402.
4. Волос Е. П. Защита слабой стороны банковского договора в условиях использования сторонами смарт-контракта // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 2 (12). – С. 70–74.
5. Газизов Р. Р., Кондратьев В. Ю. Смарт-контракты, или Как научиться доверять // Информационное общество: современное состояние и перспективы развития : сборник материалов XV международного форума, Краснодар, 10–15 июля 2022 года. – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2022. – С. 127–129.
6. Голубцов В. Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2016. – № 2 (32). – С. 175–184.
7. Горячева А. И. Смарт-контракты: применимое право // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 3 (183). – С. 11–14.
8. Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex Russica. – 2019. – № 8 (153). – С. 51–62.
9. Ермакова И. В. Влияние сетевизации экономики на изменение положений конкурентного права (на примере блокчейн и смарт-контрактов в области рекламы и права интеллектуальной собственности) // Юридические исследования. – 2020. – № 9. – С. 14–32. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34183
10. Ефимова Л. Г., Симезова О. Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 21–28.

11. Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 3. – С. 126–147.
12. Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов / под общ. ред. А. А. Волоса. – М. : Проспект, 2021.
13. Мифтахетдинов А. Т. Правовая природа смарт-контракта // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 33. – С. 173–187.
14. Петракова Е. П. Особенности правового регулирования смарт-контрактов в США // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – № 1. – С. 164–171.
15. Протас Е. В., Тарасенко Ю. А. Теоретико-правовые проблемы недействительности смарт-контракта // Публично-правовые проблемы транспортного права : материалы Пятого международного транспортно-правового форума, Москва, 15–16 февраля 2023 года. – Москва : Российский университет транспорта, 2023. – С. 194–199.
16. O'Shields R. Smart Contracts: Legal Agreements for the Blockchain // North Carolina Banking Institute. – 2017. – Vol. 21. – Iss. 1. – P. 177–195.

Система прав и обязанностей инвестора в российском законодательстве

Ф. В. Петрик

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: fedor.v.petrik@gmail.com

The System of Investor's Rights and Obligations in Russian Legislation

F. V. Petrik

Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: fedor.v.petrik@gmail.com

Поступила 25.08.2025 Принята к печати 09.09.2025

Аннотация

В статье исследуется система прав и обязанностей инвестора как основной элемент его правового статуса в Российской Федерации. Рассматриваются особенности нормативного закрепления прав и обязанностей, а также их значение для формирования комплексного понимания правового положения инвестора. Приводится обзор источников регулирования прав и обязанностей инвестора, включая федеральное законодательство, международные договоры, подзаконные акты и договорные формы, что позволяет показать многоуровневый и фрагментарный характер нормативной базы. Особое внимание уделено анализу научных подходов к классификации прав инвестора с целью формирования новой авторской классификации. Отмечается, что права инвестора преимущественно носят декларативный характер, выражая общие принципы инвестиционного права, а обязанности инвестора во многом совпадают с обязанностями иных субъектов предпринимательской деятельности, за исключением специальных обязанностей, например, по целевому использованию инвестиций. Автор предлагает новую классификацию прав инвестора по их содержанию, а также выделяет основные группы обязанностей инвестора. Научная новизна статьи заключается в детальном анализе прав и обязанностей инвестора с формированием их системы с определением системообразующих факторов, что ранее не получало комплексного освещения в доктрине инвестиционного и предпринимательского права.

Ключевые слова: инвестиции, инвестор, правовой статус, инвестиционная деятельность, права, обязанности, система, инвестиционное право, инвестиционное законодательство, российское законодательство, классификация.

Abstract

In the article, the author examines the system of rights and obligations of an investor as the main element of his legal status in the Russian Federation. The article considers the features of the regulatory consolidation of rights and obligations, as well as their importance for the formation of a comprehensive understanding of the legal status of the investor. The review provides an overview of the sources of regulation of investor's rights and obligations, including federal legislation, international treaties, by-laws, and contractual forms, which allows us to show the multilevel and fragmented nature of the regulatory framework. Special attention is paid to the analysis of scientific approaches to the classification of investor's rights in order to form a new author's classification. It is noted that the investor's rights are primarily declarative, expressing the general principles of investment law, and the investor's obligations largely coincide with those of other business entities, with the exception of special responsibilities, for example, for the targeted use of investments. The author proposes a new classification of investor's rights according to their content, as well as identifies the main groups of investor's responsibilities. The scientific novelty of the article lies in a detailed analysis of the rights and obligations of an investor with the formation of their system with the definition of system-forming factors, which previously had not received comprehensive coverage in the doctrine of investment and business law.

Keywords: investments, investor, legal status, investment activity, rights, obligations, system, investment law, investment legislation, Russian legislation, classification.

Инвестиции являются одним из ключевых факторов экономического развития, обеспечивая модернизацию производственных мощностей, развитие инфраструктуры, создание рабочих мест и повышение конкурентоспособности страны на мировом рынке. Инвестор как субъект инвестиционной деятельности играет центральную роль в реализации этих процессов. Эффективность привлечения и сохранения инвестиций во многом зависит от четкости и предсказуемости его правового положения.

Правовой статус инвестора в российском праве представляет собой комплексную юридическую категорию, включающую систему прав, обязанностей, государственных гарантий и механизмов защиты. Наряду с этим законодательство предусматривает и ограничения, условия, при которых инвестор может реализовывать свои правомочия, а также ответственность за нарушение установленных требований. Центральным элементом правового статуса инвестора выступает именно система прав и обязанностей, образующих его содержание. В отличие от гарантий и ограничений, носящих обеспечительный или рамочный характер, именно права и обязанности формируют динамическую основу поведения инвестора в процессе осуществления инвестиционной деятельности.

Современное российское законодательство централизованно не регламентирует полный перечень прав и обязанностей инвестора. Они регламентированы фрагментарно во множестве нормативных актов различного уровня, что порождает проблему их систематизации и доктринального осмысления. Основополагающие нормы закреплены в федеральных законах. Эти акты определяют общий правовой режим инвестиций, устанавливают базовые права и обязанности инвесторов, а также закрепляют государственные гарантии. Особое значение имеют международные договоры, участником которых является Россия, – они могут содержать положения о правовом режиме регулирования инвестиций, например национальном режиме или режиме наибольшего благоприятствования, защите инвестиций от экспроприации, порядке разрешения инвестиционных споров и других важных элементах правового статуса инвестора. Важным

звеном в системе источников прав и обязанностей инвестора являются подзаконные акты – указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные акты федеральных органов исполнительной власти. Их роль особенно возросла в последние годы в связи с введением специальных экономических мер и контрсанкционного регулирования. Данные нормативные акты устанавливают дополнительные требования к инвесторам, уточняют порядок реализации прав и могут вводить временные ограничения. Кроме того, значительная часть прав и обязанностей инвестора вытекает из заключаемых им инвестиционных соглашений, которые позволяют индивидуализировать условия реализации инвестиционного проекта, закрепляя дополнительные права и обязанности инвестора.

В научной литературе также отсутствует единый подход к структурированию и классификации прав, обязанностей инвестора. В этих условиях систематизация прав и обязанностей инвестора приобретает особое значение, поскольку она позволяет сформировать целостное представление об основе правового статуса инвестора в Российской Федерации. В юридической науке сформировалось устойчивое мнение о практической невозможности и нецелесообразности законодательного закрепления исчерпывающего перечня прав и обязанностей инвестора¹. Эта позиция основывается на следующих аргументах:

- множественность источников регулирования – права и обязанности инвестора вытекают из норм различных отраслей права (гражданского, административного, финансового, валютного, таможенного, налогового), а также международных договоров;
- дифференциация видов инвестиционной деятельности – различные виды инвестиций (прямые, портфельные, в реальные активы, в капитал хозяйственных обществ, государственно-частное партнерство) предполагают специфические правомочия и ограничения;
- динамизм экономических отношений – быстро меняющаяся экономическая среда требу-

¹ Инвестиционное право : учебник / В. Н. Лисица. – Новосибирск : ННИГУ, 2015.

ет гибкости регулирования, которую трудно обеспечить жестким перечнем в законе.

Параллельно в доктрине ведется дискуссия о природе закрепленных в инвестиционном законодательстве прав инвестора. Ряд ученых полагают, что многие из них, по сути, представляют собой принципы инвестиционного права, а не конкретные субъективные права. К таковым относят, например:

- принцип равноправия инвесторов;
- принцип свободы инвестиционной деятельности;
- принцип свободы распоряжения объектами и результатами инвестиций;
- принцип защиты прав и законных интересов инвесторов.

По мнению сторонников этой позиции, закрепление данных принципов в качестве прав инвестора в специализированных законах носит декларативный характер [4. – С. 20–22]. Их действительное содержание и механизмы реализации определяются нормами базовых отраслей права (прежде всего гражданского и конституционного), а специальное упоминание в инвестиционном законодательстве не создает новых правомочий, лишь подчеркивая их значимость в инвестиционной сфере.

С этим подходом согласуется классификация, предложенная Д. Ю. Лепилиным, который разделяет права инвестора:

- на права-принципы (декларативные), отражающие общие начала инвестиционного права;
- права-гарантии, выступающие инструментами правовой защиты;
- права, следующие непосредственно из норм законодательства;
- права, следующие непосредственно из условий заключаемых договоров.

Классификация прав инвестора по видам инвестиционной деятельности, которую предлагают отдельные ученые юристы¹, представляется не вполне целесообразной, так как инвестиционная деятельность определяется в законодательстве России универсально и предполагает наличие общего ядра правомочий, присущих инвестору независимо от конкретной формы инвестирования.

¹ Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан [и др.]; отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. – М. : Норма ; Инфра-М, 2017.

ния. Дифференциация прав инвестора возникает на уровне специальных правовых режимов осуществления инвестиций или условий инвестиционных договоров, но не отменяет общего правового режима, применимого для всех инвесторов.

С учетом проведенного анализа представляется целесообразным предложить новую классификацию прав инвестора по критерию их содержания. Такая классификация позволяет структурировать многообразные правомочия инвестора для целей научного анализа, преподавания дисциплины «Инвестиционное право» и системного понимания прав инвестора как одного из основных компонентов его правового статуса.

В рамках данной классификации предлагается выделить три группы прав инвестора:

- права-гарантии и принципы, обеспечивающие свободу инвестиционной деятельности (свободное инвестирование, определение направлений и способов вложений, передача прав по инвестиционным соглашениям);
- права, обеспечивающие получение результатов инвестиций и распоряжение ими (владение, пользование и распоряжение объектами инвестиций и их результатами, исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, обязательственные права по договорам);
- средства правовой защиты (право на разрешение споров, получение компенсации, защиту от незаконных действий).

Преимущества предложенной автором классификации:

- универсальность (применимость ко всем видам инвестиционной деятельности);
- содержательная глубина (отражение функционального назначения каждой группы прав);
- ориентация на законодательство (опора на действующее законодательство, а не на общие принципы инвестиционного права).

Предложенная классификация методологически отличается от уже существующих доктринальных построений. Ключевым критерием дифференциации избрано содержание соответствующих прав, поскольку именно данный аспект с максимальной точностью отражает их юридическую сущность и определяет конкретный объем правомочий, предоставленных инвестору. Применение указанного критерия позволяет выделить три фундаментальные категории прав инвестора. Первая категория объединяет права гарантийного и принципиального характера, пре-

имущественно декларативные по своей природе, источником которых служат нормы различных отраслей правопорядка, включая конституционное и гражданское право. Вторую группу составляют права, опосредующие получение результатов инвестиционной деятельности и распоряжение ими. Данные правомочия обладают первостепенной значимостью, обеспечивая соответствие инвестиционного процесса его изначальным целям. В данную категорию включаются вещные права на материальные активы, исключительные права на объекты интеллектуальной собственности, созданные или приобретенные в ходе инвестиций, а также обязательственные права требования, возникающие из договорных отношений. Их особая роль проявляется в условиях современных инвестиционных моделей, характеризующихся применением сложных договорных конструкций. Третья категория охватывает права, предоставляющие средства правовой защиты. Эти правовые гарантии неотделимы от первых двух групп, поскольку обеспечивают реальную возможность осуществления как общих принципов инвестирования, так и прав на распоряжение инвестиционным результатом. Функционально они обусловлены необходимостью принудительной реализации, так как без эффективных механизмов защиты провозглашенные права утрачивают свою практическую ценность и правовую эффективность.

Анализ обязанностей инвестора, описанных в российском законодательстве и исследованных в правовой доктрине, позволяет выявить их общее отличие от прав инвестора. Если права инвестора в значительной части имеют специальный характер, обусловленный именно инвестиционной функцией, то обязанности преимущественно дублируют общие обязанности субъектов предпринимательской деятельности и участников гражданского оборота. Можно выделить следующие основные обязанности инвестора:

- соблюдение законодательства Российской Федерации и международных договоров – универсальная обязанность любого лица на территории России;
- исполнение требований государственных органов и должностных лиц в рамках их законной компетенции (административно-правовая обязанность);
- лицензирование и получение разрешений при осуществлении определенных видов дея-

тельности, требующих таких лицензий или разрешений [3. – С. 55–61];

– целевое использование инвестируемых средств – действительно специальная обязанность инвестора, которая отражает сущность инвестиционных правоотношений;

– соблюдение договорных обязательств – вытекает из общего принципа *ratio sunt servanda*, так как договоры являются важнейшим источником конкретных обязанностей инвестора в соответствии с автономией воли сторон [5];

– соблюдение требований подзаконных нормативных актов – наиболее динамичный элемент правового статуса инвестора, так как в связи с высокой динамикой изменения geopolитической ситуации именно подзаконное регулирование налагает на инвесторов существенный пласт регулярно обновляющихся обязательств и ограничений.

Правовой статус инвестора предполагает не просто совокупность прав и обязанностей, а их внутреннюю взаимосвязь и взаимообусловленность, образующие систему прав и обязанностей. Построение такой системы имеет как теоретическое значение для понимания сущности правового статуса, так и практическое – для обеспечения непротиворечивости правового регулирования и эффективной защиты интересов. Системный подход позволяет установить взаимосвязь между частями системы [7]. Каждое право корреспондирует определенной обязанности, что обеспечивает баланс интересов участников инвестиционной деятельности и государства.

Формирование любой теоретической системы зиждется на презумпции существования неких системообразующих признаков. Данные признаки выполняют методологическую функцию, выступая в качестве основы для последовательного движения познания от абстрактных к конкретным проявлениям системных элементов. Такой диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному обеспечивает возможность последовательного выведения и объяснения множества частных понятий и категорий из единого системного основания, тем самым гарантируя целостность и логическую непротиворечивость всей теоретической конструкции [2]. Системная организация права детерминирована наличием интегративных связей, обеспечивающих когерентность, взаимозависимость и структурное единство правовых понятий и категорий [1]. Данное единство формируется посредством внутренней

организации элементов системы, основанной на их общности. Указанные связи выполняют роль системообразующих факторов, консолидирующих разнородные правовые явления в целостную конструкцию. Ключевым системообразующим фактором выступает интегральный признак, лежащий в основе системного построения. В качестве такого признака, в частности, может рассматриваться качественное своеобразие (специфику) общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования [5].

В доктрине инвестиционного и предпринимательского права отсутствует концептуально целостная конструкция системы прав и обязанностей инвестора. В качестве системообразующих критериев, позволяющих выстроить указанную систему, могут быть выделены следующие:

- единый субъект (инвестор) – все элементы системы объединяет один субъект права, что определяет его специфическое положение;
- общая цель (осуществление инвестиционной деятельности) – права и обязанности направлены на реализацию одной социально-экономической функции – инвестирования;
- внутренняя согласованность – отдельные права и обязанности не должны противоречить друг другу в рамках правового статуса, например, право на свободу инвестирования ограничивается обязанностью соблюдать запреты и ограничения.

В рамках предложенной концепции правовой статус инвестора характеризуется взаимосвязанностью и сбалансированностью субъективных прав и корреспондирующих им юридических обязанностей. Каждому правомочию инвестора соответствует конкретная обязанность, что формирует целостный механизм правового регулирования инвестиционных отношений. Структурное представление системы взаимосвязей прав и обязанностей инвестора отражено в таблице.

Анализ сформированной системы позволяет сделать следующие ключевые выводы:

- асимметричность правового статуса инвестора – явное преобладание специальных прав над специальными обязанностями, поскольку основной массив обязанностей инвестора носит общий характер и присущ любому предпринимателю, ведущему деятельность в России;
- ключевая роль подзаконного регулирования в части обязанностей инвестора – наиболее динамичная и объемная группа обязанностей формируется вне рамок федеральных законов;

– значимость договорного регулирования – конкретное содержание и баланс прав и обязанностей инвестора во многом определяется условиями заключаемых им инвестиционных договоров, что подчеркивает диспозитивную природу инвестиционных правоотношений.

Т а б л и ц а

Система прав и обязанностей инвестора

Права инвестора (содержательная группа)	Корреспондирующие обязанности инвестора
1. Права на свободное осуществление инвестиционной деятельности	1. Обязанность соблюдать законодательные требования и процедуры, включая законные требования государственных органов и их должностных лиц
2. Право владения, пользования и распоряжения объектами и результатами инвестиционной деятельности	2. Соблюдать договорные обязательства 3. Уплачивать установленные налоги и сборы
3. Право на передачу правомочий в отношении инвестиций третьим лицам	4. Обязанность следовать положениям действующих в Российской Федерации подзаконных актов
4. Право использования собственных и привлеченных средств для инвестирования	
5. Право контроля за целевым использованием инвестиций	5. Соблюдение целевого характера использования инвестируемых средств
6. Права-ремедии (судебная и иная защита, возмещение убытков и компенсация при изъятии инвестиций)	6. Обязанность соблюдать установленный порядок обращения за защитой и исполнять решения судов, арбитражей, государственных органов

Проведенный анализ подтверждает, что система прав и обязанностей составляет содержательное ядро правового статуса инвестора в Российской Федерации. Несмотря на отсутствие исчерпывающего законодательного перечня прав и обязанностей инвестора, эти элементы образуют внутренне согласованную структуру, обусловленную единством субъекта, общей целью инвестиционной деятельности и функциональными связями между отдельными правомочиями и предписаниями.

Предложенная автором классификация прав инвестора по содержательному признаку позволяет преодолеть ограниченность существующих подходов, основанных на отраслевой принадлежности, видах инвестиций или отождествлении прав с принципами. Она отражает функциональное назначение правомочий в процессе инвестирования и обеспечивает их системное восприятие. Сформированная система прав и обязанно-

стей инвестора, определяющая основу его правового статуса, является новым шагом в доктринальном изучении его правового статуса. Она может служить основой для дальнейших научных

исследований, совершенствования законодательства и правоприменительной практики, преподавания инвестиционного и предпринимательского права.

Список литературы

1. Коваленко А. Ю. Системообразующие и системоприобретенные связи комплексных отраслей права // Юридический мир. – 2015. – № 7. – С. 42–45.
2. Куликов Е. А. Правосистемность, системность права, системный подход в праве и категории общего, особенного и единичного // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 4. – С. 20–30.
3. Лаптева А. М. Понятие и виды субъектов инвестиционной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2014. – № 1. – С. 55–61.
4. Лепилин Д. Ю. Содержание прав инвестора по договору инвестирования в жилую недвижимость // Налоги. – 2010. – № 5. – С. 20–22.
5. Низамиева О. Н. Система договоров семейно-правовой сферы // Семейное и жилищное право. – 2024. – № 5. – С. 10–13.
6. Попондупуло В.Ф. Инвестиционная деятельность: понятие, правовые формы осуществления и публичная организация // Правоведение. – 2017. – № 4 (333). – С. 207–224.
7. Тонков Е. Е., Синенко В. С. Методологические подходы к построению системы права // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2016. – № 10 (231). – С. 207–224.
8. Юлов Д. В. Понятие и виды международно-правовых гарантий прав иностранных инвесторов // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 3 (76). – С. 183–192.

Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: обзор практики последних лет

М. О. Румянцева

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова;
доцент кафедры гражданского права Российской таможенной академии.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36;
ГКОУ ВО «Российская таможенная академия»,
140015, Люберцы, Комсомольский пр-т, 4.
E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

Seizure of Land Plots for State and Municipal Needs: an Overview of Recent Practice

M. O. Rumyantseva

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE;
Associate Professor of the Department of Civil Law of Russian Customs Academy.
Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation;
Russian Customs Academy,
4 Komsomolsky Avenue, Lyubertsy, 140015, Russian Federation.
E-mail: rumyantseva.mo@rea.ru

Поступила 20.08.2025 Принята в печать 01.09.2025

Аннотация

В статье на основе проведенного анализа судебной практики по делам об изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд делается вывод о наличии целого ряда проблем, не позволяющих в должной мере обеспечить защиту прав граждан и организаций, у которых производится изъятие земельных участков. В первую очередь автор отмечает необходимость законодательного закрепления минимально возможного размера возмещения в связи с изъятием земельного участка, предлагая в качестве такового установить кадастровую стоимость земельного участка. Автор также усматривает проблему в отсутствии должной защиты прав лиц, которые формально считаются надлежащим образом уведомленными о предстоящих судебных заседаниях по поводу изъятия принадлежащего им земельного участка, однако в реальности их уведомить об этом не удалось. В статье предлагается обеспечивать по инициативе суда участие адвоката в суде по делам, связанным с изъятием земельных участков. Также автор считает необходимым обязать суд назначать по своей инициативе судебную оценочную экспертизу изымаемого земельного участка в целях правильного определения размера выплачиваемого возмещения собственнику земельного участка.

Ключевые слова: земельное законодательство, гражданский процесс, арбитражный процесс, изъятие земельного участка, земельный участок, изъятие для государственных и муниципальных нужд, размер возмещения, кадастровая стоимость, адвокат.

Abstract

In the article, the author, based on an analysis of judicial practice in cases of seizure of land for state and municipal needs, concludes that there are a number of problems that do not adequately protect the rights of citizens and organizations from which land is seized. First of all, the author notes the need to legislate the minimum possible amount of compensation in connection with the seizure of a land plot, suggesting that the cadastral value of the land plot should be established as such. The author also sees a problem in the lack of adequate protection of the rights of persons who are formally considered to have been duly notified of upcoming

court hearings regarding the seizure of their land plot, but in reality they could not be notified of this. The article proposes to ensure, on the initiative of the court, the participation of a lawyer in court in cases related to the seizure of land. The author also considers it necessary to oblige the court to appoint, on its own initiative, a judicial appraisal examination of the seized land plot in order to correctly determine the amount of compensation to be paid to the owner of the land plot.

Keywords: land legislation, civil procedure, arbitration process, seizure of land, land plot, seizure for state and municipal needs, amount of compensation, cadastral value, lawyer.

Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования являются активными хозяйствующими субъектами. Как правило, указанные субъекты землепользования заблаговременно планируют развитие отдельных отраслей экономики, однако в ряде случаев реализация подобных планов может пойти вразрез с интересами других землепользователей. Речь идет о тех случаях, когда у публичных субъектов возникает необходимость в получении в пользование земельного участка, находящегося в собственности или на другом вещном праве у физических и юридических лиц. Тогда на помощь публичным образованиям приходит институт изъятия земельных участков для нужд Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований. Современное законодательство не содержит легального определения изъятия земельных участков. Полагаем, что изъятие представляет собой принудительное прекращение по инициативе государства прав землепользователей на земельные участки, которые ранее были предоставлены в пользование частным лицам на любом вещном праве, для обеспечения собственных нужд.

Ошибочно было бы думать, что наличие подобного института в земельном праве открывает для публичных субъектов полную свободу действий по изъятию земельных участков. На самом деле возможный произвол со стороны государственных органов значительно ограничен нормами права. В частности, для института резервирования в статье 49 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) установлены основания, исключительно при наличии которых возможно совершение действий, направленных на принудительное прекращение прав частных лиц на имеющиеся у них земельные участки. (Следует отметить, что статья 70.1 ЗК РФ, помимо общих оснований, установленных статьей 49 ЗК РФ, называет прочие основания для резервирования земельных участков: случаи, связанные с размещением объектов инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, объектов

обороны и безопасности, созданием особо охраняемых природных территорий, строительством водохранилищ и иных искусственных водных объектов, объектов инфраструктуры особой экономической зоны, предусмотренных планом обустройства и соответствующего материально-технического оснащения особой экономической зоны и прилегающей к ней территории, а также для целей недропользования.)

В первую очередь речь идет о необходимости выполнения международных обязательств, принятых на себя Российской Федерацией. Напомним, в 2007 г. по решению Международного олимпийского комитета город Сочи был избран местом проведения XXII Зимних Олимпийских игр. Данное решение возложило на Россию обязательство по возведению олимпийских объектов, для размещения которых понадобилась земля, в том числе та, которая на момент принятия решения о проведении игр уже находилась в частной собственности. Не случайно Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» включал в себя целый ряд статей, в которых оговаривались особенности изъятия земельных участков у граждан и организаций в целях строительства объектов, а также особенности возмещения убытков, причиненных таким изъятием.

Официальной статистики относительно количества произведенных за время подготовки к Олимпиаде изъятий нам обнаружить не удалось, а по неофициальным данным изъятие было произведено в отношении более чем 5 тыс. правообладателей земельных участков¹.

¹ См.: Перевозчиков В. Сочинцев призвали к патриотизму // Газета.ru. 16 февраля 2009 г.

Полномочия на издание актов по изъятию земельных участков были возложены на губернатора Краснодарского края. Так, одним из первых актов, которым были принудительно прекращены права граждан и организаций в отношении земельных участков в целях возведения олимпийских объектов, является распоряжение главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 9 декабря 2009 г. № 974-р «Об изъятии земельных участков и (или) расположенных на них иных объектов недвижимого имущества для краевых нужд в целях размещения олимпийского объекта краевого значения». Данным актом были прекращены права аренды, собственности и постоянного (бессрочного) пользования шести правообладателей земельных участков.

Еще одно событие международного масштаба, организация проведения которого в России заставила государство вновь пойти на крайние меры по прекращению прав собственников земельных участков, — саммит АТЭС во Владивостоке¹. Нельзя не упомянуть о проведении Чемпионата мира по футболу в 2018 г., площадкой для которого выступили 11 городов России от Калининграда до Екатеринбурга². Возвведение спортивных объектов также потребовало проведения ряда изъятий земельных участков.

Еще одним основанием для проведения изъятия земельных участков являются строительство и реконструкция объектов государственного, регионального или местного значения. К таковым, в частности, законом отнесены: объекты федеральных энергетических систем и объекты энергетических систем регионального значения; объекты использования атомной энергии; объекты обороны страны и безопасности государства, в

том числе инженерно-технические сооружения, линии связи и коммуникации, возведенные в интересах защиты и охраны государственной границы Российской Федерации; объекты федерального транспорта, объекты связи федерального значения, а также объекты транспорта, объекты связи регионального значения, объекты инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования; объекты, обеспечивающие космическую деятельность; линейные объекты федерального и регионального значения, обеспечивающие деятельность субъектов естественных монополий; объекты систем электро-, газоснабжения, объекты систем теплоснабжения, объекты централизованных систем горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения федерального, регионального или местного значения; автомобильные дороги федерального, регионального или межмуниципального, местного значения.

Так, Распоряжением Роставтодора от 17 апреля 2024 г. было принято решение об изъятии у 9 правообладателей ряда земельных участков в Пушкинском районе Московской области в целях строительства и реконструкции автомобильной дороги М-8 «Холмогоры» (от Москвы до Архангельска).

Перейдем к рассмотрению порядка проведения изъятия. Изъятию земельных участков отведена глава VII.1 ЗК РФ.

Решение об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд принимается на основании документов территориального планирования. Такое решение должно быть принято не позднее шести лет со дня утверждения документов территориального планирования. Инициатором изъятия земельного участка могут быть не только публичные субъекты, но и иные организации, указанные в ст. 56.4. Статья 56.4 называет организации, являющиеся субъектами естественных монополий, если изъятие необходимо для размещения объектов, обеспечивающих деятельность этих субъектов; уполномоченные нормативными правовыми актами Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований или договорами на осуществление деятельности, для обеспечения которой реализуется изъятие земельных участков (например, ПАО Российские железные дороги); организации, являющиеся недропользователями; организации, с которыми заключены договоры о комплексном развитии

¹ Федеральный закон от 8 мая 2009 г. № 93-ФЗ «Об организации проведения встречи глав государств и правительства стран – участников форума “Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество” в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в статье 6 также установил упрощенный порядок изъятия земельных участков для размещения необходимых для проведения этого саммита объектов.

² Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

территории; организации, обеспечивающие реализацию решения о комплексном развитии территории. Перечень организаций, уполномоченных на обращение с ходатайствами об изъятии земельных участков для федеральных нужд, установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2015 г. № 442 «Об утверждении перечня организаций, имеющих право на обращение с ходатайствами об изъятии земельных участков для федеральных нужд». В таком случае им необходимо обратиться с ходатайством об изъятии в соответствующий государственный орган¹.

Так, например, АО «Оренбургнефтеотдача», являющееся лицензиатом на пользование недрами Кирсановского нефтяного месторождения, обратилось к администрации Северного района Оренбургской области с ходатайством об изъятии земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения площадью 863 кв. м с условным номером 56:28:1720003:70:3У1 для проведения работ, связанных с пользованием недрами².

Уполномоченный орган в срок не более 30 дней со дня поступления такого ходатайства направляет запрос в Росреестр в целях выявления правообладателей, земельные участки которых подлежат изъятию. Если же в ЕГРН сведения о правообладателях отсутствуют, то уполномоченный орган обязан не менее чем за 60 дней до принятия решения об изъятии запросить указанные сведения в архивах и иных органах, а также опубликовать сообщение о планируемом изъятии в источниках, определенных уставом муниципального образования, а также в сети Интернет и на информационных щитах в границах или за пределами границ населенного пункта. В публикуемом сообщении о планируемом изъятии указываются следующие сведения:

- цели изъятия;

¹ Форма и содержание такого ходатайства установлены приказом Росреестра от 19 апреля 2022 г. № П/0151 «Об утверждении требований к форме и содержанию ходатайства об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд, состава прилагаемых к нему документов, а также порядка и способов подачи ходатайства об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд и прилагаемых к нему документов в форме электронных документов с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет и требований к их формату».

² По материалам решения Арбитражного суда Оренбургской области по делу № А47-6429/2021 от 6 августа 2021 г.

- кадастровые номера земельных участков, подлежащих изъятию, а также описание их местоположения;
- границы зоны планируемого размещения объектов, для строительства которых производится изъятие;
- адрес, по которому заинтересованные лица могут получить информацию о предстоящем изъятии и подать заявления об учете их прав на земельные участки;
- адрес и время приема граждан и представителей юридических лиц для ознакомления с проектом межевания территории или схемой расположения земельного участка, в соответствии с которыми предстоит образовать земельный участок, подлежащий изъятию;
- официальные сайты в сети Интернет, на которых размещается сообщение о планируемом изъятии земельных участков;
- наименование органа, уполномоченного выявить правообладателей изымаемых земельных участков.

Пользователи изымаемых земельных участков, права которых не зарегистрированы в ЕГРН, в течение 60 дней со дня опубликования сообщения об изъятии подают в уполномоченный орган заявление об учете их прав с приложением копий документов, подтверждающих их права.

Если же правообладателей выявить не удалось, то уполномоченные органы обращаются в суд с заявлением о признании права собственности на земельный участок за Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

В решении об изъятии должны быть указаны изымаемые земельные участки и расположенные на таких участках объекты недвижимости, цель изъятия, реквизиты документов, на основании которых производится изъятие.

Не позднее 10 дней со дня принятия решения об изъятии орган, принявший такое решение, размещает решение на своем сайте в сети Интернет, а также в СМИ, в которых публикуются правовые акты муниципального образования, направляет копию решения правообладателям заказным письмом с уведомлением о вручении. Следует отметить, что правообладатель будет считаться надлежащим образом уведомленным о принятом решении об изъятии земельного участка, даже если копия решения вернется отправителю, т. е. не будет полноценно получена право-

обладателем. Если же связаться с правообладателем не удалось ввиду отсутствия сведений о его почтовом адресе или об адресе его электронной почты, то правообладатель все равно будет считаться надлежаще уведомленным со дня опубликования решения об изъятии в сети Интернет или в СМИ.

Решение об изъятии может быть обжаловано в судебном порядке в трехмесячный срок со дня уведомления правообладателя о принятом решении об изъятии.

По окончании процедуры уведомления правообладателей лица, в пользу которых принято решение об изъятии, инициируют кадастровые работы, необходимые для проведения изъятия, организуют проведение оценки стоимости изымаемых земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости, проводят переговоры с правообладателями по поводу условий изъятия, готовят соглашение об изъятии недвижимости и направляют проект соглашения сторонам для подписания. В свою очередь, правообладатели обязаны обеспечить доступ к земельным участкам и расположенным на них объектам недвижимости для выполнения кадастровых и оценочных работ.

При определении размера выплачиваемого правообладателю возмещения в него включаются:

- рыночная стоимость земельных участков, право частной собственности на которые подлежит прекращению, или рыночная стоимость иных прав на земельные участки, подлежащих прекращению;

- убытки, причиненные изъятием земельных участков, включая убытки, возникающие в связи с невозможностью исполнения правообладателями таких земельных участков обязательств перед третьими лицами, в том числе основанных на заключенных с такими лицами договорах;

- рыночная стоимость объектов недвижимости, расположенных на изымаемых земельных участках;

- упущенная выгода.

Что касается последнего пункта, при определении размера возмещения не подлежат учету: 1) объекты недвижимого имущества, расположенные на изымаемом земельном участке, и неотделимые улучшения данных объектов (в том числе в результате реконструкции), произведенные вопреки его разрешенному использованию, а также вопреки условиям договора аренды земельного участка, находящегося в государствен-

ной или муниципальной собственности, или договора безвозмездного пользования таким земельным участком; 2) неотделимые улучшения земельного участка и (или) расположенных на нем объектов недвижимого имущества, произведенные после уведомления правообладателя изымаемой недвижимости о принятом решении об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд, за исключением неотделимых улучшений, произведенных в целях обеспечения безопасности такого недвижимого имущества в процессе его использования (эксплуатации), предотвращения пожаров, аварий, стихийных бедствий, иных обстоятельств, носящих чрезвычайный характер, либо в целях устранения их последствий, а также в результате реконструкции на основании выданного до указанного уведомления разрешения на строительство; 3) объекты недвижимого имущества, строительство которых осуществлено после уведомления правообладателя изымаемой недвижимости о принятом решении об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд, за исключением случаев, если это строительство осуществлялось на основании ранее выданного разрешения на строительство; 4) объекты недвижимого имущества, для строительства которых не требуется выдача разрешения на строительство и строительство которых начато после уведомления правообладателя изымаемой недвижимости о принятом решении об изъятии; 5) сделки, заключенные правообладателем изымаемой недвижимости после его уведомления о принятом решении об изъятии, если данные сделки влекут за собой увеличение размера убытков, подлежащих включению в размер возмещения за изымаемый земельный участок.

Порядок определения стоимости подлежащих прекращению прав постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения, аренды раскрыт в пункте 3 статьи 56.8 ЗК РФ.

Правообладатель изымаемой недвижимости в случае согласия с условиями, указанными в соглашении, подписывает данное соглашение и направляет его в уполномоченный орган, принявший решение об изъятии. В случае несогласия с условиями соглашения правообладатель направляет в уполномоченный орган уведомление об отказе в подписании соглашения об изъятии недвижимости или свои предложения об изменении условий данного соглашения, в том числе предложения об изменении размера возме-

щения. К предложениям об изменении размера возмещения должны быть приложены обосновывающие это изменение документы.

В случае, если по истечении 90 дней со дня получения правообладателем изымаемой недвижимости проекта соглашения об изъятии недвижимости правообладателем изымаемой недвижимости не представлено подписанное соглашение об изъятии недвижимости, уполномоченный орган исполнительной власти или орган местного самоуправления, принявшие решение об изъятии, либо организация, на основании ходатайства которой принято решение об изъятии, имеют право обратиться в суд с иском о принудительном изъятии земельного участка и (или) расположенных на нем объектов недвижимости.

Следует отметить, что на практике весьма часто возникают споры, связанные с несогласием с определенной органом, в пользу которого производится изъятие, стоимостью изымаемого имущества, а также размером убытков, подлежащих возмещению.

В качестве примера приведем следующий судебный акт от 10 мая 2023 г. по делу № А84-1100/2023, принятый Арбитражным судом города Севастополя.

В целях реализации проекта «Реконструкция транспортной развязки на пересечении автомобильных дорог 64 К-8 «Севастополь — порт Камышовая бухта» и 67 Н-261 «пр-т Генерала Острякова — ул. Хрусталева (5 км Балаклавского шоссе)»» в соответствии с распоряжением Правительства Севастополя от 11 февраля 2022 г. № 12-РП «Об изъятии для государственных нужд города Севастополя земельных участков и объектов недвижимого имущества в целях реализации проекта «Реконструкция транспортной развязки на пересечении автомобильных дорог 64 К-8 «Севастополь — порт Камышовая бухта» и 67 Н-261 «пр-т Генерала Острякова — ул. Хрусталева (5 км Балаклавского шоссе)»» и внесении изменений в распоряжение Правительства Севастополя от 7 октября 2021 г. № 157-РП «Об изъятии для государственных нужд города Севастополя земельных участков и объектов недвижимого имущества в целях реализации проекта «Реконструкция транспортной развязки на пересечении автомобильных дорог 64 К-8 «Севастополь — порт Камышовая бухта» и 67 Н-261 «пр-т Генерала Острякова — ул. Хрусталева (5 км Балаклавского шоссе)»» предусмотрено изъятие для государственных нужд города Севастополя следую-

щих объектов: земельного участка с кадастровым номером 91:02:003016:132 площадью 771 кв. м; здания с кадастровым номером 91:02:003016:565 площадью 105,2 кв. м; здания с кадастровым номером 91:02:003016:425 площадью 241 кв. м.

Департамент по имущественным и земельным отношениям города Севастополя рассчитал следующим образом сумму возмещения за изъятие объектов недвижимого имущества (в общей сложности 9 753 921 руб.):

- стоимость жилого дома общей площадью 105,2 кв. м составила 3 708 915 руб.;
- стоимость нежилого здания общей площадью 241,0 кв. м составила 3 093 198 руб.;
- размер убытков, причиненных правообладателю в связи с изъятием, составляет 2 699 945 руб.

Ответчик, не согласившись с предложенной ему суммой возмещения, инициировал проведение независимой экспертизы. Согласно выводам, изложенным в заключении эксперта № 53/05/22-Э от 1 июня 2022 г., рыночная стоимость объектов недвижимости по состоянию на дату оценки составила 25 203 958 руб. Иными словами, размер компенсации, определенный Департаментом, является существенно заниженными и недостоверным.

Кроме того, по мнению суда, помимо занижения стоимости основных объектов недвижимого имущества, отчет об оценке не содержит расчета убытков, причиненных собственнику изъятием земельного участка, включая убытки, которые он несет в связи с досрочным прекращением своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную выгоду по договору аренды №7/2021 от 1 февраля 2020 г., заключенному на срок до 31 декабря 2031 г. (стоимость аренды составляла 100 тыс. руб. в месяц). По условиям договора, в случае досрочного расторжения договора аренды по инициативе арендодателя арендодатель обязан возместить арендатору компенсацию в размере 30% от суммы арендной платы за каждый месяц, на который уменьшен период аренды.

Согласно экспертному заключению, величина убытков, включающих упущенную выгоду и возникающих в связи с изъятием для государственных нужд земельного участка, жилого дома и нежилого здания, по состоянию на 11 марта 2022 г. составляет 22 248 808 руб. Общая сумма возме-

щения составила 47 452 766 руб.¹, что почти в 5 раз превысила стоимость возмещения, предложенного инициатором изъятия.

Заключенное соглашение об изъятии недвижимости для государственных или муниципальных нужд либо вступившее в законную силу решение суда о принудительном изъятии земельного участка и (или) расположенных на нем объектов недвижимого имущества является основанием для перехода права собственности на земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества, находящиеся в частной собственности, а также прекращения всех имевшихся в отношении изымаемого имущества прав прежнего владельца и государственной регистрации возникновения, прекращения или перехода прав на изъятые земельный участок и (или) расположенные на нем объекты недвижимого имущества.

Рассмотрим еще один пример: ПАО «РЖД», направляя ООО «Сувениры Балтики» проект соглашения об изъятии земельного участка и расположенного на нем здания, на основании отчета оценщика определило совокупный размер возмещения в сумму 33 504 500 рублей. Ответчик с указанным размером возмещения не согласился и заявил ходатайство о назначении судебной экспертизы, проведение которой было поручено ФБУ «Калининградская лаборатория судебной экспертизы». На основе представленного экспертного заключения суд определил сумму возмещения, подлежащего выплате ответчику, в размере 43 960 338 рублей, т. е. более чем на 10 млн рублей больше суммы, предложенной ПАО «РЖД»².

При изучении материалов судебной практики обнаружилось, что в некоторых случаях предложенная в соглашении сумма возмещения при изъятии значительно меньше кадастровой стоимости. Так, Роставтодор подготовил соглашение об изъятии земельного участка, определив рыночную стоимость земельного участка на основании заключения об оценке ООО «КРТ» в размере 13 884 руб., при этом кадастровая стоимость подлежащего изъятию земельного участка составляла 73 451 руб. Представитель Роставтодо-

ра, аргументируя в суде столь низко определенную сумму возмещения, заявил, что «кадастровая стоимость земельных участков всегда в разы больше ее рыночной стоимости», несмотря на тот факт, что, согласно пункту 6 Методических указаний о государственной кадастровой оценке, кадастровая стоимость объекта недвижимости не может превышать величины его рыночной стоимости. Суд, рассматривавший дело, принял сторону Росавтодора, проигнорировав кадастровую стоимость изымаемого земельного участка при определении окончательной стоимости возмещения³.

Полагаем, нормы ЗК РФ, регламентирующие порядок определения размера возмещения в связи с изъятием земельного участка, нуждаются в корректировке путем установления кадастровой стоимости изымаемого земельного участка в качестве минимально возможного размера выплачиваемого возмещения⁴. Для этого следует дополнить пункт 1 статьи 56.8 ЗК РФ предложением следующего содержания: «При этом размер возмещения не может быть ниже кадастровой стоимости изымаемого земельного участка».

В рамках проводимого исследования также следует поднять вопрос об обеспечении защиты прав собственников изымаемых земельных участков. Напомним, что статья 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)⁵ гарантирует назначение судом адвоката ответчику, место жительства которого неизвестно.

Так, по делу № 2-549/2023, рассмотренному Миллеровским районным судом Ростовской области⁶, назначенный судом адвокат З. в суде сообщил, что «позиция его доверителя ему не известна», и поэтому просил суд «вынести законное и обоснованное решение». Больше никаких заявлений и ходатайств, как следует из содержания судебного решения, от адвоката не поступало. Иными словами, смысл участия адвоката в

³ Решение Богородицкого районного суда Тульской области от 7 сентября 2020 г. по делу № 2-929/2020

⁴ В научной литературе, например, предлагается определить размер возмещения в размере 200 процентов стоимости земельного участка и объектов недвижимости [1], что позволит сократить количество изъятий.

⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Решение Миллеровского районного суда Ростовской области № 2-549/2023 от 24 мая 2023 г. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TiRB1E8ZmQZ4/>

¹ По материалам решения Арбитражного суда города Севастополя от 10 мая 2023 г. по делу № А84-1100/2023.

² По материалам решения Арбитражного суда Калининградской области от 14 февраля 2024 г. по делу № А21-1979/2023.

процессе не ясен, однако его привлечение в процессе оплачено за счет бюджетных средств. В рамках рассмотрения дела у суда не возникло сомнения в достоверности и обоснованности экспертного заключения Саморегулируемой организации «Региональная ассоциация оценщиков», согласно которому, например, рыночная стоимость убытков, причиняемых правообладателю изъятием земельного участка, составила 0 (ноль) руб. 00 копеек.

Реальное участие собственников изымаемых земельных участков в судебных процессах не представлялось возможным, в том числе ввиду их проживания не по адресу регистрации, на который приходят уведомления о предстоящем изъятии или судебном заседании. Изучение материалов судебной практики свидетельствует, что отчасти (но отнюдь не всегда) суды соблюдают требование законодательства о назначении адвоката, однако роль приглашенного судом адвоката остается неясной и его привлечение к участию в процессе продиктовано лишь необходимостью соблюдения формального требования, а не мотивами обеспечения реальной защиты прав лица, у которого производится изъятие.

Полагаем, что поскольку решения по делам об изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд в принудительном

порядке прекращают гарантированное Конституцией право собственности на его земельный участок, то необходимо закрепить в статье 50 ГПК РФ обязанность судов привлекать к участию в деле адвоката в том случае, если обеспечить реальное (а не формальное) извещение собственника о предстоящем изъятии не удалось.

В рамках исследования, как уже отмечалось ранее, были выявлены многократные случаи занижения организацией, в пользу которой производится изъятие, размера возмещения за изымаемые земельные участки. В целях защиты прав граждан считаем необходимым обязать суды назначать оценочную судебную экспертизу по собственной инициативе каждый раз при несогласии собственника земельного участка с определенным размером возмещения.

Таким образом, следует сделать вывод, что институт изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд выступает необходимым инструментом обеспечения реализации планов публичных образований по размещению объектов в интересах общества, однако в силу действия принципа сочетания интересов общества и законных интересов граждан государству следует обеспечить со своей стороны должную защиту прав граждан и организаций, у которых производится изъятие.

Список литературы

1. Белова Т. В. К вопросу о размере возмещения убытков собственнику земельного участка, подлежащего изъятию для государственных или муниципальных нужд // Новое слово в науке: перспективы развития. – 2016. – № 3 (9). – С. 180–184.
2. Маркелов Г. А. Изъятие земельных участков в целях комплексного развития территории: проблема обеспечения баланса частных и публичных интересов // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 8. – С. 225–257.
3. Скращук Р. А., Шумова В. А. Проблемы совершенствования законодательства об изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Актуальные проблемы отраслевой юридической науки : сборник научных трудов по итогам XII Международной научно-практической конференции и III Международной научно-практической конференции. – Владимир, 2023. – С. 211–214.
4. Творожникова С. А. Защита прав собственника при изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд // Интернаука. – 2015. – № 5-2 (87). – С. 28–30.
5. Vanzha P. A., Moroz N. Y. Legal problems associated with seizure of land plots for state and municipal needs // Инновационные научные исследования. – 2023. – № 3-2 (27). – С. 121–128.

Анализ правового регулирования и правовой природы информирования пассажиров регулярных маршрутов автомобильного и городского наземного электрического транспорта общего пользования в Российской Федерации

А. А. Антипов

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: arsenij-antipow@mail.ru

Analysis of Legal Regulation and Legal Nature of Informing Passengers of Regular Routes of Motor Vehicles and Urban Ground Electric Public Transport in the Russian Federation

A. A. Antipov

Postgraduate Student of the Department of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: arsenij-antipow@mail.ru

Поступила 19.08.2025 Принята к печати 25.08.2025

Аннотация

В статье изложены теоретические основы и описаны реальные нормы регулирования требований к информированию пассажиров автомобильного и городского наземного электрического транспорта общего пользования в Российской Федерации. Правовое регулирование информирования пассажиров является важной частью работы транспорта общего пользования, поскольку способствует реализации пассажирами своего права на своевременное получение информации об оказываемой транспортной услуге. Недостаточность информации о системе общественного транспорта затрудняет пользование такой системой, поскольку невозможно заблаговременно получить сведения о разных параметрах услуги по перевозке пассажиров, включая стабильность, скорость, цену, маршруты, расписание отправления транспорта от остановочного пункта, доступность транспортных средств для маломобильных категорий пассажиров и т. д. В качестве основных методов познания при проведении исследования были использованы логический, сравнительный, эмпирический, аналитический, описательный и другие. Научную новизну исследования составил следующий вывод: для повышения эффективности правового регулирования транспорта общего пользования в Российской Федерации необходимо ввести дополнительные уточнения в понятийный аппарат и ряд норм, направленных на информирование пассажиров транспорта общего пользования в сети Интернет; также видится возможным дополнение существующего порядка и правил, регулирующих процесс информирования пассажиров.

Ключевые слова: транспортное право, российское правовое регулирование, правовое регулирование транспорта общего пользования, информирование пассажиров, права потребителей услуги, сведения о предоставляемой услуге, защита прав потребителей, стандартизация остановочных пунктов.

Abstract

The article presents the theoretical foundations and describes the actual regulations governing the requirements for informing passengers on public motor vehicles and urban ground-based electric transport in the Russian Federation. The legal regulation of passenger information is an important part of the operation of public transport, as it ensures that passengers have access to timely information about the transportation services they receive. Insufficient information about the public transport system makes it difficult to use such a system, as it is impossible to obtain information in advance about various parameters of the passenger transportation service, including stability, speed, price, routes, departure times from the bus stop, accessibility for people with limited mobility, and so on. The main methods of cognition used in the study were logical, comparative, empirical,

analytical, descriptive, and others. The scientific novelty of the study lies in the following conclusion: in order to improve the effectiveness of legal regulation of public transport in the Russian Federation, it is necessary to introduce additional clarifications to the conceptual framework and a number of norms aimed at informing passengers of public transport on the Internet. It is also possible to supplement the existing procedures and rules governing the process of informing passengers.

Keywords: transport law, Russian legal regulation, legal regulation of public transport, passenger information, consumer rights, information about the service provided, consumer protection, standardization of bus stops.

Основной целью деятельности транспорта общего пользования является оказание услуг по перевозке пассажиров и багажа. Из этого следует, что пассажиры являются потребителями услуги. Физические лица, которые не вступили в правоотношения по перевозке, имеют право сделать это, поскольку перевозчик, осуществляющий перевозки пассажиров по маршрутам регулярных перевозок, заключает с ними публичный договор присоединения.

Перевозчик обязан заключать договор со всеми, кто принимает условия перевозки, и такие условия перевозки должны быть одинаковыми для всех пассажиров – потребителей услуги – по общему правилу. Если правилами перевозки и иными актами не установлены дифференциации по категориям обслуживания и иным признакам, например, разная стоимость оплаты проезда в зависимости от дальности расстояния, либо разделение салона на зоны первого и второго класса с разным набором удобств не предусмотрено, то в таком случае условия должны быть одинаковыми и не должны индивидуализировано отличаться для пассажиров одной категории [1].

Важно отметить, что перед заключением договора потенциальный пассажир должен быть ознакомлен со всеми условиями договора, включая существенные условия.

Как минимум это следует из пункта 1, статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), согласно которой между сторонами должно быть достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

К таким условиям относятся предмет договора, дата и время отправления, дата и время прибытия, пункт отправления, пункт назначения (прибытия), размер взимаемой платы за проезд и провоз багажа, что следует из формулировки статьи 786 ГК РФ [3].

Кроме базовых существенных условий, в договоре могут содержаться иные условия, которые могут оказаться важными для пассажира, например, технические характеристики подвижного состава перевозчика, а конкретно – техническая

возможность перевозки детской или инвалидной коляски, а также наличие в салоне и у двери площадки, расположенной на низком полу, либо автоматизированного подъемника для таких колясок в случае отсутствия низкого уровня пола.

Описанная в абзаце выше техническая возможность является одним из ключевых параметров для лиц, имеющих физиологические проблемы с опорно-двигательным аппаратом, а также для лиц с ограниченными возможностями, например, родителей с детьми, не умеющими передвигаться самостоятельно в силу возраста или своего физического развития. Фактически это параметр доступности услуги для маломобильных пассажиров, о котором также необходимо уведомлять потенциальных получателей услуги заранее, поскольку это может прямо повлиять на их потребительское поведение.

Очевидно, что потенциальный пассажир с ребенком в детской коляске, пришедший на остановку транспорта общего пользования и ознакомившийся на ней со сведениями о недоступности подвижного состава для детских колясок (отсутствие накопительной площадки в салоне, высокий уровень пола и отсутствие автоматических подъемников для колясок в подвижном составе), изменит свои намерения по поводу вступления в правоотношения с перевозчиком в качестве пассажира.

А если вышеприведенная информация располагалась бы также в сети Интернет на сайте перевозчика или на сайте органа муниципальной или региональной власти, то потенциальный пассажир заранее мог бы скорректировать свое потребительское поведение, воспользовавшись другими транспортными услугами.

Данный потенциальный пассажир заранее узнает о том, что услуга, оказываемая перевозчиком, ему не подходит, тогда не понадобится тратить время, ожидая транспортное средство, чтобы фактически выяснить несоответствие уровня доступности услуги для самого пассажира и его ребенка.

Напротив, если перевозчик располагает транспортными средствами, способными оказы-

вать услугу по перевозке маломобильных пассажиров, но они работают на маршруте регулярных перевозок вперемешку с транспортными средствами, не предназначенными для перевозки маломобильных пассажиров, то только при наличии опубликованных сведений о времени отправления таких транспортных средств от остановочных пунктов потенциальные пассажиры смогут получить информацию о рейсах, предоставляющих услуги маломобильным пассажирам, и при необходимости скорректировать свое потребительское поведение [5].

Для некоторых пассажиров могут быть существенными сведения, касающиеся наличия в транспортных средствах перевозчика системы климат-контроля в пассажирском салоне. Особенно это актуально в регионах с ярко выраженным сезонными температурными режимами. Наличие информации такого рода также способно влиять на поведение физических лиц – пассажиров или потенциальных потребителей транспортной услуги.

Изложенное выше подтверждается не только эмпирически, но также описано в исследовательских работах и закреплено законодательно. Рассмотрим правовое регулирование обязанности по информированию пассажиров автомобильного и городского наземного электрического транспорта общего пользования в Российской Федерации.

Наиболее общую норму содержит статья 10 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», которая возлагает на исполнителя обязанность своевременного предоставления потребителю перечня достоверных сведений, необходимых для обеспечения потребителю возможности выбора услуги либо отказа от оказания данной услуги.

Статья 8 данного закона также закрепляет право потребителя на получение информации об услуге и об исполнителе данной услуги; по общему правилу, информация предоставляется при заключении договоров купли-продажи и договоров о выполнении работ (оказании услуг) способами, принятыми в отдельных сферах обслуживания потребителей. Важно отметить, что потенциальные пассажиры – это лица, еще не заключающие договор, а лишь знакомящиеся с условиями договора перевозки пассажиров.

Отсутствует непосредственное взаимодействие между перевозчиком и потенциальным пассажиром по поводу передачи сведений, со-

держащих условия договора перевозки по регулярным маршрутам автомобильного и городского наземного электротранспорта. Перевозчик взаимодействует с потенциальными пассажирами опосредованно, размещая информацию и доводя ее до сведения неопределенного круга лиц о существенных условиях договора перевозки. Де-юре такое взаимодействие можно классифицировать как публичную оферту – предложение перевозчика, выражющее его волю сделать предложение заключить договор с любым физическим лицом, которое согласиться на заключение такого договора на указанных и опубликованных перевозчиком условиях. Именно такие признаки закреплены в статье 437 ГК РФ.

Заключение договора между перевозчиком и пассажиром о перевозке по регулярному маршруту осуществляется посредством конклюдентных действий, совершенных пассажиром. Предполагается, что, по общему правилу, конклюдентными действиями по заключению вышеуказанного договора является посадка пассажира в транспортное средство перевозчика. Однако де-факто иногда из-за отсутствия или недостаточности информации физическое лицо производит посадку в транспортное средство не с целью оказания ему услуги перевозки, а с целью уточнения условий договора – пункта назначения, времени прибытия, стоимости услуги и иных условий договора. В некоторых случаях на автовокзалах конклюдентным действием будет покупка проездного документа в кассе автовокзала, если доступ на остановочные пункты внутри автовокзала осуществляется только при условии наличия у пассажира проездного документа.

Документом, удостоверяющим данный договор, является билет или электронная запись в специальной программе – так называемый электронный билет, что следует из положений статьи 786 ГК РФ, а более детально требования к реквизитам билетов закреплены Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2020 г. № 1586 «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом».

Существует отраслевой нормативно-правовой акт, содержащий конкретизирующие нормы в части информирования пассажиров регулярных маршрутов автомобильного и городского наземного электрического транспорта общего пользования. Ключевым отраслевым нормативно-

правовым актом можно считать Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В пункте 3.1 статьи 30 указанного Федерального закона содержится бланкетная норма, регулирующая набор оборудования остановочных пунктов, расположенных и не расположенных на территории автовокзалов, и автостанций. Данная норма содержит ссылки на нормативно-правовые акты, в которых в том числе есть требования по набору информации для пассажиров и потенциальных пассажиров, который должен располагаться на территории остановочных пунктов, а также внутри транспортных средств, использующихся для перевозок пассажиров по регулярным маршрутам.

Бланкетная норма в части требований к оборудованию остановочных пунктов на территории автостанций и автовокзалов отсылает к Приказу Минтранса России от 2 октября 2020 г. № 406 «Об утверждении минимальных требований к оборудованию автовокзалов и автостанций», а в части, относящейся к оборудованию остальных остановочных пунктов, – к Постановлению Правительства Российской Федерации от 1 октября 2020 г. № 1586 «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом». Обе нормы содержат требования к перечню информации, которая должна сообщаться пассажиру на территории остановочных пунктов. Субъект, ответственный за исполнение данных норм, напрямую не указан в российском законодательстве.

Нормы, обеспечивающие информирование пассажиров и потенциальных пассажиров в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, закреплены статьями 25 и 26 Федерального закона № 220-ФЗ, где закреплены полномочия исполнительных органов государственной и муниципальной власти в части ведения реестров маршрутов регулярных перевозок и обеспечения доступа к таким сведениям для неопределенного круга лиц [4].

Основной целью ведения реестров маршрутов регулярных перевозок не является информирование пассажиров и потенциальных пассажиров, однако ряд законодательных новелл, расширяв-

ших перечень сведений, публикуемых в данных реестрах, позволяет в некоторой степени использовать их для получения информации об условиях договора перевозки по регулярным маршрутам.

В частности, одной из новелл является требование по публикации расписания движения как части реестра при условии, что данные сведения не размещены в иной информационной системе, закрепленной региональными нормативно-правовыми актами, и сведения из данной системы доступны неопределенному кругу лиц. В некоторых регионах Российской Федерации такие информационные системы существуют, однако в них могут быть внесены не все маршруты регулярных перевозок. Существуют регионы, где такая система по состоянию на август 2025 г. отсутствует.

Иных законодательно закрепленных требований, обязывающих перевозчиков или иных лиц размещать в сети Интернет информацию об условиях договора перевозки пассажиров по регулярным маршрутам, не существует, кроме одной, которая будет рассмотрена ниже в данной работе. Перевозчики принимают решение публиковать либо не публиковать такие сведения самостоятельно, равно как и выбирают сайты и платформы социальных сетей для публикации по своему усмотрению [2].

Рассмотрим набор сведений, которые должны быть расположены на остановочных пунктах, в салоне транспортных средств перевозчиков и в сети Интернет.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2020 г. № 1586 «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» на остановочных пунктах, кроме тех, что работают в режиме «по требованию», должны быть размещены сведения об интервалах либо о графике отправления транспортных средств для регулярных маршрутов междугородного сообщения, а также график прибытия транспортных средств в остановочный пункт.

Если остановочный пункт оборудован в соответствии с данными требованиями, потенциальный пассажир сможет узнать для себя такие существенные условия договора перевозки, как дата и время отправления транспортного средства.

Важно отметить, что требование к отсутствию размещения расписания в формате графиков отправления/прибытия или интервалов на остановочных пунктах, работающих в режиме «по

требованию», представляется дискуссионным и неоднозначным, поскольку лишает пассажиров и потенциальных пассажиров, пользующихся такими остановочными пунктами, возможности получения сведений о дате и времени отправления транспортного средства несмотря на то, что они являются существенными условиями договора.

Учитывая особенность режима функционирования данных остановочных пунктов, представляется допустимым размещать на таких остановочных пунктах расписание аналогично тому, как оно размещается на обычных остановочных пунктах, поскольку время проследования транспортного средства перевозчика от предыдущего остановочного пункта до остановочного пункта «по требованию» можно вычислить исходя из эксплуатационных параметров маршрута или замерить эмпирически. Если в маршрут включено несколько остановочных пунктов «по требованию», расположенных подряд, то вышеуказанный временной параметр также поддается математическим расчетам, однако де-факто становится более вариативным.

Изложенное в предыдущем предложении не является основанием для отказа от размещения расписания движения транспортных средств на таких остановочных пунктах, поскольку представляется, что для расписания, опубликованного в формате интервалов движения между транспортными средствами, достаточно включить примечание о том, что в связи с режимом работы данного и предыдущих остановочных пунктов фактический интервал может отличаться от заявленного на указанное количество минут в большую и меньшую сторону.

Для регулярных маршрутов, расписание которых составлено в формате графиков отправлений/прибытий, на остановочных пунктах, работающих в режиме «по требованию», желательно указание в расписании темпорального диапазона прибытия транспорта.

В указанном диапазоне первое указание на время – это время прибытия транспортного средства на данный остановочный пункт «по требованию», рассчитанное исходя из времени отправления транспорта от первого предыдущего остановочного пункта с обязательной посадкой/высадкой пассажиров, при условии проследования транспортным средством всех следующих за ним остановочных пунктов «по требованию», которые являются предыдущими по отношению к описываемому остановочному пункту,

без остановки. Второе указание на время в описываемом диапазоне – то же самое, но с остановками для посадки/высадки пассажиров в каждом предыдущем остановочном пункте «по требованию», которые также являются следующими по отношению к первому предыдущему остановочному пункту с обязательной посадкой/высадкой пассажиров. Предложенное решение позволило бы получить пассажирам остановочных пунктов, работающих в режиме «по требованию», больше сведений об основных условиях перевозки пассажиров.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2020 г. № 1586 закреплено требование, согласно которому указатели, размещенные на остановочных пунктах, также обязательно должны содержать информацию о типе транспортного средства, о наименовании остановочного пункта, о номерах маршрутов, в состав которых включен данный остановочный пункт, о наименованиях конечного остановочного пункта каждого маршрута регулярных перевозок. Эти сведения позволяют потенциальным пассажирам получить информацию о пункте отправления, идентифицировать тип транспортного средства и узнать идентификационный номер маршрута, а также направление его движения, т. е. частично уточнить предмет договора перевозки пассажира.

Следует отметить, что при наличии указанного перечня публикуемой информации для потенциального пассажира такие существенные условия договора, как дата, время и пункт прибытия, требуют уточнения. Из полученного набора сведений пассажир не сможет получить информацию, останавливается ли транспорт регулярного маршрута на нужном ему остановочном пункте, а также в какое время пассажир прибудет на данный остановочный пункт.

Де-факто потенциальные пассажиры для уточнения данных обстоятельств используют информационные системы и прочие ресурсы в сети Интернет, включая реестр маршрутов регулярных перевозок, а также взаимодействуют с другими потенциальными пассажирами либо уточняют необходимую информацию у представителей перевозчика, дожидаясь его транспортного средства.

Остановочные пункты должны быть оборудованы надписями «По требованию» или «Посадки нет» в случаях, если, соответственно, в остановочных пунктах, в которых посадка/высадка пас-

сажиров осуществляется по их требованию, либо в остановочных пунктах осуществляется только высадка пассажиров. Данная информация также является важной для потенциальных пассажиров, поскольку позволяет заблаговременно определять и корректировать свое поведение в соответствии с особенностью остановочных пунктов, заблаговременно осуществляя предупреждение перевозчика о необходимости войти/выйти на остановочном пункте «по требованию» и не используя остановочные пункты с надписью «посадки нет» для ожидания подвижного состава перевозчика.

Также указатели на остановочных пунктах должны содержать наименование, адрес и контактные телефоны органа, обеспечивающего контроль за осуществлением регулярных перевозок.

На автостанциях и автовокзалах, помимо всего вышеперечисленного, также должна быть представлена информация о расположении предназначенных для обслуживания пассажиров и перевозчиков помещений автовокзала, автостанции, в том числе залов ожидания, билетных касс, а также (при наличии) комнаты матери и ребенка, пунктов питания, медицинского пункта для оказания первой помощи, камеры хранения, туалетов, указателей о направлениях движения к ним. Все это является важным для потенциальных пассажиров, поскольку позволяет заблаговременно определять и корректировать поведение при пользовании объектом транспортной инфраструктуры.

Кроме вышеперечисленного, на автовокзалах и автостанциях должна быть расположена схема маршрутов, остановочные пункты которых включены в них и при этом находятся на территории автостанции/автовокзала. Данные сведения могут служить дополнительным источником информации для потенциальных пассажиров при узнавании существенных условий договора перевозки.

Отметим, что сведения об объектах обслуживания на автовокзале/автостанции, о расписаниях, а также о маршрутах и их схемах должны быть размещены владельцем автовокзала/автостанции на официальном сайте владельца автовокзала/автостанции при условии наличия такого сайта. Размещенные на данном сайте сведения должны быть доступны для ознакомления без взимания платы. Это юридическое требование – одно из немногих, регламентирующих информирование пассажиров в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [6].

Рассмотрим требования к информированию пассажиров внутри транспортных средств перевозчиков. Например, Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2020 г. № 1586 на перевозчика возложена обязанность информировать пассажиров об остановочных пунктах, а также указывать на остановочные пункты, работающие в режиме «по требованию». Способы доведения этой информации до сведения пассажиров детально не регламентированы данным постановлением, де-факто информирование производится посредством автоматической системы аудиоинформирования, которое иногда может быть продублировано текстовой и/или графической информацией, если транспортное средство оборудовано электронной информационной строкой или внутрисалонными экранами. Если, транспортное средство не оборудовано ни одной из вышеперечисленных систем, тогда водитель или иной представитель перевозчика может сообщать информацию пассажирам устно с использованием или без использования звукоусиливающего устройства.

Информация об остановочных пунктах позволяет пассажиру и потенциальному пассажиру получить сведения о своем пункте прибытия, что является существенным условием договора перевозки пассажиров. Если потенциальный пассажир не воспользовался иными средствами получения информации о пункте назначения заблаговременно, он может получить информацию в устной форме от представителя перевозчика по мере посадки в транспортное средство.

Сами транспортные средства также должны быть оборудованы следующими информационными указателями:

- 1) места для пассажиров с детьми и инвалидов, за исключением случаев, когда транспортное средство используется для осуществления регулярных перевозок по билетам, в которых указывается номер места для сидения;
- 2) места расположения огнетушителей;
- 3) места расположения кнопок остановки транспортного средства;
- 4) места для сидения, за исключением случаев, когда транспортное средство используется для осуществления регулярных перевозок по билетам, в которых не указывается номер места для сидения;
- 5) аварийные выходы и правила пользования такими выходами.

Данные сведения позволяют пассажиру корректировать свое поведение во время получения услуги по своей перевозке, а также в случае возникновения чрезвычайной ситуации.

В транспортном средстве перевозчика также должна быть размещена такая информация, как наименование, адрес и номер телефона перевозчика, фамилия водителя, а при наличии кондуктора – также фамилия кондуктора, что соответствует требованию статьи 8 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», в соответствии с которым потребитель имеет право на получение информации об услуге и о исполнителе данной услуги в момент заключения договора. Представляется оптимальным сообщать сведения о перевозчиках заблаговременно, до посадки пассажира в транспортное средство, что, однако, де-факто не осуществляется и де-юре не требуется.

Стоимость проезда, провоза ручной клади и перевозки багажа за исключением случаев, когда транспортное средство используется для осуществления регулярных перевозок в международном или международном сообщении, также является информацией, которая должна быть размещена в транспортном средстве. Размер взимаемой платы за проезд и провоз багажа является существенным условием договора перевозки, поэтому представляется необходимым заблаговременное доведение данной информации до потенциального пассажира до его посадки в транспортное средство, что, однако, де-факто не осуществляется и де-юре не требуется. Пассажир узнает стоимость транспортной услуги, только оказавшись внутри транспортного средства.

Сведения о правах и обязанностях пассажиров также должны быть размещены в салоне транспортного средства. Права и обязанности сторон составляют основу предмета любого договора, в том числе договора перевозки пассажиров.

Если транспортное средство используется для осуществления перевозок, подлежащих лицензированию, то в нем должны быть размещены сведения об этом, включающие номер соответствующей лицензии и наименование органа, выдавшего данную лицензию. Описанное также можно отнести к предмету договора перевозки.

Достаточно подробные требования предъявляются Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2020 г. № 1586 к указателям маршрута. Регламентировано их размещение с трех сторон транспортного сред-

ства, а именно над лобовым стеклом либо в верхней части лобового стекла, а также на правой стороне кузова по ходу транспортного средства и на заднем окне транспортного средства.

Маршрутные указатели должны быть освещены в темное время суток, также возможно использование информационного электронного табло в качестве указателя маршрута регулярных перевозок.

Подробно указан перечень информации, который должен размещаться на разных маршрутных указателях.

Указатель маршрута регулярных перевозок, размещаемый над лобовым стеклом транспортного средства или в верхней части лобового стекла, содержит наименования начального и/или конечного остановочных пунктов и номер маршрута регулярных перевозок.

Указатель маршрута регулярных перевозок, размещаемый на правой стороне кузова по ходу транспортного средства, содержит номер маршрута регулярных перевозок, а также наименования начального, конечного и одного или нескольких промежуточных остановочных пунктов.

Указатель маршрута регулярных перевозок, размещаемый на заднем окне транспортного средства, содержит номер маршрута регулярных перевозок.

Информация на указателе маршрута может позволить потенциальному пассажиру узнать путь следования транспортного средства перевозчика и в некоторых ситуациях позволяет узнать, следует ли транспортное средство до необходимого потенциальному пассажиру пункта назначения.

Резюмируя вышеизложенное, укажем, что законодательное регулирование информирования пассажиров маршрутов регулярных перевозок в Российской Федерации осуществляется специальными и конкретизирующими нормами, являющимися развитием общих гражданско-правовых норм и норм о защите прав потребителей.

Особенностью норм, регулирующих информирование пассажиров маршрутов регулярных перевозок в Российской Федерации, является их сосредоточенность в нескольких отраслевых нормативно-правовых актах. Имеет место отделение норм, регулирующих информирование в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, от норм, регулирующих информирование на остановочных пунктах и в транспортных средствах.

Информирование в сети Интернет является наименее урегулированным сегментом, несмотря на значительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий в Российской Федерации. Нормы, регулирующие информирование пассажиров на остановочных пунктах и в салонах транспортных средств, сформулированы таким образом, что при условии их соблюдения потенциальный пассажир не сможет одновременно в одном месте и у одного субъекта узнать все существенные условия договора перевозки пассажиров по маршрутам регулярных перевозок.

Все существенные условия договора, такие как его предмет, пункты прибытия и отправления, размер взимаемой платы, дата и время отправления, дата и время прибытия, могут быть выяснены потенциальным пассажиром только посредством взаимодействия с разными источниками информации, а время, место, форма получения таких сведений могут оказываться неудобными для восприятия либо приводить к иным неудобствам субъекта, таким как необходимость ожидания транспортного средства либо использования различных источников информации для сопоставления и самостоятельного выявления существенных условий договора. Некоторые аспекты, касающиеся доступности транспортного средства для маломобильных пассажиров, также

остаются неурегулированными в должной мере по состоянию на 2025 год.

Основываясь на вышеизложенном, считаем необходимым совершенствование норм права, регулирующих информирование пассажиров маршрутов регулярных перевозок в Российской Федерации.

В частности, необходимо прорабатывать требования об информировании потенциальных пассажиров обо всех условиях договора перевозки заблаговременно, а не только непосредственно в момент заключения договора. Это связано с тем, что в настоящее время обязанность перевозчика предоставлять потенциальному пассажиру информацию о его правах и обязанностях, о доступности подвижного состава, а также в большинстве случаев информацию о плате за проезд и провоз багажа предусмотрена только на борту транспортного средства перевозчика, но не на остановочном пункте или в сети «Интернет».

Существенным является формирование принципа информирования потенциальных пассажиров обо всех условиях договора перевозки в одном источнике, чтобы исключить необходимость самостоятельного выявления разрозненных и расположенных в разных источниках фрагментов информации, содержащих существенные условия договора перевозки.

Список литературы

1. Владимирова О. А. Договорное право. – Казань : Бук, 2020.
2. Зарубежный и отечественный опыт использования интеллектуальных транспортных систем в области информирования пассажиров / А. В. Мосин, И. Н. Батищев, А. Ю. Киселев [и др.] // Современные автомобильные материалы и технологии (САМИТ-2017) : сборник статей IX Международной научно-технической конференции, Курск, 26–27 октября 2017 года / отв. ред. Е. В. Агеев. – Курск : Университетская книга, 2017. – С. 134–139.
3. Колпаков Р. В. Анализ практики заключения договора перевозки пассажиров и багажа автомобильным транспортом // Проблемы в российском законодательстве. – 2015. – № 1. – С. 115–117.
4. Применение системы информирования пассажиров в повышении качества пассажирских перевозок / В. С. Жакыпджанова, Н. А. Сыдыков, А. Э. Абдиев, Р. М. Кенжебаев // Известия Ошского технологического университета. – 2024. – № 1. – С. 20–24.
5. Рузаев Е. П. Анализ публичных договоров и договоров присоединения // Постулат. – 2022. – № 1 (75). – URL: www.e-postulat.ru
6. Яскевич А. В. Системы визуального информирования пассажиров как технология интеллектуальной транспортной системы // Управление информационными ресурсами : материалы XX Международной научно-практической конференции, Минск, 29 марта 2024 года. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024. – С. 544–545.

Проблемы противодействия преступлениям, совершенным организованными группами (на примере телефонного мошенничества)

В. Ю. Мельников

доктор юридических наук, доцент,

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Ростовского института (филиала) ВГЮ (РПА Минюста России).

Адрес: Ростовский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
344019, г. Ростов-на-Дону, Советская ул., д. 32/2.

E-mail: juliameln@mail.ru

Problems of countering crimes committed by organized groups (using the example of telephone fraud)

V. Yu. Melnikov

Doctor of Law, Associate Professor,

Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice.
Address: Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice,
32/2 Sovetskaya Str., Rostov-on-Don, 344019, Russian Federation.

E-mail: juliameln@mail.ru

Поступила 21.07.2025 Принята к печати 30.09.2025

Аннотация

В статье отмечается, что телефонное мошенничество, совершенное организованными преступными группами, – это одна из линий атак на россиян, методов ведения войны против нашей страны, которая возведена в ранг госполитики. Это делают государственные органы или структуры, преступные сообщества (преступные организации), которые находятся под государственным украинским контролем, в их преступной деятельности принимают участие другие лица на территории России. Подобные действия предназначены для сбора персональных данных граждан, организации виртуальных звонков через sim-box, использования российских номеров, перевода похищенных средств за рубеж. Данное исследование приводит к выводу, что для полного, всестороннего и объективного рассмотрения уголовных дел, связанных с мошенничеством организованных преступных групп, такие дела целесообразно относить, в соответствии с требованиями части 2 статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, к подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации по статье 210 Уголовного кодекса Российской Федерации при оперативном сопровождении ФСБ Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное законодательство, права и свободы человека и гражданина, коррупция, должностные преступления, мошенничество, соучастие, организованная преступность, телефонное мошенничество, преступные сообщества.

Abstract

The article notes that telephone fraud committed by organized criminal groups is one of the lines of attacks on Russians, methods of waging war against our country, which has been elevated to the rank of state policy. This is done by government agencies or structures, criminal communities (criminal organizations) that are under state Ukrainian control, and other persons in Russia take part in their criminal activities to collect personal data of citizens, organize virtual calls via a sim box, use Russian numbers, and transfer stolen funds abroad. As a result of the research, the author comes to the conclusion that for a complete, comprehensive and objective consideration of criminal cases related to fraud by organized criminal groups, it is advisable to refer such cases, in accordance with the requirements of Part 2 of Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to the jurisdiction of investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation with the operational support of the FSB Russian Federation.

Keywords: criminal law, human and civil rights and freedoms, corruption, official crimes, fraud, complicity, organized crime, telephone fraud, criminal communities.

Проблема соблюдения законности и порядка в деятельности должностных лиц и обычных граждан является чрезвычайно актуальной для России¹. Большое значение имело принятие Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»². В рамках борьбы с коррупцией важно совершенствовать формы и методы взаимодействия прокуратуры и других правоохранительных органов с судами, органами исполнительной и законодательной власти. Для этого требуется более четкая нормативная регламентация вопросов о порядке подготовки информации и обмена ею, разработке и проведении совместных мероприятий, выполнении принятых решений [5]. Многие авторы сходятся во мнении, что именно коррупция в институтах судебной власти подрывает авторитет суда [3. – С. 63; 4]. Так, А. Р. Андреева отмечает, что проблема коррупции в суде становится сейчас особенно актуальной [1].

По итогам 11 месяцев 2022 г. в стране выявлено около 1,8 млн преступлений. Относительно сопоставимого периода предшествующего года их число сократилось на 1,6%³. В ходе расследования уголовных дел сотрудники прокуратуры все чаще выявляют нарушения уголовно-процессуального закона (см. табл.).

В данной статье, в частности, рассмотрим вопросы связей между упомянутой сферой и действиями организованных преступных групп на территории Украины и России.

В. В. Путин отметил, что телефонное мошенничество на Украине – это одна из линий атак на россиян, метод ведения войны против нашей страны, которая возведена в ранг госполитики⁴. Этим занимаются государственные органы или структуры, преступные сообщества (преступные

организации), которые находятся под государственным украинским контролем. В их преступной деятельности принимают участие другие лица на территории России, уполномоченные для сбора персональных данных граждан, организации виртуальных звонков через sim-box, использования российских номеров, перевода похищенных средств за рубеж. Всё заканчивается иностранными IP-адресами. Ситуация с распространением кибермошенничества в России стала острой, действовать надо быстро, заявил президент России Владимир Путин. «Ситуация, которую мы обсуждаем, является крайне острой. Ущерб для граждан, а значит и для государства, со стороны телефонных и интернет-мошенников приобрел просто недопустимые размеры, очень большие. Поэтому действовать нужно быстро», – указал он.

Таблица

Наименование показателя	1 мес. 2022 г.	1 мес. 2023 г.	% (+;-)
Всего выявлено нарушений законов, в том числе:	387 880	417 235	7,6
- при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении	250 368	264 058	5,5
- при производстве следствия и дознания	137 512	153 177	11,4
Внесено представлений и информации об устраниении нарушений	6 200	7 927	27,9
Привлечено лиц к дисциплинарной ответственности	10 424	12 446	19,4
Поставлено на учет по инициативе прокурора преступлений, ранее известных, но по разным причинам не учтенных	7 328	7 879	7,5

Глава Центробанка Российской Федерации Эльвира Набиуллина сказала, что крупные российские банки «отбивают» 99% мошеннических атак на граждан, но 1% допущенных нападений

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

² Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 17. – Ст. 2721.

³ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gpfr>

⁴ Путин указал на возведение телефонного мошенничества в ранг госполитики Киева. – URL: <https://rutube.ru/video/2ecc19102368f653589e24ac6a8cc923/>

может нести миллиардный ущерб¹. В. Путин подчеркнул, что по мере реализации решений в вопросе борьбы с кибермошенничеством необходимо анализировать правоприменительную практику и вносить в законодательство корректизы².

В. В. Путин обратил внимание Генпрокуратуры и Роскомнадзора на эту проблему, поручив рассмотреть блокировку вала звонков с Украины и запрет подмены номеров. Президент поручил Правительству России совместно с ФСБ и МВД разработать меры по блокировке звонков с Украины и из других недружественных стран, совершаемых в преступных целях. Также он поручил разработать иные меры, необходимые для защиты прав и интересов россиян, которые могут пострадать при использовании злоумышленниками современных информационно-коммуникационных технологий.

Сложился стереотип, что чаще всего от киберпреступников страдают люди пенсионного и предпенсионного возраста, однако это не так. В 2024 г. жертвами «сотрудников кол-центров» стали 344 тыс. человек, пенсионеров из них – 23,9%. Чаще всего на уловки мошенников попадают лица в возрасте от 25 до 44 лет. Это молодые, активные люди, пользующиеся различными мессенджерами, маркетплейсами, системами электронных расчетов. Они активные пользователи социальных сетей, где оставляют много личных данных, что делает их уязвимыми для злоумышленников. Чаще других страдают жители городов и регионов с большой плотностью населения и развитой экономикой: Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский край.

Агентство США по международному развитию (USAID) всегда финансировало мошеннические кол-центры на Украине для ослабления и развала Российской Федерации. С 2022 г. Оно ежемесячно вкладывало по \$9 млн в работу украинских кол-центров, которые обманывали клиентов российских банков. Цель вливаний USAID – экономическое ослабление России. Эти же кол-центры киевский режим привлекает для диверсий в Российской Федерации, вербую через них исполнителей. Для изменения номера мошенники ис-

пользуют идентификатор Caller ID, который отвечает за отображение номера на экране смартфона во время входящего звонка. Услуги распространяются виртуальными операторами. Номер злоумышленники получают российский, а значит, он есть в какой-то базе и кто-то за него отвечает – и эти подменные звонки проходят по российским сетям, хотя преступники не должны иметь такой возможности. Остаются проблемы с привлечением представителями западных спецслужб потерпевших от финансовых махинаций для совершения тяжких преступлений, в частности, поджогов, террористических актов (обещая им возврат денежных средств) и свободой вывода мошенниками похищенных средств на территорию зарубежных государств.

Кто и как организовывает поджоги на территории России? В последнее время в СМИ активно обсуждаются участившиеся случаи поджогов в торговых центрах, отделениях банков и почты, зданиях военкоматов, а также автомобилей сотрудников правоохранительных структур. В качестве организаторов этих диверсий выступили телефонные мошенники. При выяснении обстоятельств любого мошенничества в большинстве случаев источник этой агрессии тем или иным образом оказывается на территории Украины, где за последние десятилетия создано множество кол-центров – они есть практически в каждом городе, а их количество превышает 1,5 тыс. офисов. Больше всего подобных учреждений в бывшем Днепропетровске, который уже окрестили столицей телефонного мошенничества. При этом официальных данных о численности операторов нет, но, исходя из масштабов работ, их количество уже измеряется тысячами.

Большая часть задержанных по обвинению в поджоге – студенты, пенсионеры и безработные. Однако в качестве поджигателей выступают и учителя, и многие другие достаточно образованные россияне. Обрабатывают таких граждан через боты для знакомств, профили в соцсетях или телефонный разговор – в условиях «сливов» персональных данных достать номер с именем не составит труда, а вот их уже хватит для получения более полной информации о человеке.

Также нельзя исключать случаи и просто умелого психологического воздействия на доверчивых лиц, а также желание самих жертв подзаработать. Необходимо не забывать про информационное просвещение граждан/родственников, помогая им в освоении самых простых основ ин-

¹ Крупные банки отражают свыше 99 % мошеннических атак на граждан. – URL: <https://ria.ru/20250305/banki-2003251915.html>

² Путин указал на возведение телефонного мошенничества в ранг госполитики Киева. – URL: <https://rutube.ru/video/2ecc19102368f653589e24ac6a8cc923/>

формационной безопасности и правил поведения в случае оказания давления. На сегодняшний день сотрудники МВД России и СМИ уже начали сообщать гражданам об опасности ответа на сомнительные телефонные звонки, но не всегда это бывает эффективным.

Минцифры и Роскомнадзор обсуждали введение ограничений на звонки в мессенджерах из-за активности мошенников¹. Рассматривались два сценария: блокировка голосового трафика только из-за границы и полный запрет на голосовые звонки в мессенджерах. По оценкам компании «МегаФон», доля мошеннических звонков в мессенджерах составляет около 40%, хотя три года назад показатель не превышал 1%². Чтобы ограничить возможности телефонных мошенников, Правительство Российской Федерации внесло изменения в перечень лицензий на оказание услуг связи. Из него исключена лицензия на передачу интернет-данных с наложением голосовой информации. Она позволяла с помощью интернета звонить на стационарный или мобильный телефон. Как отметили в правительстве, такая технология давала возможность мошенникам подменять номера³. Решение не должно сказаться на обычных пользователях телефонной связи, а граждане, совершающие звонки через разные мессенджеры, используют специальные программы без выхода на сеть стационарной и мобильной телефонной связи. «Чаще всего такими технологиями пользовались мошенники, поскольку это позволяло подменять номера. Теперь этот вид телефонного мошенничества будет серьезно ограничен», – указано в пресс-релизе правительства. Власти заверили, что это никак не скажется на обычных пользователях телефонной связи. «Теперь этот вид телефонного мошенничества будет серьезно ограничен, поскольку будет исключена возможность присоединения сетей передачи данных к телефонным сетям связи», – заявили в пресс-службе Правительства Российской Федерации.

¹ Коллективная ответственность топ-мессенджеров. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7401636>

² Минцифры и Роскомнадзор могут полностью запретить звонки в мессенджерах из-за мошенников. – URL: <https://www.iphones.ru/iNotes/mincifry-i-roskomnadzor-mogut-polnostyu-zapretit-zvonki-v-messendzherah-iz-za-moshennikov>

³ Правительство ограничило IP-телефонию. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/12/2024/676fa3f79a79478edf0ae19d

Для мошенников с Украины IP-телефония – единственный способ подменять номера и звонить россиянам с целью обмана. А объем похищенных денег (часть из которых мошенники отдают ВСУ) достиг, по разным оценкам, суммы в размере не менее 250 млрд рублей. В связи с этим действие IP-телефонии сейчас запрещено у нас, но это коснется звонков внутри *Telegram* или *WhatsApp*⁴, потому что они осуществляются внутри этих сервисов. Когда через интернет вам звонят либо на мобильный, либо на стационарный телефон, никаких сторонних подключений, как в случае с IP-телефонией, нет.

В производстве следственного отдела по рассмотрению преступлений на территории обслуживания Следственного управления МВД Российской Федерации по г. Ростову-на-Дону находится уголовное дело, возбужденное 28 октября 2024 г. на основании заявления по признакам преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)⁵. Потерпевший, как и многие наши граждане, попался на уловки мошенников, которые действуют с территории Украины. Хотя дело было возбуждено в отношении группы неустановленных лиц (как и многие подобные дела), потерпевший предполагал, что общался с сотрудниками российской фирмы, так как они по телефону и видеосвязи подтверждали свои данные и направили копии паспортов, чтобы потерпевший мог сверить фото в паспорте с их лицами на экране в момент видеосвязи. Потерпевший позже понял, что столкнулся с хищением своего имущества путем обмана, сразу позвонил в банк, и тот заблокировал банковские счета мошенников, которые, как пояснили сотрудники банка, возможно, не успели получить денежные средства. Требовалось содействие следственных органов и возбуждение уголовного дела, без чего невозможно было вернуть денежные средства, наложить арест на банковские счета. Однако, несмотря на устные и письменные ходатайства в адрес следственных органов, потерпевший каких-либо отве-

⁴ Деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации мессенджера WhatsApp признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ См. материалы уголовного дела № 124... по признакам преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации // Архив СУ МВД РФ по г. Ростову-на-Дону.

тов не получил, установить мошенников и вернуть похищенные денежные средства не удалось.

Налицо не просто мошеннические действия отдельных неустановленных лиц, а создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений либо руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а равно координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами. В УК РФ центральный признак – «сплоченность» – в полном объеме не отражает его сути.

Злоупотребление должностными полномочиями относится к числу должностных преступлений [2]. Такой подход к определению понятия «злоупотребления должностными полномочиями» исходит из общего конституционного принципа: осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3. ст. 17 Конституции Российской Федерации)¹. Есть основание отметить требования Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»².

Согласно открытой информации в СМИ, ФСБ Российской Федерации разоблачила международную сеть кол-центров, занимавшуюся массовым мошенничеством под видом совершения инвестиционных сделок. Уголовные дела воз-

буждались по признакам состава преступления, предусмотренным статьей 210 УК РФ при действенном оперативном сопровождении ФСБ России. Следователям МВД Российской Федерации, по мнению автора, сложнее бороться с такими преступлениями, когда дела возбуждаются по статье 159 УК РФ. В действиях группы неустановленных лиц, возможно, есть признаки преступления, предусмотренные статьей 210 УК РФ. Для полного, всестороннего и объективного расследования уголовных дел такого типа есть основания относить их, в соответствии с требованиями части 2 статьи 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, к подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации при оперативном сопровождении ФСБ России.

В условиях СВО поймать зарубежных преступников затруднительно, так как большинство западных стран не общается с Россией по вопросам правоохранительной тематики. Почему взаимодействие между странами в этом вопросе очень важно, показывает простой пример. В 2024 г. в России создали совместную с Белоруссией следственно-оперативную группу. Был выявлен колл-центр, «сотрудники» которого обманывали россиян. Белорусские коллеги у себя привлекают преступников к ответственности. Ловят соучастников, обслуживающих криминальные схемы у нас в стране, – это курьеры и дропы. Задача любой страны – сделать всё, чтобы эти преступления были невозможны на территории государства. Дропы – это именно та уязвимая часть, на которую возможно воздействовать, чтобы сделать невозможным вывод денег из России. Они предоставляют данные своих банковских карт третьим лицам. Эти третьи лица собирают деньги у потенциальных жертв по заданию зарубежных преступников и переводят их туда, куда им сказали. По оценкам экспертов, в преступную деятельность по обналичиванию похищенных финансов на территории России вовлечено более 2 млн человек.

Кроме того, преступники начали использовать и новый способ вывода средств. Раньше это всё происходило онлайн, а теперь, когда банки стали более бдительны, преступники перешли на курьерскую схему. Существует такая тенденция: приходят какие-то незнакомые люди, курьеры, и люди отдают им наличными все денежные средства, которые у них есть. Далее на эти деньги покупается «крипта», которая уходит за рубеж.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.07.2020. – № 31. – Ст. 4398.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 24 декабря 2019 г. № 59 и от 11 июня 2020 г. № 7) (ред. от 11.06.2020) // Российская газета. – 30.10.2009. – № 207 (5031).

Технология дипфейков (реалистичная подмена фото-, аудио- и видеоматериалов, созданная с помощью нейросетей) становится серьезной угрозой. По данным из открытых источников, путем применения этого инструмента мошенниками был нанесен ущерб 21% компаний. Самая серьезная угроза – подмена голоса руководителя. С развитием технологий 5G качество дипфейков будет только улучшаться. В Госдуме Российской Федерации на рассмотрении находится законопроект, предлагающий ввести в ряд статей УК РФ дополнительный квалифицирующий признак – совершение преступления с использованием дипфейка. Однако с точки зрения здравого смысла пока под вопросом, включать ли в законопроект слово «дипфейк», потому что тогда придется ввести в законы определение этого нового термина. По большому счету, это подделка – обычное мошенничество плюс искусственный интеллект. Это узкая часть цифровизации, а у нас уже есть ее квалифицирующие признаки и положение, что за использование для совершения преступлений каких-то технологических историй, ИТ-инструментов предусматривается повышенная мера наказания.

Сегодня при получении мошеннических звонков самый надежный способ – это положить трубку и перезвонить своему руководителю, родственнику или знакомому, которому срочно понадобилась финансовая поддержка или конфиденциальная информация. И лучше делать это путем совершения обычного телефонного звонка, а не через мессенджер.

Методы обмана потерпевших правоохранители называют «сценариями»¹. Показательны и различные методики налаживания контакта с человеком, к каждой из которых у оператора прописан свой скрипт. Рассмотрим лишь некоторые из них. Мошенники представляются консалтинговой компанией, которая содействует в получении страховых выплат, и предлагают подзаработать путем помочи их клиентам. Сначала мошенники выманивают у своей жертвы денежные средства, а затем либо сами обещают их вернуть за поджог, либо звонят снова, но уже представляются сотрудниками ФСБ России и предлагают ото-

мстить «обманщикам», которые якобы находятся в определенном здании, и чтобы их выманить оттуда, это здание надо поджечь, а наказания за это не последует. Получив доверие жертвы, преступники предлагали ей исполнить таким образом «гражданский долг» – наказать преступников, устроив провокацию.

Самый популярный способ мошенничества – звонки от имени правоохранителей или представителей Центрального Банка Российской Федерации, предлагающих перевести деньги на «безопасный счет». Широко распространены звонки от представителей малых групп Fake Boss: преступники звонят от имени сотрудников вузов или каких-то организаций, вводят в заблуждение и собирают денежные средства, предлагая, например, скинуться на подарок на день рождения начальника.

Не теряет актуальности фишинг, когда пользователи идут по поддельным ссылкам на зеркальные сайты организаций и оставляют там данные своих банковских карт. Очень серьезное направление мошенничества – псевдоинвестиции. Потерпевшим предлагают заняться крипто-трейдингом, они вкладывают средства, а по итогу там кроме сайта с оболочкой «биржи» ничего нет. Давлению подвергается и портал «Госуслуги». Преступники связываются с жертвой, выманивают у нее смс-код, меняют права доступа к аккаунту и оформляют кредиты. Распространена также рассылка вредоносных программ, позволяющих злоумышленникам получить полный доступ к мобильному устройству. Это только основные сценарии, всего их около полутора сотен. Как только какой-то из сценариев теряет эффективность, разрабатывается новая методика воздействия на человека. В основе всех историй – утечки информации, т. е. данные, которые или воруют хакеры, или выкладывают самими их владельцами в соцсетях. Залог успеха преступников – личная или конфиденциальная информация о потенциальной жертве.

Человек, например, звонит в свою управляющую компанию и говорит: мне нужно заменить трубу. В течение дня таких заявок поступает много, и администратор формирует из них пул, а потом продает в даркнете, где есть большой криминальный рынок покупок этих утечек. Чем он свежее, тем больше шансов обмануть человека. И вот уже на следующий день подавшему заявку на замену трубы начинают звонить преступники: вы подавали такую-то заявку? Дальше все уже

¹ В МВД сообщили, что кибермошенники используют около 1,5 тыс. методов обмана. – URL: <https://nova.rambler.ru/search?query=Методы+обмана+потерпевших+правоохранители+называют+«сценариями»>

зависит от уровня эрудированности мошенника и уровня образованности и адекватности самого человека. Если он хотел поменять трубу, то зачем ему сообщать куда-то банковские данные? Но и на такие уловки люди попадаются.

Киберпреступность – глобальная проблема, которая наблюдается во всех без исключения странах мира. Только в 2023 г. Интерпол арестовал 3500 человек и 300 млн долларов в 34 странах¹. В США в 2022 г. сумма похищенных денежных средств составила более 39,5 млрд долларов (или свыше 3 трлн рублей), в Китае – только сумма возмещенных гражданам потерь составила 99,1 млрд юаней (1 трлн рублей).

Госдума Российской Федерации приняла закон о противодействии телефонному мошенничеству², который предлагает комплекс следующих мер:

- установка самозапрета через портал «Госуслуги» на дистанционное оформление сим-карт – чтобы их не оформляли злоумышленники;
- установка самозапрета через операторов на массовые обзвоны, чтобы во время телефонного разговора не приходили сообщения от «Госуслуг», в том числе код подтверждения для входа;
- введение обязательной маркировки, которая будет отображать наименование организации при приеме звонков;
- запрет госорганам, банкам, операторам связи на использование зарубежных мессенджеров для общения с клиентами;
- установка запрета на передачу сим-карт третьим лицам при разрешении передачи сим-карт близким родственникам;
- изменение условий оформления сделок: возможность использования биометрии при получении микрозаймов; обязанность банков распространять антифрод-мероприятия не только на онлайн-платежи, но и на банкоматы; создание государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с

использованием информационных и коммуникационных технологий; введение института уполномоченных представителей клиентов при переводе денежных средств.

Думается, что представленные положения нанесут по кибермошенничеству в том виде, в котором оно существует сегодня, серьезный удар. Понятно, что стопроцентной победы не будет. Этот тип преступлений больше относится к социальной инженерии: убедить человека, что он в каком-то процессе участвует и ему за это надо заплатить. Об эффективности принятого законо-проекта пока говорить сложно, потому что сразу добавлено очень много новых опций. Внедрение закона приведет к самому важному – увеличению стоимости афер для мошенников. По большому счету, сейчас это происходит только по одной простой причине: доступ к людям очень дешевый. Теперь же он резко подорожает.

Президент Российской Федерации также утвердил набор поручений по борьбе с цифровыми жуликами³ для правительства и Центрального банка. Главный акцент – ответственность для банков. Кредитные организации будут вынуждены возвращать клиентам деньги, похищенные с помощью вредоносных программ. Кроме того, и банки, и операторы связи должны будут компенсировать людям потерю средств, если правоохранительные органы выяснят, что организации не приняли необходимых мер для предотвращения преступления. В. В. Путин поручил рассмотреть возможность блокировки учетной записи на портале «Госуслуги» при одновременном изменении двух или более параметров идентификации в личном кабинете, что сильно затруднит деятельность мошенников, переоформляющих на себя аккаунты пользователей для получения кредитов.

В апреле 2025 г. министр развития, связи и массовых коммуникаций Максут Шадаев внес на рассмотрение очередной законопроект по мошенникам,⁴ но он касается использования только биометрических систем.

Почему у нас не получалось все это время разобраться с мошенниками? Для этого требует-

¹ Интерпол сообщил об аресте 3,5 тысячи подозреваемых в кибермошенничестве. – URL: <https://d-russia.ru/interpol-soobshhil-ob-areste-3-5-tysjach-podozrevayemyh-v-kibermoshennichestve.html>

² Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502182/

³ «Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства» (утв. Президентом Российской Федерации 01.04.2025 № Пр-706). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502304/

⁴ Шадаев: осенью в Думу внесут второй пакет мер по борьбе с мошенниками. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4424990>

ся межведомственное взаимодействие, потому что кибермошенничество – это сложная технологическая история. Сперва до человека надо дозвониться, потом задействуется банковская система. То есть на первом месте связь, потом – Центральный банк, где-то там внутри будет проходить МВД, а где-то ФАС.

С одной стороны, если мы боремся за права человека, разве можно запретить снять деньги со своего счета? В принципе банки и так имеют право приостанавливать платежи при сомнительных операциях. Иногда бывают ситуации, когда человеку действительно нужно перевести куда-то крупную сумму. Но, с другой стороны, у нас есть жертвы мошенников, введенные в заблуждение. В течение следующего дня потерпевшие обычно уже что-то понимают, так что им требуется какое-то время для того, чтобы прийти в себя и связаться с родственниками. Учитывая эти ситуации, должен быть выбран некий баланс разумности при введении ограничений на переводы.

Запрет на передачу права пользования номером телефона третьим лицам – хорошая мера. Этот шаг позволит операторам изымать сим-карты, которые очень часто люди отдают в чужие руки. Теперь придется оформлять телефонные номера легально. По вине операторов на рынке был огромный объем серых сим-карт, оформленных на компании. И сейчас встречаются истории, когда люди оформляют на себя, а затем перепродают сим-карты по 500–1000 рублей. Мошенники покупают их у детей, маргиналов, и эта же история, что и с банковскими картами для дропперов – людей, которые помогают жуликам выводить деньги, но теперь есть основание шире привлекать их к ответственности в качестве со-участников.

Таким образом, вводится обязательная маркировка звонков, чтобы было видно, от кого они поступают – от организаций или с международно-

го виртуального номера. Информация станет отображаться на экране телефона. Появится возможность отказаться от рекламных звонков и массовых рассылок, которые делаются без предварительного согласия граждан. Государственным службам, операторам связи, банкам запретят применять иностранные мессенджеры при общении с людьми, подчеркнул премьер. Это поможет пресекать случаи, когда мошенники выдают себя за сотрудников таких учреждений. Для выявления подозрительных действий и их своевременной блокировки планируется создать информационную систему, в которой будут собирать записи голосов тех, кто использует доверие граждан в корыстных целях. Дополнительные меры позволят применять больше инструментов защиты от рисков в цифровой среде. Записи голосов телефонных мошенников будут собираться в специальной информационной системе для идентификации и выявления.

Целесообразно также внести законопроект об использовании средств искусственного интеллекта, за счет прослушивания разговоров граждан которым уровень мошенничества резко упал бы. Азия, Китай и Япония используют эту методику совершенно спокойно. У Минсвязи Российской Федерации есть основание внести закон о разрешении искусенному интеллекту прослушать в отдельных случаях звонки с подозрительных телефонных номеров. Это не все разговоры, поскольку нарушение прав и свободы человека недопустимо. Это крайне эффективный метод борьбы с киберпреступностью. Китай, Япония и Вьетнам внедряют в борьбу с цифровыми мошенниками искусственный интеллект, которому разрешают слушать разговоры и принимать решения.

Полагаем, это только одни из первых шагов по разработке целой системы мер противодействия телефонному мошенничеству.

Список литературы

1. Андреева А. Р. Противодействие коррупции в судебной деятельности // Молодой ученые. – 2021. – № 41 (383). – С. 207–209.
2. Боброва Н. А., Перистый В. В. Злоупотребление полномочиями как специфическая форма злоупотребления правом // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 2 (41). – С. 10–15.
3. Серегин А. В. Государственные репрессии против антигосударственного террора: охранительно-правовой опыт обеспечения безопасности России // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций : Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского, Москва, 20 апреля 2023 года. – Саратов : Саратовский источник, 2023. – С. 60–64.

4. Судебная власть и судоустройство: тенденции и перспективы правового регулирования : монография / Д. А. Авдеев, М. Т. Аширбекова, А. К. Балдин [и др.]. – М. : Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 2024.

5. Цалиев А. М. О месте и роли судов общей юрисдикции в механизме противодействия коррупции // Вестник Владикавказского научного центра. – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 26–29.

Коррупционные преступления и сфера жилищно-коммунального хозяйства: криминалистический аспект в свете цифровизации

Г. А. Алиева

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,

109992, Москва, Стремянный пер., д. 36.

E-mail: alieva.ga@rea.ru

Corruption Crimes and Housing and Communal Services: a Criminalistic Aspect in the Light of Digitalization

G. A. Alieva

PhD in Law, Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics,
36 Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation.

E-mail: alieva.ga@rea.ru

Поступила 24.08.2025 Принята к печати 01.09.2025

Аннотация

В рамках настоящей статьи автор предлагает читателям рассмотрение некоторых криминалистических аспектов, касающихся одной из сфер экономической деятельности нашего государства – сферы жилищно-коммунального хозяйства. За последние годы она претерпевает ряд изменений, которые, в свою очередь, не могут не отражаться на обстоятельствах совершения в ней преступных посягательств. С другой стороны, весомый вклад в развитие преступных механизмов в рассматриваемой отрасли человеческой деятельности вносят цифровые технологии. Благодаря им совершаются коррупционные (и не только) преступления, и благодаря им же их расследуют. Они вносят новый вектор в развитие криминалистической науки в целом, а в частности – в методику расследования коррупционных преступлений, которые сегодня стали именовать цифровой коррупцией. Отмечается ряд изменений, которые произошли в сфере жилищно-коммунального хозяйства в связи с цифровизацией. Предлагается небольшой обзор способов совершения преступлений в указанной сфере, отмечаются возможные следы, которые преступники могут оставлять на месте совершения преступления и др. Кроме того, читателям предлагается ознакомиться с фабулами из материалов уголовных дел по данной группе преступлений, которые имеют свои специфические особенности, освещенные автором в других трудах.

Ключевые слова: методика расследования, экономические преступления, коррупционные преступления, криминалистическая тактика, жилищно-коммунальное хозяйство, цифровизация.

Abstract

Within the framework of this article, the author offers readers a review of some criminalistic aspects related to one of the spheres of economic activity of our state – the sphere of housing and communal services. In recent years, it has undergone a number of changes, which, in turn, cannot but be reflected in the commission of criminal attacks in it. In turn, digital technologies make a significant contribution to the development of the criminal world in this branch of human activity. Thanks to them, corruption crimes are committed (and not only), and thanks to them they are investigated. They introduce a new vector into the development of criminalistic science as a whole, as well as separately into the methodology of investigating corruption crimes, which today have become known as digital corruption. There are a number of changes that have occurred in the field of housing and communal services in connection with digitalization. A brief overview of the ways of committing crimes in this area is offered, possible traces that criminals may leave at the crime scene, etc. are noted. In addition, readers are invited to familiarize themselves with the plots from the materials of criminal cases on this group of crimes, which have their own specific features, which are described by the author in other works.

Keywords: investigation methodology, economic crimes, corruption crimes, criminalistic tactics, housing and communal services, digitalization.

Количественные показатели коррупционных преступлений вновь набирают обороты. Так, по статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации всего за 2023 год выявлено 36,4 тыс. коррупционных преступлений, а в 2024 г. — 38,5 тыс. Рост составил 5,7%. В первом квартале 2025 г. выявлено 15 458 коррупционных преступлений — на 24% (почти на четверть) больше, нежели в 2024 г. (12 466 преступления).

Согласно статистике последних двух лет, больше половины коррупционных преступлений — это взятки: в 2023 г. — 55,7%, в 2024 г. — 60,3%. При этом доля случаев мелкого взяточничества сократилась. В прошлом дела по этой категории использовались для увеличения показателей в сфере борьбы с коррупцией¹.

По данным за 2024 год (по состоянию на февраль 2025 г.) международной неправительственной организации Transparency International, из 184 стран Россия находится на 161-м месте по индексу восприятия коррупции в мире (в 2023 г. — 146; в 2022 г. — 143; в 2021 г. — 136)². Обозначенные данные наглядно отражают ежегодное снижение уровня восприятия исследуемого противоправного деяния в социуме.

Особый интерес представляют коррупционные преступления в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Отметим, что анализ специальной литературы и практики внедрения цифровизации показывает, что в тех регионах Российской Федерации, где наблюдается низкий показатель уровня жизни общества (в основном это Северо-Кавказский федеральный округ), количество исследуемых преступлений гораздо выше, отсутствует должный контроль со стороны органов государственной власти и правоохранительных структур. Помимо денежных вложений, направляемых из множества источников в данную сферу экономической деятельности (оборот составляет примерно 4–6 трлн руб. в год), наблюдаются новые способы совершения указанных правонарушений, включая тяжкие преступления, свя-

занных с внедрением нового элемента управления человеческой деятельностью — цифры.

В связи с внедрением цифровых технологий особую актуальность не только в Российской Федерации, но и во всем мире приобретает борьба с коррупционными преступлениями. Коррупция не исчезла с появлением информационных технологий, она адаптировалась и приобрела более изощренный вид. Мы живем в то время, когда цифровые технологии могут использоваться как для преступлений, так и для борьбы с ними. Криптовалюты, блокчейн, анонимная маршрутизация превратили взяточничество в высокотехнологический бизнес с минимальными рисками для участников сделки.

С. А. Попова и С. В. Акулин пишут о цифровой коррупции — это новый термин, который начинает входить в общественную жизнь [3. — С. 181]. Рассматривая его через призму криминалистической науки, необходимо отметить, что данное понятие включает в свое содержание специфический элемент криминалистической характеристики преступления в виде такого инструмента его подготовки, совершения и сокрытия, как цифровые следы. Кроме того, объект посягательства видоизменяется, — с ценных бумаг, денежных и иных материальных средств на цифровые, что, в свою очередь, напрямую отражается на следовой картине.

Одним из примеров могут выступать материалы уголовного дела в отношении следователей Следственного комитета Российской Федерации М. Тамбиева и К. Ляховенко, которые вымогали у хакеров из группировки Infraud Organization 2 718 биткойнов (7,3 млрд руб.) и более 1,5 млн долларов, не приняли мер по аресту и обращению в доход государства криптовалюты на сумму более 14 млрд руб. Их обвиняют во взяточничестве в особо крупном размере и в фальсификации доказательств³.

В качестве объектов выгоды в цифровой коррупции выделяют также NFT (от англ. non-fungible token — невзаимозаменяемый токен). Данная цифровая технология является довольно новой, широкое распространение она получила в 2021 г. NFT представляет собой уникальный

¹ РБК. — URL: <https://prosecutordata.rbc.ru/>

² Официальный сайт антикоррупционного центра Transparency International. — Режим доступа URL: <https://www.transparency.am/>

³ Лента.ру. — URL: <https://lenta.ru/>

цифровой предмет, который не имеет аналога и записан на блокчейне, владелец которого может как воспользоваться им путем дарения или продажи, так и оставить в своей собственности. Должностное лицо может получить незаконные денежные средства не только через систему криптовалют, электронный кошелек, но и через продажу ему какого-либо NFT, имеющего ценность.

Иными словами, NFT – это единица учета, с помощью которой создается цифровой слепок для любого уникального предмета. К таковым относятся картины, фотографии, видео, музыка, гифки (анимационное изображение в формате GIF, от англ. *graphics interchange format*), т. е. любой контент, претендующий на хоть какую-то уникальность. Они являются большой ценностью среди коллекционеров, геймеров и любителей искусства, а покупают и продают их через аукционы. В рамках цифровой коррупции посредством NFT может быть использовано занижение фактической стоимости данного объекта с целью перепродажи должностным лицом впоследствии за более высокую цену.

Рассматривая цифровизацию с позиций криминалистической науки, мы наблюдаем, что наряду с новыми возможностями для граждан нашей страны создаются и новейшие криминальные угрозы, с которыми ранее правоприменители никогда не сталкивались. К таковым относится совершение преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства путем использования информационных технологий, в том числе интернета, электронных площадок, электронных денег и др. В свою очередь, отмеченные обстоятельства привносят в криминальный мир новые цифровые инструменты совершения преступления, методы и способы их совершения, цифровые следы. К примеру, при передаче – получении денежных средств при совершении преступлений, предусмотренных статьями 204, 290, 291, 291.1, 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), мы наблюдаем, с одной стороны, стандартную схему, при которой имеются взяткодатель, взяткополучатель, посредник во взяточничестве. Однако, накладывая сложившуюся на сегодняшний день ситуацию на составы указанных преступных деяний, можно констатировать, что элементы, входящие в криминалистическую характеристику данных преступлений, изменились. Так, следовая картина с бумажного носителя во многом перешла в электронную среду; отпечатки, оставляемые взяткополучателями

и взяткодателями, исчезли, так как наличные деньги постепенно уходят в прошлое, преступники стараются различными схемами получать безналичные расчеты и т. п.; кардинально изменился сам механизм совершения преступления – способы подготовки, совершения и сокрытия взяточничества перешли в виртуальную реальность.

Рассматривая составы преступных деяний, предусматривающие ответственность за преступления в финансовой сфере (ст.ст. 174–187 УК РФ), создание и деятельность организованной преступной группировки (ст.ст. 208–210.1 УК РФ), мы можем наблюдать существенно новые для криминалистической науки явления, которые возникли благодаря внедрению цифровых технологий. Людям не нужно встречаться, находиться в одном помещении и планировать, обдумывать совместно те или иные схемы совершения задуманного. Так, создание преступного сообщества, дальнейшее руководство им, координация действий, разработка планов и создание условий для совершения преступлений, последующий раздел полученных денежных средств осуществляются с использованием технических средств связи (мобильный телефон, планшет, компьютер). При этом не всегда в обязательном порядке они должны иметь доступ к интернету. Современные реалии позволяют преступникам совершать тяжкие преступления так, чтобы посткриминальные следы в реальной жизни не оставались, т. е. преступники очно друг друга не видят, не встречаются, общие знакомые отсутствуют и т. п.

Рассматривая глубже проблему коррупционных преступлений, отметим, что наблюдаются схемы совершения преступлений, благодаря которым следователи с трудом могут выявить организаторов преступного деяния. Данные факты связаны в первую очередь с тем, что цифровизация и использование искусственного интеллекта приводят к тому, что звонки, направление и получение ответов, запись – передача – обработка информации и прочее реализуются благодаря ботам, т. е. автоматизированным программам, которые имеют определенные повторяющиеся задачи. Вторая проблема при выявлении, к примеру, коррупционных преступлений в сфере ЖКХ – это обнаружение конечных организаций – ресурсоснабжающей и тех, через которые управляющие компании, товарищества собственников жилья и прочие осуществляют поставку – передачу соответствующих ресурсов. Практика свидетельствует, что зачастую они находятся за пределами

Российской Федерации. При раскрытии и расследовании преступлений данное обстоятельство играет существенную роль в точки зрения эффективности и сроков раскрытия преступления.

Целесообразно отметить, что в сфере ЖКХ цифровые следы могут оставаться не только у управляющих компаний, товариществ собственников жилья, иных ресурсоснабжающих организаций и компаний, но также у самих граждан, которые могут даже не подозревать, что в отношении последних совершается преступление. Так, не каждый проживающий в многоквартирном доме собственник ежедневно проверяет наличие либо отсутствие в личном кабинете на официальном портале информации о, например, записях использования «умного домофона», детали ежемесячных начислений в квитанциях на оплату за услуги ЖКХ, обслуживание шлагбаумов и др. Также не проверяются со стороны представителей власти проводимые работы по благоустройству придомовых территорий, уборке подъездов, строительству детских площадок и т. п. Встречаются факты закупки определенных деталей за пониженную стоимость вместо запланированных (впоследствии это сказывается на сроках эксплуатации оборудования), факты использования фирм-однодневок, которые после получения денежных средств не выполняют определенные в договоре работы и др.

К примеру, каждый из нас оплачивает ежемесячные сборы за обращение с твердыми коммунальными отходами независимо от того, заключен договор с региональным оператором и непосредственным потребителем или нет. Затрагивая вопросы, связанные с утилизацией отходов в больших городах, отметим, что модернизация «умных городов» предусматривает следующее. Цифровизация сферы сортировки и переработки мусора предполагает, что процесс будет происходить путем использования интеллектуальных информационных систем, которые собирают мусор, выкладывают его на конвейер, после чего весь мусор путем оптического сканирования измеряется и распознается по категориям. Далее в порядке очереди рассортированный мусор направляется на переработку либо на утилизацию. Человек в этом не принимает участия, все осуществляется за счет современных технологий. Однако надо учесть, что в связи с дефицитом земли в городах растет расстояние, на которое транспортируется данный мусор; в силу современных реалий (внешнеполитическая обста-

новка; последствия пандемии и рост цен в стране) не хватает рабочей силы для сортировки твердых бытовых отходов; внедрение новых технологий требует от государства немалых затрат и постоянного контроля (что сказывается на росте цен на оплату услуг по содержанию ЖКХ), но в связи с отсутствием интереса (материальной выгоды) это не делается. Таким образом, реализуя идею создания «умного города», государство выделяет немалые суммы для ее внедрения в жизнь, но практика показывает, насколько медленно все происходит либо процесс замораживается в связи с тем, что выделяемые денежные средства не доходят до целевого субъекта. На отмеченных участках системы наблюдаются множественные хищения денежных средств, связанные с разными уровнями государственного управления, преобладают мошеннические схемы, взяточничество, иные тяжкие преступления.

Ярким примером из следственной практики может выступать возбужденное органами Следственного комитета Российской Федерации по Ивановской области уголовное дело в отношении бывшего главы города Иваново, подозреваемого в получении взятки в сумме порядка 13 млн руб. Он обязался помочь предпринимателю в решении вопроса о переводе в аренду 37 земельных участков для оборудования «умных остановок» общественного транспорта¹.

Автор настоящей статьи считает примечательным высказывание профессора В. Н. Карагодина, отмечающего появление революционных идей относительно того, что арсенал криминалистических приемов и методов, которыми мы обладаем сегодня, являются непригодными с приходом цифровизации, неспособными выявлять следы в электронном пространстве [2]. Накладывая данную позицию на коррупционные преступления в сфере ЖКХ, мы отмечаем, что запас криминалистических средств и навыков у следователя действительно недостаточен для выявления, раскрытия и расследования преступлений в обозначенной отрасли экономической деятельности.

Объективная реальность позволяет сделать вывод, что исследуемый процесс, внедряясь в ЖКХ, способствует избыточному регуляторному давлению, возрастанию конкуренции, стреми-

¹ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <http://crimestat.ru/analytics>

тельному развитию технологий, усложнению рыночных условий. Наряду с этим предполагаемого уменьшения случаев взяточничества и хищений не произошло. Схема, в соответствии с которой сфера ЖКХ должна представлять собой прозрачную отрасль деятельности, где цифровизация и «умные счетчики» не позволяют управляющим компаниям воровать у граждан многоквартирных домов денежные средства, выставлять не соответствующие использованным ресурсам квитанции на оплату и т. п., не срабатывает. Наоборот, мы наблюдаем рост числа коррупционных преступлений.

Вместе с тем сокращение и переучивание имеющегося персонала также не реализуется несмотря на то, что из государственного бюджета на это выделяются крупные денежные средства. У мигрантов продолжают списывать заработную плату, фальсифицируя их подписи в бухгалтерских документах; используются инсценированные работы для списания денежных средств и др. Так, за счет использования средств цифровизации государство пытается снизить трудовые и временные затраты граждан, работающих в производственных блоках с заявками по благоустройству, техническому обслуживанию сетей и др. То есть бригады, используя компьютерные программы, направляют соответствующие задания подчиненным; диспетчеры выбирают имеющийся транспорт, который не задействован при

выполнении работ. При выполнении любых работ сотрудники обязаны выкладывать фото-, видеорефлексы. В период, когда в Российской Федерации был введен режим карантина в 2020 г. и в дальнейшем в период борьбы с пандемией в 2021 и 2022 гг., все наблюдали, как сотрудники ЖКХ «дезинфицируют» детские площадки, придомовые территории и др. Под видом работы один из сотрудников в камуфляже обрабатывал химическим средством поверхности и протирал их, второй работник, находясь в обычной штатной одежде, шел за первым и фотографировал его на телефон для предоставления отчета.

Таким образом, цифровизация сферы ЖКХ двояко отражается на жизни нашего общества. С одной стороны, удобство, быстрота, эффективность, рациональность и экономия средств начинают давать положительные результаты, а с другой – наблюдаются проблемы экономического, административного, организационного и иного характера. Криминалистические признаки давно изученных составов преступлений в связи с процессом цифровизации совершаются, их распознание становится проблематичным, меняются и другие элементы криминалистической характеристики преступлений. Все это позволяет констатировать необходимость в дальнейшем изучении и обобщении криминалистической наукой информации о влиянии современных технологий на механизмы преступлений.

Список литературы

1. Воеводкин Н. Ю., Девятирикова Е. А. Особенности функционирования сферы жилищно-коммунального хозяйства в условиях цифровизации // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 3-1. С. 35–38.
2. Карагодин В. Н. Цифровизация и наука «криминалистика» // Криминалистика, оперативно-розыскная деятельность. – 2021. – № 3. – С. 35–39.
3. Попова С. А., Акулин С. В. Новые формы коррупции, связанные с цифровыми технологиями // Актуальные вопросы современного правотворчества. – 2023. – № 3. – С. 178–185.
4. Шмонин А. В. Методика расследования преступлений. – М. : Юстицинформ, 2006.
5. Яндышев П. П. Цифровизация криминалистики // Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. С. А. Черноморца. – Ханты-Мансийск, 2024. – С. 207–209.

**Методологические проблемы юриспруденции в исследованиях
первой четверти XXI века (Читая монографию С. А. Калинина
«Концептуально-методологические проблемы современной юриспруденции»)**

И. А. Иванников

доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор,

Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Сочинского филиала ВГЮУ (РПА Минюста России).

Адрес: Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 355017, г. Сочи, Дагомысская ул., д. 42. E-mail: freiheit2061@gmail.com

**Methodological Problems of Jurisprudence in Research
of the First Quarter of the 21st Century (Reading the Monograph
“Conceptual and Methodological Problems of Modern Jurisprudence” by S. A. Kalinin)**

I. A. Ivannikov

Doctor of Law, Doctor of Political Science, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation,

Professor of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines of Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice.

Address: Sochi Branch of the All-Russian State University of Justice, 42 Dagomyskaya Str., Sochi, 355017, Russian Federation.

E-mail: freiheit2061@gmail.com

Поступила 15.08.2025 Принята к печати 26.08.2025

Аннотация

В статье исследованы методы теоретического и практического познания государственной власти, государства и права на основе прочтения монографии С. А. Калинина «Концептуально-методологические проблемы современной юриспруденции» и ее оценки с точки зрения системы всеобщих, общенаучных, частнонаучных и других методов. Показана система классификация методов, которая устоялась в философии конце 1980-х годов и под влиянием которой находились ученые советского периода. Одной из фундаментальных монографий советского времени по юридической методологии была работа Б. Я. Токарева «Логический и исторический методы в теоретическом исследовании права» (1986). В ней отражен менталитет ученого-юриста советской эпохи, который решал вопрос о соотношении экономики, государственной власти, права с точки зрения материалистического понимания истории. Разработанные им логический и исторический методы как категории диалектической логики не потеряли актуальность и в настоящее время. В статье показаны преимущества сложившейся в советской философии системы классификации методов исследования. Делается вывод, что в методологии исследования государства и права большое значение играет мировоззрение и знание иерархии методов, а их правильное применение способствует реализации принципа перехода от абстрактного к конкретному в теоретическом познании государственных и правовых явлений.

Ключевые слова: С. А. Калинин, методология, государство, государственная власть, право, мир-системный анализ, мировоззренческая исследовательская программа, субъектный подход

Abstract

The article examines the methods in theoretical and practical knowledge of state power, state and law are studied based on reading the monograph by S.A. Kalinin "Conceptual and Methodological Problems of Modern Jurisprudence" and its assessment from the point of view of the system of general, general scientific, particular

scientific and other methods. The system of classification of methods is shown, which was established in philosophy in the late 1980s, under the influence of which were scientists of the Soviet period of development of society and the state in the USSR. One of the fundamental monographs of the Soviet era on legal methodology was the work of B. Ya. Tokarev "Logical and Historical Methods in Theoretical Research of Law" (1986). It reflects the mentality of a legal scholar of the Soviet era, who decided the issue of the relationship between economics, state power, law from the point of view of the materialistic understanding of history. The logical and historical methods developed by him as categories of dialectical logic have not lost their relevance even today. The article shows the advantages of the philosophical system of classification of research methods developed in the Soviet Union. It is concluded that in the methodology of studying the state and law, worldview plays a great role, knowledge of the hierarchy of methods and their correct application contributes to the implementation of the principle of transition from the abstract to the concrete in the theoretical knowledge of state and legal phenomena.

Keywords: S. A. Kalinin, methodology, state, state power, law, world-systems analysis, ideological research program, subjective approach.

В общественных науках стран социализма в конце XX в. наступил методологический кризис. Существенные изменения в идеологии, экономике, политической системе общества отразились на новом понимании права, государства. Идеологический плюрализм стал следствием возникновения плюрализма во всех сферах жизни общества и науки. В начале 1990-х гг. В. П. Кохановский отмечал многоуровневую концепцию методологического знания [5]. Все методы научного познания он разделял на пять больших групп: всеобщие (философские), общенаучные, частнонаучные, дисциплинарные и междисциплинарные¹. Исследование государства и права, как и любых сложных социальных явлений, необходимо начинать с философских методов, среди которых можно выделить герменевтический, феноменологический и другие методы. Российский юрист Е. В. Васьковский писал, что толкование (интерпретация) права есть «совокупность приемов, применяемых произведением человеческого духа с целью понять их»². В структуре общенаучных методов и приемов выделялись три уровня: методы эмпирического, теоретического познания и общелогические методы исследования³. На уровне общенаучных методов применяется системный метод. При применении частнонаучных методов познаются конкретные явления.

В течении всего периода, охватывающего первую четверть XXI в., в общественных науках утвердилось мнение о том, что со временем перестройки в юридической науке на постсоветском пространстве возник методологический кризис вообще и в юриспруденции в частности. Ряд авторов решили исследовать концептуализацию методологии современных отраслей общественных наук, в том числе и юриспруденции.

В современных общественных науках (особенно в социологии) одним из популярных методов исследования признан мир-системный анализ (далее – МСА). В юриспруденции МСА еще не исследован. Реализация принципов МСА позволяет изучать различные аспекты современной трансформации государства и права с позиций макросоциологической теории И. Валлерстайна.

Г. И. Муромцев отмечал, что с распадом ССР изменился статус правовой науки, и российское общество не было готово сразу воспринять нормы и ценности буржуазного права. Нужен был исторический переходный период [6. – С. 8]. В начале XXI в. с позиций культурно-исторического (системно-культурного) подхода историческая типология государства и права характеризуется типологией трактовок государства и правопонимания, а потом лишь структурой этих феноменов, их механизмом действия. Г. И. Муромцев отметил, что современное право, сложившись на основе буржуазных отношений собственности, отражает разные стадии развития капитализма. На его основе формируется концепция и конструкция прав человека [6. – С. 13].

Актуальность изучения понятия «...“государство” обусловлено факторами политических практик, лежащих в основе государственно-правового строительства, поиска оптимальных форм государства» [3. – С. 35]. В процессе исследова-

¹ Философия : учебное пособие для высших учебных заведений под ред. проф. В. П. Кохановского (изд. 6-е, переработанное и дополненное). — Ростов н/Д : Феникс, 2003. — С. 476–483.

² Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов (практическое пособие). — М. : Юридическое бюро «Городец», 1997. — С. 30.

³ Там же. — С. 487.

ния различных подходов, практик и методов даются определения государства, права и другие. Поэтому в монографическом исследовании «Концептуально-методологические проблемы современной юриспруденции» его автор, белорусский ученый С. А. Калинин, решил обосновать использование новых познавательных феноменов для адекватного описания государственно-правовой реальности в условиях социальной нестабильности, вызовов и угроз с учетом развития белорусской государственности.

По структуре монография С. А. Калинина состоит из введения, трех глав, заключения и библиографических ссылок.

Во введении [4. – С. 3–6], несмотря на его небольшой объем, изложены главные целевые установки автора. Большое значение имеет защита суверенитета Республики Беларусь, что повышает «актуальность разработки таких методологических феноменов в правоведении, как мир-системный анализ, мировоззренческая исследовательская парадигма и субъектный подход» [4. – С. 5]. Глобальный современный кризис исходит из переосмыслиния концептуально-методологического знания в юриспруденции. Выход видится в том, чтобы признать первичность «...государства по отношению к праву, выступающему инструментом субъектной самоорганизации» и рассмотреть основные элементы государства и права на фоне феноменов более высокого уровня, таких как экономика, мировоззрение и другие [4. – С. 5]. Данные условия соответствуют категориям «мир-система», «мировоззрение», «субъектность».

В своей монографии С. А. Калинин проанализировал такие новые методологические феномены, как *мир-системный анализ, мировоззренческая исследовательская программа и субъектный подход* [4. – С. 6], и применил их к познанию государства и права Беларуси.

В первой главе – «Концептуально-методологическое знание в современной юриспруденции» [4. – С. 7–88] – выявляется взаимосвязь трансформации государства и права Беларуси с изменениями глобальной мир-системы, перераспределением основных капиталов, сфер и видов власти на мировом уровне. Применение *мир-системного анализа* позволяет осмыслить уникальность государств и их права с целью достижения ими стабильного суверенного развития в системе международных отношений. МСА (основатели: А. Г. Франк, И. М. Валлерстайн,

Дж. Арриги и др.) сформировался в конце 1960-х – начале 1970-х гг. и сохраняет свое эвристическое значение при исследовании социальных систем. С точки зрения одного из его основателей, американского неомарксиста Иммануила Валлерстайна (1930–2019) современная мир-система зародилась в XVI в. (приблизительно в 1450–1650 гг.) в Средиземноморье и Западной Европе и постепенно охватила собой весь мир. До этого одновременно сосуществовало множество исторических систем, которые он подразделяет на два типа: мини-системы и мир-системы (мир-экономики и мир-империи) [1. – С. 23–25].

Одним из разработчиков мир-системного анализа был немецкий экономист, социолог и политолог Андре Гундер Франк (1929–2005), который считал, что единая взаимозависимая глобальная система возникла около 5000 лет тому назад в Азии, а затем через многочисленные циклы экспансии и консолидации мир-система начала смещаться на запад – в Средиземноморье, Западную Европу и Северную Америку, чтобы в современную эпоху вновь вернуться в Азию. Мировая Система существует в единственном числе и представляет собой неделимую на другие мир-системы целостность.

Общее в теориях: возникновение современной мир-системы исходит из предположения о наличии долговременных мировых трендов, вытекающих из целостной природы глобальной экономической системы.

Вторым методом С. А. Калинин избрал *мировоззренческую исследовательскую парадигму* (т. е. пример/образец), которая включает идеи и принципы, формирующие мировоззрение исследователя. Мировоззренческая исследовательская парадигма связана с пониманием основных категорий юриспруденции – государства, государственной власти и права, которые имеют многовековую историю, – и во многом зависит от методологии исследования. Большое количество определений государства и права свидетельствует не о кризисе юриспруденции, а о сложности изучаемых явлений.

Мировоззрение объединяет знания о мире в целостную систему. При формировании и реализации мировоззрения нельзя исключать догматизм некоторых парадигм. Мировоззренческая исследовательская парадигма анализирует государство и право как проявление доминирующего мировоззрения.

Третьим познавательным феноменом рассмотрен *субъектный подход*, при котором осмысливается бытие субъектов публичной власти и который включает в качестве структурных элементов геоизмерение и инструментальный подход. Актуальность защиты суверенитета Республики Беларусь актуализирует и методы мир-системного анализа, и мировоззренческую исследовательскую парадигму, и субъектный подход. В дальнейшем эти категории конкретизируются в выводах [4. – С. 26–28].

В методологии существует ряд подходов к выявлению уровней познания. По мнению С. А. Калинина, наибольшее распространение получила следующая классификация:

- 1) общефилософские, общенаучные и собственно правовые методы (Р. Лукич);
- 2) философский, теоретический (социологический) и доктринальный методы;
- 3) ценностно-мировоззренческий, инструментальный и аналитический (доктринальский) уровни познания (Н. Н. Тарасов, О. Э. Лейст, И. Ю. Козлихин, С. С. Алексеев);
- 4) теоретическая, доктринальная и институциональная юриспруденция (Ю. А. Веденеев) [4. – С. 43].

С. А. Калинин считает, что «постклассическая парадигма позволяет рассматривать государство в качестве открытой, неустойчивой, уникальной, исторически обусловленной, целенаправленной, иерархической, динамической, сложной, самоорганизующейся системы, а также осмысливать право в качестве государственного инструмента социального управления» [4. – С. 72].

МСА, как отмечает автор, направлен на изучение современной капиталистической системы (мир-экономики), содержательно легитимированную геокультурой либерализма [4. – С. 86–87]. «Буквальное применение либеральных идей в межгосударственном масштабе противоречит бесконечности накопления капитала, а реализация либеральных принципов государствами ядра обеспечивается поражением “неграждан” в правах, расизмом и экономической эксплуатацией периферии и полупериферии» [4. – С. 88].

Во второй главе – «Мировоззренческая исследовательская парадигма в юриспруденции» [4. – С. 89–152] – системно рассматривается такое сложное явление, как мировоззрение. Его огромная важность для общественных наук не вызывает сомнения. Значимость этого явления для юридической науки доказали многие уче-

ные юристы, к числу приоритетных относится работа И. А. Ильина «О сущности правосознания». С. А. Калинин также отмечает, что государство, право, государственная власть и ее решения «могут осмысливаться как мировоззренческие феномены, преломленные на бытие публичной власти и социального регулирования», а неверная оценка субъектами власти мировоззренческой природы государственности является фактором ее деградации, усиления зависимости извне, что может привести к утрате государственного суверенитета [4. – С. 89]. Хотя вопросы информационной безопасности Республики Беларусь отражались в ряде документов и до событий 2020 г., этого было недостаточно. Конституционная реформа 2022 г. актуализировала мировоззренческие вопросы, поэтому автор предлагает «установить методологический статус мировоззрения в избранной сфере познания» [4. – С. 92]. В этих условиях обостряется вопрос религиозного и научного мировоззрения, соотношения светской и религиозной властей.

Антрополого-аксиологические знания детерминированы правовым и религиозным сознанием. В параграфе 2.4 «Геокультурный подход в юриспруденции: либерализм vs традиция» автор утверждает, что причиной современного мировоззренческого антрополого-аксиологического конфликта являются противоречия между традицией и либерализмом [4. – С. 92]. По мысли автора, «христианство и либерализм в его современном прочтении являются антагонистическими доктриналиями» [4. – С. 151]. Это находит отражение в различиях государственно-правовых ценностей, отношении к свободе, правам меньшинств. Конституционная реформа в Республике Беларусь переосмыслила либеральную геокульттуру.

В третьей главе – «Субъектный подход в юриспруденции» [4. – С. 153–231] – С. А. Калинин отметил, что при субъектно-деятельностном подходе акцент делается на geopolитическом статусе государства и его способности к развитию при помощи права, а не способное к развитию государство обречено на деградацию [4. – С. 187].

С. А. Калинин применил субъектный анализ белорусской государственности на аксиомах сложности, нелинейности и прерывности ее исторического развития. Он отметил разные статусы белорусского населения, которое находилось в западной и восточной христианских цивилизациях в связи с принятием католичества, утратой

субъектности в интересах Польши и другими причинами.

Путем применения частнонаучных методов познаются конкретные явления. Известны следующие уровни научного познания: чувственный (данные наблюдения и эксперимента), эмпирический и теоретический. Исследователь должен не только описать действовавшее, действующее и желаемое в будущем право, но и объяснить, почему оно соответствует конкретным признакам, систематизировать правовые нормы, источники и формы, а также прогнозировать его развитие.

Методы имеют разные уровни. Их последовательное применение приближает исследователя к познанию государственных и правовых явлений. Методологическую культуру ученого образует совокупность его знаний о способах получения, обоснования и применения научных данных. На основе полученных знаний в процессе применения различных методов формируются политические и юридические практики.

Субъектный подход рассматривает субъекта как главный систематизирующий фактор реальности. «Субъектный анализ белорусской государственности обусловлен следующими аксиомами: сложность, нелинейность и прерывность ее бытия, пограничный статус беларусских земель в западной и восточной христианских цивилизациях, полисубъектность и включенность национальной истории в процессы, происходящие на сопредельных территориях и в рамках иных властных субъектов, а также адекватность (неадекватность) субъектных решений интересам беларусских земель и их населения» [4. – С. 230].

Заключение [4. – С. 232–247] содержит выводы по всем главам монографии.

Стоит признать верной позицию С. А. Калинина относительно того, что методология есть многоуровневое явление, которое одновременно представлено совокупностью подходов и приемов теоретического и практического познания предмета, а также учениями о способах «теоретического освоения эмпирического материала, которые одновременно могут выступать и результатами, и принципами исследования» [4. – С. 233].

Всегда большое значение в науке уделяется тому, какую литературу изучил и на какие труды сослался автор в своем исследовании. В монографии С. А. Калинина библиографический список насчитывает 992 ссылки [4. – С. 248–310].

В качестве основного вывода можно утверждать, что в научном познании применяется си-

стема многообразных методов разных уровней с учетом специфических особенностей изучаемого явления, объекта. В юриспруденции в качестве объекта познания выступает общество, организованное в государство и регламентированное правом.

В монографии С. А. Калинина не дана систематизация новых методов (мир-системный анализ, мировоззренческая исследовательская программа, субъектный подход) по группам, т. е. с разделением на всеобщие (философские), общенаучные, частнонаучные и другие. Литература автором тщательно отобрана и включает монографии и статьи, в том числе на иностранном языке. Тем не менее думается, что в дальнейшем своем исследовании он обратит внимание на работы философов М. К. Петрова, В. П. Кохановского, теоретика права Б. Я. Токарева [2; 7]. Логический метод используется для получения нового юридического знания, способствует решению многих практических вопросов. «Особенностью логического познания является движение его в соответствии с закономерностями развития самого права, историей отражения последнего в формах мышления в абстрактной и теоретически последовательной форме. Логическое у Б. Я. Токарева есть движение, взятое на стадии сущности, есть саморазвитие сущности. Логическое познание сущности права Б. Я. Токарев связывал с историческим подходом, логикой исторического познания» [2. – С. 111].

В целом монография С. А. Калинина имеет большое теоретическое значение для современной юриспруденции, так как впервые исследованы мир-системный анализ, мировоззренческая исследовательская программа и субъектный подход применительно к юриспруденции, в условиях предотвращения внешних угроз суверенитету государства на конституционном уровне. Эта новизна порождает новое осмысление всей системы юридических наук. Автор обосновал использование новых познавательных феноменов для адекватного описания государственно-правовой реальности в условиях социальной нестабильности, вызовов и угроз с учетом развития белорусской государственности. Хотелось бы пожелать автору обратить большее внимание на оптимизацию белорусского конституционного и отраслевого законодательства после 2020 г. С. А. Калинин смог выявить концептуально-методологические проблемы современной юриспруденции при использовании новых познавательных феноменов.

тельных феноменов (мир-системного анализа, мировоззренческой исследовательской программы, субъектного подхода) для изучения государственно-правовых явлений. По этой причине монография С. А. Калинина заслуживает внимательного прочтения, а ее выводы могут найти

отражение в научном и учебном процессе в сфере юриспруденции и юридического образования как Республики Беларусь, так и других стран, а также повысить методологическую культуру читателя.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб. : Университетская книга, 2001.
2. Иванников И. А. Теоретико-правовые взгляды Б. Я. Токарева // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 2. – С. 108–112.
3. Иванников И. А. Трактовки государства в современной теории и практике // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2025. – № 1. – С. 35–46.
4. Калинин С. А. Концептуально-методологические проблемы современной юриспруденции. – Минск : БГУ, 2024.
5. Кохановский В. П. Диалектико-материалистический метод. – Ростов н/Д : Издательство Ростовского гос. ун-та, 1992.
6. Муромцев Г. И. О некоторых методологических проблемах современной российской юридической науки // Вестник РУДН. Право. – 2007. – № 1. – С. 5–15.
7. Токарев Б. Я. Логический и исторический методы в теоретическом исследовании права / отв. ред. М. Н. Кулажников. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1986.

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях. Оригинальность текста должна быть более 80%.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5 строки.
Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.
Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.
4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:
  - 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:
    - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
    - б) заглавие статьи;
    - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
      - предмет исследования;
      - метод или методологию исследования;
      - научную новизну и выводы;
    - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
    - д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;
  - 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:
    - а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;
    - б) заглавие статьи;
    - в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:
      - предмет исследования;
      - метод или методологию исследования;
      - научную новизну и выводы;
    - г) ключевые слова – не менее 15 слов;
  - 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.
5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.
6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.
  - 6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:
    - статьи из периодических изданий;
    - статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
    - материалы конференций;
    - монографии.
  - 6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов.
7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных сносок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового

номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].

8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.

9. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

10. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.

11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.

12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.

Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.